

Пустота

Глава 1. Чемпионка

Пустота содержится во всем. В том числе в бессоннице, которая лежит рядом со мной, целует меня, покусывает, облизывает... На моей жирной коже появляется слюна пота... Бессонница такая ласковая. Бесконечная, беспробудная, бесславная. Я лежу на кровати. Вдыхаю холодный, чёрный, могильный воздух. На часах - пять утра. Лёг я в двенадцать. Четыре нуля. Красивые такие, овальные. Почему у них нет лиц? Нули не хотят быть похожими на людей? Но они ведь похожи... Нули - это зеркало. Я вижу в том зеркале себя. Мёртвого, сального, кожного...

Пять часов без сна. Лежа на кровати. Без дела. Схожу с ума. Душу разрывают собаки безумия. Мокрые такие, жалкие, как на помойке. Они рвут целлофановые пакетики моих маленьких мыслей, достают картошечку, косточки. Обгладывают.

Я - в поту. Батарея отключена, но в комнате всё равно жарко. Пот пожирает меня. Мне больно. Ярость колется, вонзает ржавые иглы страха в мою голову, в мои кривые руки, в потрескавшиеся губы. Почему из них не течёт кровь? Неужели я болен? Кто я? Почему эта комната длится так долго? Сколько можно? Почему время остановилось?

Сколько можно лежать на этой насквозь мокрой, вонючей подушке? Сколько можно укрываться одеялом, которое расплавляет меня? Чувствую, как тараканы пота ползут по лбу, заставляя безумие выкалывать мне глаза. Боль. Боль повсюду. Куда от неё деться? Умереть? Но когда умираешь - не будет ничего, даже боли. Зачем умирать? Это, как и всё остальное, не имеет смысла.

Боль. Стены, подушка, потолок, пол. Всё это - боль. Я - лишь сгусток боли. Маленький участок боли, отрицающий всеобщую боль. Можно представить себя бунтовщиком. Но какой же я бунтовщик?

«А-а-а-а! - кричит внутри меня Существо. - Нет! Дурак!»

Я сажусь на кровать. Жалкий стон вырывается из моего рта. Мне плохо. Но я ничего не могу сделать. Сон просто издевается надо мной. Разум просто издевается надо мной.

Я сажусь и начинаю биться головой о кровать. Просто чтобы заглушить боль. Чувствую, как по лбу течёт что-то, кроме пота. Кажется, кровь.

«Стоп, - говорю я себе, - пора прекратить».

Я ненавижу себя. Разбитое зеркало. Порежь стеклом горло, Существо. Умри. Но я не могу умереть. Ведь я - пустота.

Смотрю на себя в зеркало. Прыщавая морда, рыхлая, резиновая. Куча черных точек, кратеров, в которых засели белые червячки. Некоторые прыщи, самые большие и красные, давно готовы выпустить червячков наружу. Коричневые волосы, которые торчат во все

стороны. Они всегда кажутся сальными и нематыми, сколько их ни мой. В волосах - перхоть, которая каждый день засыпает сугробами проспекты моих кривых плеч.

Я смотрю на свой кривой нос, крысиный такой, огромный, во всю морду. Смотрю на свои огромные, сросшиеся брови. Благо, что место, где сплетаются эти две волосатые гусеницы, можно сбрить. Смотрю на свои большие, неровные, жёлтые зубы. Каждый раз, подходя к зеркалу, мне хочется блевать. Зачем я вижу это Существо? Неужели оно - это я?

Карие глаза Существа, его синяки под глазами, огромные ноздри, волосы, прыщи. Всё это так мерзко. И как люди его выносят? Почему они до сих пор не убили его? Как люди вообще позволяют Ему говорить?

Я умываюсь, ложусь на кровать. Вроде успокоился. Дышу и как бы не думаю ни о чём. Рассвет стучится в глаза. Решаю, что через час встану и займусь хоть чем-то. Надо жить, пока могу. Пока я ещё не потерял разум.

В этот момент я засыпаю. Мне снится сон о том, что я прячусь за кустами, наблюдая за девочкой по имени Полина. Я был влюблён в неё целых два года. Весь одиннадцатый класс и первый семестр университета. После школы она уехала в Санкт-Петербург, а я остался здесь. Поступил на журфак в местный говённый вуз, который теперь ненавижу, и всё такое... Да что уж говорить. В одиннадцатом классе я всё ещё надеялся, мечтал, верил, писал. Это и позволило мне влюбиться. Казалось ведь, что всё это в последний раз: город, люди, моя комната. Я был полон чувств, даже стихи легко давались... Ну и Полина. Она всегда казалась мне самой красивой девочкой в мире, всю школу, но я считал её примитивной, обычной. Однако в одиннадцатом классе с ней познакомился мой школьный друг. Юрий Денисов. Впрочем, его имя можно не запоминать, мы уже не дружим. Он сейчас там же, в Питере, становится звездой рок-сцены. Так что ещё узнаете о нём. Может, когда-нибудь он приедет в ваш провинциальный городок с концертом.

В общем, Юрий Денисов начал общаться с Полиной. И он рассказывал мне о ней. О том, какая она таинственная, волшебная, восхитительная. О том, что она гуляет по ночам, мечтая о мальчиках, в которых у неё никогда не было недостатка, и об украшенном дворцами и соборами Санкт-Петербурге. И вот мне снилось, что я наблюдаю за одной из таких прогулок. Полина была в лёгком летнем сарафане с цветочками. Волосы её покрашены в розовый цвет. На самом деле, она покрасила их только в Питере. Я ни разу не видел её розовых волос вживую. Хотя вру, видел. Летом, когда Полина приехала на каникулы, она шла мимо нашей школы с одним из моих одноклассников. Но я не подошёл к ним. «Пусть я лучше останусь неудачником из её прошлого, чем буду неудачником из её настоящего», - подумал я тогда. Как же пафосно. Ей же просто на меня наплевать. Один из чуваков из школы. Просто дурак. Жалкий дурак.

И во сне я тоже был жалок. Плёлся за ней, глядя, как она играет со звёздами, словно с бабочками.

Время подъёма - 10 утра. Я без проблем мог бы поспать дольше, но не делаю этого. Надо чем-то заниматься. Я вспомнил про сон и решил найти стих про Полину, который написал в

том же одиннадцатом классе. Выкинул из стола макулатуру, перерыл бумагу. Семинары, старые доклады, неудавшиеся рассказы, от которых воняет графоманией. А вот и стишки... Про Полину, про себя да про бесконечно холодную сибирскую пустыню.

Внизу каждого стишка была подпись «Фёдор Кумарин». Ах да, со всеми этими рассказами я совсем забыл сказать, как меня зовут. Фёдор Кумарин - это и есть моё имя. Дерьмовое, правда? Что ж, как есть. Что ещё можно сказать обо мне? Учусь на втором курсе университета на самой бесполезной специальности во вселенной - журналистике. Разлагаюсь. Профессионально занимаюсь трусостью. Чувствую внутри пустоту.

Посмотрел на часы - 10:30. Я потратил слишком много времени зря. У меня ведь вообще-то есть план. Я должен жить по плану. Должен учиться.

Первым по расписанию, которое я сам себе выдумал, - история. Открываю книгу по истории средних веков. Читаю о времени, когда Византии не стало как государства. От захвата Константинополя крестоносцами в 1204-ом году крестоносцами до взятия его силами Никейской империи в 1261-ом. Именно тогда Византия была восстановлена. Правда, всего на двести лет. Потом она снова умерла. Она долго умирала. Потом еще и Османская империя долго умирала.

Я тоже долго умираю. Только я не хочу. Зачем? У меня нет даже желания умереть. Нет страсти. Просто пустота. Чувство, когда ничего нет. Кроме тоски, разве что. Но и тоску определить трудно.

За окном гниёт мой город. Я гнию вместе с ним. Время проходит. На улице - метель. Она свистит, шепчет, словно рассказывая мне сказку. Где-то за горами, за лесами, были и герои, и Иваны, и богатыри, и Кошечки-бессмертные. Но это - далеко. А я здесь. Смотрю на то, как люди сидят в маленьких кирпичиках, в которых выдолблены квадратные окошечки.

Внизу, на улице, пилят деревья. Эти деревья, серые и обглоданные, всегда стояли здесь, сколько я себя помню. Теперь и они уходят с этого двора, с этой улицы. Но я остаюсь здесь. Не знаю, зачем. Может быть, и меня нигде нет. Я - просто сгусток пустоты. Сгусток болезни.

Лежу в углу и глотаю пыль. Я всегда буду глотать пыль и пытаться молиться, чувствуя, что внутри меня нет веры в Бога.

Я сжимаю крестик в руках. Сжимаю так сильно, что он ломается. Отломилась только верхушка, но Иисус невредим. Его не разорвало. Разрывает меня. И я завидую человеку на кресте. Его уже растерзали. Меня терзают изнутри. Сколько это продлится? Почему я жалуясь? Я ненавижу себя. Встаю и бью себя по лицу. Сильно так, со злостью. В детстве я ходил на карате. Тем научили хорошо бить. Спасибо, сэмпай!

Я открываю стол и смотрю на свои бумаги. Сколько исписанных... Попытки написать три романа. Все - неудачные. Это потому что я бездарность, да. Чёртов графоман. Я бы давно прекратил этим заниматься, но не могу. Писать - лучшее лекарство из всех возможных.

Пусть криво, косо, но это же для себя. Ещё для пустоты. Но её вроде бы нет. Вроде бы. Хотя почему? Всё, что я пишу, уходит в пустоту.

Никто не прочитает мои бесконечные очереди букв, никто не перевернёт моих страниц, никто не почувствует то, что чувствую я. И правильно. Я этого не заслужил. Я не заслужил, чтобы меня хвалили. Не заслужил хорошего лица, хорошего носа, волос. Не заслужил девушки, которая бы любила меня. Не заслужил сна. Не заслужил покоя. Не заслужил какого-то успеха, какой-то работы. Я даже не заслужил довольствоваться малым. Потому что и малого у меня нет. Есть только маленькая запертая комната, в которой я умираю, мама и папа, перед которыми мне безумно стыдно, две бабушки - одна умерла, а другая борется со смертью в разваленной русской деревне. Вот и всё, что у меня есть. Да, это не так плохо, да, у многих всё гораздо хуже. Но просто я чувствую боль. Она приходит сама. Она сама режет меня. Я не виноват... Не виноват. Простите, люди. Я знаю, вы понесетесь меня обвинять. И вы будете правы, конечно. Но простите, простите. Я ведь такой ничтожный.

Но я пытаюсь казаться нормальным. Хожу в местный университет для не слишком выдающихся подростков, общаюсь с людьми, учусь, шучу. Девушки называют меня циником, мизантропом. Это потому что им не нравятся мои шутки. Говорят, они слишком жесткие. Обижаются, когда я говорю им правду. О том, что они слишком любят себя, о том, что они самоуверенны, лицемерны, заносчивы, требовательны, чувствительны к каждому слову. Нет, не то чтобы я мщу им, нет... И я совсем не хочу привлечь их внимание. В моей группе, как и на всём потоке, нет ни одной красивой девчонки. Просто... Раньше я был романтиком, боялся сказать девочкам то, что думаю. Почему-то я хотел им понравиться, пытался выглядеть хорошим, воспитанным. А сейчас мне насрать. Всё равно я никогда никому не понравлюсь. Я не создан, чтобы нравиться. Я создан, чтобы разрушать самого себя, и всё. Больше я ни на что не годен. А, нет, ещё годен к армии. Наверное, меня заберут туда после вуза, отправят на какой-нибудь Кавказ, и там меня зарежут, как барана. Не самая плохая смерть, возможно, геройская даже. Ладно, шучу.

Я что-то говорил про девушек... Ах да. Знакомиться с девушками я тоже не пробовал. Из человеколюбия, конечно. Мне жалко ту, которая могла бы быть со мной. Никакая девушка не заслуживает такого убожества, как я. Любая найдёт себе кого-нибудь получше. В мире много нормальных людей. Кто-нибудь попадётся. Красивым уж точно, к ним же очереди выстраиваются. А некрасивые мне не нужны. Я бы не смог их полюбить. А зачем жить с кем-то, если не любишь?

Как это хорошо - любить. Раньше я любил Полину, смотрел на её фотографии. Нет, не подумайте, я не занимался ничем пошлым и отвратительным. Я даже не представлял, что сплю с ней. Истинная любовь - это не когда ты хочешь с ней спать. Ты не хочешь секса и прочей ерунды. Нет, секс - где-то совсем далеко, за горизонтом. Вместо этого ты можешь часами просто смотреть на её носик. Ты можешь топить себя в её глазах, ты можешь гулять по берегу её влажных губ, оглядывая милые ямочки на её щеках. Ты умиляешься ею, тебе хочется почувствовать её теплоту. Ты чувствуешь, как любовь к ней разрывает тебя на части. Чувств так много, а ты так мал, чтобы удержать всё это в себе. Ведь каждый

сантиметр её тела, каждая её фраза, каждое слово... Даже небольшой промежуток между двумя её передними зубами, даже похожая на маленькую звёздочку родинка на её чистом лбу - всё это занимает в тебе так много места. Но чувствам некуда выплеснуться, и поэтому ты мысленно целуешь экран, ложишься и воображаешь, как она, точно небесный ангел, танцует в белом платье перед огромной толпой, и все хлопают ей, восхищаясь ею так же, как восхищаешься ты.

Да, я чувствовал себя ничтожным, я знал, что не достоин её, но я любил... Ещё так недавно. Но почему сейчас во мне - только пустота? Почему сейчас я кажусь себе только призраком? Мне ничего не хочется, я живу из-под палки. Во мне есть только ненависть к себе и боль. Я не влюбляюсь. Просто смотрю на красоту женщин, но не влюбляюсь. Влюбиться трудно. Я этого больше не вынесу. Да и пустота не позволит любви заселиться в меня. Она все захватила. Кажется, я больше ничему и не удивляюсь. Кажется, я со всем смирился. Кажется, меня не заботит, где я учусь, как я учусь, что говорю, что обо мне думают люди. Наверное, всё плохо. Это приносит боль, но в остальном мне насрать. И это пугает. Сколько мне лет? Двадцать почти... Через пару месяцев будет двадцать. А мне наплевать.

Утром выхожу на улицу, в аптеку, за каплями для носа. Справа и слева навалены спиленные деревья. Вот и деревья исчезли. От них остались обрубки. Они похожи на меня, эти обрубки. Такие же ничтожные, кривые. Но в них же есть что-то красивое, да? Возможно.

Вокруг меня - каменные квадраты с окошками. Как их много... Весь город состоит из этих квадратов, из слипшихся друг с другом балконов, серо-коричневых, захламлённых.

Лёд, горы снега, гаражи. Серое, грязное небо, полное пустоты. Ржавые качели, обледеневшие лесенки для детей. Шины. Какие-то советские столы, за которыми бухают местные алкоголики. Прямо в лицо дует холодный ветер. Он обжигает лицо. Я закутываюсь в шарф, чувствую, как нитки лезут мне в рот. Когда глотаю слюну, кажется, что глотаю и нитки тоже. Пусть в моём желудке муравьи путаются в нитках. Им хотя бы будет не так скучно, как мне.

Захожу в аптеку. Здесь работает баба Нина с соседнего подъезда. В детстве, когда я ещё только ходил в начальную школу, родители просили её следить за тем, чтобы перед тем, как отправиться учиться, я поел и ничего не спалил, чтобы всё выключил, закрыл двери. Добрая баба Нина продаёт мне капли и говорит, чтобы я отказывался от них.

- Ты лучше ноги парь, картошкой дыши, эвкалиптовым маслом, - советует мне она. - У меня есть рецепт народных капель, ещё от мамы мне достался... Надо пять чайных ложек свекольного сока и одну чайную ложку мёда...

Я для приличия прослушал её речь, потом взял капли и ушёл.

Мне не хотелось возвращаться домой. Там снова будет эта тесная комната, эта черепахоподобная кровать, которой я очень боюсь, это окно с вечно неизменчивым

изображением. Там меня будут преследовать зеркала, в которых я всегда вижу чудовище. Там будут пот и страхи. Я боюсь этой части хрущёвки, которую называю своим домом. Кажется, я давно врос в её советские стены, но почему же я её боюсь? Почему слышу, как мои собственные страхи скребутся за книжными полками, которые, возможно, частично виноваты в моём безумии?

Купил себе газировки и дешёвых чипсов. Сел на холодные скрипучие качели. Как в той песне. «Холодные качели... Скрипят, скрипят, скрипят!». Или там было не так? Наверное, что-нибудь более светлое.

Холодная кола сделала липкими зубы. Чипсы сделали липкими пальцы. Мысли сделали липкими стенки сознания. Я жевал чипсы, запивал их чёрной, как земля, колой и улыбался. Вспоминал детство. Как играл в футбол во дворе, а потом пил дешёвый, но сладкий «Колокольчик», убивал жажду. Свобода. Смех. Какие-то шутки. И все люди вокруг - тебе друзья. И впереди - только счастье, ничего больше. Почему сейчас этого нет? Куда всё пропало? Неужели просто исчезло? Неужели я стал взрослее? Да нет, не стал. Все выросли, а я как был ребёнком, так и остался. Может, я просто застыл где-то между детство и взрослой жизнью? В какой-то нелепой неопределённости. Но самое фиговое - я абсолютно не знаю, как быть. Всё, что я делаю, ни к чему не приводит. В чём я ошибся? Во-первых, с поступлением в универ. В школе я не думал о нём. Был уверен, что плохо сдам экзамены и выбирать вуз мне не придётся - пойду, куда возьмут. Нет, не подумайте, я не так плохо учился в школе - закончил её всего с тремя четвёрками по физике, химии и математике... Просто я был не очень уверен в себе. Готовился к экзаменам и сдал их даже лучше, чем ожидал. Почему-то я внезапно передумал переезжать, решил, что переезд мешает мне писать. Я потерялся, испугался и в итоге остался сидеть на одном месте. Теперь я уже почти не пишу. Понял, что это не моё, и решил сдаться.

Надо было уехать отсюда. Я ведь хотел. Думал, что заживу новой жизнью, в новом месте... А что в итоге? Я остался здесь жить прежней жизнью клопа, школьника... Из университета - домой. Из маршрутки - в комнату. Из комнаты - в маршрутку.

Хожу по тем же улицам, которые, правда, медленно разрушаются. Даже новых друзей не завёл. Так, есть какие-то люди, которые для меня ничего не значат, и всё на этом. Ни настоящей дружбы, ни настоящей студенческой жизни, ни настоящей учёбы, ни настоящей любви, ни настоящего творчества - в этом весь я. Ни то ни сё. Где-то посередине. А может, ещё ниже.

Вокруг - одна пустота. Сибирская пустота, забитая серыми, потёртыми зданиями, по которым ползают квадратные черепахи обледенелых окошек. Советский тетрис... Заваленные белым снегом дороги, пар изо рта, затвердевающие пальцы. Небо, похожее на бетонный пол. Подъезды, всегда тёмные и тесные. Советский, старый лифт, в котором светит тусклая лампочка. Оплёванные стены, наклейки из маленьких жвачек по рублю, которые каждый покупал в детстве. Политическая реклама. Бездомная собака во дворе. Её брат - алкаш с фиолетовым лицом. Занесённые снегом машины, гаражи, лавочки. Полицейские бобики, которых невольно сторонится каждый русский человек. Пробка на

дороге. За ночь выпало слишком много ледяной перхоти, и теперь её тщетно пытаются убрать с улиц. Дует ветер. Люди закрывают лицо и бегут к остановкам, надеясь, что губка толпы впитает и их тела.

Я не один во дворе. Чуть поодаль стоит стая кавказцев. С ними - какая-то баба. Они курят. Смотрят на меня. Гогочут. Один из них тычет в меня пальцем, что-то лопочет. Значит, говорят обо мне. «Надо бы уйти», - думаю, но не уйду. Что они мне сделают? Изобьют? И что? Что одна боль, что другая - всё едино. Всё равно пустота никуда не уйдёт.

Я бросил на них свой взгляд. Холодный, серый и, возможно, насмешливый. Я ненавижу их. Я не могу им сопереживать. Они кажутся мне грубыми, огромными и тупыми. Большая, неиссякаемая животная сила.

Они сами подходят ко мне, смотрят мне в лицо, открывают свои рты.

- Ты что палишь на нас? - спросил один из них, низкорослый, горбоносый бородач в чёрной утеплённом кепке, выкатив на меня шарики своих диких глаз, - тебе что-то не нравится?

- Не нравится, - огрызнулся я.

Ещё бы с ними церемониться... Не хочу с ними любезничать. Пошли они в жопу. Пусть делают что хотят. Мне всё равно.

- Чо ты, э-э-э-э-э! - заблеял одетый в синие джинсы, чёрную кожаную куртку и коричневую шапку-ушанку высокий и тощий кавказец, - что тебе конкретно не нравится?.

Они подошли ко мне вплотную. Я учуял из запах. Пахло дублёнкой и куревом. Ничего такого. Они оскалились, злобно смотрели на меня, ухмылялись, чувствуя своё превосходство передо мной. Было ясно, что они хотят ударить. Похер.

- Мне не нравится, что вы тычете в меня пальцем, пялитесь... - промолвил я, как ничтожество.

- А кто ты такой? - спросил уже другой кавказец, накаченный, бородастый и лысый.

- Конь в пальто, - огрызнулся я.

Наконец, мне прилетело. Мощный, волосатый, теплый кавказский кулак въехал мне прямо в челюсть. Сильно. Что-то треснуло. Язык почувствовал кровь. Словно прося прощения, я упал на колено и принял ещё один удар по голове. Глухой такой, быстрый. Я лёг на снег и закрыл глаза. Я пытался уснуть, накинув сверху пуховое одеяло небес, но меня снова настигла бессонница.

Я видел, как люди из окон наблюдали за моим избиением. Пропитые мужики, заплывшие жиром тётки в халатиках, бабки, знакомые и незнакомые, подростки лет тринадцати, снимающие драку на смартфон.

Из моего рта вырывались слова, которые я когда-то говорил во дворе...

- Идите на... - бросал я в хари этих кавказцев. - Стаей, сука. Ссышь один на один! Вы не пацаны, а крысы!

Я словно падал вниз, в коричневую помойную яму, в которой лежали ошметки от лука, испорченные пельмени и шкурки бананов. Но вдруг девка, с которой они стояли, опомнилась и заорала на весь дворик:

- Прекратите! - гаркнула она. - Зачем вы его бьёте-то? Хватит уже! Он же в больницу попадёт! Прекратите!

В кино это обычно не работает. Но тут такой дешевый трюк почему-то подействовал. Они мигом закончили меня бить, бросили меня в снег, собрались в стаю и, прихватив с собой мою спасительницу, побежали за гаражи.

Я лежал на земле, чувствуя, как болит моё до безумия нелепое тело. На самом деле, всё обернулось для меня не так уж и плохо. Они били меня всего секунд сорок... Вряд ли минута прошла.

Прокашлявшись, я встал, отряхнулся и пошagal домой, еле передвигая ноги. И зачем нужно было пререкаться? Неужели я совсем не могу без этого? Зачем я сам разрушаю себя, заставляю себя страдать? Может, по приколу. Может, я сумасшедший, а может - просто дурак. Какая разница?

Когда я пришёл домой, тишина оглушила меня. Они всегда слишком всеобъемлющая, слишком навязчивая. Я захотел выключить её. Чтоб она перестала стискивать меня, пугать, заставлять слышать звуки, которые издаёт моё тело.

Посмотрите... Только не шуршите, не чмокайте своими губами, не швыркайте своими носами. С потолка на меня смотрит маленький, рыжий муравей. Он хочет сожрать меня, он видит, как я включаю телевизор, чтобы забыть о боли во всём теле, как я щелкаю каналы. На одном поют дети, на другом показывают сериалы по ментов, на третьем рассказывают сказочную историю о любви.

«Они были - словно принц и принцесса», - высокопарно молвил голос за кадром.

Красивая девушка в дорогом белом платье вдохновенно смотрела на мужчину. Высокого, элегантного, в дорогом костюме и блестящих туфлях. И всё-таки любовь - для красивых. Когда красивые люди влюбляются, это выглядит органично, нормально. А вот если любовь появляется в теле такого, уроды, как я, то это выглядит как минимум непонятно и странно.

По всем каналам прыгали люди, огромные и вроде как искусственные. Хотя нет. Наверное, это я - искусственный, а они как раз - самые настоящие.

Дальше - новости. Корреспондент рассказывал о новых российских танках, на экране мелькали какие-то ракеты, направленные в сторону США. Вроде бы всё это - демонстрация силы. Но стоит взглянуть в окно, и понимаешь, что силы здесь никакой нет. Один абсурд.

По спортивному каналу показывали фигурное катание. Выступала какая-то американка. Шаблонно-симпотичная, улыбчивая. Похер. Не понимаю, что может быть интересного в фигурном катании, но оставляю его в рамке телевизора. Это лучше, чем ложь в новостях или отупляющие тв-шоу. Лучше, чем пустота, которая заливает керосин в ушные отверстия.

Всё тело болело. Муравей видел, как я подходил к зеркалу и осматривал свои жёлтые зубы. Ни одного не выбито. Слава Богу. Лишь синяки на лице, на спине, на животе, на ногах. Ничего страшного. Лицо моё и так может вызывать лишь отвращение - его не сделают хуже несколько синяков. Спину и живот всё равно никто не увидит. Всё нормально. Только тело болит. Оно наполовину фиолетовое. Интересно. Можно увидеть на коже электрические облака, но я их не замечаю. Там - только синяки. Ничего больше.

Протираю раны спиртом. Нюхаю спирт. Запах помогает развеять пустоту. Вместо неё на пару секунд появляется тошнота. Такой себе обмен, не правда ли?

Я открывал зелёнку, обмазал ею все чёрточки своего тела, из которых текла красная жидкость. Как из мусорных пакетов со свеклой... Боже, как же они воняют. Вряд ли я пахну лучше.

Ложусь на диван, вытягиваю волосатые ноги, которые за несколько минут стали бетонными гирями, и плююсь в телевизор. Я не чувствую ничего. Взгляд висит в воздухе. Плевать на время. Оно, как всегда, идёт очень быстро, оставляя после себя смятые пачки, полные неопределённости. Я - липкий, поганый клоп. Иду ко дну на своей невидимой подлодке. Смотрю в маленькое, бесполезное окошко цветного телевизора.

Там мелькали картинки. Одна фигуристка за другой. Во всех - ничего особенного. Но внезапно чёрный ящик заставил меня оживиться и выпасть из мира пустоты, в котором я пребывал вот уже минут десять.

Диктор объявил, что выступает российская фигуристка - 17-летняя девочка по имени Надя Забитова. Девочка в красном. Красный корсет, красные перчатки. Белые коньки. Чёрные волосы. Её юбочка похожа на чистое озеро в горах, в котором отражается кровавый, спелый закат. Её кожа напоминает ландыши, которые утро искупало в каплях блестящей росы. Её зубы - белее льда, по которому она скользит, словно ангел по облакам. Её брови кажутся королевскими кобрами, величественными, ядовитыми. Её носик - словно копье, сделанное лучшими мастерами. Ровное и блестящее. Заострённое. Подождённое. Смертельное. Греческий огонь, не иначе. Её губы - как два точных, идеальных разреза на сердце, сделанные самым искусным из когда-либо существовавших хирургов. В её лице есть что-то строгое, большое, дерзкое, но вместе с тем детское, простое и хрупкое. У неё очень умные, карие глаза, которые словно ищут свою надежду. Она не катается по льду... Она брызгает своей красотой, светом, энергией. Она - это солнце на голубом, безоблачном небе.

Она не может упасть, ошибиться. Комментатор хвалит её. Девочке пророчат ещё одно золото. Она издевается, летает над людьми. Всё это невозможно описать словами. Это был

танец абсолютной, не отягощённой ничем красоты. Из-под её коньков вырывались крупинки льда. Но мне казалось, что это были самые настоящие искры. Будто весь лёд горел, пылал от её восторженного великолепия. Но в один миг, в одну секунду, она вдруг упала на лёд. Спустилась с небес. Стала человеком, который может ошибиться.

Падение могло бы отпугнуть меня, но нет, я не увидел в этом ничего плохого. Падение сделало ангела человеческим, а значит приблизило его ко мне. Я заплакал. Клянусь, я не плакал с восьмого класса (тогда я, правда, не ревел, а ронял солёные капли слёз, давил их в себе), а теперь пустился в отрыв. Мне было жаль её. Жаль девочку, по сравнению с которой я сам выглядел таким жалким...

Она упала ещё раз.

И ещё.

И ещё.

Это становилось невыносимо. Ей было плохо, но она всё каталась. Не сдавалась. И правильно. Я тоже не сдаюсь. Иначе давно бы уже скинул свою мерзкую тушу с окна.

Наконец, она закончила, села и расплакалась.

Её замечательные глазки стали красными, расплылись в слезах.

«Почему ты плачешь, милая? - недоумевал я. - Почему никто не стоит с корзинкой и не подбирает твои слёзы? Почему твоё тело трясётся? Почему ты не улыбаешься? Ты ведь только что так прекрасно улыбалась... Да, ты упала, но не перестала быть чудом, ты не проиграла - это просто необходимый драматичный момент для сюжета... Чтобы люди переживали, а потом, когда ты снова начнёшь выигрывать, когда преодолеешь все трудности, обрадовались... Ты же - персонаж фильма! Это просто драма, без неё невозможен ни один нормальный сюжет. Не плачь! Ты же не в моём мире! Слава Богу, что не в моём. Всех этих ублюдков из твоего телевизионного мира я ненавижу, но ты... Ты не такая. Ты кажешься живой. Почему? Как это можно объяснить? Как вообще можно объяснить жизнь? Нет, ты не живёшь в моём мире! Спасибо тебе! Если бы я увидел тебя настоящую, я бы умер. Умер бы от такой красоты, и твой танец, твой быстрый полёт, в котором столько свободы, столько воли, измельчил бы меня, смахнул бы меня, словно хлебные крошки, на пол.

Мой мир, гаражный, бетонный, холодный и мокрый мир, съел бы такое чудо, как ты, и даже не заметил бы твоей красоты. Не заметил бы, как ты летаешь, скользишь по льду! Может, ты думаешь, что не прекрасна, когда плачешь, страдаешь? Нет, так ты ещё красивее, ещё живее! Боже мой! Эта страдающая грациозность, страдающее величие, страдающая красота, по сравнению с которой весь мир - ничто. Ведь так хочется пожалеть твою красоту... Но не плачь! Боль не заслужила тебя! Она должна есть меня, но не тебя! Пожалуйста, девочка из телевизора! Слёзы упадут на лёд и замёрзнут! Ты расколешь эти маленькие шарики лезвием своих волшебных коньков так же быстро, как ты расколола моё сердце! Тебе поставили не так много баллов, как раньше, у тебя только пятое место, но все

эти люди, несуществующие телевизионные люди, - слепы! Зачем им глаза? Я хочу выколоть им глаза! Ты упала, да, но разве даже самая счастливая жизнь не включает в себя падение? Разве не прекрасно смотреть, как люди, упав, поднимаются и продолжают бежать дальше? С счастливой улыбкой на лице. У тебя всё получится, ведь ты - олицетворение красоты, её неопиcуемый предел. И почему я говорю с тобой? Почему я просто не могу замолчать, прекратить говорить? Зачем тебе меня слушать? Мой помойный голос, мои скрипящие, ржавые слова?»

Я собрался с мыслями, взял в руку пульт и, наконец, выключил телевизор. Я попытался взять книгу и почитать, но ничего не вышло, потому что девочка совсем не выходила из моей головы.

Какая она хорошенькая. Я не хочу её... В плохом смысле не хочу. Не хочу облизывать её, не хочу ничего в неё пихать, не хочу жрать её красоту. Я хочу просто смотреть. А когда хочешь смотреть - это что-то большее. Но разве смотреть на неё на значит - жрать её красоту? Зачем мне жрать красоту? Я же должен жрать потолок, окно, ковёр, пустоту. Брать её косточки, обсасывать их, затем облизывать пальцы. Жадно так, чтобы устранить голод. Пустота вместо голода - это почти что смерть. Ядерный гриб, который медленно гниёт во мне, сокращая мою жизнь. А что - моя жизнь? Она состоит из того, что я смотрю на чужие успехи и на свою никчёмность. Все вокруг - уверенные, умные, смелые, красивые люди. Я - уродлив, нелеп. Я - словно демо-версия человека. Недоделка, обрезок... Меня словно облили кислотой. Мои пальцы дрожат. У меня воняют ноги. Кто всё это придумал? Мой пот. Мой голос. Мой язык. Мои зубы. Даже мои мысли, каждую из которых я ненавижу. Каждое слово, вырвавшись из моего помойного рта, ложится в могилу. Каждый мой взгляд марает людей. Каждое моё движение - лишнее.

Я становлюсь перед зеркалом. Смотрю на своего врага. Вот бы его уничтожить...

Девочка не выходит из головы. Лезвия её коньков заходят всё глубже и глубже в сердце. Как глупо. Этот образ даже не возбуждает.

Лежу на кровати, пытаюсь спать, но всё равно думаю о ней. Сильно сжимаю глаза. Мне хочется спать. Я очень устал. Но я не сплю. Тело не даёт мне заснуть, оно сопротивляется. Ему нравится смотреть, как человек внутри него сходит с ума.

На языке чувствую привкус крови. Разбитая губа снова кровоточит. Кровь - на подушке, на языке. Плевать.

В мозгу всплывают песни. Время мчится, словно черный легкоатлет по беговой дорожке. Скоро должно наступить утро. А я опять, снова, в который раз потею. Переваливаюсь с боку на бок, щелкаю семечки безумных мыслей. Беру ножницы, лежащие на столе. Хочу воткнуть их себе в живот. Но вовремя останавливаюсь. Кричу, бью кулаками запачканную в крови подушку. Но это не приносит удовлетворения. Нужна хотя бы боль. Настоящая, физическая боль. Я бью кулаками в бетонную стену. Кричу. Я потерял контроль над собой. Ночь победила меня. Когда я понимаю это, то обычно прекращаю, останавливаюсь, дышу

этим бетонным, холодным, пыльным воздухом. Надо признать своё поражение и тут же успокоиться. Я не позволю ей себя насиловать.

Казанки стёрты в кровь. Я беру стакан воды, что каждую ночь стоит на столе у моей кровати, и выливаю его на себя, чтобы охладиться.

Теперь постель мокрая. Я - весь мокрый, ничтожный, разбитый. Сижу, стыжусь себя и пытаюсь забыть, кем являюсь на самом деле.

В комнату входит мама.

- Что с тобой? - спрашивает она, уставшая, потрёпанная сном.

В её замутнённых глазах стоит ужас.

- Что с тобой? - повторяет она. - У тебя снова бессонница?

- Да. - говорю я.

Если отвечать честно, она быстрее уйдёт спать.

Я не хочу задерживать маму. Ей завтра с утра нужно вставать на работу, а тут я со своими проблемами. Со своим сумасшествием. Боже, я просто калечу её, заставляю её нервничать.

- И зачем ты бил кулаками стену? - спрашивает она.

- Прости. Сорвался.

- Умойся святой водой, - посоветовала она мне. - Станет легче. Это все черти в тебе.

Я повинуюсь. Иду и выливаю на себя воду. «Прости меня, Господи!». И как я смею такое говорить? В зеркале - снова мои прыщи, царапины, синяки. Какая гадость этот ваш Фёдор Кумарин! Но я уже спокоен. Ночь дала мне безразличие. В край обессиленный, ложусь в постель. И сон, наконец, отсекает мне голову своим хорошо заточенным топором.

- Привет, - сказала склонившаяся над моей могилой фигуристка, красиво улыбнувшись, - Ты так зачарованно смотрел на меня... Я всё думала, когда ты подойдёшь и познакомишься. Но ты так и не решился. Подумал, что поедать себя проще.

- Это лучше, чем подавиться и задохнуться... - промолвил я.

- Я же не кость, чтобы мною давиться, - усмехнулась она. - Я - нежное, сочное белое мясо. Вижу, как ты смотришь на мои ноги. Хочешь, чтобы я потопталась по тебе? По твоему животу, лицу...

- На коньках?

Она повертела головой, точно какая-то птичка.

Сьютъ-сьюить...

- Дурашка, - чирикнула фигуристка, - ну конечно да. Самые лучшие девочки ходят по мужчинам на коньках, а потом пьют жидкость из их ран... Кровь мужчины - как гранатовый сок... Такой же сладкий. А мой сок вот тут, - она показала на свой рот. - Хочешь попробовать?

- Хочу, но... - испуганно сказал я.

- Но боишься, - угадала она. - Сегодня я тоже ехала в метро с парнем... Это был ты. Ты всю поездку глазел на меня. В метро была толпа, и на мгновение я оказалась прижатой к тебе. Попой я почувствовала твой член. Он так напрягся. Попытался разорвать джинсы, но ему это не удавалось. Я улыбнулась и вышла из вагона, а ты продолжил ехать дальше. И ты ведь даже слова мне не сказал, не попытался познакомиться. Хотя так, как на меня, у тебя ни на кого ни раз не стояло. Вот же трус.

- Что за мерзости... - произнёс я. - Я никогда не ездил в метро. В моём городе его нет. Так что это был другой человек.

- Точно?! - закричала она. - А может, это был ты? Может, все эти люди с трясущимися ручками, в панамках и сандаликах, сороколетние ничтожества, одиночки, психи - это всё ты... Ты испугался меня? Ты боишься даже красоты... Ложись на землю, я перережу тебе горло. Но перед этим ты успеешь почувствовать запах моих потных, уставших ног! Ты успеешь насладиться! Ложись, малыш! Или ты опять боишься? Боишься сделать мне больно, даже когда я убиваю тебя.

- Не боюсь! - твёрдо сказал я и лег на пол.

Она наступила на моё горло своей блистательной, длинной ножкой, и я почувствовал этот сладкий, шепчущий, живой запах, в котором отражалась красота, закованная в мясо. За этот запах можно было бы и умереть.

Так и случилось. Фигуристка наступила на мою шею. Я не двигался. Она давила всё сильнее и сильнее, не спуская улыбку с лица. И я почувствовал, как что-то лопнуло, и изо рта пошла вязкая, горячая кровь... «Пусть её будет больше, - подумал я. - Пусть моя красотка напьётся».

Вдруг я проснулся. Сон покалечил её образ, искривил его, как сильный ветер с дождём кривит дорожные знаки, но не убил это чудо. Я лежал на кровати и пытался поймать улетающие вдаль обрывки фантазии, которая так легко забывалась. Как и всё на свете.

Надо было отпустить этот сон, забыть о фигуристке. Надо вести себя нормально. «Встань, псих! - сказал себе я. - Займись чем-нибудь. Не лежи просто так и не думай о снах! Нормальные люди о них не думают. Они забывают сны и просто смеются над ними. Им не приходит в голову мысль, что сон и реальность - это одно и то же. Успокойся! Надо что-то делать».

Я встал и пошёл на улицу. Надо было купить поесть. Мимо проезжали безликие машины-обмылки, разноцветные зонтики в виде лёгких, воздушных юбок. Я прошагал один магазин,

второй, третий... Словно все они - призраки. Словно их не существует, как и всего мира. Всё давно растворилось в абсурде.

Наконец, истуканы-ноги заводят меня в раскрытую пасть писклявого супермаркета. У кассы - огромная, длинная очередь. Похожа на паровозик, который остановился и ждёт, когда его починят и опять пустят в путь. Паровозик медленно исчезает. Вагончик за вагончиком проваливаются в бесконечную, вязкую пустоту. Я покупаю себе кофе, несколько пакетиков каши и молока и иду обратно, домой.

Мусор из помойки снова разбросан по всему асфальту. Алкаши с фиолетовыми, отёкшими лицами сидят на лавочке и, кряхтя, вливаюсь в себя горькую водку. Проходя мимо них, я замечаю плакат, на котором изображено предельно знакомое лицо.

Снизу надпись большими белыми буквами: АРТУР КЛЫК - СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ. СИНГЛЫ И КАВЕРЫ. УНИКАЛЬНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА И СТИХОВ СОБСТВЕННОГО СОЧИНЕНИЯ.

Внизу была указана дата. Завтра. 20:30. «Отлично, - подумал я. - Сегодня мне есть кого ненавидеть, кроме себя». Артур Клык, конечно, псевдоним. Настоящее его имя звучит как-то по-дурацки... Никита Мясников, кажется. Глупо. Недостойно популярного поэта с синглами и стихами про кофе. Романтичные девочки, мечтающие уехать в Питер, наверняка бы испугались. Никита Мясников. Какое невежество. Поэтому все, даже друзья и одноклассники, называют его Артуром, а не Никитой. Кажется, он даже в паспорте имя поменял на Клыка. А Никита Мясников умер, растворился в пустоте.

Нет, даже взгляду Артура такое имя бы совсем не подошло. Какой взгляд. Страстный, жгучий, раскованный. Внешний вид тоже пафосный, мужественный. Всё, как девочки любят. Черное пальто, белая рубашка, которая отлично сочетается с его белыми волосами и чистой кожей. Главный красавчик факультета, чёрт возьми. Личико вкупе с романтическими стихами отлично заходит под соус из приятного мужского голоса. Девочки сидят и кушают, облизывают неумело построенные здания слов, представляя, что лижут его розовые губы, его мускулистые руки, его грудь, пресс, его ноги в лакированных ботиночках. Он протыкает их сердца носочками тифлек, улыбается, как Чеширский Кот, но им всё мало. Они идут и идут, желая заполучить его... И эта мясорубка не кончается. Не только в его случае. Во всех. Нескончаемая борьба. И никто не хочет признавать, что он во всей этой жалкой борьбе - самая главная мразь.

Сажусь на лавочку. Рядом - мужчина лет тридцати, полноватый, с шапкой набекрень. Он косит на оба глаза, постоянно причмокивает и озирается по сторонам, словно кого-то ждёт.

Сидим. Мёрзнем. Со стороны - словно два фрика. Я не хочу с ним разговаривать. Надо только убить время, застрелиться на какое-то время, пропасть в морозе. Вдруг у меня в кармане забился в конвульсиях обычно молчаливый и спокойный телефон. Я достал плоское чёрное зеркало из кармана и приложил к уху. Говорил механический женский голос. Ненастоящий, автоматический.

- Здравствуйте, мы проводим опрос населения. Двадцать первого марта будут проводиться выборы губернатора нашего края. Вы примете участие в этом судьбоносном для региона голосовании?

- Нет, - говорю я, замечая, что косоглазый пристально следит за мой беседой с машиной.

- Очень жаль, что вы отказываетесь от возможности воспользоваться избирательным правом и принять судьбоносное решение для края. Мы советуем вам обдумать ваше решение и прийти на участок двадцать первого марта.

Электронная женщина замолкла и положила трубу. Я рассчитывал вновь погрузиться в себя и свою пустоту, но сидевший рядом мужчина захотел поговорить со мной.

- Вы правильно делаете, - произнёс он вальяжно, уверенно. - Наши выборы не стоят того, чтобы на них идти. Если есть всего лишь один кандидат, то какие же это выборы? Реальных кандидатов они не допускают. Боятся, мрази, но движение будет расти...

- А есть реальные кандидаты? - на свою голову спросил я.

- Конечно есть, - сказал он. - Кроме нашего толстожопа-губернатора Александра Нилрака, который уже весь край захерил, есть достойные люди. Знаете, сейчас приехал уроженец края, достойный человек с деньгами, оппозиционер Виктор Дровосецкий, слышали? Он в нашем вузе учился, потом уехал в столицу, поднялся там, заработал денег и вот теперь вернулся родной край поднимать. «Не могу, говорит, молчать, надо прогнать этих бездельников и начать дело делать!». Приехал человек, с умом подошел, организовал предвыборный штаб, там и волонтеры есть, и всё, в общем, по-европейски, как у людей. Ну и что думаете, допустили его к нашим псевдовыборам?! Пока нет. Но он борется, ищет лазейки. Зато в кандидаты от других партий каких-то клоунов набрали. О них даже не знает никто. Плакаты Нилрака по всему городу висят, а других вообще нет. Его и выберут на ещё один срок, и ежу понятно. Но мы ещё поборемся. Сейчас агитируем, призываем людей на митинги. Набираем волонтеров. Пытаемся перевернуть весь этот город, ясно?

- Предельно. Молодцы.

- А вот вы... Молодой человек, у вас ясный ум. Не хотите поучаствовать в нашей работе. Проявить гражданскую активность. Вы же студент, правильно?

- Скорее всего... - пробурчал я.

- Станный ответ, - опешил косоглазый, - ну да ладно. Вы сейчас поднимаетесь...

- Кто «вы»? - не понял я. - Кто поднимается?

- Ну вы, молодёжь, - уточнил косоглазый. - У нас сейчас в штабе сплошь молодёжь. Скоро они изменят Россию, свергнут авторитарную власть, установят демократию. Я думал, вы - один из таких людей... Умных, энергичных, свободных, ничуть не запуганных! Ну а если вы ещё не такой, то скоро вы таким станете... Задатки, я вижу, у вас уже есть. Вы понимаете, как обстоят дела в нашей стране.

- Откуда вы знаете, что я понимаю, а что нет? - спросил я.
- Ну, вы не пока не собираетесь идти на мартовские выборы, - сказал он. - Вы не оборвали меня, когда я только начал с вами этот разговор. Значит, вам интересно.
- Не очень, - признался я. - Просто мне нечего делать.
- Не может быть! - воскликнул он. - Человек вашего возраста не может сидеть на одном месте и ничего не делать! Как же энергия, протест, стремление к лучшему, желание изменить мир?!
- Всё это ко мне мало относится, - сообщил я.
- Может, вам просто не хватает общения, а? - спросил он. - У нас в штабе много молодёжи. Придите, пообщайтесь.
- Я не душа компании.
- Ну что же вы такой пассивный... - тяжело вздохнул он.
- Я и сам не знаю, - ответил я.

- В любом случае, вы должны к нам прийти, - напирал он. - Сейчас у нас есть шанс дать власти бой, понимаете? Побороться против зла и несправедливости. Я вижу, что вы хотите бороться. Вы презираете власть и хотите что-то изменить. Вот... Возьмите визитку нашего штаба. Если надумаете - приходите. Можете просто прийти посмотреть, никого насильно мы туда не загоняем. Можете забежать и попить чаю с печеньем, к примеру, побеседовать. Будем вам рады.

Он достал из кармана маленькую белую карточку и протянул её мне.

«Виктор Дровосецкий. Единственный выбор! Адрес штаба: ул. Ленина, 17». Это всё, что было написано на визитке.

- Обязательно приходите, - напоследок сказал он. - До свидания.

Теперь он окончательно ушёл, растворился в пустоте. Я усмехнулся и кинул визитку в карман. Сидеть на скамейке было уже слишком холодно, поэтому я встал и пошёл перекусить. Благо, рядом была неплохая шаурмичная.

Думать о косоглазом мне не хотелось. О его кандидате - тоже. Всё это не всерьёз... Понарошку. Кандидаты, борьба, лозунги, в которые никто по-настоящему не верит. Вера в демократию, которой никогда нигде не было. Мифическая борьба Сизифа с тяжёлым камнем.

И как здесь, в этой ледяной пустой, ещё можно во что-то верить? В какую-то борьбу, в какие-то изменения к лучшему... Это как бороться с Годзиллой при помощи одной зубочистки. Бессмыслица.

Снег ругается, ворчит, чихает у меня под ногами. Под деревьями прячутся маленькие жёлтые островки собачей мочи, потерянные посреди белого, безбрежного океана.

«А что если сходить к штаб? - спрашиваю я себя. - Поучаствовать во всём этом цирке, подраться с ментами за справедливость? Хоть какое-то изменение... Хотя нет. Меня только что избили. Я просто получил синяки, и ничего больше. Это не будет преодолением пустоты, это будет ещё одним прикосновением к ней. Я же как раз от неё и бегу. Только разве это возможно - убежать от бесполезности, от пустоты, когда ты сам - её кокон?»

Может, я - просто человек, которому ничего не надо? Ведь раньше мне было всё интересно. Мы спорили с друзьями, которые теперь разъехались по хорошим городам и университетам, о стране, о людях, о смысле жизни и прочей хрени. Я верил во что-то. А теперь? Куда всё исчезло? Да, пусть все мои воззрения были наивными, но пустота вместо них - это куда хуже.

Ты концентрируешься только на боли, запираешься в себе, чувствуешь это мокрое и ледяное тело сумасшествия. Благо, бывают моменты, когда ты словно пропадаешь в этом сером, безжизненном сибирском небе и просто идёшь, мечтая лишь о еде и тепле, которые спасут тебя от жалкой собачьей смерти.

До шаурмичной я дошёл быстро - надо было только выйти с набережной и преодолеть всего пару кварталов. Около двери тусовалось пятеро азербайджанцев в потрёпанных куртках, черных шапках и синих джинсах. Все они были словно из одного инкубатора. С чёрными щетинами и такого же цвета бровями. Они курили, орали и матерились. Главное, ничего не говорить им, и они не тронут.

Я справился. Прошёл мимо и даже не посмотрел в их коричневые, жестокие глаза.

Внутри шаурмичка была забита горластыми школьниками, которые без устали говорили о хип-хопе, модных шмотках и интернет-звёздах.

Когда я вошёл, школьники окинули меня презрительным взглядом, в котором читалось явное отвращение. Ещё бы, кто он? Чувак с синяком во всю морду, весь прыщавый, кривоносый и патлатый, словно рок-музыкант... Впрочем, продавщица выглядела не намного лучше. Серая кофта, жирные чёрные волосы, жабья морда, отвратительные, похожие на оливки родинки на щеках. Огромный нос, тусклые, кирпичные глаза без грамма жизни. На фартуке - огромное жёлтое пятно. Ногти длинные, покрашенные в дебильный синий цвет.

Заказал себе 4 вид, с курицей, корейской морковкой. Со всем-всем-всем, что можно себе представить, короче. По размеру - средняя. Маленькая на 20 рублей дешевле, ну и ладно. Побалую себя.

На напитке тоже не экономлю. Покупаю бутылку мохито за 42 рубля.

В здании было жарко. Я опять начал потеть. Поэтому, положив чек с номером заказа в карман, я вышел на улицу и встал около азербайджанцев. Трое мужиков рассказывали

остальным, как вчера развлекались с двумя проститутками. Стою - слушаю. Обе проститутки были блондинками. По описанию, такие tumblr-girl с чокерами на лебединых шейках. Одной было чуть больше восемнадцати, другой - девятнадцать с половиной. «Надо же, - подумал я, - ещё младше меня, а уже работают...».

Сначала, по рассказам азербайджанцев, девочки занимались сексом вдвоем, исключительно для публики, наблюдающей за лёгкой лесбийской эротикой. А затем уже сами азербайджанцы решили поработать над укреплением многонациональных отношений.

«Стоит только доплатить, и деувочи такое делают! - восхищался один из азербайджанцев, - Мама не горюй! Главное, на проституток совсем не похожи. Такие молодые, миленькие, красивенькие, в дочки мне годятся. Даже жалко было этих девочек, знаешь! Но сами говорят, что деньги нужны. Работа, все дела... Им вроде как не зашкварно».

Некрасивая продавщица назвала номера их заказов, азербайджанцы забрали еду и ушли прочь.

Теперь стоять на улице было мало того что холодно, так ещё и скучно, и поэтому я решил вернуться в здание, чтобы искупаться в сальных разговорах громкоголосой школоты. Это была стая из шести человек. Четыре парня и две девчонки. Всем на вид лет по 16-17. Девочки красивые. Одна - блондинка с каре, пухленькими губами, умным взглядом, в жёлтой кофточке, чёрных джинсах в обтяжку. Вторая - небольшого роста брюнетка в салатовых штанах и рубашке в бело-чёрную полоску. Она казалась более глупенькой и наивной, чем её подруга, однако в ней было что-то от Полины. Какая-то гордая, недостижимая красота.

Зачем они здесь? Две худенькие девочки, с покрасневшими от холода носиками. Б-р-р-р!

Парни были, впрочем, под стать им. Все взрослые, накаченные, причёсанные, вылизанные, чистомордые. За исключением одного, правда что. Рыжего маловатого пацанёнка, у которого всё лицо было испачкано в крошках веснушек. Правда, орал он громче всех. Видимо, пытался компенсировать недостатки внешности харизмой. На вид он был помладше остальных года на три-четыре.

Вскоре назвали и мой номер. Я подошёл и случайно достал из кармана не только чек с номером заказа, но и визитку штаба Дровосецкого.

Взгляд кассирши сменился с устало-безразличного на подозрительно-недоверчивый.

Я попытался быстро убрать карточку в карман, но она уже её заметила. Сука. Я надеялся, что женщина из приличия промолчит и ничего у меня не спросит, но как же...

Протягивая мне горячую среднюю шаурму завернутую в салфетки, она, нахмурившись, спросила:

- Вы что, из этих?

- Вы имеете в виду геев?- шутливо спросил я. - Нет, что вы...

Не знаю, зачем я сказал это. Наверное, хотел посмеяться. Но шутка же глупая. Как всегда.

- Вы тоже волонтер этого Дровосецкого, да?

- Нет, - обрубил я, но женщина не успокоилась.

- Ко мне только что подходил ваш волонтер... - забубнила она. - Вон тот рыжий школьник, я его еле отсюда выгнала... Он говорил, что надо за вашего Дровосецкого голосовать, подписи ставить... Это интересно, знаете. Ну, что кто-то другой есть... Хотя черт его знает, откуда он вылез. Либерал вроде, демократ, но мы же их знаем, либералов. Всю страну развалили, а теперь пытаются вернуть доверие населения. Только кто в них поверит? У нас уже вообще никто ни в кого никогда не поверит. Люди лучше уж проголосуют за то, что есть... Так хоть живём помаленьку, а с либералами во власти что будет? Разворуют всё, развалят и уедут в свою Америку.

- А эти не уедут? - зачем-то спросил я.

- Ну эти, может, не в Америку поедут, а в Москву.

- А какая разница? - спросил я и, взяв шаурму, подошёл за стойку заполнять помойную яму своего желудка.

Шаурма быстро развалилась, расклеилась, разошлась по швам. Из неё потекла кровь, вместе с внутренностями и кишками. Шаурма пыталась что-то мне сказать, плевалась соусом, который все называют «обычным». На самом деле, это просто майонез. Обычный майонез.

Помидоры чуть кислили, капуста застревала в зубах, а жирный соус капал на пальцы. К концу шаурма совсем развалилась, потеряв всю структуру и окончательно преобразившись в салат, но я всё равно, то и дело вытирая руки и рот салфетками, её ел. Не потому что она была очень вкусной - скорее, наоборот - просто выбрасывать было жалко. Да, такой вот я жмот. К концу трапезы у меня потекла кровь из разбитой губы. Пришлось взять ещё салфеток и подтирать ими красную жидкость, которая никак не могла остановиться. Пришлось потратить целых пять салфеток на эту губу.

Как только кровь остановилась, я собрался было уходить, но услышал детский голос, обращённый ко мне:

- Эй, ты! - воскликнул рыжий из той самой компании школьников, сидевших неподалёку. - ты что, волонтер Дровосецкого?

Снова этот Дровосецкий. Сколько можно? Уже третий раз за час. Почему всех вдруг прорвало? Я решил ничего не отвечать. Может, чувак увидит, что я не хочу с ним разговаривать, и успокоится. Но он не успокаивался.

- Эй ты, я к тебе обращаюсь, - крикнул он, подошёл ко мне и сел рядом.

Я медленно развернулся к нему, и бросил ему в лицо рассерженный, злой взгляд.

Но он ничего не понял. Так и продолжил стоять и пялиться на меня. Он был ещё младше, чем я думал. Ему же всего лет тринадцать-четырнадцать! Что он делает в одной компании со взрослыми? Разве мне не всё равно? Может, он брат кого-нибудь из них.

Я вытер рот салфеткой, бросил её в мусорку, затем проглотил последний кусок шаурмы и только после этого ответил ему:

- Отвали от меня. Похер мне на твоего Дровосецкого, парень. И что вы с ним бегаєте? Мужик косоглазый, кассирша, ты вот...

- Думаешь, кто кассирше рассказал? Я... - похвастался рыжий.

- Молодец! А теперь развернись и шагай к своим друзьям, хорошо?

- Нет, - отказался он уходить. - Скажи, откуда у тебя карточка штаба?

- Какая тебе разница? - хмыкнул я. - Иди отсюда, не раздражай меня, окей?

- Ты не понимаешь! - психанул мальчик. - Мне правда надо знать, кто тебе вручил рекламку. Просто здесь я должен их раздавать. У нас соревнование... Кто из волонтеров больше всех карточек за неделю раздаст, получает футболку. Я пока иду на первом месте, а тут кто-то у меня отнимает место. Скажи, кто.

- Тебе сколько лет, парень? - усмехнулся я. - Не рано тебе агитировать?

- Четырнадцать, - без запинок ответил он. - А что тут такого? Хочу и агитирую. Моё право. Так ты скажешь, кто тебе дал карточку.

- Косоглазый, - ответил я, надеясь, что теперь мелкий отстанет от меня. - Знаешь такого?

- Знаю, конечно! - воскликнул мелкий. - Юра! Ну я поговорю с ним, спрошу.

- Ну так иди и спрашивай.

Я ждал, что мальчик тут же развернется и уйдет от меня, но он даже не сдвинулся с места.

- Что тебе ещё надо? - недовольно спросил я.

- Ты теперь тоже будешь волонтером? - осведомился малой.

- Нет, не буду я никаким волонтером! - злобно ответил я. - Отстань от меня.

- Да нет... - недоумённо произнёс мальчик. - Ты должен... Или ты за Нилрака? Но он же вор! Весь край разграбил! И фамилия у него дурацкая... Только у злодея может быть такая фамилия!

- Я не за Нилрака. Я не за кого, ясно?

- Как это? - не понял он.

- Забей! - воскликнул я и направился к выходу, но мальчик остановил меня.

- Вы хотя бы сходите на митинг против недопуска Дровосецкого на выборы! - жалостливо промолвил он. - Ну или придите в штаб. Вы не понимаете... У нас сейчас настоящий, единственный, может, шанс есть. Каждый человек на счету. У нас же нищий регион, здесь никаких перспектив... Город умирает, из него уезжают. Неужели вам не жалко наш город?

- Жалко, - пожал я плечами, - но что же тут поделаешь...

- Как что? - недоумённо спросил пацан. - Проявить гражданскую активность, смести всех этих ворюг, добиться допуска Дровосецкого на выборы.

- Послушай, - обратился я к нему. - Я даже не знаю, кто такой этот твой Дровосецкий, чего ты ко мне пристал?

- А вы приходите в штаб! - настаивал он. - Мы вам всё расскажем. Приходите, а? Если я приведу волонтёра, мне дадут три значка с Дровосецким.

- Ладно, успокойся, - произнёс я. - Как-нибудь обязательно наведаюсь в вашу секту. Только дай мне уйти, хорошо?

- Ты обещаешь, что придёшь?

- Обещаю, - сказал я и, пожав малому руку, направился к выходу.

Но покинуть шаурмичную мне снова не удалось.

- Что, рыжий вас совсем доканал? - услышал я из-за спины голос одной из школьниц, той самой брюнетки в салатových штанах. Вблизи она казалась ещё красивее, чем поодаль. И голос, и этот острый, колючий и неимоверно глубокий взгляд - точь-в-точь как у Полины.

- Он дебил, - продолжала говорить девочка. - Лезет ко всем со своими выборами, людей доводит, не отвязывается. Мне стыдно за него, честное слово. Пока вы не пришли, он кассирше на мозги капал...

- А он тебе кто? - спросил я.

- Брат, - ответила девушка. - Он у меня в принципе нормальный, только неугомонный. Если что-то взбрёт ему в голову, то всё - остановки не жди. Он и мне мозги выел своим Дровосецким. Приходится ходить в этот дурацкий штаб, помогать ему. Мне, конечно, всё это не нужно, но куда уж деваться... Брат всё-таки.

Я на секунду остановился - не знал, что сказать. С каждой секундой она всё больше напоминала мне Полину, которая уже давно была старой забытой мечтой, что ушла куда-то далеко и никогда не должна была вернуться. Я смотрел в её глаза и видел рождающийся космос, превращение иллюзии в реальность, дождя в слёзы... В этих глазах был салют посреди ночного неба, там было северное сияние, свет, который горит в окошке дома, стоящего далеко на горизонте, в тени большого ветвистого дерева, страдающего и молчаливого. Так таинственно, притягательно, холодно и тепло одновременно... Волосы -

струящиеся, вьющиеся, не поддающиеся времени и пространству. Руки - белые, как у античной статуи.

Да, это девочка обладала невиданной красотой, она была почти той самой Полиной, которая озаменовала собой приход пустоты.

Я стоял и смотрел на неё, словно какой-то псих. И молчал. По-идиотски молчал, растерявшись перед ней, словно это действительно была Полина.

- Даша, - окликнула её пухлощёкая подруга, ну куда ты ушла? - Твой брат там опять с кем-то сцепился языком!

- Ладно, - прощбетала она, - ещё раз его извините. Он просто не знает меры. Опять пошёл кого-то убеждать... Агитатор фигов.

- Пока, - сказал я, а она тут же убежала за братом и вернула его в компанию своих друзей.

Я вышел из шаурмичной. На улице похолодало. Снег бил прямо в лицо. Заносило машины, дома и дороги. Закрыв лицо рукой, я медленно пошагал домой, разрезая кинжалами ног паутины сугробов и думая о девочке и её о красоте. Она была такой большой, широкой и неподражаемой... Не то, что улица. Тесная, холодная, забитая однотипными домами да рекламными объявлениями.

Но ведь была ещё фигуристка? Неужели я забыл о ней? Нет. Моё тело на морозе покрывается льдом, и фигуристка скользит по нему, разрезает мою кожу, она делает тройные тулупы, моя кровь вылетает фонтаном, ярким конфетти. Ты улыбаешься, радуешься, целуешь золотую медаль. Я умираю. Оценка - 6.0. Поздравляю! В тебе совсем нет пустоты.

Глава 2. Поэт.

Пустота царила на улице. Шёл снег. Темнело. Я сидел в тихой, молчаливой комнате и слышал, как время пожирает меня. Я смотрел на экран компьютера, на пустой лист. Нет, я ничего не мог написать. Кроме графомании, ничего. Очень жаль. Я снова закрыл ноутбук и попытался собраться с мыслями. Сколько я так просидел? Час, два? Может, куда больше? Не знаю. Вдруг меня словно проткнули штыком. Я вспомнил про концерт Клык. До него оставалось меньше часа. Нужно было идти. Зачем? Чтобы ещё раз почувствовать свою ничтожность? Чтобы ощутить ненависть... Может, я попросту утешаю себя... Говорю себе, что пока я растворён в злобе, я не погружаюсь в абсолютную пустоту, нахожусь в какой-то из её причудливых форм.

Я люблю ненавидеть таких, как Клык. Люблю чувствовать себя непризнанным, но сохранившим приверженность настоящему искусству. Наверное, я горжусь тем, что не являюсь Клыком... Нет, я не хотел бы быть популярной бездарностью. Насиловать искусство, стихи, поэзию с лицом знатока и сноба. Нет, уж лучше быть ничтожеством. Я не смог творить, я - бездарность, но у меня хотя бы хватает сил признаться в этом... У меня хватает сил перестать издеваться над поэзией... Ради искусства. Я хотя бы могу всё о себе

понять и признать в себе неудачника. На это у меня есть смелость. У него нет. Он самоуверен, красив и популярен. Молодец, одним словом. Я ненавижу его. Мне нравится его ненавидеть. Вы скажите, это зависть, но нет. Он - обычный, себялюбивый, глупый мальчишка, абсолютно уверенный в своём таланте. Бездарность, которая называет себя поэтом. Настоящие поэты сидят в своих маленьких норках, корчатся от боли, пишут собственной кровью, выбрасывают чувства, боясь осуждения, боясь смеха и криков сухих, членистоногих людей. А такие, как Клык, ничего не боятся, они идеальны... Нет... Поэт не может быть идеальным. Он должен страдать, драться с собой, кричать. И только тогда из него может что-нибудь получиться. Поэт - это либо робкий неудачник, либо ребёнок, для которого весь мир - только игра в Бога. Смешная и ироничная.

Я посмотрел в окно. Двор лежал под ногами мёртвым, раздавленным машиной голубем. Надо было спуститься, выйти, в который раз вспороть его серо-красное брюхо.

Машинки леденели. Одежда казалась тонкой, липкой плёнкой, в которую я медленно запаковывал себя. Было мерзко, я чувствовал тошноту. Мне не хотелось никуда идти, особенно на концерт Клыка, но я должен был. Я должен был ненавидеть, чтобы чувствовать жизнь. Это реанимация. Попытка привести себя в чувство. Может, со стороны это выглядят странно, но что же ещё мне остаётся?

Выйдя из квартиры в обшарпанный, грязный подъезд, в котором всегда воняло собаками, я услышал навязчивое жужжание лампочки, которое сливалось с отчуждённым завыванием зимнего ветра. Снег засыпал дома. Мороз пытался опрокинуть уродливые здания, но они держали удар. Надо приготовиться сразиться с ветром, выбраться из пасти этого квадратного, серого жука. Дверь прозвенела, рот открылся, и я увидел чёрный мрак, сквозь который лились маленькие ручейки искусственного света, услышал одинокий, пронзительный скрип. На улице совсем не было людей. Странно. Время - всего восемь вечера, а кажется, что уже глубокая ночь. Впрочем, какая разница?

На остановке стояли люди, похожие на маленькие капли дождя. Красивая девочка в чёрных колготках, розовой юбке и синей куртке. С белыми, шёлковыми волосами, молочной улыбкой и тусклыми, но красивыми зелёными глазами. Словно неработающий фонтан из гранита, стоящий посреди пустой площади, засыпанной снегом.

В её руках был большой белый пакет с какой-то рамкой... Или портретом. Кто был на нём изображён - я не видел. Наверняка какая-нибудь подружка или парень. Какое не дело?

Надо отвернуться, не глазеть на неё, как придурок. Но я не могу оторвать от неё взгляд вот так просто, с мясом, как попало, отвернуться, перестать смотреть на красоту... В ней присутствовало что-то детское, невообразимо точное... Какое-то потерянное, отчуждённое нечто, что почему-то пытается вклиниться в установленные богами рамки. Чем-то она напоминала мою фигуристку. Я подошёл поближе к остановке и получше всмотрелся в её лицо. Действительно - похожие брови, скулы, размер глаз. Разве что цвет волос отличается. Красота... Почему она превращает меня в такое ничтожество?

Я просто стоял и смотрел на неё. С каждой секундой она всё больше напоминала мне фигуристку. Казалось, у неё был такой же рот, такие же губы, такой же взгляд. Разве что... Эта девушка была живой, жизнь убивала в ней бога, но она всё ещё была ангелом. Тенью фигуристки. Зато какой тенью...

Я попытался отвлечься, посмотреть на других людей. Вот уродливый карлик с рыхлым, заросшим щетиной лицом считает монетки, смотрит, чтобы хватило на проезд. Вот низкая бабка в серой потрёпанной куртке стоит, опершись на худой, словно ветка, костыль. Костыль трясётся. Нет, это она трясётся, ожидая смерти. Ужас.

Рядом с ней стоит парочка. Симпатичная, измазанная косметикой девочка, чёрненькая, но немного полноватая, ест чипсы со сметаной и луком. Её обнимает жирный тип в дорогих кроссовках, синей куртке и шапке с эмблемой футбольного клуба «Спартак». Он тяжело дышит, улыбается, ковыряется в зубах, а потом жирными, в крошках, губами, целует свою тёлку, хватая её за жопу. Красиво. Любовь, которой у меня никогда не было.

Вскоре остановка заполняется и другими людьми. Уставшими, серыми, заросшими коростой бессонницы. Откуда она возникает, бессонница? Почему её так много? Неужели мы боимся заснуть? Почему? Может быть, потому что боимся подняться и увидеть в зеркале самого себя... Человека, которого терпеть уже невозможно. Но он никогда не покинет тебя. Этот гад будет тревожить тебя постоянно. Будет напоминать тебе о собственном физическом и нравственном уродстве.

Люди толпятся на остановке, смотрят на дорогу, на пробегающих мимо черепашек, на игрушки, пришедшие из игрушечного мира. Пластмассовые человечки дышат, кашляют, чешутся, ковыряют в носу. И мне кажется, что они настоящие. Кажется, что вся эта желеобразная масса людей, масса проблем, волос и презрительных взглядов, скоро влезет в автобус, втолкнёт меня в эту коробку, утробует. Хорошо, я согласен. Вскоре коробка, гробик для личной свободы, подъезжает. Вот он подкараулил меня, сжёг меня светом своих полыхающих фар.

Мать прислала мне СМС. «Умер дядя Толя», - уведомила она меня. Он был мужем тёти Люды, родной сестры мамы. Добродушный, интеллигентный человек, который чинил телевизоры у себя в райцентре. Ещё дядя Толя был радиолюбителем. Когда-то даже поймал сигнал с космической ракеты. Он сильно гордился этим, часто рассказывал о своём успехе людям, пока не заболел. Дело в том, что, служа в армии, дядя Толя охранял ракеты. Только не космические, с которыми были связаны мечты советского человека, а ядерные, что были готовы разрушить планы всех людей на земле. Армейская служба оставила след на всей его жизни. Он получил облучение, которое сделало его инвалидом, потерял способность иметь своих детей, но принял ребёнка, который был у тёти Люды от прошлого брака, и воспитал его, как своего. Года так четыре назад дядя Толя стал терять разум. Потом превратился в овощ, который не мог говорить, ел что попало, какал в штаны. Пару месяцев назад он перестал вставать. Сегодня умер. Что же, хороший человек был. Добрый советский человек.

Но я не испытываю ничего, узнав о его смерти. Ни грусти, ни облегчения... Но ведь его мучения и мучения его жены, которая последние пару месяцев кормила его с ложечки, закончились, наконец... Что-то должно быть у меня в душе, но нет ничего. Просто пустота.

Я машинально, даже не посмотрев на кондуктора, заплатил за проезд и стал листать фотографии из жизни окна, которые никогда не менялись.

Вдруг я услышал, что кондукторша, очень худая, обрюзгшая баба, ругается с кем-то...

- Мне нечем вам сдавать с тысячи! Не ври, что у тебя нет других денег, девочка, ты это делаешь, чтобы не платить! - каркала кондукторша.

Я поднял голову. Кондукторша сралась как раз с той девочкой, похожей на мою фигуристку.

- Это ваши проблемы! - говорила маленькая, замечательная красавица. - У меня есть деньги. Если вы не хотите их брать - это ваша проблема.

- На следующей остановке я тебя высажу, - угрожала кондукторша. - Найдёшь другой автобус, где тебе разменяют тысячу. Здесь к концу рабочего дня её менять нечем.

Я не знаю, что заставило меня подняться и подойти к ним, но почему-то я сделал это. Вопреки самому себе и своему страху, который, вообще-то, является неотъемлемой частью меня самого, я встал и приблизился к девушке и кондукторше.

- Успокойтесь, женщина, - вlepил я в лицо кондукторше свои пафосные, наспех склеенные слова.

Она ничего не ответила. Лишь посмотрела на меня, как на какого-то дурачка. Я протянул кондукторше две монетки по десять рублей и вернулся на своё место. Она взяла их и отстала от красавицы. Но девочка, так похожая на мою фигуристку, не осталась просто стоять на месте. Она подошла ко мне и уселась рядом. Она молчала, а я ничего не мог сказать. Как стыдно. Она такая красивая, и я боюсь её, дрожу, как ребёнок.

Я даже не успел испугаться и всем телом почувствовать липкий страх и стыд за собственное бессилие, когда она тихо промолвила:

- Спасибо.

Робкое. Прозрачное. Розовое. Простоватое.

Её голос был почти таким же безупречным, как и у моей фигуристки. Он был тенью... Что уж там... Весь реальный мир - лишь тень сумасшедшей фантазии художника. Он - лишь дым от огня... Или какую безвкусную метафору тут ещё можно подобрать?

Одного её слова, этого мягкого, нежного «спасибо» мне было вполне достаточно. Но она продолжала говорить.

- Эта кондукторша сумасшедшая, - молвила девочка. - Разве я виновата в том, что у меня нет мелких денег... Абсурд просто. Она бы меня высадила сейчас, а я вообще-то опаздываю. Спасибо хоть, ты выручил.

- Не за что, - невнятно пробурчал я, чувствуя ком во рту. - Куда едешь?

- На концерт, - мило улыбнувшись, сказала она. - Кстати, как тебя зовут? Извини, что я не назвала своё имя. Я Алиса, кстати.

- Чудесное имя, - пролепетал я, как ничтожество. - Я Фёдор. По фамилии Кумарин, если тебе интересно.

- Смешная фамилия, - широко улыбнулась она, - но у меня она тоже забавная.

- И какая же?

- Беловодская, - ответила девочка и два раза хихикнула.

- Ну хорошо, Алиса Беловодская, - улыбнулся я ей в ответ. - Звучит так, словно ты какая-то княгиня.

Шутка. Тоже мне, шутник. Снова позоришься, снова ведёшь себя, как дебил.

Но девочка ради приличия всё же хихикнула. Тогда я решил вернуться к тому, с чего начал.

- Так на какой концерт ты едешь?

- Это не совсем концерт... - пыталась она объяснить. - Скорее, творческий вечер. Там будет выступать один молодой поэт.

- Артур Клык... - попытался я угадать, искренне надеясь, что ошибаюсь.

Но мои надежды, понятное дело, не оправдались. Она ответила ясное и точное: «Да». Глаза Алисы ярко заблестели, и она, словно в детском восторге, закричала на весь автобус:

- Ты его знаешь! - обрадовалась девочка. - Хотя, в принципе, сейчас многие его знают. Он уже ездит с концертами по разным городам.

- Да, я его знаю, но лишь потому, что учусь с ним в одном университете, в одном корпусе, на одном факультете даже. Его так пиарят в вузе, что не заметить этого человека просто невозможно. Он же везде... Местная популярность.

- Да скоро он и во всей стране станет популярен, - сказала она, - с такими-то стихами.

- И что же такого в его стихах? - сдерживая гнев, спросил я.

- Там про любовь... - запинаясь, говорила она. - Про чувства... Ну, у него всё написано, как в настоящей жизни. К тому же, очень романтично. А его выступления - это просто нечто. Он так выкладывается на сцене... Короче, Артур - очень харизматичный поэт. И внешность

у него такая... Мужественная, но в то же время мягкая... Он мне очень нравится. Моя подруга даже нарисовала его.

Она достала из сумки его портрет. Серьёзное, идеальное лицо, нарисованное карандашом. Глаза чуть прищурены. Рот немного приоткрыт. Волосы зачёсаны назад.

Рожа такая же мерзкая, как и на его пафосных афишах.

- Похоже? - спросила она меня.

- Очень, - ответил я. - Прямо как с афиши сошёл.

- Ну... У него есть разные афиши. Мне нравится та, где он в чёрном пальто, стоит боком и смотрит так пронзительно, прямо в душу.

- Как чужой, - усмехнулся я.

- Кто? - спросила она.

- Чужой. Ну, монстр такой. Из фильма.

- Я не смотрела, - улыбнулась она и замолчала, не оценив моего сравнения.

Я не знал, что ей сказать. О Клыке я беседовать больше не хотел. Хватит упоминать это ничтожество, выслушивать дифирамбы в его адрес! Да и девочка меня разочаровала. Если у неё такой вкус, то о чём же с ней можно беседовать? Я думал, что она больше не скажет мне ни слова, но, как и всегда, ошибся.

- А куда ты едешь? - краснея от стеснения, спросила она.

- Ищу край России, - зачем-то сказал я.

Глупо, по-дурачки вышло. Вроде как я вытрёпываюсь, пытаюсь ей понравиться.

- И как успехи? - продолжила она разговор.

Значит, мои слова как минимум показались ей остроумными.

- Пока даже край Сибири не могу найти, - ответил я. - Для этого нужно много времени.

- Ну а если серьёзно?

- Если серьёзно, то я просто люблю кататься на ночных автобусах, трамваях, - объяснил я. - Сажу, смотрю в окно, на жёлтые окна, каменные здания, на это плоское зимнее небо и читаю про себя стихи Артура Клыка. А потом реву, как ребёнок.

- Да ты просто король сарказма, - заметила она. - Я уже поняла, что тебе не нравится Артур Клык. Но я была бы рада, если бы ты составил мне компанию. Просто я никогда не ходила на концерты одна - для меня это как-то некомфортно, я чувствую себя потерянно и одиноко. И в этот раз я должна была поехать с подругой, Яной... Этот портрет как раз её...

Но полчаса назад у неё появились какие-то срочные дела, и Яна отказалась со мной ехать. Так что если хочешь, пошли со мной. У меня есть лишний билет.

«Да это судьба, - саркастически сказал я себе, - про билет на понос Клыка я даже не подумал... Мне бы пришлось купить его, заплатить за него деньги. Но мне предлагают его бесплатно! Как такое может быть? Разве бывают такие совпадения? Нет, подобное может произойти только в каком-нибудь дешёвом сериале, где всё строится на нелепых случайностях... Славно. Моя жизнь превращается в тупую мелодраму, становится пустотой на телевизионном канале, которую смотрят домохозяйки».

- Хорошо, - сразу согласился я. - Пошли.

Она достала из сумочки один билет, на котором красовалась слащавая рожа Клыка, и подала его мне. Я должен был взять, но... Разве будет честно забрать его, не заплатив ни копейки? Она плохо подумает обо мне.

- Вот деньги за билет, - сказал я, достав из кармана помятые купюры и протянув их ей.

- Нет, не надо, - отмахнулась Алиса. - Это как-то глупо. Ты ведь просто так не стал бы за это платить.

- Да, - солгал я, - не стал бы.

Вторую половину поездки мы ехали молча. Она смотрела в окно, на автобусы и троллейбусы, проезжающие мимо. Я уткнул взгляд в её ноги в красивых чёрных колготках, похожих на городскую ночь. Алиса была красивой, но мерзкой. Она раздражала меня уже тем, что ехала на концерт этого бездаря с его портретом. Гадость. Я почувствовал тошноту от её красивого тела, от её колготок, которые впитывали её пот, от её рук, которые держали портрет сраного Клыка, и захотел уйти, покинуть этот тёмный автобус, полный людей-кожаных мешков, которые разлагались изнутри и излучали лишь бесконечную боль и ничего больше.

Но Алиса была слишком красива. Слишком похожа на мою полупридуманную фигуристку. Её гладкие, белые волосы, напоминали скользких гадюк, которые жалили меня каждый раз, стоило только на них взглянуть. Её глаза казались мне озёрами, в которых морскими ежами плавали кругленькие зрачки. Иголки морских ежей впивались в мою кожу, и я снова чувствовал боль.

Нет, я не мог уйти. Тем более, после того, как она позвала меня с собой. «Может, я ей понравился? - промелькнуло у меня в голове. - Нет, не может быть. Кому ты можешь понравиться? Прыщавый, серый урод. Просто она слишком одинока, ей нужен клоун, дешёвый клоун типа меня на один вечерок, чтобы не хотелось сдохнуть. Всё просто... Может, она подумала, что я - друг Клыка, что я проведу её к нему? И там Клык отымеет её. В сраку, в письку, или как там он любит? Клык отымеет мою фигуристку, насадит её на свой поэтический член! А меня заставит смотреть и плакать... А потом позволит поцеловать её ножку, пальчик её ноги, испачканный в сперме...»

- Стоп! - крикнул я безмолвно, самому себе. - Что ты мелешь?! Прекрати. Какая гадость, Господи. Куда меня заносит? Побудь нормальным человеком, поговори с ней, как с другом, сходи на этот проклятый концерт. Она приятная, общительная девочка. Может, она просто увидела во мне хорошего человека и хочет со мной пообщаться. Просто маленькая наивная студентка, которой нравится дурная поэзия, все эти стишки в интернете от симпатичных мальчиков, сериалы про хоккеистов и программы по самообразованию. Ну и ладно. Успокойся. Задави самого себя и того гигантского рыжего клопа, что сидит в тебе, двигает усиками и кусает тебя в самое сердце.

- Наша остановка, - девочка пробудила меня ото сна. - Выходить будешь или поедешь дальше?

- Да, я схожу с тобой... - безэмоционально пробурчал я, словно отойдя ото сна. - Почему бы и нет?

- Хорошо, пойдём, - обрадовано сказала она.

Мы вышли из автобуса на пустую остановку, занесённую снегом, и пошли в сторону клуба. Туда уже запускали народ - глуповатых девочек лет по тринадцать с зелёными, фиолетовыми, розовыми волосами и челкастых, нежных мальчиков в узких джинсах и клетчатых рубашках.

Мы тоже последовали к дверям.

- Похоже, на его концерт одни мелкие ходят, - усмехнувшись, сказал я.

- Не только, - возразила она. - Здесь будет много девочек из университета.

- Поклонниц?

- Да. Мне об Артуре вообще одноклассница сказала. Подруга моя. Та самая, которая не приехала. Яна.

Мы вошли, сдали куртки в гардероб и уселись за стол. Она заказала себе какой-то коктейль, а я, по привычке, стакан пива. Не буду перед ней вытрёпываться. В любом случае, мне тут совсем ничего не светит.

Она задала мне пару глупеньких вопросах о моей учёбе и немного поведала о своей. На лингвистике, где она училась, всё было куда серьёзнее, чем на журфаке. Но ей всё равно не нравилось. Она хотела уйти куда-то работать, чтобы не тратить столько времени попусту. Куда точно, Алиса не сказала. Да и мне было не очень интересно. Ещё у неё был вариант с обучением в Европе, но эту тему она развивать не стала, потому как боялась сглазить и решила не хвастаться перед плохо знакомым парнем. Мы снова переключилась на Клыка. Она спросила, как часто я вижу его в вузе, а я ответил, что редко, и замолчал. Она, впрочем, видела его не чаще.

- Мне всё время хочется подойти к нему, попросить автограф, но я так стесняюсь... В вузе неподходящая обстановка... А вот на концерте...

Она трещала об этом ничтожестве, не затыкаясь, но я почти не слушал её. Сконцентрировался на пиве, на которое Алиса смотрела, точно на мадагаскарского таракана, сидящего на столе.

Играла музыка. Люди шушукались о своих делах, делали последние заказы, встречались, жали друг другу руки и целовались. Неужели все они пришли послушать эту бездарность?

Скорее всего, читая это, вы всё-таки скажете, что я ему завидовал. И отчасти это было так. Но зависть была не только моей, она шла ещё и от тех поэтов, которые писали, оставаясь непризнанными и делая каждый свой стих достоянием не сцены, а мусорного ведра. Мне было обидно. Я чувствовал здесь какую-то вселенскую несправедливость, ошибку, воцарение пустоты. Да, она тоже здесь была. Здесь она царствовала. И в псевдопоэзии Клыка пустота была, пожалуй, главной героиней. Почему люди не видят её? Как ему удалось обмануть их... Как они легко ведутся на эту безвкусицу? Все эти вопросы бомбардировали мой мозг, и я всё больше погружался в недоумение. Я зачем-то отвечал своей спутнице, как-то говорил с ней, вроде даже смеялся. Но она казалась мне лишь подделкой моей фигуристки, дурацкой бракованной копией с целым ворохом недостатков. И их количество увеличивалось с каждым упоминанием одного только имени Артура Клыка.

Минут через пять сам величайший поэт современности появился на сцене. В белой рубашке, черных штанах и серой футболке.

- Здравствуйте, дамы и господа, - высокомерно, напыщенно прокудахтал этот петух, - сегодня мы будем менять ваш взгляд на поэзию. Вы попали на презентацию поэтического макси-сингла «Влюблённый». Надеюсь, вы получите колоссальное удовольствие от этого концерта. Что же, давай те начнём без лишних введений.

Свет в зале потух, девочки ахнули, и в динамиках заиграло пианино. Какая-то стандартная, тихая, не вползающая в голову мелодия, которая заставит девочек расплакаться даже если читать под неё не псевдосерьёзные стихи, а школьный диктант для пятиклассников.

Сидящие в зале мальчики и девочки напряглись и включили камеры своих телефонов.

Мне было стыдно за то, что я нахожусь здесь, но бежать было уже некуда. Я отхлебнул немного пива, хотел рыгнуть, но не стал. Зачем пугать девочку, которая и так на меня уже косо смотрит?

Включился прожектор, Артур отпил немного воды из стоящего рядом стакана, расстегнул три верхних пуговицы на рубашке и, прищулив глаза, стал читать свой гениальный стих:

Твоя улыбка, кофе, сумка, сигареты

Помогут забыть о левом и плохом,

Мы вместе, не говори другим об этом.

Ради тебя я всё поставлю на кон.

Пусть люди будут сплетничать, чёрт с ними!

Мы им и предкам скажем: «пока»

О проблемах мы мигом забыли.

Дорогая, прости меня, дурака.

Прошу, будь, как и раньше, милой,

Чуть-чуть чужой, красивой.

И пусть моя правда порой неправдива.

Ты всегда будешь мною любима.

Я скажу честно, без фальши:

Между нами всё будет не так, как раньше,

Я буду носить тебя на руках, утром готовить завтрак,

Условимся: сегодня любовь, а проблемы оставим на завтра.

Произнеся последнюю строчку, он пустил в зал воздушный поцелуй.

Алиса была в восторге. Несколько девочек в зале плакали. Все хлопали в ладоши. Потрясающе. Артур Клык стал кланяться во все стороны, широко улыбаясь. Длинные белые волосы падали на его безупречное лицо, словно моча на снег. Всё сильнее я чувствовал тошноту. Он отпил вина из бутылки, которая стояла на сцене, приготовился читать второй стих, но я был совсем не готов слушать его понос ещё раз. Нужно было куда-нибудь отойти, взять паузу.

Я встал из-за стола. Алиса спросила, куда я пошел, и я ответил первое попавшееся: «В туалет».

Я действительно направился в туалет. Конечно, мне надо было бы вовсе уйти отсюда, но вот так сбежать было бы мало того что некрасиво, так ещё и весьма трусливо.

С трудом протиснувшись сквозь столики и людей, которым не досталось сидячего места, я зашёл в туалет.

Это была чистая, просторная уборная с несколькими писсуарами и тремя кабинками. В одной из них происходила какая-то возня. Через секунду оттуда вылез, извиваясь от

страсти и вожделения, белозубый, чуть полноватый блондин Витя со своей дамой - черноволосой зеленоглазой красоткой по имени Алина. В прошлом году она победила в факультетском конкурсе красоты. А затем и в университетском. Фигуристая, худенькая, длинноногая бестия, у которой рубашка была расстёгнута, а юбка задрана кверху, атаковала свою жертву. Она напрыгнула на по пояс обнажённого Витю, поцеловала его сначала в губы, а затем в шею. Они не замечали меня. Были слишком увлечены процессом. Я решил не стоять на месте и не глазеть на их совокупление, а пройти к кабинке и там спокойно отлить. Но как только я сдвинулся с места, Витя заметил меня. Вместе с ним внимание на меня обратила и Алина.

- Ой, - опешила она, мигом спрыгнула со своего парня и забежала в кабинку, чтобы скрыться от посторонних глаз.

Витя же бежать совсем не хотел. Он имел право находиться в мужском туалете, у него не были спущены штаны, он был больше, сильнее и увереннее меня, а главное, он не хотел прерывать свидание с Алиной из-за какого-то прыщавого чудика, не вовремя зашедшего пописать.

- А ну вышел отсюда! - твякнул Витя, понадеявшись, что я испугаюсь одного только его агрессивного тона.

- Да иди в жопу, - бросил я. - Это мужской туалет, чувак. Здесь потребности естественные справляют, а не тёлка трахают!

- Что ты щ-щ-щ-ас сказал? - забыковал он. - Во-первых, я где хочу, там и трахаюсь, а во-вторых, кого ты тёлкой сейчас назвал? Это девушка, а не тёлка, гандон! Извинись перед ней.

- Пусть он уйдёт! - запищала из кабинки его «не тёлка, а девушка».

- Ты слышишь, тебя просят уйти! - крикнул Витя. - Извинись и уходи.

- Я уйду после того, как отолю, ясно тебе? - из принципа не сдавался я. - Данное место для этого и предназначено. А твоя тёлка может пока посидеть в кабинке и подождать. Или вы можете продолжить. Мне не так важно.

- Во-первых, я сказал тебе не называть её тёлкой! - гаркнул он. - Меня это бесит.

- Хорошо, твоя шкура... - начал я, но закончить фразу мне было не суждено.

Это был перебор, и я это понимал, но не смог удержаться, остановиться. Я никогда не останавливаюсь. Вырёпываюсь до бесконечности и получаю по лицу. Дурак

Он подскочил ко мне, точно сайгак, и схватил меня за кофту.

- Чо ты сказал?! - вопил он. - Чо ты сказал, сука?

Он не бил меня. Просто хватал меня за кофту, растягивал, а я пытался увернуться, выворачивался, крутился, как мог. Скорее всего, это выглядело нелепо, но я же не Джеки Чан, чтобы уделать его на раз-два.

- Ты бы хоть футболку надел, - сказал ему я. - А то мы сейчас выйдем с тобой, как парочка гомосеков. Будто ты уже разделся и сейчас раздеваешь меня. Что люди подумают...

- Ты что, дофига шутник? - плевался он словами, прижав меня к стене. - Я тебе сейчас нос сломаю!

- Его уже ломали, - нагло улыбнулся я, - так что ещё один раз лишним не будет.

- Это видно, - сказал он. - У тебя на лице синяк ещё не до конца зажил. Сильно борзый? Но на девушку мою наезжать, за это ты, говнюк, должен ответить.

- Ты затянул со своей расплатой, каратель, - сказал я ему. - Что ты меня к стенке прижал? Делай уже что-нибудь... Или ты решил со своей тёлки на меня переключиться?

- Сука... - воскликнул он и, достав из кармана раскладной нож-бабочку, приставил его к моему горлу.

- Ещё слово, и я тебя прирежу, шутник, - покраснев, как помидор, промолвил он серьёзно, точно действительно намеревался меня убить.

Его глаза порозовели, вены выступили на лбу. Его рука чуть подрагивала. Но вся эта картина из романов Достоевского только насмешила меня.

- Успокойся, чувак, - сказал ему я, - будешь убивать меня из-за того, что как-то не так назвал твою тёлку?

- Да заткнись ты уже! - рявкнул он, сорвав голос. - Или я сейчас реально воткну тебе нож в горло.

- Окей, втыкай, - согласился я. - Только тебе же хуже. Я сдохну, мне всё равно, я всяко уже практически мёртв... Так что я даже не умру в полном смысле этого слова. А вот ты себя закопаешь. Сядешь в тюрьму за дебильное убийство в туалете, потеряешь свою мисс факультета, на которую дробит половина универа, потеряешь родителей, тачку, даже товарища-псевдопоэта Артура, которому друг-убийца явно испортит репутацию. Так что убив меня, ты убиваешь только себя и никого больше...

- У тебя всё нормально с головой? - чуть успокоившись, сказал он.

- Не знаю, - пожал я плечами. - Но всяко лучше, чем у тебя. Ты же сейчас стоишь с ножом, а не я.

Вдруг из кабинки, наконец, выскочила одетая и приведшая себя в порядок Алина.

- Что ты делаешь, Вить?! - воскликнула она. - А ну отпусти его. И нож свой тоже убери. Вздумал тут в игрушки играть. Ты совсем debil что ли? А если это люди увидят? Ты проблем хочешь?

Витя отпустил меня и мигом спрятал нож в карман. Лицо его сделалось виноватым. Он вёл себя словно ребёнок, которого мама забирает из песочницы, ругая за конфликт с другим мальчиком.

- Этот мудила назвал тебя тёлкой! - пытался оправдаться Витя.

- И что?! - воскликнула Алина. - Хер с ним.

Алина вышла, а Витя, на секунду задержавшись у двери, злобно произнёс напоследок:

- Ты мне весь секс, обломал, придурок. Я её на такой экстрим в туалете полгода уламывал, а ты пришёл и всё похерил, так ещё и тёлку мою обозвал. Ещё увидимся - я всеку тебе, так что жди, мразь, я...

- Погоди, - перебил его я, - если я не ошибаюсь, ты сказал «тёлка»?

- Да иди ты, - выплюнул он и, громко стукнув дверью, вышел из туалета.

Я встал, поправил одежду, которая ничуть не замаралась, и пошёл в кабинку. В ту самую, где они трахались... Я не знаю, что повело меня туда. Наверное, я думал, что там ещё сохранились следы их совокупления, что там ещё остался запах голой девушки, которого я никогда не ощущал.

Но запаха не было. Пахло обычными женскими духами. В мусорке лежал презерватив, который достали, но так и не успели воспользоваться. На полу не было больше ничего. На стене висела надпись «Ногами на унитазы не вставать». Я никогда и не вставал ногами на унитазы, но сейчас, после этого случая, из которого я вышел победителем и даже не получил синяк под глазом, я решил почувствовать себя царём горы, и встал на свой пьедестал. Сначала я глядел вниз, на водичку, которая медленно окрашивалась в жёлтый цвет, но затем решил стрелять вслепую и посмотрел, что за мусор валяется за унитазом. Там было чисто - видимо, туалет мыли ежедневно. Однако приглядевшись, я заметил, что за туалетом лежало что-то блестящее. Закончив свои дела, я слез с унитаза, нагнулся и достал эту вещь. Ей оказалась обыкновенная женская заколка с цветочками и маленькой, едва различимой надписью: «дочке от папы».

«Может, эта заколка принадлежит Алине, - подумал я, - а может, она валяется тут давно. Хотя если за туалетом так чисто, значит её бы убрали раньше».

Я ополоснул заколку под краном, вытер её бумажными полотенцами и положил себе в портфель. У меня была мысль прямо сейчас подойти к Алине и спросить, не её ли это заколка, но после произошедшей всего несколько минут назад стычки, разговаривать с ней было как-то неловко.

Я решил пока оставить заколку у себя, а потом через кого-нибудь передать её Алине. Много моих одногруппниц знало её лично, так что проблем с этим возникнуть не должно было.

Затем я помыл руки и вышел из туалета. Артур Клык, надрываясь, читал стихи Сергея Есенина. Юноша был красным, как клубничное варенье (и таким же сладким), кричал на весь зал строчки мейнстримной и заетой до дыр поэмы «Письмо к женщине», которую наизусть знала каждая сидящая в зале девочка из-за «фееричного прочтения» актёра Сергея Безрукова.

Девочки плакали, представляли себя этой самой женщиной из поэмы... Любая из них в этот миг думала, что каждое слово, произнесённое со сцены «новым Есениным», то есть гениальным и харизматичным Артуром Клыком, обращено именно к ней, и ни к кому больше.

Алиса тоже слушала Клыка, не спуская улыбки с красивого, довольного лица.

Я вернулся и присел за столик, но она даже не обратила на меня внимания и продолжила восхищённо смотреть на сцену. Когда Клык закончил свою наигранную истерику, перевозбуждённые, истекающие слезами (и не только) девчонки вскочили со своих мест и принялись хлопать что есть сил.

- Артур! Артур! Артур! Артур! - закричали они хором.

Некоторые визжали и даже свистели.

Клыку, словно народному артисту России, полетели на сцену цветы, он поклонился несколько раз, поцеловал в щёчку какую-то поклонницу, поднёсшую ему букет, и, переждав овации и поиграв на публику, продолжил своё выступление. Как только все уселись и действие немного успокоилась, Алиса заметила, что я вернулся и сижу вместе с ней за столом.

- Блин, надо было сейчас ему портрет подарить, - разочарованно сказала она. - После концерта может не быть шанса... Блин... Хотя после, может, я смогу ему несколько слов сказать. Но даже если не смогу, ты меня с ним познакомишь, вы же друзья?

- Мы не друзья, - ответил я с ощущением, что я говорил это уже раз сто. - Я ним даже ни разу нормально не разговаривали.

- Как это не друзья, вы же учитесь вместе?

- Не вместе. Просто на одном факультете. Ты тоже на этом же факультете числишься, и что? Ты же с ним не знакома.

- Ну... - протянула Алиса, - лингвисты вообще существуют обособленно. Мы никого не знаем, нас никто не знает. А остальные... У них больше общих пар. А ты, кстати, на каком направлении учишься?

- На журналистике, - сказал я.

- Хорошо. Ты, кстати, где так долго был? Я подумала, что ты вообще решил уйти домой.

- У меня был понос, вот и задержался. - зачем-то сказал я.

- Ну ладно - спросила она, сделав вид, что пропустила слова про понос мимо ушей.

На этом разговор вроде бы закончился, однако через минуту Алиса решила возобновить его.

- Вообще-то нельзя такое девочкам говорить, - смотря на сцену, всё-таки промолвила она.

- Мне можно, - ответил я.

- Странный ты, - заметила Алиса. - Это прикольно, но... немного пугает.

Начался новый стишок. Снова что-то про взволнованное дыхание, кофе, сигареты, ноутбук и перчатку. Скука. Скоро она должна была закончиться. Да и бедный Артурчик уже изрядно выдохся. Он продолжал прыгать по сцене, громко орать, краснеть, плевать и пучить глаза, но теперь делал это менее охотно. В голосе у него часто появлялась отдышка, да и перерывы на винишкопой и разговоры с малолетними фанатками стали занимать куда больше времени. Я продолжал сидеть и, как мудака, ухмыляться.

Моя рука прочно слиплась с вспотевшим лбом. Однако Алиса моих выходов даже не замечала. И хорошо. Со стороны это смотрелось очень глупо, я полагаю.

Наконец, пытка закончилась. Самодовольно подняв голову, он произнёс:

- Спасибо, дамы и господа, что почтили своим вниманием этот поэтический вечер. Я всем вам очень благодарен за внимание к моим стихам и к поэзии в принципе. Сейчас, как вы знаете, молодое поколение сидит в социальных сетях, в инстаграмах и твиттерах, и совершенно ничего не читает, не интересуется искусством. Я рад, что вы не такие... И вместе с вами мы обязательно изменим не только взгляд на поэзию, но и всю поэзию в России. Спасибо вам! Если кому-то нужны автографы, я выйду минут через десять. Только воды попью, покурю, а потом будут фото, росписи и так далее. Хорошо?

- Хорошо, - пропищали девочки со слезящимися глазами.

Совсем немногие пошли на выход. Большая часть людей осталась сидеть в зале, слушать лёгкую музыку, которая играла из колонок, и ждать Клыка.

Мне не хотелось ещё раз видеть этого гада. Хватит. Пустота заполнила меня, и даже ненависти к Артуру сейчас не было. Я выгорел. Даже Алиса не казалась мне прекрасной. Она - просто ничего. Только ветер за стенами. Ветер, который хотелось впитать в себя.

Я испытывал потребность простудиться. Чтобы заложило нос. Чтобы я перестал дышать, чтобы чувствовал, как в горле першит, как там ползают муравьи, желающие угодить своей королеве. Я захотел кашлять, захотел задохнуться, захотел сломать в себе что-то.

- Ты не будешь ждать? - робко спросила Алиса меня. - Пойдешь домой?

- Да, я устал, - ответил я. - Пожалуй, пойду.

- Могли бы на такси вместе доехать, - смущенно промолвила она.

Нет, это было невозможно. Она клеилась ко мне? Зачем ей нужен такой урод? Может, ей совсем не важны физические характеристики? Ну я же за всё это время, пока был с ней, показал, чего стою. Показал, какой я мудака, показал, что мне ничего не интересно, показал, что я - унылое, заикающееся говно. Что ей ещё нужно? Нет. Она симпатичная, хорошенькая девочка. Зачем я буду портить ей жизнь? Нет. Я не позволю тебе быть с чудовищем.

- Я хочу прогуляться до дома пешком, - заявил я.

Это была правда. Я действительно хотел идти своим ходом. Почему бы и нет?

- По морозу? - удивилась она. - Ну ладно. Это странно, конечно... Но мне всё это нравится... Знаешь, сейчас люди все такие банальные, ни в ком нет ничего неожиданного, а тебе, кажется, есть...

- Что ты имеешь в виду под «неожиданным»? - спросил я.

- Нечто вроде бездны... - сказала она. - Это круто, знаешь. Придаёт всему этому какой-то интриги.

- Возможно, - пожал я плечами и уже собирался уходить, но она остановила меня.

- Погоди... - двинулись её розовые губки. - Я бы с тобой ещё как-нибудь встретила вне вуза. Ну, ты вроде интересный собеседник. Не бесишь меня, не нозишь...

- Можно как-нибудь повидаться, - безразлично промолвил я и пожал плечами.

- Тогда дай мне свой номер, ок?

- Хорошо, - согласился я и начал произносить скачущие перед глазами циферки.

8913...

По вдруг, перед последними двумя цифрами, я остановился.

«Зачем ей это? - подумал я, - ей будет лучше, если мы не увидимся... Но она так похожа на мою фигуристку... Она такая красивая, такая живая, такая хорошая, добрая. Она... Девушка... Вот именно. Она девушка. Ей нужна любовь. Ей нужен нормальный человек, который сможет защитить, помочь... Вот это всё... Из школьных книжек... Ей будет стыдно со мной. Она будет со мной только из жалости, она будет терпеть меня, сопереживать мне поначалу... А потом растопчет меня, скажет правду, скажет, что на самом деле думает обо мне! Нет, я не хочу... Я - нелепость, а нелепости запрещены нормальные вещи, ей запрещены поощрения. Нелепость должна быть проклята навечно. Её должны наказывать из раза в раз, её должны устранять, словно системную ошибку. В жопу всех. Пусть эта девочка забудет обо мне, как о страшном сне! Как банально это звучит. У человека,

способного творить и делать хоть что-то похожее на искусство, оно бы не вырвалось. Но я же не человек, способный хоть творить... Я - просто нелепость, и мне было бы хорошо просто замолкнуть, остановиться, прекратить делать всё что угодно, просто стать чем-то, чего нет... Пустотой».

Прокрутив этот дурацкий поток мыслей в своей голове, я продиктовал ей последние две цифры. Переставил их. Сказал неправильный номер. Вот и всё. Я пожал Алисе руку и вышел из клуба.

Как назло, прямо у дверей клуба курили Витя с Артуром. Оба взглянули на меня с насмешкой и злостью.

Я попытался спокойно уйти, даже не глядя на них, но Витя не хотел забывать произошедшего в туалете. Правда, рот открыл совсем не он, а этот лощёный недопоэт.

- Ты что в туалете устроил, дебил? - наехал на меня Артур.

- Иди в жопу, Никита... Простите... Артур, - бросил я ему, даже не смотря на этого придурка.

- Что ты сказал? - вроде как не понял Клык.

- Я те говорю, он больно борзый, - наконец, залаял Витя.

Я промолчал. В конце концов, их было двое. Плюс рядом стояло несколько фэнов Артура, которые в случае чего готовы были вступить за своего кумира.

- Так что ты здесь делаешь? - кукарекал Клык. - В туалетах пришёл драться? Или захотел людям настроение испортить? Я видел, с какой рожей ты сидел за столом. У тебя, кстати, девочка красивая. Я бы её сегодня отымел! Ты её бросил там, да... Опасно оставлять такую красавицу в одиночестве. Тем более, если она прётся от какого-то парня. Портреты ему рисует, автограф просит. Она моя фанатка, а для любой фанатки её кумир - Господь Бог. Что он скажет - то она и сделает. Так что я спокойно смогу её трахнуть.

- Хех, - усмехнулся я. - Трахай. Кажется, у неё никого нет. Да и вкус у неё херовый.

- Ты о чём?

- Да стихи твои... - пояснил я. - Такого говна я в жизни не слышал. Даже у районных давалок получается лучше. Кстати, для кого эти эмоциональные прочтения Есенина? Не для них ли часом?

- Слышь сюда, сука! - подскочил ко мне Клык. - Не будь здесь людей, я за такие слова бы тебя...

- Что сделал бы, клюнул? - усмехнулся я. - Ну давай, петушара!

- Он, походу, камикадзе, Артур, - предусмотрительно остановил друга Витя. - Брось этого лоха, ещё разборки тут устраивать... Люди сфотают, выложат в сети. Тебе это надо? Он в нашем корпусе учится, так что вдарить ему в любой момент можно.

- Хорошо, - согласился «поэт». - Тебе везёт сегодня, сука. Но это не всё, ясно? Ты мне теперь личный враг, сволочь. Так что за свои слова ты ещё ответишь.

Он пихнул меня в бок и пошёл обратно, в клуб, к своим фанаткам, жаждущим автографов. Я ухмыльнулся ему, зачем-то показал ему фак и пошёл прочь.

Вновь обошлось без драки. Хотя меня было за что бить. Я снова перегнул палку и чуть не получил по лицу. А ведь хотелось сегодня подраться, да? Настроение подходящее. Разбить себе морду, а может, и ещё кому-то. Почувствовать боль. Уйти, как раненный зверь, а не как комнатный мальчик. Ладно. Проехали.

Я повернул на дорогу и пошагал домой, вдыхая холодный ночной воздух. Я чувствовал, как Сибирь, словно кит воду, выпускала из себя темноту, смерть и завывающий ветер, который сливался со мной, и мы с Сибирью опять были едины в своём перманентном безумии. Я шёл по улице, видя людей... Их носы, похожие на дуло двустволки, их волосы, напоминающие мне о свисающих к земле ветках берёз, их глаза - заострённые клювы ворон...

Я проходил мимо сугробов и черно-зелёных многоэтажек. Мимо неоновых вывесок и торговых центров, на фоне которых снег блестел и искрился. Я замерзал, но, как и планировал, расстегнул куртку и кофту. Моё горло почувствовало настоящий, обжигающий холод. Хорошо... Теперь пусть на меня набросится лицехват холода и положит в моё тело эмбрион простуды.

По дорогам мчались таксисты - эти растворившиеся в затмении улиц странники. Вместе с ними шествовали одинокие, потерянные в метели машины, которые казались падающими звёздами, уходившими в пустоту.

Я шёл по обочине дороги. Наверное, мне даже было хорошо в этом бесконечном, недружелюбном океане, состоящем из ночи и холода. Или наоборот - из холода и ночи.

В банке, на пятом этаже большого, стеклянного здания ещё то-то работал. Одно окно тускло горело. Я присмотрелся. Там сидела красивая, взрослая женщина в коричневом пиджаке. «Наверное, ей одиноко, - тяжело подумал я. - Наверное, ей совсем не хочется возвращаться домой... Но что же поделать... Мы должны возвращаться туда снова и снова, чтобы перезагрузиться, получить обновление, подготовиться жить заново. Нет, мы должны возвращаться домой. Нам необходимо, чтобы каждый день круг замыкался. Снова и снова. Наши часы - круги, наши месяцы - круги, наши дни и годы - круги... Да и что, собственно, наша с вами жизнь, если не замкнутый круг? Путь от пустоты к пустоте.

Я быстро отвлёкся от окна этого дурацкого банка и пошёл дальше. По краю обочины.

Ветер подул яростнее. Метель становилась всё сильнее. Я щурился, но не закрывал лица. Мне нравилось всем телом чувствовать зимнюю сказку, которая обязательно должна быть страшной, сметающей всё на своём пути.

Я не застёгивался. Зачем останавливать разрушение?

Пальцы и нос медленно леденели. Под ногами хрустел снег. словно это были кости убитых на какой-то из недавно окончившихся войн за судьбу всего человечества. Я дышал трупным запахом. Вокруг был могильный холод, да я и был всего-навсего трупом. Обычным трупом без претензий на что-то большее. Славься, Матушка-Сибирь, одна братская могила! Я люблю тебя всем сердцем, как только можно любить. Я люблю тебя за то, то ты - часть меня. За то, что ты настолько же обречена, насколько обречён я, за то, что ты настолько уродлива, насколько же и уродлив я.

Мои мысли текли зелёным болотом по белым просторам сознания, однако вдруг всё это, все эти мысли и фантазии, весь этот мир, разрушил один голос остановившегося у обочины таксиста:

- Эй! - воскликнул из парень чуть старше меня. - Тебя куда-нибудь подвезти?
- Нет, - буркнул я, - у меня нет денег.
- Да садись ты, задолбал, - сорвался он и посигналил мне, призывая меня потарапливаться.
- Что тебе от меня надо? - остановился я.
- Да сядь в машину, дебил.
- Сам ты дебил, - огрызнулся я.
- Сядь, кретин! - рявкнул он на меня, ударив рукой по рулю.

Он не был похож на маньяка. Просто худой, прыщавый парень лет двадцати пяти в мятой рубашке, чуть напуганный, с бледным лицом, заросшим щетиной. Под глазами - огромные синяки. Волосы свисают до самых плеч. «А что? - подумал я, - сяду к нему, узнаю, что надо этому педикю. Может, он какой-нибудь маньяк. Возьмёт и грохнет меня. Тогда хоть весь этот бред прекратится».

Я остановился и сел в его чёрную «Волгу», на которой был написан номер такси. Несколько троек и девяток. Пахло сигаретами. И, пожалуй, рвотой. Видимо, кто-то недавно обрыгал всю его машину.

- Ну окей, - сказал я ему. - Что тебе нужно? Ты псих или кто?
- Замолчи... - вздохнул он. - Я... Куда ты идёшь? Почему не спишь ночью? У тебя бессонница?

Он дрожал. Его лихорадило. Возможно, этот чувак был каким-нибудь сумасшедшим убийцей. Только каким именно? Ведь разные виды бывают...

- У меня часто бывает бессонница, - ответил я ему. - Но не сейчас. Я просто возвращаюсь с концерта.

- Какого концерта?

- Какая тебе разница? - возмутился я. - Там... Выступал один поэт. Мы ходили смотреть на его концерт.

- Мы? Кто это - мы? Ты был с девушкой?

- Да.

- Как её зовут? - спросил он.

- Алиса.

- Она красивая?

- Красивая, но глупая, - зачем-то ответил я.

- Ты трахаешь её?

- Это допрос?! - крикнул я. - Какого хера я должен тебе отвечать?

- Так трахаешь или нет?

- Отвали, - буркнул я в ответ. - Не трахаю я её. Это просто подруга.

- Значит, её трахает кто-то другой, - заключил он.

- Да какая мне разница?! - воскликнул я. - Может, и трахает. Мне пофиг.

- Нет, точно кто-то её трахает, - по-дурацки улыбнувшись, сказал таксист. - Так со всеми женщинами. Точнее, со всеми девушками. Сначала они кажутся тебе существами чистой, ангельской природы, недоступной твоему пониманию, они видятся чем-то высшим, чем-то, что большим, чем философия и любая религия, а потом... А потом оказывается, что это просто ложь, и каждая из них - просто кусок мяса, который трахают за гаражами.

- Ты слишком категоричен, - сказал я. - Нельзя про всех так.

- А ты слишком тупой, - не церемонился он. - Посмотри на себя... Нахер ты разделся... Метель усиливается, сегодня ночью упадёт пара деревьев. В этом году уже было три или четыре таких ночи... Людей с ног сбивает. А такие, как ты, могут упасть где-нибудь по пути домой и не дожить до утра. Ты этого хочешь?

- Возможно, - ответил я. - Ещё не решил.

- Ну вот. Кончать с собой надо, когда точно решил.

- Разве можно точно решить? - спросил я.

- Вряд ли... - вздохнул таксист. - Я вот не могу... Уже купил себе пистолет, зарядил. А всё не могу. Что-то держит. Кстати, куда тебе?

- Панфиловцев, 28, - сказал я. - Но я уже сказал, что у меня нет денег.

Таксист завёл машину и поехал. Но молчать он не планировал.

- Ничего, я - это ходячий благотворительный фонд, - продолжил он. - Супергерой, если можно так выразиться. Только не я спасаю людей, а они меня.

- Это как?

- Я подышаю от одиночества, чувак, - сказал таксист. - День не может дать компании, днём люди ненастоящие, но ночью... В них просыпается что-то живое, какая-то тайна. Они пьянеют и становятся чуть более сумасшедшими. Ночь... Это среда обитания порока. Именно в это время суток начинаются пьянки, люди танцуют, целуются... На улицу выползают всякие шлюхи, наркоманы, гопники, воры, люди, которые хотят свободы, и дети, сбежавшие от своих родителей. Мы, таксисты, смываем с улиц всю эту пададь, то есть развозим её по домам, подготавливаем приход чистого и опрятного утра. Я всегда поражаюсь... Ночью всё выглядит так блекло, словно всё умерло, но приходит утро, и всё снова будто бы хорошо. Как по волшебству. И главное, неизвестно, кто всё убирает... Может, фраза «время - лечит» как раз об этом?

- Возможно, - пожал я плечами. - Ты всегда работаешь по ночам?

- Конечно, - усмехнулся таксист. - Я устроился сюда, потому что страдаю бессонницей. Практически не могу спать. Долго мучился, а потом забил, устроился на работу. Сначала в ресторан, но это не по мне. Там много людей. А в такси, как правило, ты везёшь одного человека.

- Ты не любишь людей?

- Смотря каких, - сказал он. - Вообще, очень люблю. Но когда они на картинках или в книжках каких-нибудь. Реальные люди вторгаются в твой мир и переворачивают там что-то... Это как червь, пробравшийся внутрь организма и пожирающий твои органы. Это не очень приятно чувствовать. К тому же, многие из них - те ещё свиньи. Несколько раз в неделю мне приходится оттирать заднее сиденье от блевоты. Недавно сзади вообще трахались. Но мне заплатили слишком много, чтобы их высаживать. Да и тёлка показалась красивой. Было, на что посмотреть.

- Наверное, такие вещи отвлекают от дороги.

- Это отвлекает от одиночества, - ответил таксист, - и от мыслей о том, что надо бы поскорей покончить с собой.

- В чём твоя причина? - спросил я у него. - Ну, почему ты хочешь сделать это?

- Не знаю. Наверное, у меня нет причины. Нет вообще причин что-либо делать, о чём-то думать. Наверное, в этом кроется главная проблема.
- То есть, ты подводишь людей просто так... Чтобы поговорить с ними?
- Да, - кивнул он. - Мне нужны истории. Я пишу роман.
- Днём?
- Нет, - помотал он головой. - Я пишу его ночью, а днём просто записываю на бумагу.
- Как это?
- Мой роман - это сборник историй, - говорил таксист. - У него нет единого сюжета, но есть одна тема, которой связаны эти истории. Все персонажи книги - одиночки. Да, в какой-то мере, эта книга об одиночестве. Настоящем, не придуманном одиночестве, ведь у меня есть одно обязательное условие... Истории, которые написаны в книге, должны быть настоящими, подлинными. И о них никто не должен знать, кроме меня, конечно.
- И на какой стадии твой роман? - поинтересовался я.
- Я почти всё дописал, - признался он. - Всего должно быть девять историй, сейчас у меня восемь.
- И ты находишься в поисках девятой, верно?
- Правильно, - кивнул он. - Её труднее всего найти. Эта история должна подвести черту под всей книгой. Она должна стать финалом. Это самое сложное.
- В таком случае, ты явно взял не того. Моя жизнь совсем не интересна.
- В этом и суть! - воскликнул он. - Мой роман не про «интересных людей». Он о другом.
- О чём же?
- О том, как у человека появляется тайное, но постоянно растущее желание съесть самого себя, а затем обглодать косточки.
- И ты увидел во мне это желание?
- Да, - улыбнулся он. - Я видел таких, как ты. Я вижу твой взгляд, который будто бы упёрся в тупик, я ощущаю твой страх, который соседствует с абсолютным бесстрашием. Ты - человек противоположных крайностей, а такие отрывают от себя куски и жуют, чавкая... Признайся, ты тоже увидел это во мне. Кем я тебе показался, а? Отвечай, не бойся. Со мной можно говорить правду.
- Я увидел в тебе безумца, - ответил я. - оскорблённого сумасшедшего. Ты с такой обидой и злобой говоришь о женщинах. У тебя была девочка, да? Совсем недавно, правильно? И она тебя кинула.

- Да, была, - слегка ударив ладонью по рулю, сказал он. - Я же не просто так вот это всё устраиваю. Я много раз пытался как-то выправить свою жизнь, сделать всё так, как у людей, чтобы не копать в себе, чтобы не гнить заживо. Ну, чтобы друзья, девушки и всё такое. Но я не предназначен для этого. Девушки меня пугают. Я веду себя с ними нелепо, безобразно даже. Я ничего не могу им дать, а они считают меня каким-то монстром, призраком, быть может. Они существа холодные, гордые и иррациональные. Каждая из них вроде бы охотница, но все они желают быть жертвами. Каждая из них вроде бы хочет чего-то нестандартного и удивительного, но каждая, одновременно, упрекает тебя за любой уход от банальности. Мне это не понятно. А ты? Тебе нравится девушка, с которой ты ходил на концерт?

- Возможно, - сказал я. - Просто она похожа на фигуристку из телевизора.

- На кого?

- Недавно я увидел в телевизоре фигуристку. Она мне понравилась, показалась очень красивой, прекрасной. Ну ты понимаешь. Это лёгкое платье... Как платочек. Брови-ласточки. Ножки. Коньки. Острые, как её носик... Всё это создаёт цельный восхитительный образ, и он впивается в голову, как клещ, и не даёт тебе жить. Но недавно я увидел девушку, похожую на неё. Мы познакомились совершенно случайно, в автобусе, а потом вместе пошли на концерт.

- Ты её позвал?

- Вовсе нет, - сказал я. - Я изначально туда ехал, не купив билета. А её встретил по дороге. Она ехала туда же. По сути, она предложила мне пойти на концерт, подарила билет.

- Как же ты поехал без билета?

- Я не думал ни о каком билете. Понимаешь, для меня это - не просто концерт, не развлечение... Там выступал человек, которого я презираю. Я чувствую ненависть, когда вижу его. Часто мне нужна эта ненависть, она заряжает меня, помогает мне... Это сложно объяснить. В такие моменты я завидую ему, презираю себя за свою слабость, за своё косноязычие, но ощущаю внутри какую-то дурацкую силу, протест, бунт саморазрушения. Мне кажется, что пустота, что содержится во мне, особая, пепельная, разрушительная пустота, бултыхающаяся в моём теле, это - откровение, и я - словно провозвестник всемирной пустоты, всеобщего опустошения и всеобщей смерти. Тогда я - выше их. Они в том, мясном, потном, темном мире, который умирает, не чувствуя боли. А я - уже в пустоте, что давно, незаметно от всех, заняла главное место в мире. Ради всех этих чувств и мыслей я пошёл смотреть на смазливую морду поэта Артура, которую я с большим удовольствием бы разбил. А Алиса его фанатка. Она восхищается этим бездарем, знает наизусть его поганые, ни на что не годные стихи. Это её главный недостаток. Вроде бы единственный, но... Стоит мне увидеть в девушке один недостаток, он ширится, растёт, становится огромным и заслоняет всё хорошее, что в ней есть. Меня начинает тошнить от неё, вся она становится одним сплошным недостатком, которого я не достоин. Как-то так. Но Алиса - хорошая, и, возможно, я ей даже понравился. Не представляю, как это

возможно... Да и зачем давать ей этот кусок говна под названием «я». Не хочу, чтобы кто-то видел в ней хоть один недостаток. Её надо любить, ей надо умиляться, а я на это совсем не способен. Да, я не способен полюбить реального человека. Только образ. Только объект фантазии.

- Наверное, тебе повезло, - заметил таксист. - Встретить в реальном мире человека, похожего на собственный идеал красоты, - это сказочная история. Каждый бы так хотел.

- Да, но похожа лишь внешность, не душа... Образ ты выдумываешь сам, ты можешь наделить его любыми чертами, а человек... Ты можешь только его понять. Нужно копаться в нём, пытаться не оскорбить его. Нужно гадать, что он о тебе думает... Это всё сложно. Особенно, если ты сам плохой человек.

- А ты считаешь себя плохим?

- Да, - признался я. - Мне мало с кем удаётся поладить. Мне что-то мешает сблизиться с людьми. Какое-то чувство обречённости, бесполезности всего на свете, отсутствие желания делать хоть что-то, бесконечная утомлённость. Может быть, это от бессонницы.

- А может, всё это - одиночество?

- Я называю это пустотой, - сказал я. - Она куда больше одиночества. Она не может просто исчезнуть. Пустота словно ежесекундно избивает тебя, ставит синяки под твоими глазами. Хотя, может, их ставит обыкновенная бессонница.

- Знаете, что является причиной бессонницы? - спросил он меня. - Мечтатели не могут спать, потому что для них вся жизнь - тот же сон. У души мечтателя нет потребности в сне, потому что она умеет спать наяву, но тело заставляет мечтателя ложиться в постель, закрывать глаза. Поэтому он всегда хочет перестать быть мясом. Хочет, чтобы осталась только душа.

Вдруг в телефоне таксиста что-то щёлкнуло. Пришёл заказ. Он должен был высадить меня и двигаться в другое место, к другому заблудившемуся в ночи человеку.

Хорошо хоть, что мы почти доехали до моего дома, и идти мне оставалось всего ничего. Он высадил меня около закрытого магазина с морепродуктами и на прощание протянул мне руку.

- До свидания, - сказал он мне. - Мы с вами не договорили, так что я надеюсь, что мы ещё встретимся.

- Возможно, - усмехнулся я и дал таксисту сто рублей, которые завалялись в кармане.

Он поупрямился, но всё же взял их. Жить же на что-то надо.

Я вышел из машины на улицу. Через несколько секунд такси уехало. Я снова оказался во тьме, окутанной свистящей метелью.

Чтобы замёрзнуть, мне понадобилось не больше десяти минут. На улице ещё больше похолодало. Ветер стал сильнее. Он бил по лицу ледяным кастетом, раскалывая зубы на миллионы блестящих снежинок. Губы становились капканом для воздуха, они жадно захватывали его, измельчали, заталкивали в рот.

Метель пыталась что-то сказать мне, пыталась заставить поверить в призраков, но у неё ничего не получалось. Зима толкала меня в спину, стараясь макнуть лицом в снег, но всё опять было тщётно. Ей было досадно. Она плакала, выла и от злости истязала себя. Она предпринимала все меры, хотела насладиться убийством, но только терпела поражения. Тогда она взяла с неба хорошо заточенный месяц и стала сдирать с себя кожу. Зиме стало ещё больнее, но боль уходила и позволяла жить дальше.

Ледяные ошмётки кожи, оторванной от тела Госпожи Зимы, заметали дороги и дома. Я вцепился ногами в сугробы и медленно шагал, пытаюсь покорить холод, наступить на его уродливую, искорёженную морду.

Мои ноги еле двигались. Я хотел просто упасть и умереть, пробив голову какой-нибудь ржавой трубой, торчащей из обоссанных сугробов. Когда-нибудь я сделаю это. Я спекусь, сдамся, перестану пытаться жить дальше, хвататься за лучики этого протухшего солнца, за осколки давно просроченных слов, которые только режут мои кривые руки. Кто мне поможет не совершать того, что я должен совершить? Наверное, любовь. Но мне же она не нужна. У меня и так слишком много поводов уничтожить себя. Зачем мне попытки ухлёстывать за кем-то? Они могут завершить процесс, поставить подо всем точку. Я боюсь этого, я знаю, что меня пошлют, боюсь отказов. И так со всех сторон: «Ты - говно, ты - придурок, ничтожество, лох...» Слишком много криков.

Да и если говорить о любви, то вряд ли я могу влюбиться. Наверное, последней, кого я по-настоящему любил, была Полина. Тогда я всё о себе понял. Но... Какой же прекрасной она мне казалась. Мы танцевали на выпускном, и я чувствовал, что касаюсь тела самого красивого ангела. Это было живое, непридуманное, настоящее тело. Может, лучи света, которые от него исходили, и выжгли всё внутри меня, оставив только пепел...

Она так красиво кружилась, она подавала мне руку, она была в таком белом фартучке, сквозь который просвечивало чёрное платье. Да, белое с чёрным... Словно чарующая, космическая луна, спрятавшаяся во тьме... Ночное небо с луной... Как сцена, которую освещает лишь прожектор. И в круге света, точно голливудская звезда, стоит она... Полина. Красивая, недостижимая, вечно милая и нестареющая. Она смотрит на меня, узнаёт, но ей стыдно признаться в том, что она касалась меня. Ей стыдно вспоминать, что мы с ней танцевали.

Тогда я думал, что она на секунду, растворённую в вечности, спустилась к людям с небес, чтобы потанцевать с ними. Я её пригласил, почему-то, зачем-то, и она согласилась, из жалости к моей ничтожности.

Я помню, как бутоны её покрасневших от печали глаз раскрылись, стекло треснуло, и из трещин пошли прозрачные, чистые слёзы. Полине было грустно покидать школу. Но перед

ней лежала большая, счастливая жизнь. Жизнь, которую она заслуживала. Красивая девичья сказка... Принцесса поехала из мрачной деревни дураков в мир дворцов и принцев. А я смотрел ей в след и пытался сохранить в голове её образ.

Но сейчас её надо было выкинуть. Зачем мне о ней думать? Она давно обо мне забыла. Блин... Зачем я сравниваю её и себя? Голлума и Арвен. Бессмысленно.

Зачем я позволяю всем этим словам течь сквозь дыры в моём жирном, масляном теле? Ведь, вырывавшись из меня, слова берут в руки копыя и прокалывают меня, создают новые раны, призывают помощников.

Я вернулся домой. Родителей уже спали. Тело медленно отходило от холода, оттаивало, сбрасывало с себя твёрдую ледяную шкуру. Надо было чем-то согреться. Я достал из холодильника бутылку водки и отхлебнул немного из горла. Водка чуть не вытекла наружу - настолько хреновой она была. Но я всё-таки затолкал в себя рюмку. Молодец, Фёдор, можешь собой гордиться! Горло обожгло. В голове помутнело. Я отхлебнул ещё. Согрелся. Поставил бутылку с отравой на место.

Мне пришла в голову идея получше. Я захотел набрать ванную. Не знаю, водка так на меня подействовала или метель, но мне захотелось полежать в воде. Когда я последний раз так делал? В классе третьем?

Ладно, Фёдор, я поддамся тебе, выполню твоё дурацкое желание. Я открыл кран, положил на дно ванны закрывашку, и вода полилась. Она кричала, падала вниз, принимала законы ванны, как мы принимаем законы общества, в котором живём.

Пока ванна набиралась, я пошёл в комнату снимать с себя всю эту провонявшую потом одежду, прилипшую к моему грязному телу. Разделся. Посмотрел на себя в зеркало. Раньше всё было лучше. У меня было хоть сколько-нибудь нормальное, спортивное тело. А теперь что? Растёт живот, пресса уже не видно, на руках всё обвисло... Великолепно. Я снял вонючие, дырявые носки, которые давно пора было зашить, потом стянул с себя трусы и положил всё в стирку. Из трусов вывалилось пара волосков. Завоняло мочой. Прекрасно. Главное, чтобы меня не стошнило в ванную.

Я посмотрел на свою опухшую розово-зелёную морду, заросшую россыпью прыщей, умылся и, сжимая зубы, залез в ванную. Вода была слишком горячей. Почти кипятки. Но я терпел, старался привыкнуть. Закрыв глаза и медленно стал растворяться в кипятке, как лечебный порошок.... Или кофе 3 в 1 за 12 рублей.

На секунду я закрыл глаза. Вода стала холодной. Очень холодной. Ледяной. Почему раньше я ощущал её горячей? Может, водка палёная... Нет... Я начал дрожать. Я открыл глаза. И сразу увидел её. Фигуристка сидела на самом краю ванной и щупала воду своими тоненькими пальчиками с красными ногтями.

- Погоди... - нежно промолвила она. - Не делай этого с собой. Не смей. Что ты творишь?

- Пытаюсь привыкнуть к ванне, - ответил я ей.

- Зачем? - поинтересовалась фигуристка. - Тебе же холодно.
- Это не для меня, - промолвил я, - наверное, я сделал это для тебя. Я хочу, чтобы эта вода стала льдом... Хочу, чтобы тебе было, где кататься.
- Но твоя голова будет мне мешать, - улыбнулась она так, словно я был ребёнком, сделавшим какую-то милую глупость. - Нормально я здесь не покатаюсь. Если бы ты был красивым, то хотя бы можно было получить удовольствие, наблюдая подо льдом твоё голое тело. Но в твоём случае... Боюсь, меня просто стошнит. Потом всё растает, и твой белый трупик будет барахтаться в заблёванной ванне.
- Мне было бы приятно барахтаться в твоей рвоте, - честно признался я. - Жаль, что я понимаю это только когда вижу тебя так, как сейчас. Когда ты уходишь, я перестаю тебя ценить.
- Ой, я тебя умоляю, прекрати и вылезь отсюда, - сказала она, точно деревенская дурочка. - А то и я умру. Ты забыл, что я всего лишь твоя фантазия?
- Нет, не забыл, - улыбнулся я. - Но сегодня ты показалась мне реальной. Я встретил твою точную копию. Практически точную.
- И кто она? - ревниво спросила Алиса.
- Просто дура, - ответил я. - Она хуже тебя.
- Это ещё почему? - поинтересовалась фигуристка.
- На ней нет красной юбочки и коньков, - объяснил я. - Она не состоит из фантазии. Ещё ей нравится плохая поэзия.
- Зачем ты говоришь о ней?
- Ну... - протянул я. - Это - первая девушка, которая сама познакомилась со мной... Представь себе... Со мной. Господи, что у неё со вкусом? Из сотен нормальных парней вокруг выбрать меня.
- А как она это объяснила?
- Бездной.
- Чем?
- Ну, бездной, - сказал я. - Вроде как её привлекает то, что во мне есть бездна.
- Почему на увидела бездну в тебе? Ты и есть бездна. Знаешь... Мне кажется, что существуют такие люди, которых засасывает в темноту. Может быть, она из таких.
- Возможно, - допустил я. - Но ты лучше её. Ты - фантазия. Безупречная, идеальная фантазия, которая никогда не сможет меня убить.

- Это мы ещё посмотрим, - улыбнулась фигуристка. - Главное, чтобы ты не убил сам себя.

- Это сложно...

- Легко, - уверенно сказала она. - Стоит просто вылезти из ванной, выпить горячего чая и заснуть, обняв подушку... У тебя был какой-то стишок... Как там... Я помню! «Ты - слишком большая, я - слишком маленький. Ты ходишь в школу, я - в детский садик, ты целуешь мальчиков, ну а я - подушку. Ты обводишь пальчиком розовые губки. Ты стоишь красивая в снежно-сладкой вате, я иду, избитый, собой на кровати...»

- Замолчи, - перебил я её. - Не читай мне мой позор. Меня от него тошнит.

Она остановилась. Замолчала. Просто сидела и смотрела на меня. А я - на неё. Или в стену - не так важно.

- Ты ведь когда-то был другим... - протянула фигуристка. - Что сделало тебя пустым? Это Полина?

- Нет, она ни в чём не виновата, - ответил я. - Она даже не знала о том, что я любил её... Слава Богу не знала, а то её бы стошнило.

- Но ведь последние стихи, которые ты написал, были о ней.

- Это не совсем так. Я никогда не писал ничего о живом человеке. Я брал его за основу и придумывал образ. Ту Полину из стихов я выдумал сам. В реальности я её плохо знал. Мы почти не общались. Я проучился с ней шесть лет, с пятого класса и до одиннадцатого, и ни одного нормального разговора у нас не было. Только в сети мы несколько раз общались. Но это не по-настоящему, да и вёл я себя там, как придурок. Вот и всё. А так... Я никогда даже не был на настоящем свидании с девушкой.

- Ты такой трус... - промолвила фигуристка, опустив глаза вниз.

- Это одна из причин, почему у меня никого и ничего не было.

- И тебе совсем не хочется любви? - она снова подняла глаза на меня.

- Любовь - это только фантазия, - произнёс я. - Если так, то у меня уже была любовь.

- Это же не по-настоящему!

- Мне кажется, что выдуманная любовь куда реальнее той псевдоромантики, что есть у большинства людей. Она чистая, не засорённая телами, спермой и бытом.

- Ты меня любишь? - вдруг почему-то спросила моя фигуристка.

- Наверное, - допустил я. - Но ты - не Полина. Ты, скорее, просто одно из воплощений её безупречной красоты.

- А я тебя почему-то не люблю, - расстроено промолвила она.

- Так и должно быть, - улыбнулся я. - Это придаёт образу полноты. Каждый ангел должен быть недостижимым. Это так прекрасно...

- Ты побледнел, - заметила фигуристка. - У тебя зубы дрожат. Вот, возьми меня за руку, - она протянула свою тёплую, тонкую руку ко мне.

Я схватился за неё... Ничего себе... Словно фигуристка и правда была здесь. Только её рука была холодной. Как у Полины.

- Я не могу при тебе встать, - сказал я. - Ты забыла, что я без трусов?

- Ах да, - покраснела она мило так, словно маленькое яблочко, - я выйду и вернусь завтра, хорошо?

- Да, - согласился я. - Так и сделай.

- Тебе нужно побыть одному, - сказала она. - Прощай.

- Пока.

Я вылез из ванны. Вытерся. Посмотрел в зеркало. Нет, кажется, я вовсе не побледнел. Вся та же розовая, свиная, прыщавая рожа.

Я тронул руками уходящую воду в ванную. Тёплая. Наверное, я совсем схожу с ума. Ладно. Ничего страшного.

Я почистил зубы, выдавил парочку самых сочных гнойников, смыл гной с кровью с лица, затем смазал всё мазью. Морду защипало. Хорошо.

Я вышел из ванной, надел трусы и, улёгшись на кровать, погрузился в бессонницу, плывущую, словно одинокий корабль, среди чёрной, ночной пустоты.

Глава 3 Лес

Пустота прыгала на батуте моего сердца. Она пела весёлые песенки, лаяла, кричала. Но я старался не обращать на неё внимания, игнорировать её, делать вид, что пустота - где-то далеко, а не внутри меня. Я старался смотреть в лицо реальности. За окном дул сильный ветер, который стучался в окна, пел песни, убаюкивающие мёртвых малышей. Кажется, этот ветер никогда не прекращался. Шагал по улицам, махал невидимой картонкой на серый, обшарпанный город, словно на горящий мангал. Дворники пытались убрать снег, но они не справлялись с этой гигантской, великанистой белой волной, которая заваливала двери подъездов и частных домов.

На кухне воняло чем-то кислым, противным. Мусорка была до краёв заполнена. Она напоминала огромную гусеницу, которая, удобно усевшись в ведре и широко раскрыв пасть, ждала своей самой главной добычи. Меня.

Я не знал, чем себя занять. Хорошо, если бы сейчас пришла фигуристка и поговорила со мной. Но её приход никогда не зависел от меня. Она существовала сама по себе и вела себя, как хотела сама.

Вспомнив про фигуристку, я решил посмотреть на её тень. На Алису. Нашёл её аккаунт и пролистал её фотографии. Начал со старых. Одна фотография у воды. Жёлтый песок, камни, лавочки и голубое, бархатное море, сливающееся с тёплым, чистым и безоблачным небом. Она, беловолосая, улыбающаяся, мокрая стоит по центру. С широкой улыбкой с белыми, как страницы только что купленной книги, зубами, с воздушными губами, похожими на два облака, на две подушки, небольшие, но такие мягкие и приятные, что хочется улечься на них и заснуть крепким сном. На Алисе был розовый купальник и такого же цвета трусы. Всё намокшее, влажное. Сочетание желтых волос, белой, молочной кожи с розовым бельём напоминало мне мороженое. Сладкий пломбир с клубничным джемом в вафельном рожке. Брови, глаза - словно маленькие капельки шоколада, добавленные аккуратно и осторожно, чтобы не сделать мороженое слишком сладким.

Сзади стояло несколько лавочек, на которых, правда, никого не сидел. Кроме, разве что, высокого, широкоплечего, хорошо сложенного парня в майке и с татуировкой в виде льва на левом плече. Он внимательно смотрел на Алису. На его неподвижном, забетонированном лице не было ни единой эмоции. Его по-барсучьи маленькие, голубые глаза выражали недоброжелательность, в них хранилась большая любовь к себе и желание выглядеть настоящим мужчиной. Его прекрасные, как у принца из мультика, чёрные волнистые волосы, зачёсанные назад, ярко блестели от лака.

Мне показалось, что где-то я уже видел этого человека. Ещё бы... Такие лощёные парни все на одно лицо. Я посмотрел ещё несколько фотографий. На парочке фоток был он. Алиса обнималась с ним, целовалась. Она висела у него на шее, обхватив его торс двумя своими маленькими, красивыми ножками в розовых кедах и белых носочках. «Видимо, это её бывший парень», - сразу подумал я.

Я пролистал дальше. Свежих фотографий с ним у неё не было. Я открыл список её друзей и порылся там. Черноволосого красавца в списке точно не присутствовало. Интересно. Я снова вернулся на её страницу. Здесь стояла ссылка на её Instagram. Ник: lilissa98.

Оригинально.

В её инсте было совсем мало фотографий. Всего восемь штук. Одна фотка с тем самым черноволосым парнем, несколько фотографий её красивого лица, зато последнее фото - с Артуром. Непросто фото после концерта... Они лежали вместе на каком-то белом ковре. Он - голый (по крайней мере, на фото были видны только его оголённые плеч и грудь), а она - в той самой рубашке, в которой Клык читал свои мерзлотные стишки. Интересно. И, главное, понятно. Он сделал то, что обещал. Сделал, не постеснялся. Молодец, сука. Хороший ход. Я улыбнулся и поставил лайк со своего пустого профиля, на котором не было ни одного снимка - только дурацкие картинки, нарисованные дураками.

Я вернулся к её фотографиям с тем брюнетом и лайкнул и их. Пусть порадуются.

«Она такая же, как все, - подумал я. - Просто сентиментальная, глупая девка, которая бежит от одного красивого парня к другому. Что я делаю? Она же вчера показалась мне дурой. Она - просто пустота. Такая же, как все девушки. В них же нет ничего... Или есть всё? Мне кажется то так, то иначе. Наверное, это означает, что у меня совсем нет собственного мнения. И плевать».

Может, я просто слишком впечатлительный. Может, красота способна породить в моей голове человека, которого нет на самом деле. Да, это так. Всё, что я думаю про девушек - не по-настоящему. Я могу быть счастлив только со своей фантазией. Только фантазию я смогу по-настоящему полюбить. Только ради фантазии смогу убить себя. Выкинуть из квартиры под названием «мир» этот мусор под названием «я».

Вспомнив о мусоре и его вони, я решил от него избавиться. Оделся, пошёл на кухню, достал из ведра мешок и закрыл пасть гусенице. Затем я взял его в руки. С него стекали маленькие, противные капельки-слюни. Я быстро вынес истекающую кровью гусеницу из квартиры, закрыл дверь и нажал кнопку вызова скрипучего лифта. Однако он где-то застрял и не двигался. Пришлось нести мусор по лестнице. Поверженная гусеница оставляла на лестнице кровавый след. Пусть все видят, как она умирала.

Я вышел из подъезда и бросил мусор в большой контейнер, стоящий рядом. Попал. Какая удача. Три очка.

Я развернулся, рассчитывая вернуться в подъезд, однако со спины услышал знакомый голос. Меня звал тот самый рыжий, как дьявол, мальчик с кипой листовок в руках.

- Эй, стой, - воскликнул он.

Я послушался. Когда парнишка был уже совсем близко ко мне, он поскользнулся, упал и выронил часть листовок из рук. Я подошёл к нему и, присев, помог мальчику собрать бессмысленные бумажки с самодовольной, чистенькой рожей Дровосецкого, которая чем-то напоминала мне лицо только что увиденного на фотографиях Алисы брүнета.

- Что ты здесь забыл? - спросил я мальчика. - Меня что ли подкарауливал?

- Ещё чего... - протянул он, - я в этом доме только что листовки развешивал. У меня вообще целая гора была. Я больше всех взял в штабе. И быстрее всего их разношу... Смотри, как мало осталось!

- Лучше бы уроки учил, - сказал ему я, - чем заниматься такой глупостью.

- Я и так учу их, - сказал он мне. - Не все, правда, а только те предметы, которые мне нравятся, которые помогут мне сражаться за будущее страны.

- Ты ещё маленький, чтобы сражаться за неё, - усмехнулся я. - Да и страна обычно не любит тех, кто за неё сражается. Стране нужно, чтобы ей прислуживали... Точнее, государству, а не о стране.

- А кому ещё за неё сражаться? - перебил меня мальчик. - Взрослые же не хотят.

- Ну-у-у... - протянул я. - Они знают, что листовками тут ничего не изменишь.
- А чем изменишь? - спросил он меня.
- Не знаю... Может, только чудом. Но я не верю в чудеса.
- А почему? - не отставал мальчик.
- Потому что я в принципе не верю в то, с чем лично не сталкивался, - соврал я.
- Ну тогда и не говори, что тут только чудо всё изменит... - промолвил мальчик. - Это лишь оправдание для собственного бездействия. Просто тебе лень бороться, а ещё тебе страшно, вот ты придумываешь нелепые отмазки! Но Дровосецкому не страшно! Он хочет этих воров взять и выкинуть.
- Как в сказке, - усмехнулся я.
- Причём здесь сказка? - не понял он.
- Потому что только в сказке зло можно победить, - сказал я. - В реальности же его куда больше, чем добра, и оно всегда одерживает верх. Сама власть, парень, и есть зло. Она пробуждает всё худшее, что есть в человеке. Она даёт обычному муравью понять, что другие должны ему подчиняться, она ставит его во главе пищевой цепи, и он начинает пожирать всё и вся, будто огромный червяк.
- Врёшь ты всё, - ответил мне Ваня. - Были и хорошие правители.
- Хорошие они только по сравнению с уродами, - усмехнулся я. - А если посмотреть лучше, то обнаружишь, что «хороший правитель» - тот ещё злодей. Просто зло, малой, очень часто выглядит как абсолютное, божественное добро. Поэтому, собственно, люди на него и ведутся.
- Нет, Дровосецкий - не злодей! - крикнул мальчик. - Он хороший человек, живёт в обычной квартире в центре города, его дети ходят в обычную школу! Он закончил наш университет, а не какой-нибудь московский! Поэтому он - наш, а не назначенец из Москдора. Я сам с ним общался и точно могу сказать, что это честный человек.
- Он может казаться кем угодно, - сказал я. - Это же политик. Среди политиков нет ни одного честного человека. Все они пытаются трахнуть нас, обычных людей, в жопу, ну и некоторые, особенно жестокие, ещё и в рот. Разница между всеми политиками только в том, что они выбирают для этого разные позы и стили. Некоторые насильно держат твою голову, заставляя заглатывать глубже, и их называют тиранами, а некоторые поправляют твои волосы, чтобы они не мешали тебе сосать, это либералы. Но суть-то одна.
- Фу! - крикнул мальчик. - Какой ты пошляк! При чём тут это вообще?
- Всё это выглядит как-то так. Возможно, сравнение грязное, но политика - это тот ещё свинарник или бассейн с дерьмом. Если ты тудаходишь, то сразу по шею погружаешься в говно. У тебя сразу есть выбор - либо тонуть и в конечном итоге умереть, либо плыть,

бороться с другими. Так или иначе, находясь в бассейне с говном, ты сам в скором времени сольёшься с ним... Вы будете пахнуть одинаково, вы станете одним целым. Это безвыходная ситуация.

- Ты всё усложняешь, - сказал мне мальчик. - Есть хорошие губернаторы, при которых область развивается, её экономические показатели растут... Ну, люди большую зарплату получают, город развивается, идёт куда-то, а не существует где-то на периферии, в пустоте. Короче, есть примеры хороших людей во власти. Ну или более ли менее хороших. В конце концов, у всех есть свои недостатки. У кого-то их больше, у кого-то меньше. Вот у Дровосецкого их меньше, чем у всех его конкурентов вместе взятых. Поэтому я - за него.

- Ну я рад за тебя, - пожал я плечами. - От меня-то ты чего хочешь?

- Чтобы ты поверил в Дровосецкого! - крикнул Ваня. - Ты вроде умный человек, но слишком злой. Вроде за правду, но она у тебя какая-то исковерканная, чёрная. Не понимаю, как так.

- Правда всегда чёрная, парень, - сказал я.

- Будь она такой, я бы её не принял.

- А тебе и не надо её принимать, - проговорил я. - Извини, что занимаюсь наставлениями, но это так... Правда делает жизнь скучнее, мразотнее. Она отнимает желание пробовать что-то новое, не позволяет любить людей, радоваться обычным, приятным вещам. Она окутывает тебя и вырывает сердце... Грабит тебя, ворует способность сопереживать. Она делает это потому, что правда в сочетании с состраданием - это большая боль... Это - смерть. Поэтому в правде нет никакой силы... Да, всё не так, как у Балабанова в «Брате». В правде есть только боль. Бесконечная боль от того, что ничего никогда не изменится, что весь мир - только пустота.

- Ты потерял смысл жизни? - задумчиво промолвил мальчик. - Так вот, почему ты такой грустный. Ты не подумай... Мне нравятся грустные люди.

- Почему?

- Грустные люди кажутся мне настоящими, - заявил мальчик.

- Сомневаюсь, что твой Дровосецкий - грустный.

- Я да при чём тут Дровосецкий? Он-то политик, а я про обычных людей говорю.

- Ну как же... - устало вздохнул я. - Этот твой политик, наверное, тоже пока ещё человек. По крайней мере, он не царь и живёт совсем не в городе царей.

- Ну и что? - удивился Ваня. - Всё равно Дровосецкий - тот, кто владеет умами. Поэтому он уже не совсем человек... Он выше.

- А ты хочешь владеть умами людей? - спросил я.

- Да, было бы неплохо, - странно ответил мальчик.

- Тогда пошёл бы лучше читать книжки, учиться, играть с друзьями, - наставлял его я, слово священник. - Попробовал бы подружиться с какой-нибудь. Это куда полезнее, чем агитировать за какого-то кандидата, мысли которого похожи обыкновенный сборник либеральных клише и истинные мотивы которого неясны никому.

- Ты же ничего не знаешь о Дровосецком! - запротестовал мальчик. - Зачем выносишь суждения? Со мной, кстати, такая же ситуация. Ты не знаешь меня, а уже учишь, словно старший брат какой-то. Книжки... Думаешь, эти книжки хоть что-то дают? Вот ты... По тебе заметно, что ты читаешь книжки. И что они тебе принесли? Только всякие фантазии, мечты, которые ничего не значат. Книжки - это просто мысли больных людей, записанные от скуки, ну или затем, чтобы просто заглушить свою тоску. Зачем это читать? Нет, я, конечно, почитываю от любопытства, но признаю, что практической ценности в чтении нет никакой. С учёбой такая же ситуация. Я учусь, но без особого энтузиазма. Всё равно в жизни победит более хитрый, более предприимчивый, а не более умный. Ты ещё сказал про девочек... Они любят красивых, предприимчивых, сильных... Со мной любой девочке будет стыдно. Я ведь рыжий, гадкий. Меня собственная сестра стыдится. Так зачем же причинять девочкам неудобства? Лучше я буду сам по себе. Мне и одному хорошо. Без девочек. Без друзей, которые, на самом деле, мало у кого есть. У меня вот нет. Просто нет людей, которым я хоть сколько-нибудь важен. Я как бы общаюсь с некоторыми, но это так, от скуки. Вроде бы мне никто не нужен, и я никому... Понимаешь?

- Понимаю, - сказал я и подумал, насколько же Ваня похож на меня... Или я на него. Такой же ребёнок, как он. Единственное различие между нами только в том, что мы с ним по-разному сходим с ума.

На этом разговор закончился. Он увидел, что я дрожал от холода (что весьма понятно, ведь одежды на мне было совсем мало) и поторопился закончить разговор.

- Ладно, мне пора, - сказал он. - Надо расклеивать листовки. А то я так приду в штаб не первым, как планировал, а последним.

- Давай, удачи, революционер, - произнёс я и, пожав мальчику руку, поспешил вернуться в подъезд.

Зайдя домой, я сразу взял в руки телефон. Пришло сообщение от Алисы. Видимо, она увидела мой дурацкий, искорёженный лайк и решила ответить.

«Привет, - написала она, - ты как? Хочешь встретиться?»

Я остановился. Конечно, я не должен был с ней встречаться... Конечно, она просто решила найти себе дружка-импотента. Конечно, она хочет рассказать о ночи со своим псевдопоэтом. Конечно, я буду чувствовать себя паршиво. Конечно, она просто решила поиздеваться. Конечно, мне она не нужна. Конечно, я соглашусь.

Почему? А что ещё делать? Либо я буду растворяться в экране компа, чувствуя, как уходит время и жизнь, либо буду слушать Алису и ощущать себя жалким, никчёмным тараканом. Наверное, второе лучше. К тому же, скоро закончатся каникулы, и ничего в моей жизни не будет. Я снова войду в это зелёное, блевотное пространство, в котором нет ничего, кроме неживых очертаний себя.

«Хорошо. Давай», - написал я.

«Тогда в кофейне на улице Толстого. Через пару часов, хорошо?»

«Хорошо», - ответил я ей.

Я снова открыл её профиль, пролистал несколько фотографий. Какая она здесь счастливая. С этим брюнетом. Интересно, почему они расстались? Что-то случилось? Он бросил её, или она его? Интересно. И что ей теперь нужно?

Наверное, Клык. Интересно, ей очень понравилось спать с ним, или нет? Он читал ей свои стишки? Шептал их ей под ушко, когда трахал её? Или они обошлись стандартными фразами? Интересно.

Убив два часа на просмотр смешных, пустых видеосов в интернете, я собрался и вышел на улицу. Дул сильный ветер. Он засыпал людей, и они становились похожими на ходячих снеговиков. Забавно. Всё вокруг было белым. На небе светило солнце, похожее на соломенную шляпу. «Мороз и солнце - день чудесный».

Снег хрустел под ногами, словно сухарики, которые не могут выдержать натиск зубов. Лицо щипалось, шипело, шевелилось. Кажется, болел какой-то из миллионов прыщей. Сейчас он был солнцем в галактике, он горел, полыхал, но скоро должен был потухнуть и уступить трон другим прыщам, которые только набухали, только росли для того, чтобы убить меня и вскоре умереть. Чтобы забыться, уйти с моего лица, похожего на одну большую яму, выкопанную как братская могила для уродства.

Мимо пролетали змееподобные грузовики, тараканоподобные автомобили с большими, страшными глазами, которые ещё и горели в темноте... Б-р-р-р!

Трещины зданий казались воротами в Нарнию. Потухшие фонари - паучьими лапками, торчащими из-под земли. Окна - маленькими клопами, усевшимися на сером камне.

Над камнем было сонное небо. Может, всё это серое, грязное небо - лишь испачканная подошва Бога? И Он вот-вот на нас наступит, раздавит нас, как маленьких, жалких муравьев. И поделом. Серый снег, серый дом, серое небо. Кажется, что отсутствует горизонт.

Снег скрипел, словно старая перина. За тучами пряталась тарелка гороховой каши, которую некоторые по глупости называют Солнцем. Я отражался в зеркалах кафе. Там была моя одежда, руки, глаза. Маленькие, некрасивые. Значит, я ещё не исчез. Значит, я ещё позволяю себе занимать какое-то место на этой планете.

Пройдя ещё немного, я встал под покрывало остановки, завешанной рекламами с мордами потухших звёзд. Рядом стояла красивая девочка. Очередная попытка природы заставить меня чувствовать себя жалким ничтожеством. Мир шепчет, наклоняясь ко мне: «Посмотри, какие у неё прямые, бело-розовые волосы... Как йогурт с клубникой... Или, может быть, вишней... Не знаю. Посмотри на её губы! Они такие мягкие, румяные, как пончик. Глаза, похожие на две капли яда. Белые дорогие кроссовки, носки, тоже белые, будто испачканные в сперме, кусочек ног... Тортик. Остановись!!! Аа-а-а-а! Безумие. Ресницы - точно веточки тонких берёз. Тебе нравится? Она стоит, такая надменная, готовая размазать тебя по асфальту. Посмотри на неё. У неё такой холодный взгляд. Он устремлён вдаль, в небо».

А мой взгляд роет землю, точно крот. Крот роется во мне, прогрызает ходы, командует мной, поедает всё живое, оставляя только пустоту.

«Её улыбка - лепесток, твоя - ссадина, - продолжает триндеть природа. - Огромная такая, прочерченная уродством. Посмотри на неё. Её шея - стена, о которую разобьётся твой страх. Он не исчезнет, нет, просто превратится в острозубый и голодный стыд. Бессмысленный и жестокий. Ты хочешь этого? Нет. Тогда не смотри на неё. Не смей. Отвернись. Сделай вид, что тебе всё равно».

Щипцы улиц схватили меня и кинули в общую банку с колорадскими жуками, которая на самом деле была обыкновенным автобусом. Казалось, он должен увезти нас куда-то далеко, в царство мук и холода. Наверное, москвичи в этом случае произнесли бы слово «Сибирь». Но нам оно не подходит. Нас Бог сослал в Сибирь ещё до рождения.

Автобус бело-зелёной пилюлей летел по воспалённому кишечнику дороги. В пилюле сидела толстая, жабоподобная кондукторша. Проходя по автобусу, своими округлыми боками она вдавливала людей в поручни, сиденья и окна. Тех, кто отказывался отдавать ей дань, кондукторша с восторгом пожирала. Наверное, всё было не совсем так, однако мне так казалось. Чудовище медленно ползло ко мне, двигалось, грозило сожрать меня, не оставив ни косточки. Я просунул ей две монетки в надежде удовлетворить голод чудовища. И мне повезло. Оно открыло свою широкую пасть, брякнуло что-то и плюнуло в меня маленьким билетиком. Отлично.

Автобус быстро выхаркал меня, выпустил на свободу. Я снова попал в холодный мир, который только и делает, что выбирает себе мишени. Холод пронзил меня до дрожи, заставив меня бежать к тому кафе, где сидела Алиса. К теплу. Она что-то писала мне. Возмущалась, что я не беру телефон. Знала бы она, что я не давал ей своего номера.

Я ещё раз взглянул на адрес кофейни и побежал быстрее. Всё тело покрылось потом. Оно пыталось спрятаться от холода в воде, но воды было ничтожно мало... Оно существовала только понарошку, чтобы позлить меня, не более. Каждая капля липкого пота жалила, кусала меня, но приходилось терпеть. Я не должен был кричать на улице. Только в себя. Разрежь криком сердце. Прочитай в крике намёк на стон. Стон ведь намного больнее. Это задушенный крик.

Я вошёл в кафе. Пота на моём теле прибавилось. Горло раздирал холодный воздух, который хотел помучить меня, поскоблить стенки моего голоса, сделав его хриплым и неприятным.

Алиса сидела за дальним столиком. Я посмотрел на неё, как на маленькую, но самую яркую звёздочку на большой, немеющем небе.

- Что за бред?! - воскликнула она, как только я подошёл к ней. - Я столько раз тебе звонила! Ты всё это время не брал трубку! Потом кто-то её взял, но он сказал, что не знает никакого Фёдора!

- Прости, - пробормотал я. - Наверное, я сказал тебе не тот номер... Ошибся где-то.

- Да ничего... - неожиданно спокойно промолвила она. - Просто я сижу здесь одна, звоню тебе, как дура. Жду парня, с которым толком-то и не знакома. Ладно, прости.

- Да нет... - потерялся я. - Ты имеешь право на меня злиться. Я же опоздал. Да ещё и дал тебе неправильный телефон.

- Тебе не надо оправдываться, - сказала она. - Ты вообще знаешь, что девчонки не любят, когда парень оправдывается? Это признак слабохарактерности.

- А может, это характерно для всего поколения? - произнёс я.

- В смысле? - не поняла Алиса. - Причём тут поколение, речь-то о тебе.

- Мне кажется, что в нашем поколении женщины куда сильнее мужчин, - объяснил я. - Во всех смыслах. Они быстрее принимают решения, стремятся к чему-то, у них есть цель. Они понимают, чего хотят от жизни, быстро учатся, не опускают руки, воспринимают всё серьёзно и ответственно. А вот мужчины не такие... Они воспитывались женщинами, поэтому не смеют перечить им. Они мягкотелые, они воспринимают всё только как шутку, боятся принять решение, хотят спрятаться.

- Да послушай! - перебила она. - Это необъективно! Нельзя всех под одну гребёнку.

- Наверное, ты права, - признал я. - Существует много этих правильных, серьёзных, ответственных парней. Просто в моём окружении таких практически нет.

- Ну, я вполне допускаю, что у тебя весьма фриковатое окружение, усмехнулась она. - Не думаю, что оно может быть отражением целого поколения.

- Не знаю, - пожал я плечами. - Наше поколение - это что-то очень странное. Абсолютное неумение что-либо делать при каких-то неумных амбициях.

- Ты так считаешь? - удивилась она. - По-моему, амбиции заставляют учиться, или нет?

- Возможно, - бросил я и спросил самое главное: - Почему ты захотела со мной встретиться?

- А ты этого не хотел?

- Не хотел, - зачем-то сказал я.

Это же ложь. Глупая ложь, в которую я почему-то пытаюсь поверить.

- Поэтому ты дал мне неправильный телефон? - спросила Алиса, бросил на меня презрительный, испуганный взгляд.

- Да, - честно признался я. - Скажи, зачем тебе это? Ты красивая девочка. У тебя наверняка много поклонников, которые пишут тебе целыми днями. Ты вчера этого Клыка сраного соблазнила! Зачем тебе ещё со мной общаться? Я не понимаю. Это даже неинтересно. Ты уже поняла, кто я такой. Ноющий обо всём задрот.

- Что, блин?! - возмутилась она. - Зачем ты прибедняешься постоянно... Я что, должна объяснять, почему с тобой общаюсь? Что за бред? Я просто вижу в тебе интересного человека. И почему ты так сказал про Артура? Почему он сраный? Ты же его совсем не знаешь!

- Про него всё и так понятно, - махнул я рукой. - А вот про тебя - нет. Кто ты такая? Ты то кажешься мне взрослой, то, как наивная фанатка, лезешь к артисту в постель, стоит ему только тебя позвать.

- Слушай, это уже перебор, - прошипела она.

- Да мне насрать, что перебор, а что - нет! - вскрикнул я. - Это поведение шлюхи. И да, я могу так сказать, пусть и это очень по-мудачки. Если не хочешь после этого со мной общаться - уходи, мне насрать.

- Тебе типа на всё насрать, правильно? - с обидой в голосе промолвила она.

- Правильно, - подтвердил я.

- А мне кажется, ты просто делаешь вид, но на самом деле это совсем не так, - раскусила она меня. - Это просто защитная реакция. На самом деле ты чувствуешь себя униженным... Тебя никто не любит, Федя. А ты и любишь, и ненавидишь почти весь мир. Мне кажется, и меня ты тоже и любишь, и ненавидишь одновременно. Ты ведь ревнуешь, я вижу. Ты завидуешь Артуру, потому что у него есть всё, а у тебя нет ничего.

- Он бездарность, - бросил я. - Чему мне завидовать?

- У него есть девушки, хоть какое-то, но признание, - сказала она. - Он чувствует себя мужчиной, а ты... Я не понимаю, что ты чувствуешь. Но мужественности в тебе точно нет, и от этого ты страдаешь. Но в тебе есть какое-то главное чувство, основа всего остального, фундамент.

- Пустота, - подсказал я ей.

- Это вряд ли, - покачала она головой. - Ты сжигаешь себя изнутри, это же видно. Тебе всегда больно. Тебе больно смотреть на меня, говорить со мной, со всеми. Ты чувствуешь себя каким-то иллюзорным, ненастоящим. Ты же знаешь концепцию Беркли: «существовать

значит быть воспринятым». Так вот тебя никто не воспринимает и не хочет воспринимать. Ты не существуешь. Ты ходишь, как привидение, никому не нужный. Ты не ощущаешь, что двигаешься, правильно? Наверное, да. Ещё ты боишься всего. У многих было то же самое! Я тоже когда-то боялась. Но потом перестала. Начала преодолевать саму себя. Поэтому, в частности, я переспала с Артуром. Он классный. Красивый. Он пытается быть искренним. Это меня привлекает. Когда я увидела его, то захотела его трахнуть. И мы провели прекрасную ночь. Мы выпили, съездили в клуб... Там было много его друзей, других девчонок, с которыми он спал. Но из всех них Артур выбрал меня. Я за это ему благодарна. Кстати, он отлично делает кунилингус. Знаешь, существует очень мало парней, которые действительно умеют его делать. Мне тут даже повезло. Может, ты прав, и я повела себя, как шлюха. Но я хотя бы получила эмоции, разбавила пустоту, на которой ты так зациклен. А что делал ты в этот вечер?

- Ничего.

-В-о-о-о-т, - протянула Алиса. - Если бы я после концерта тоже пошла домой, у меня бы тоже было только «ничего», я бы тоже не была воспринятой, а так я получила лучший вечер в жизни. К тому же, теперь он, возможно, будет со мной встречаться. Всё как у взрослых, да? Вот ты, я думаю, так хочешь почувствовать себя хоть на секундочку взрослым, но не можешь. Ты боишься. Боишься, что взрослый мир тебя уничтожит, что ты в нём сгоришь. И правильно. Наверное, ты ещё слишком слаб для всего этого. Поэтому тебе проще закрыться, ни о чём не думать.

- Ты знаешь меня только один день, - наигранно усмехнулся я.

Словно то, что она сказала, не было правдой. Было. Ещё как было.

- И что?! - воскликнула она. - Сколько таких, как ты? Это же синдром поколения. Слабые мальчики и сильные девочки, ты сам только что сказал. Ты просто слабый мальчик, который пытается раствориться в этой дебильном самоистязании... По тебе и так всё видно. Видно, какой ты несчастный. Наверное, ты чувствуешь, как жизнь уходит от тебя. Это правда?

- Возможно, - улыбнулся я. - Ты хорошо сказала про то, что я чувствую себя ребёнком, играющим в песочнице для взрослых. Да, у меня есть ощущение, что пока у всех происходит жизнь, у меня не происходит ничего. Я никогда не занимался ничем серьёзным. Наверное, у меня и серьёзных проблем никогда не было. Всё какие-то пустяки. Мне и любое решение мне принять сложно. Просто потому что каждое из них - это проникновение в настоящий мир, который вызывает у меня только страх. Видишь, какая ты догадливая... Я словно в стороне от существования, я никем не воспринят, да. Я вроде есть, но как-то не по-настоящему. Я какой-то искусственный. Какой-то до одури нелепый. И самое страшное даже не в том, что я сейчас такой, не в том, что у меня сейчас нет настоящей жизни, а в том, что, кажется, у меня никогда её не будет. Мне нужно измениться, я понимаю, нужно кардинально измениться, но я не могу.

- Почему? - спросила она.

- Из-за пустоты.

- Я не понимаю, что называется пустотой, - сказала Алиса. - На мой взгляд, пустота - это когда ты совсем ничего не чувствуешь.

- Нет... Пустота - это когда все твои мысли, все твои действия и чувства ни к чему не приводят, ну или приводят к безразличию. Пустота это и есть отсутствие движения, это понимание, что ничего не изменится, что бы ты ни сделал. Это отсутствие стимула, настоящего желания что-то изменить и кого-то любить. Пустота - это болото, полное смирения со своей ничтожностью. Пустота проделывает в тебе огромную дыру, в которую улетает всё хорошее, светлое.

- А ты попробуй её чем-то заполнить.

- Зачем? Это не имеет никакого смысла. Раньше я думал, понимаешь, что смогу стать писателем, поэтом. Дурацкая идея, правда? Я писал много, надеясь, что всё это чего-то стоит. Я написал роман, потратил на него пару лет, потом отправил издателям. Представляю, как они хохотали, читая всё это. Смешно. Думаю, им было очень смешно смотреть на такого графомана, как я. Исписал пятьсот страниц. Потратил кучу времени. И ради чего? Просто затем, чтобы потешить своё самолюбие... Мне никто не ответил. Я ждал хотя бы отказа, но меня просто проигнорировали. А я, идиот, уверял себя, что не могу жить без того, чтобы что-то писать. Думал, что не писать - это слишком сложно. Но ничего... Стоит только отдаться пустоте, полететь навстречу ей, как писать не захочется. Зачем заполнять пустой лист, пустое пространство, если оно будет лучше без моих букв? Лучше просто слиться с пустым листом. Так и в жизни, Алиса. Зачем мне чем-то заполнять пустоту своей жизни, если из этого не выйдет ничего путного? Я только испорчу жизнь другим людям. Нет. Пожалуй, во мне нет столько эгоизма, чтобы делать всё это. Я, конечно, плохой человек, но не настолько...

- Но ведь так у тебя и не будет ничего хорошего... - сказала она. - Ты только продолжишь всё терять, и никогда ничего не приобретёшь.

- Видимо, я просто не предназначен для того, чтобы что-то приобретать, - промолвил я. - Всегда ведь были лишние люди, в любые времена. Может, это просто моя судьба.

- Никогда не видела человека, который бы поставил крест на себе в двадцать лет, - усмехнулась она. - Это глупо.

- Посмотри, сколько в нашей стране самоубийств среди подростков, - сказал я. - Большинство из них, как и я, просто не нашли своего места в жизни, не отыскали стимула двигаться дальше, стали лишними, поставили на себе крест. А затем приняли единственное разумное решение - покончить с собой. Мир ведь не любит лишних людей, он отвергает их. На то они, собственно, и лишние. Так зачем жить в мире, которому ты чужд, который только и хочет, что тебя выплюнуть. Лучше просто расслабиться и полететь в бездну, исчезнуть, прекратить эту бессмысленную борьбу.

- Тогда почему ты сам её не прекратишь? - спросила она.

- У меня есть родители, - довольно банально ответил я. - Они наверняка расстроятся. Потом я не хочу, чтобы люди подумали, что я слабак, и этим поступком просто захотел привлечь к себе внимание. Наверное, для этого должно наступить время. Когда ты принимаешь смерть, ты полностью растворяешься в пустоте, становишься ей. Пока что я ещё не стал пустотой. Хотя основная причина в том, что я просто очень боюсь умереть.

- Ты говоришь, что после смерти растворишься в пустоте?

- А в чём ещё?

- Ну, некоторые люди верят в Бога.

- Хех, - усмехнулся я. - Ты внезапно захотела поговорить о Боге?

- Я уже поняла, что ты в него не веришь, - сказала она, устремив взгляд в окно. - Я, впрочем, тоже.

- Ещё бы... - вздохнул я. - Нет, раньше я много думал об этом. Ну, понимаешь, читал Достоевского, даже Библию осилил, пусть и с большим трудом. Иногда, прикинь, в церковь ходил. Стоял там, кашлял. Стеснялся креститься при людях... Не понимал, как они там иконы целуют. Это ведь такая антисанитария. Мне изначально всё это казалось очень фальшивым, как какая-нибудь расстроенная гитара. Я перестал ходить в церкви, ставить свечи, потому что понял, что это просто игра в спасителя, в тщётную надежду, которой всё равно нет. Мы - одни, и просто боимся это признать. Некому нам помочь, но мы тонем в иллюзиях просто затем, чтобы не отчаяться и не сжечь себя. Наверное, всё это очень красиво... Ну, милосердие, прощение всех и каждого, наказание для зла и поощрение для добра. Но ведь рядом с нами этого нет. Это как картинка по телевизору. Зачем нам верить в эту картинку? Ведь здесь, у нас, в нашем коконе, всё совсем по-другому. Да и если бы я действительно верил в существование Бога, то скорее всего, я бы возненавидел его. А я не хочу его ненавидеть. Мне его жалко.

- Почему?

- Он постоянно должен наблюдать повторение одного и то же зла, которое никуда не уходит, он должен выслушивать те же самые молитвы, те же самые слова. Он должен постоянно впитывать в себя одни и те же слёзы. Это существование... Оно такое однотипное, скучное, ничтожное. Создав людей, он попал в капкан, из которого никогда не сможет выбраться.

- Прямо как ты, - усмехнулась она.

- Что?

- Ну, ты тоже попал в капкан, который сам себе и построил.

- Да, наверное, - согласился я.

- Ладно, мне пора, - сказала она. - Но не думай, что это наша последняя встреча.

- Я так и не понимаю, зачем я тебе нужен.
- Чтобы удержать равновесие, - пояснила она.
- Ага, прояснила, - ухмыльнулся я.
- Вообще-то, это ты со мной познакомился, - сказала Алиса.
- Всего лишь хотел помочь.
- Ага, конечно, - усмехнулась она. - А если честно?
- Ты просто сильно похожа на фигуристку из телевизора.
- Ха-ха! На кого?
- На фигуристку, - ответил я. - Ты почти такая же красивая.
- Почти?
- Да, - кивнул я. - Она гораздо лучше.
- Ну и ладно, все тёлки из телевизора лучше настоящих, - манула рукой Алиса.
- Не все, - сказал я. - Но та фигуристка... Она волшебная.
- А я? - спросила она, надеясь, что я впервые скажу ей что-то приятное.
- Ты просто дура, - зачем-то брякнул я.
- Ничего лучше я от тебя не ожидала услышать, - разочарованно промолвила Алиса. - Пойду лучше приму комплименты от Артура.
- Максимум, на что он способен: «ты красива, как роза, или как мимоза», - тупо пошутил я.
- Фу!- воскликнула она.
- Вот именно: «Фу!».

На этом наш затянувшийся разговор закончился. Она, картонно улыбнувшись, пожала мне руку и ушла.

Я допил свой остывший горьковатый кофе, оделся и, заплатив, вышел из кафе и потопал в пустоту по улицам этого мифического, холодного города. Рядом с кафе сидела тощая, низенькая старушка. Она была одета в чёрную разодранную куртку, красную шапку и серые штаны. Её лицо выражало злобу и раздражение. Бабка сгорбилась и что-то лепетала себе под нос, постоянно дёргаясь и кашляя.

«Вот суки... - кряхтела она, - только посмотрите на меня ещё раз, мрази... Я вам всем глаза, уши вырву, сварю из них суп и съем. Слушать надо, твари. Думаете, я не смогу вас убить? Вам меня не жалко, суки, и мне вас не жалко. Вы все достойны смерти. Самой жестокой смерти, мрази. Вы все будете выть, как собачки, а ваш череп расколется, как яичная

скорлупа. Из неё вылезут книжные черви, такие ненужные, белые, и измажут ваши тщеславные лица в крови погибших идиотов, слова которых вы все с таким трудом старались запомнить! Хе-хе-хе-хе-хе!» - хохотала бабка, а я поспешил побыстрее пройти мимо этой сумасшедшей.

Я шёл, и мои чёрные, старые ботинки, которые я купил ещё в десятом классе, жадно глотали снег и выливали ледяную воду мне на ноги. Снег не хотел находиться рядом с моими вонючими, гадкими, свиными копытами, превращался в воду, надеясь найти маленькую щелочку и выплыть наружу, в нормальный мир с нормальными людьми. Но у него этого не получалось. И он плакал, как девочка над дешевой мелодрамой.

Неужели разговор с Алисой произошёл на самом деле? Как серьёзно девочка говорила со мной... Её слова казались мне умными, настоящими. Возможно, я должен был быть нормальным с ней? Нет, я всё сделал правильно, я должен ненавидеть Алису, должен поносить себя, должен ломать себе хребет, чтобы быть одиноким, чтобы раствориться в злобе и не давать никому себя, беречь их от своего тела. характера, страха... Ведь все мои попытки за кем-то ухаживать, за кем-то бегать - это всего лишь домогательства, скрежет зубов, пытка... Такая же, как назойливо вибрирующий в кармане телефон. Я беру трубку и слышу голос Ромы, нашего старосты. Он умный, интересный человек, чуть смугловатый, с забавной, неаккуратно разбросанной по смуглому лицу щетиной. Мы с ним вроде как друзья. Вроде как общаемся. Вроде как, вроде как... Как и, в общем-то, всё в моей жизни.

- Привет, Федя, слушай, - обратился он ко мне, - там книги в библиотеку надо сдать... Ну, сегодня последний день. Съезди, сдай, окей? Чтобы потом копеечку не надо было платить.

- Хорошо, - согласился я. - Сегодня всё сдам. Сейчас зайду домой, возьму их и поеду в гарагу.

- Окей, - бросил Рома и положил трубку.

Я ускорился. Хотел побыстрее с этим разобраться. Никому не нужное дело, требующее столько действий. Хотя... Что может убить время эффективнее, чем это простое, вроде бы необходимое, но такое бесполезное занятие? Сдать в библиотеку учебники. Смешно.

Становилось холоднее. Я шёл и чувствовал, как что-то липкое, вонючее, чёрное внутри меня смешивалось, бурлило, росло. Я был одной большой, одиноко стоящей в саду теплицей, которую давно стоило просто взять и сжечь.

Я не мог просто идти. Теплица требовала движения. Она хотела, чтобы мне стало плохо. И я побежал вперёд по дороге, потев и глотая ледяной февральский воздух. Побежал, ещё больше заполняя ботинки комочками снега и насыщая завязанный петлёю шарф собственным малосольным, огуречным потом.

Наконец, я достиг своего дома, своего подъезда, и остановился. Остановился и прислушался к его шипению, его шороху. По лестнице полз человек в черной шапке и водил кисточкой по стенам. Он красил подъезд в зелёный, капустный цвет. Он делал стены моего подъезда какими-то змеиными, плесневелыми, ещё более мрачными. Человек будто

сдирал кожу с моего подъезда, показывал его мясо, обнажал его истинную сущность. Я чувствовал запах краски. Такой опьяняющий, кислый, заслоняющий трупную вонь, идущую от этих стен. Наркотический угар, кладбищенский хохот, разрывающаяся от любви душа, безумие, страх, жажда наживы... Всем этим человеческим смехом наполнены стены. Они, как губки, хранят в себе память о том, что происходит.

Главное, прислушаться к шёпоту, доносящемуся из стен и подвалов... И я прислушиваюсь, разбираю слова, даже целые истории. О том, как сороколетний мужик колот в вену героин и дёргался, словно на электрическом стуле, в то время как маленький сын смотрел на папу и не понимал, что с ним происходит. О том, как муж отвёз свою жену на кладбище, избил и кинул в могилу. И всё потому, что кто-то сказал ему, что она с кем-то ему изменила. Алкоголь, петля, скандалы и драки. Как в самой идиотской, смешной российской чернухе. Когда всё это закончится? Когда дно, наконец, перестанет расширяться и засасывать нас вниз, в большую черную дыру? Хотя почему чёрную? Теперь она - зелёная. Крась эту стену, человек. Пока я жду аппендицит этого мистического бетонного организма. Аппендицит под названием «лифт».

Лифт идёт медленно, а мое сердце разрывается. Я снова вспоминаю Полину... Она была такой хорошей, умной... У неё был такой мелодичный голос, такая походка, такие мягкие волосы... Чёрт, пошла она в жопу. Я не должен думать о ней. Не должен думать ни о ком.

Я пронзаю сосущее мою кровь воспоминание осиновым колом, и оно уходит куда-то, растворяется в запахе краски. Я давлю Полину, залепляю образованную ей дыру грязным, вонючим пластилином, который остался ещё с начальной школы. Не думать о ней, о фигуристке, об Алисе, о собственном безумии, о собственной слепоте. Просто встать посреди улицы и чувствовать пустоту. Это лучше, чем ощущать постоянную, непрекращающуюся боль... Хотя пустота тоже включает в себя боль. Боль - это архитектор пустоты. Она подвешивает твою душу на верёвке и заставляет её задыхаться.

Я открываю свою чёрную дверь и вхожу в свою чёрную комнату. Собираю учебники и скидываю их в пустой, грязный портфель, на котором красуется серая, потёртая надпись «Adidas».

Сваливаю в сумку всё подряд, набрасываю на её плечо. На плече выскочил огромный чирей. Прекрасно. На этом плече и надо нести рюкзак, чтобы чувствовать, как чирей сжимается под грузом учебников. Приятная боль, да? Чувствовать, как этот червячок сидит на моём плече и периодически покусывает меня.

Выхожу из дома. Бегу до остановки, снова потею. Рюкзак продолжает давить на чирей. Я продолжаю чувствовать боль. Она продолжает приносить мне удовольствие. Такие вещи позволяют меньше думать о себе, они ставят глушитель на пистолет мыслей, и выстрелы слов, которые без остановки производит мой разум, хотя бы не оглушают меня.

Я ехал в маршрутке, заполненной людьми, мясом, и всё больше потел. Кружилась голова. В горле висела огромная фекалия. Она разрасталась, заставляя меня чувствовать тошноту. Я кашлял, хотел прохаркаться в маршрутке, но жаль, что общественная мораль мне это

запрещала. Я сгорал со стыда за утренний разговор. Я словно ударял себя ножом в живот. Из живота выливались силы, чувства, он плесневел, опустошался. Пустота пилила меня, царапала, порождая ещё большую боль. Нет, я ехал вовсе не в маршрутке. Это - желудок таракана, который ползал под плинтусом и шевелил своими усами. Таракан высасывал из меня чувства, чтобы потом выплюнуть меня, живого, но опустошённого, на помойку. Я шарюсь по карманам, еле как наскребаю двадцать рублей. Я забыл деньги на обратный проезд. Чёрт. Впрочем, ничего удивительного. Попрусь домой пешком, убью пару часов. Какая разница? Когда разрушаешь всю свою жизнь, какое значение имеют часы? Нет, никакого.

Я остановился и трясущимися пальцами, я набрал её номер. Шёл один гудок, второй гудок, третий... Я запутывался в липкой паутине этих гудков. Паутина сковывала меня, лишала движения. Я смотрел на людей на остановке и чувствовал, какой же я на самом деле дурак. Придумал себе всякое. В очередной раз загнал себя. Но все люди просто живут, спокойно, для себя. В них нет всего этого мусора. Они радуются жизни, воспринимают её такой, какая она есть. Принимают её и себя самих. А я даже не стремлюсь к этому. Боже, какой же я на самом деле дурак.

«Абонент не отвечает», - говорит уродливый женский голос. Ну и ладно. Может быть, она занята. Может, тусуется со своим Артуром. В жопу!

Я сдвинулся с места и пошагал к главному корпусу, где располагалась библиотека. По полупустой улице, по полупустому коридору, по полупусто лестнице я доплёлся до библиотеки. Там стояли две моих одногруппницы. Они тоже пришли сдавать учебники в последний день. Первая - чёрноволосая, активная девочка по имени Маша, чуть смугловатая, немного полноватая, зато с большой задницей, которая, правда, совсем не выглядела сексуально... Она была настоящей журналисткой. Смекалистая, приятная, с белыми зубами, позитивная, пронырливая, смышлёная. Её подруга, Настя, - гордая такая, пафосная чикуня. Вот она, стоит перед вами, глупо глядя на свои красные ногти, в розовой шубке, чёрном платье, на каблукках, в серых колготках, всё как надо.. Роковая женщина. На самом деле, девочка, которая усиленно ищет интересной молодости и весёлой, важной компании, где она, наконец, сможет превратиться из наивной студентки в настоящую даму. Может, у неё это когда-нибудь даже получится, и тогда её пафосная игра бровями и дешёвые, «скептические» улыбки будут выглядеть хоть немного по-настоящему. Но сейчас на них ведутся только парнишки, которые совсем лишены вкуса. Таких дофига, поэтому отбоя в парнях у Насти не бывает. Они пытаются подкатывать - она их отшивает. Как обычно, ничего нового.

У меня же Настя никакого восхищения не вызывала. Только бесила меня своим пафосом и желанием казаться взрослее, бесила, как и почти все одногруппницы. На вторых мне было просто похер, с третьих я угарал. Малую часть воспринимал серьёзно. Наверное, Машу я воспринимал серьёзно. Она хотя бы шарила в журналистике, могла что-то написать, выкрутиться, сказать что-нибудь умное. Впрочем, и глупостей, над которыми можно было смеяться, она произносила немало...

- Привет, Федя, как дела? - спросила меня Маша, как только увидела меня.

- С пивком потянет, чувак, - улыбнулся я и протянул ей руку.

Маша обижалась, когда я называл её чуваком. Вроде как с девушками нельзя так здороваться. Но какие они девочки? Они - лишь их тени. А тени ничем не отличаются от тех же пацанов. Наверное, такое обращение обижали Машу... Но зачем прекращать? Что мне до её обид? Мне же на всё насрать, да? Что это? Пофигизм пустоты.

- Я же просила тебя называть не называть меня чуваком, - упрекнула она меня.

- А ты что, какая-то особенная? - усмехнулся я. - Нет, так что давно бы пора смириться. Мы с тобой уже два года вместе учимся.

- Вообще-то, полтора, - придралась она к моим словам.

- Да иди в жопу, - огрызнулся я, - не имеет значения, ты и на четвёртом курсе будешь от этого бомбить.

- А ты всё равно не перестанешь называть её чуваком, дебил, - подала голос Анастасия.

Она посмотрела на меня, как на говно. Подняла одну бровку, недовольно вздохнула. Искусственно и театрально, как всегда. Давай, показывай своё отвращение, своё нежелание со мной говорить! Я же ничего не замечаю, я ничего не вижу! Ты ведь так тонко, незаметно всё это делаешь! Идиотка.

- Кумарин! - позвала библиотекаря.

Пришла моя очередь. Я достал учебники из сумки и положил их перед ней.

Она посмотрела на меня, словно на какого-то идиота. Как будто её тошнило от одного моего вида. Да, думаю, во мне и правда было мало приятного, но не настолько же... Я же не такой мерзкий. Не смотри так на меня, жаба! Очкастая, медленная, склизкая жаба с черными, сальными волосами, похожими на морскую капусту. Желтые зубы, губы, похожие на червей, смуглая кожа, словно у противного, потного монгола. Да, мне тоже на тебя мерзко смотреть. Я тоже тебя ненавижу, тётка.

Выпячивая нижнюю губу, она смотрела на мои книги, каждую из которых я открыл не больше двух раз. Облизывая похожий на сосиску палец, библиотекаря перебирала страницы. Засунь его поглубже в свою жирную глотку, мразь. Хотя нет, меня бы вырвало от такого зрелища. Зачем я это представил? Фу.

Она отложила несколько учебников, всунула в них замусоленные, старые формуляры, пересчитала книжки, сверила их со списком. Нахмурилась. Что ты нашла, сука? Она снова направила на меня оливки своих давно потухших глаз и спросила кривым, страшным, инопланетным голосом, словно вырвавшимся из пасти огромного змееподобного существа, обитающего в тёмных подземных глубинах:

- Где ещё один учебник?

В её голосе была нотка победы. Словно она уделала меня. Вдавила меня в грязь своей жирной, слоновьей жопой. Нет, я поспорю с тобой.

- Какой учебник? - спрашиваю я.

- «История зарубежной журналистики», - говорит она, чуть улыбаясь.

Не пытайся скрыть улыбку, мразь. Я же вижу, что ты рада. Ты хочешь чтобы я заплатил за учебник. Но фиг тебе. Тем более, это вранье. У меня не было той унижки.

- Я не брал этот учебник, - говорю я. - Когда нам его выдали, я сразу вернул его обратно, потому что это была книга не по тому периоду, что мы изучали. От неё тогда почти все отказались. Я в том числе.

Это была абсолютная правда. Я точно знал, что не брал тот учебник. Точно помнил, как отдал его прямо в руки этой же бабке.

- У меня лежит формуляр на этот учебник, - пролепетала она, - ты его заполнил.

- Правильно, я его заполнил, - сказал я. - Но потом оказалось, что учебник не тот, что произошла ошибка, и я его сдал. Вам ясно?

- Но формуляр лежит тут... - триндела она. - Значит, ты не сдавал учебник.

- Стоп, - сказал я. - Нафиг мне врать? Если я сказал, что всё сдал, значит сдал! Наверное, в спешке я забыл об этом формуляре и просто ушёл!

- Все вы так говорите... - скрипела она. - Но тебе придётся заплатить.

- А тебе придётся заткнуться! - зачем-то выкрикнул я. - Если я сказал, что сдавал, значит сдавал. Не буду я ничего платить.

- Ты как со взрослыми разговариваешь, сопляк?! - воскликнула она, словно пробудившись от долгого сна.

- Как хочу, так и разговариваю, - бросил я. - Вы по-другому не понимаете.

- Пошёл отсюда! - гаркнула она на меня.

Я улыбнулся и пошагал прочь, набросив рюкзак на одно плечо. Настя с Машей, как и все остальные в очереди, тихо хихикали. Но мне было срать на всех этих идиотов. Не хотелось даже ничего говорить. Бабка орала что-то в спину, но мне было всё равно. Прочь отсюда. Из этого коридора с людьми.

Улица обдала меня морозом, неприязнью и злобой. Холод проник в ботинки, под футболку, под рукава. Он был ядовитым скорпионом, который ползал по всему телу, но никак не мог нанести последний удар. Он прилип к лицу, ударил по ногам и рукам. Б-р-р-р. Как погода могла измениться так быстро? Ладно, какая разница?

Я до конца застегнул куртку, надел капюшон и пошёл к остановке. Однако пощупав карманы, я вспомнил, что денег у меня нет. Чёрт. Что делать? Ветер, кажется, дул всё сильнее. На улице уже темнело. А идти домой целых часа два.

«Чёрт. Я же окоченею, - ругался мой внутренний голос. - ещё простужусь, сдохну...» Какая нелепая смерть... Но уж куда лучше, чем от петли, которую ты сам и смастеришь. Если я умру от простуды - это хотя бы будет похоже на случайность. Вроде как я не хотел, но так получилось... Какая жалость... У него всё было впереди.

«Может, вернуться к библиотеке и попросить денег у Маши или у Насти?» - предложил голос моего дырявого, кровоточащего разума.

«Нет, - ответил я ему, - уж лучше я замёрзну и сдохну, чем буду просить на проезд у этих самовлюблённых сук. Так я покажу им свою слабость, покажу, что я жалок. Нет, я не должен оголяться. Для них я сильный, злой, невыносимый дебил. Так и должно быть. Иначе они растопчут меня. Нет! Пошли они в жопу. Уж лучше пойду пешком».

Людей на улице было немного. Машины, как всегда, стояли в пробке, ждали, пока жизнь разрешит им двигаться дальше. В каком-то смысле, я тоже этого ждал. Двигался только тогда, когда обстоятельства вынуждали. Наверное, поэтому я такой неудачник.

Забыл деньги на проезд дома, в учёбе - пустота, мои сочинения никому не нужны, а Алиса теперь считает меня идиотом... Кстати, Алиса. Я достал телефон, разблокировал его замёрзшими пальцами, посмотрел, не перезванивала ли она мне... Нет, я ничего не пропустил. Всё пусто. Пустой телефон, пустые сообщения, пустая, бессодержательная жизнь. Ха-ха! Даже весело от того, насколько я жалок.

Я снова попытался набрать её номер и позвонить. Она сбросила. Вот сука. Нет, я не буду пытаться ещё. Это значит - навязываться. Я не такой человек, который навязывается, ведь так? Я сильнее. Сильнее всех. Мне никто не нужен. Я и сам неплохо справляюсь, да? Мне пофиг на всех, я сам по себе. Я же ни в кого не верю, я ненавижу себя, я давно себя похоронил. Так зачем делать что-то? Нет, в этом нет никакого смысла. Плевать. На себя и на других. Не надо ни к кому привязываться. Это ведь будет значить ответственность. Представь, что у тебя вдруг, почему-то, с чего-то появилась девушка, пусть даже Алиса. Как ей было бы стыдно с тобой, потеющим, всё забывающим, потерянным, трусливым. Как бы она отреагировала на эту ситуацию? Она бы тут же бросила тебя. Как нормальный человек может забыть дома деньги? А я умудрился... Я ненормальный человек. Просто ничтожество. Хорошо, что люди отворачиваются от ничтожеств. С людьми ничтожества бы чувствовали себя хуже. Они бы чувствовали себя виноватыми перед ними. И я бы чувствовал себя виноватым. Одиночество даёт человеку возможность быть эгоистом, беспорочным, невинным эгоистом, которого некоторые даже пожалеют. Ведь в этом эгоизме нет зла, в нём заключается только несчастье, нереализованная любовь ко всему миру, которая всегда перетекает в ненависть.

Я должен принять этот эгоизм, я не должен пытаться быть хорошим человеком, потому что это значит окончательно рассыпаться на части.

Мимо пролетали каменные обелиски домов. Они были похожи на выброшенные дырявые коробки... Знаете, в такие ещё складывают пакеты с мусором. Эти коробки такие крепкие, стоически терпеливые. Их терзает ветер, запах, идущий от пакетов с дерьмом, но они держатся, стоят, ждут, когда сама жизнь сотрёт их в порошок.

Дырочки-окна, вкупе с фонариками, напоминающими кисточки земляники, освещали путь. Ноги вязли в сугробах, кажущихся гнойниками на теле зимы. Снег хрустел под ногами, как пальцы, когда в детстве я разминал их на занятиях по карате.

Неоновые вывески казались мне электрическими облаками. Вот-вот из них должны были пойти слёзы. Я смотрел на вывески баров, магазинов, ресторанчиков и представлял, что сижу в каждом из них, пью пиво и слушаю хорошую музыку. А за окном идёт снег, но мне всё равно... Я... словно в убежище. А ещё лучше было бы сходить туда, в какое-нибудь из этих заведений, с Алисой, угостить её чем-нибудь, смотреть, как она кушает, шутить... К чёрту эти псевдоинтеллектуальные разговоры - главное, чтобы она смеялась. Чтобы я видел её улыбку, похожую на дольку оранжевого мандарина, и чувствовал, что ей легко со мной. А потом бы мы, переполненные эмоциями и впитавшие в себя аромат сигарет и кальяна, встали бы под какой-нибудь из неоновых вывесок... Она бы посмотрела на меня своими большими глазами-вишенками, улыбнулась... Я бы увидел её красный от мороза носик, обнял бы её, чтобы согреть, чтобы отдать всё тепло своего тела ей, а потом поцеловал бы её... Впервые в жизни поцеловал бы девочку. Неумело, осторожно, несмело. Какое чудо... А потом я бы снова взглянул на её волшебное, ангельское лицо, и оно было бы бело-розовым. Но уже не от холода, а от стеснения передо мной. Как это сказочно. Но не более. Это не имеет никакого отношения с реальностью. Просто мир в моей голове. Мир, от которого давно бы пора отказаться.

Но я не мог перестать мечтать. Потому что неоновые вывески не кончались. Они обвивали город, словно лианы, делали его подобием современного рая, где мне совсем не было места. Я был чужаком, гостем, который уже порядком засиделся и которому давно уже пора было идти домой.

Но я убеждал себя в том, что никому не мешаю. Просто смотрю и наслаждаюсь видами этого пустого, забытого Богом города. Я - лишь наблюдатель, как и тот таксист.

Вывески... Они просто согревали меня, дарили мне ощущение космоса. словно я плыву среди черноты, и яркими вспышками передо мной проносятся галактики, звёзды, планеты, метеориты... Я ничего в них не понимаю, я ничего не пытаюсь понять - всё проносится так быстро, но мне этого хватает. Я счастлив видеть вспышки. Ведь даже наша, человеческая жизнь, - всего лишь яркая вспышка, которая быстро гаснет и от которой не остаётся и следа.

Внезапно, замёрзший и окоченевший, я увидел среди вывесок одну знакомую надпись. Нет, это был не магазин или забегаловка. Здесь я никогда не был. Скажем, месяц назад я и вовсе о нём не знал. Но сейчас эта надпись почему-то вошла в мою жизнь и крепко засела в мозгу. Какая удача - просто так, случайно оказаться там, куда меня так звал рыжий мальчишка. В

штабе Дровосецкого. Да, тут висела вывеска, гласящая: «Дровосецкий». Яркие, светящиеся белые буквы. Красиво. Снизу, на двери, дополнение: «Единственный выбор!».

В окнах горел свет. Значит, штаб ещё работал. Чего гадать... Вон, на двери указано, что он закрывается только через час.

«Может, зайти? - подумал я. - Я же обещал пацану, что зайду. Но кого ты обманываешь? Зачем придумываешь причины? Ты же просто замёрз и хочешь посидеть в тёплом месте, согреться. Ладно, согласен. Почему бы и нет? Я посмотрел в окно, надеясь обнаружить в штабе Ваню, но никого там не увидел. Ладно, черт с ним. Просто запишусь к ним волонтером, согреюсь. Там ведь дают чай и печенья. В конце концов, сама запись ни к чему не обязывает».

Я схватился за ручку остекленевшими, дрожащими пальцами, открыл дверь и ввалился в этот небольшой, пустой штаб. Здесь действительно никого не было. Ни единой души. Так, а почему свет горит? Кто-то ж здесь должен сидеть? Может, человек отошёл? Ничего, его отсутствие мне только на руку. Посижу, согреюсь. Не придёт - уйду. Делов-то... Мне этот Дровосецкий нахер не нужен.

Я сел в удобное, мягкое кресло, которое стояло рядом с батареей, и протянул руки к теплу. Стало хорошо и тепло. «Я в домике!». Как в детстве. Пальцы немного покалывало, но они хотя бы перестали дрожать.

В штабе было довольно уютно. Светло-зелёные обои. Два стола. На одном из них был включённый ноутбук, весь в наклейках с Дровосецким, на втором лежали какие-то бумаги и несколько маркеров. Рядом со столами располагались два классических стула. Для гостей же предназначались более удобные красные пуфики. У стены стоял большой белый шкаф с листовками, наклейками и значками. Повсюду были развешаны портреты Дровосецкого, сороколетнего, худого, высокого, широкоплечего, чуть подкаченного, коротковолосого образцового персонажа с чистой белой улыбкой. Он хотел казаться идеальным мужем из американской рекламы, но я видел в нём неприятного, лицемерного нарцисса. Видно, мужик сам пёрся от того, насколько он крут. Ну ладно. Зато какие лозунги... «Сделаем зарплаты самыми высокими по Сибири», «Победим безработицу», «Сделаем образование качественным»... Всё и сразу, короче. Ай, молодец. Словно ангел с небес спустился.

Тут я услышал шум воды. Кажется, кто-то мыл руки в туалете. Вовремя я наведалься... Как всегда. Ну да ладно. Я встал с кресла, чтобы сделать вид, что я только что вошёл в штаб. Дверь открылась, и из туалета вышла девушка, о которой я уже успел забыть. Даша.

- Здравствуйте, - мило улыбнувшись, сказала она. - Простите, что заставила вас ждать. Вы хотите просто узнать о Дровосецком или собираетесь зарегистрироваться волонтером?

- Не знаю... - промолвил я. - Зашёл сюда, потому что обещал твоему брату. Ну и ещё потому что замёрз.

- А, я тебя помню! - обрадовалась она. - Ты тот парень из шаурмичной, да? Ваня тогда тебя задолбал, я помню.

- Ваня, да... Активный малый.

- И не говори... - улыбнулась она. - Если что, меня Дашей зовут. Дашей Гармс.

Она протянула мне руку, и я торопливо пожал её.

- Я знаю, - сказал я. - Ты, кажется, называла своё имя.

- А вот ты не нет! - глупо крикнула она, отведя глазки-звёздочки в сторону. - Как тебя зовут?

- Фёдор.

- Блин, какое редкое имя. Я мало Фёдоров знаю... Разве что, Достоевского, ха-ах.

- Ну да... - вздохнул я. - Оно дурацкое, на самом деле. Старомодное какое-то.

- Да брось! - махнула она рукой. - Дурацкое имя, например, Акакий. Кстати, недавно в штабе такой был. Вот его анкета! Акакий Петрович Шнайдер. Вот это сочетание. Немецко-русское, да?

- И часто у вас такие заходят? - спросил я.

- Часто, - призналась Даша. - Тут периодически всякие фрики бывают, кричат про коррупцию, протестуют. В их словах, конечно, много правильного, но я не понимаю, зачем они кричат?

- Нормальных людей у вас не бывает?

- Бывают! Они часто сюда заходят. Правда, в основном, днём, на выходных, не вечером. Вечером здесь почти всегда никогда никого нет. Вообще странно, что ты решил наведаться сейчас.

- Да я просто шёл, замёрз и тут по пути попался ваш штаб, - сказал я. - Я вспомнил о твоём брате... Он же умеет убеждать. Два раза с ним виделась, и в обоих случаях он мне выедал мозги этим Дровосецким. После этого, сама понимаешь, не зайти и не узнать ничего о штабе я не мог.

- Так, погоди! - воскликнула она. - Ты же сказал, что замёрз!

Она подскочила с места, достала печенье, налила в кружку кипятка и заварила мне чай. Так быстро, что я даже понять ничего не успел.

- Вот, попей чай, - сказала Даша. - Согреешься. Сейчас на улице холодно, я сама окоченела, пока сюда шла.

- Ты после школы сюда ходишь? У вас же в феврале уже учёба, не то что у нас, в шараге.

- Нет, я уже не учусь в школе, - стеснительно улыбнулась она. - Просто выгляжу гораздо младше своих лет.
- Так это же хорошо, - растерялся я. - А где ты тогда учишься?
- В университете, на втором курсе, - сказала она.
- И на кого?
- На архитектора, в политехническом, - сказала она. - А что с тобой? На кого ты учишься?
- На журналиста вроде как, - сообщил я. - Тоже второй курс.
- И как, трудно?
- Да не очень. Просто, наверное, я не очень подхожу для этой работы.
- Почему же?
- Журналист должен уметь нравиться людям, - пояснил я. - Но я этим навыком не обладаю. Когда на первом курсе я отрабатывал практику на телевидении, мне так и сказали: «У тебя не получается нравиться зрителям. Ты излучаешь какую-то отрицательную энергию, зрителю с тобой некомфортно». Вроде как я грузу людей. Так, на первом курсе я понял, что ТВ - не моё. Люди могут меня только читать... Они не должны видеть моего неказистого, уродливого лица, моих дурацких глаза. Тем более, писать у меня получается лучше, чем говорить. Наверное. Может, в после окончания вуза буду строчить новости на каком-нибудь захудалом сайте с местными новостями. Но я бы этого не хотел.
- А кем бы ты хотел быть, если не журналистом?
- Не знаю, - пожал я плечами. - Никем, наверное. Может, учителем истории...
- Почему истории? - спросила она.
- Я экзамен по ней сдавал.
- И на сколько сдал? - поинтересовалась девочка.
- Девяносто с лишним баллов, - ответил я. - Я все экзамены хорошо написал. По обществознанию, русскому, литературе, истории... Но что толку-то, если мозгов и смелости всё равно нет? Кому это теперь нужно? Так, мусор. Расскажи лучше про себя. Тебе нравится архитектура?
- Наверное, да, - улыбнулась Даша. - Я хорошо справляюсь. Учусь на пятерки, не ленюсь. Меня на олимпиады всякие отправляют, хвалят. Так что вроде бы архитектура - это моё. Хотя порой всё это сильно надоедает.
- И какие олимпиады? - заинтересовался я. - Что-то серьёзное?

- Ну так... - протянула Даша. - Нормальный уровень. Там собираются очень умные люди, на фоне которых я кажусь себе глупенькой девочкой. Порой я даже что-то занимаю... Так что я вроде бы не самое слабое звено. Олимпиады - это прикольно. Можно попутешествовать по России.

- Странное это дело... - зачем-то сказал я.

- Путешествовать по России?

- Ну да, - кивнул я. - Ведь здесь всего два города. Первый из них - Москва, а второй - один и тот же серый город, который повторяется из раза в раз. Куда бы ты не поехал из Москвы, всё равно прибудешь в одно и то же место.

- Постой, ты не прав! - воскликнула она. - Есть много хороших городов. Ну, я недавно в Казани была, она очень красивая... Екатеринбург замечательный город, Сочи, Петербург.

- Да, конечно, Петербург, - согласился я с ней. - Философия, превратившаяся во влажную мечту малолетних провинциальных девочек с каре и русских реперов. Наверное, Петербург в чем-то уникален. Не могу сказать, я там не был. Но всё равно для России этот город не является настоящим.

- А какой город для России настоящий?

- Сибирский город, - сказал я. - Он имеет много лиц и названий, но по сути, он один. Сибирский острог с протекающей крышей. Да... Холодный такой, усеянный бетонными гробами город-острог. Это и есть олицетворение России.

- Я тебя не понимаю. Ты не любишь страну, города... Ты хоть где-то был? Ну, за пределами Сибири?

- Нет, - честно ответил я. - Да и в Сибири я был в двух городах да в паре деревень. Я существую в маленьком мирке. За решёткой.

- Ну теперь ясно, почему для тебя Россия - острог, - засмеялась она. - Я, конечно, понимаю, что ты имел в виду... Авторитаризм и всё такое, но...! Для двадцатилетнего ты как-то слишком унылый чувак.

- Бывают разные люди. В том числе, и в двадцать лет. Многие из них чувствуют пустоту.

- Что чувствуют? - смутилась она.

- Пустоту, - ответил я. - Это такое состояние.

- Когда ничего не чувствуешь? - попыталась она угадать.

- Нет... - сказал я, - Ты чувствуешь всё сразу и ничего одновременно. Все твои чувства... Например, любовь, ненависть, злоба, надежда - всё это оборачивается только пустотой. Я вполне допускаю, что пустота - это дыра внутри, большая и чёрная, в которую утекает всё

на свете. Рано или поздно ты погружаешься в усталость, и тебе просто хочется спрятаться в пустоте, забить на всё, отцепить от себя все крюки. Прости, что нагружаю тебя.

- Да ничего, - мило улыбнулась она. - Может, ты чувствуешь пустоту только потому, что твоя собственная жизнь кажется тебе пустой. Ну так заполни её, найди себе занятие, новых людей. Это же так легко, боже мой! Можешь записаться в наш дурацкий штаб. Не затем, чтобы агитировать, ради компании... Здесь есть прикольные ребята. Мы собираемся вечерами, тут проходят игры, вся фигня... Люди знакомятся, это нормальный способ времяпрепровождения.

- Что тут проходит? - удивился я. - Игры? Типа «Крокодила» или «Мафии»? Может, вы в прятки играете?

- А-а-а! - засмеялась она. - Ирония! Перестань! В «Крокодила» в штабе всего один раз играли. Но ты угадал, в «Мафию» мы часто гоняем. Что ты так на меня смотришь? Да, некоторые люди любят нормально проводить время.

- Что же тут нормального? - усмехнулся я. - Ваши волонтеры верят, что один человек с красивым лицом и умными глазками способен разрушить весь этот русский абсурд.

- А по-твоему абсурд победить невозможно? - несколько наивно спросила она.

- Как абсурд может победить человек, который к нему принадлежит? Нет, это невозможно... Невозможно изменить наш русский абсурд. Он будет всегда продолжаться, этот шаблонный, закоряканный абсурд. Он такой забавный и вроде бы правильный. Мы в нём - архетипы, надоевшие, сотню раз пережёванные... Всё те же огромные и маленькие люди, что и раньше, тот же цирк.

- Огромные? - уточнила Даша. - Ты слишком преувеличиваешь.

- Нет, не преувеличиваю, - не сдавался я. - Если русский человек чего-нибудь добивается, то сразу чувствует себя чуть ли не царём. Русский, наделённый властью, и вовсе становится богом... Россия любит крайности, а не промежуток. Среднего здесь мало. Человек здесь либо беден, либо сказочно богат. Либо мал, либо огромен, как самомнение девушки с большой жопой и чуть симпатичным лицом. Да, русский - либо огномный, либо огромный человек...

- Как ты сказал? - переспросила она. - Огномный? Смешно. Вроде как даже меньше, чем гномы. Но когда ты произносишь это слово, кажется, что ты картавишь. Прости.

- Я просто пошутил.

- Ну хорошо, что ты хотя бы шутишь, - усмехнулась она. - Иначе ты бы казался людям совсем мрачным типом.

- Я и так кажусь им мрачным типом. Мои шутки по большей части язвительные. Я нечасто улыбаюсь, не люблю большие компании. Много спорю, огрызаюсь. Такой вот неприятный человек. Волонтер из меня получился бы так себе.

- Да не... - нахмурилась Даша. - К нам тут по-настоящему мрачные типы заходили. Из одних слова не вытянешь, а другие сразу начинают орать на власть, материть всех подряд. Я не могу говорить с ними на эти темы... Я и о Дровосецком с знающим человеком поболтать не в силах. Он, конечно, хороший мужик, но, блин... Зачем двадцатилетнему человеку так сильно погружаться в политику? Молодость - время эмоций, активности, а не всего этого...

- Так зачем ты здесь? - спросил я. - Только из-за брата?

- Да, он попросил, а я согласилась. Я всегда пытаюсь себя пробовать в новых сферах. Вдруг где-то ты найдёшь то, от чего кайфуешь. Плюс здесь есть новые люди. У меня жажда новых знакомств... Я не хочу запирается в своём мирке. Надо выходить за рамки комфортного. Это - очередная попытка.

- И сколько всего ты перепробовала?

- Ну, всякое... Даже в студотрядах была. Но они мне надоели со своей идиотской организацией. Шаг влево, шаг вправо - расстрел. Нет, я так не могу. Нужна какая-то свобода.

- И долго ты строила коммунизм в студ. отрядах? - интересовался я, словно мне действительно было это интересно.

- Опять шутишь... - вздохнула она и тут же ответила: - Год.

- Ничего себе... - вздохнул я. - И как ты не продала сердце партии и комсомолу?

- Ну, это не пионерия...

- Конечно, - саркастически промолвил я. - Бойцовки, песни у костра, дружба, игры в тимуровцев. От этого становится тошно. Такие идеальные, весёлые, правильные, подготовленные, позитивные, общественно-полезные ребята. Осталось только, чтобы толстый дяденька-чиновник подошёл и погладил кого-нибудь из них по голове своей легушачьей лапой, держа на лице сладкую, кошачью улыбку. От одного вида этих бойцов, слоняющихся по коридорам вуза, лично меня тошнит. Они танцуют, улыбаются, кричат, общаются. Такое ощущение, что они вообще не думают. Будто к ним в голову никогда не приходила мысль, что вся эта жизнь, всё вокруг них - просто абсурд.

- Есть люди, которые хотят получать от жизни удовольствие, - промолвила Даша. - Там много нормальных, позитивных ребят, притом очень умных. Ты судишь только по первому взгляду, так нельзя... Человек тупой - и всё. Излишняя категоричность во всём отпугивает людей.

- Зато люди, которые мыслят категорично, хотя бы искренни, - сказал я. - Они не лгут другим просто затем, чтобы им понравится. Нет, это паршиво... Пытаться всем понравиться.

- Говорить правду всегда тоже нельзя.

- Я и не утверждал, что надо говорить правду. Человек не очень на это способен. Он перестаёт врать только когда умирает. Но посмотри на Дровосецкого. У него там такой вид, словно он никогда не врал и даже никогда не матерился.

- В этом цель плаката - произвести впечатление! - воскликнула она. - Зачем придирается?

- Я впечатлён, - усмехнулся я.

- Настолько, что даже пришёл сюда, - мило улыбнулась Даша.

На несколько секунд воцарилось молчание. Гармс растерянно, словно пытаясь зацепиться за что-нибудь, оглядела стол и заметила, что я допил свой чай.

- Тебе налить ещё? - заботливо спросила Даша.

- Нет, не надо, - ответил я. - Я должен идти. Я, кажется, согрелся. Да и штаб через десять минут закрывается.

- Уже?! - удивилась она. - Время быстро летит.

- Как всегда, - пожал я плечами.

- Может, ты всё-таки заполнишь заявку? - спросила она. - Расплатишься так за чай и конфетки. Плюс дашь мне номер своего телефона. Может, созвонимся, пообщаемся. После того, как сходим и поагитируем, конечно...

- Ладно, давай, - зачем-то согласился я. - Поддержу нашего кандидата. Мы же за правду! Давай свой бланк.

Она дала мне маленькую анкету, куда я вписал своё имя, телефон, адрес и прочие сведения, которые по-настоящему никому не нужны. Быстро и просто подписался на какую-то ерунду. Ладно. Это всё равно меня ни к чему не обязывало. Захочу - откажусь. Моё право.

- Поздравляю, ты теперь волонтер Дровосецкого! - воскликнула Даша, подарив мне солнечную, замечательную улыбку. Почти такую же красивую, какая была у Полины.

Она юрко вскочила с места, достала из шкафа пару красных наклеек с надписью «Дровосецкий» и несколько значков с его популистскими лозунгами.

- Вот, возьми! - положила Даша мне в руку весь этот хлам.

- Если тебе хочется взять что-то ещё - просто попроси! - добавила она, хлопая она глазами, точно маленькими крылышками.

- Нет, спасибо, - ответил я. - Мне хватит. Больше ничего не надо подписывать?

- Хи-хи-хи, нет, - засмеялась она. - Такое ощущение, что ты в рабство себя сдаёшь.

- Надеюсь, что нет... - сказал я. - Мне сегодня придётся сдаться в рабство, но не Дровосецкому, а другому существу.

- Какому же? - спросила она.

- Холоду, - улыбнулся я и, надев куртку, пошагал к двери.

- Даже «пока» не скажешь? - крикнула она мне в спину.

- Пока, - сказал я. - Буду рад повидаться ещё.

Тихо, шёпотом, для себя, я добавил: «Надеюсь, в следующий раз я не буду вести себя, как мудака».

На секунду у меня появилась мысль попросить у неё двадцать рублей на проезд. Но нет... Ещё бы - просить деньги у незнакомой девочки.

Я закутался в шарф, залез, закопался подбородком в куртку, и побрёл дальше. На улице поубавилось людей - они стремились покинуть страшную, гнилую пасть этой огромной, белой сибирской акулы, хотели сбежать, зарыться где-то между её серых бетонных зубов, которые в народе зовутся «хрущёвками».

Ветер не успокаивался. Так же, как раньше, продолжал метать в меня дротики снега, которые травмировали меня, ломали. Но я терпел, шёл вперёд, пробивался через этот мрак, через эту чёрно-белую пустоту.

Я шёл по тротуару. Вернее, по сугробам, под которыми лежал тротуар. Слева была трасса, по которой туда-сюда ездили автомобили, справа - idiotские частные дома. Некрасивые деревянные халупы, как в деревнях, с заборами и овчарками. Прикольно. Чуть дальше были понатыканы заправки, магазинчики, государственные учреждения. Кое-где лежали сероватые, бледные, словно трупы, сугробы размером с человеческий рост

Снег летел прямо в лицо, желая расцарапать его, поставить на нём несколько синяков, чтобы сделать меня ещё некрасивее, ещё уродливее. Я закрыл лицо руками и шёл медленно, вцепляясь ногами в сугробы. Ветер дергал за ниточки деревьев. Отклонял их то в одну, то в другую сторону, играл на них, словно на струнах. Снег засыпал горизонт. Только маленькие, красные, жёлтые огоньки, поселившиеся во тьме или в стенах бетонных спичечных коробков давали мне знать, что мир ещё не погиб.

Моё одиночество уничтожил звук. Кто-то посигналил совсем рядом со мной. Я развернулся и увидел чёрную «Волгу» и знакомого человека за рулём. Это был тот самый таксист. Он махнул мне рукой, мол, «садись и не задавай вопросов!» В этот раз я не стал спорить. Он приехал очень вовремя. Неужели город во второй раз ко мне проявил ко мне милосердие? Спасибо, брат по уродству. Иногда ты бываешь очень щедрым. Как Дед Мороз.

Я сел на переднее сиденье рядом с таксистом. Он был бледным и уставшим. Как и при нашей первой встрече, даже хуже. Под глазами - синяки. Лоб - в испарине. Нос заложен.

Горло разрывает кашель. Таксист болел. Вернее, он всегда болел. Только теперь, вдобавок ко всему, но ещё и подхватил грипп.

Сев в машину, я пожал его трясущуюся, вспотевшую руку, кинул рюкзак рядом и приготовился слушать.

Он кивнул мне, проглотил таблетку от кашля, запил её лимонадом, закапал себе в нос и только после этого начал говорить.

- А я по тебе соскучился, - сказал он. - Откуда идёшь?

- От девочки, - ответил я.

Он завёл машину, и мы тронулись с места. Воцарилась пустота, таксист посмотрел по сторонам, словно опасаясь преследования, а затем спросил:

- От Алисы?

- Нет, - проглотив ком, застрявший в горле от этого вопроса, сказал я.

Каждая мысль об Алисе причиняла мне какую-то непонятную, резкую боль.

- От Даши, - сообщил ему я секунду спустя.

- Да ты мачо... За двумя бегаешь?

- Ни за кем я не бегаю, - бросил я. - Они обе случайно появились в моей жизни. Но всё это ошибка... Что с одной, что с другой. Тем более, Алиса в тот же вечер, когда мы с тобой разговаривали, потрахалась с тем поэтом, о котором я рассказывал. И правильно. Я вёл себя с ней нелепо. Обозвал её. Ей было некомфортно со мной, как и всем остальным людям. Да, я весь... Очень некомфортный и неприятный человек, понимаешь? Наверное поэтому у меня нет цели, друзей, подружки и прочей фигни.

- А как же эта Даша? Она тебе тоже нравится?

- Вряд ли, - ответил я. - Я сегодня впервые нормально с ней разговаривал... Ну как... Не знаю, можно ли назвать любой разговор со мной нормальным. Она помогает брату в штабе Дровосекого, волонтерит там. Но это не потому что она помешалась на политике... Просто ей хочется попробовать себя везде. Она в олимпиадах участвует, хорошо учится, стремится что-то делать, стать архитектором. Несколько лет назад я был почти таким же... Тоже думал, что нужно всё пробовать, жить, пока молод. Читал книги, писал, на олимпиады ездил. Ничего не пропускал. Но потом... Зря мы подняли эту тему. Не за чем говорить о том, кто мне больше нравится. Это всё равно не имеет никакого значения. И для Алисы, и для Даши я всё равно буду одинаково неприятен. Всё это может закончиться только ещё большим мучением и ещё большей болью. Так что пусть идут нахер. Не надо об этом говорить.

- Даша хотя бы ни на кого не похожа? - несмотря на моё нежелание говорить о девушках, продолжил он эту тему.

- Похожа, - честно сказал я.

- На кого?

- На Полину.

- Кто такая Полина?

- Разве я ни говорил? - удивился я.

- Нет, не говорил, - уверенно ответил он.

- Девочка, которую я когда-то очень сильно любил, - поведал я. - До сумасшествия. Возможно, из-за той любви я стал таким. Но не спрашивай меня, в чём заключались наши отношения. Не было никаких отношений. Она просто являлась моей одноклассницей, я писал ей в соцсетях, потом мы танцевали на последнем звонке. Много раз она давала понять, что я - кусок говна, и я это принял. Вот и всё. Потом она уехала в Петербург, и теперь живёт там с кем-то. С каким-то красивым парнем, сыном какого-то политика, если я не ошибаюсь. Превратилась из брюнетки в девочку с розовыми волосами. Так ей больше идёт. Правда, она часто меняет цвет волос... Впрочем, какая разница...

- Значит, и Даша напомнила тебе девушку, которую ты когда-то любил? Это интересно...

- Да, напомнила, - сказал я. - К тому же, Даша интересная. Но не настолько, как Алиса. После разговора с Алисой, мне показалось, что я люблю её... Не знаю. Я никогда ничего не знаю. Просто думаю о ней и всё такое. Но скоро это пройдёт. Нужно всего пару месяцев, и я просто буду глазеть на каждую симпатичную тёлку и представлять себя с ней. Это куда лучше. Когда нет духовной привязанности... Нет такой боли, понимаешь? Такого страха...

- Какой ты слабый, - усмехнулся таксист. - Сводил бы её куда-нибудь... В кино, например. Может быть, тебе бы удалось увести её от того поэта. В любом случае, Алиса для Клыка - просто развлечение на несколько вечеров. Ты же это понимаешь?

- Понимаю... Но ведь одна встреча с ним для неё - куда лучше, чем десять со мной. Когда я с ней, то веду себя так нелепо... словно я маленький мальчик, а Алиса - высокая, взрослая женщина. С ней... С красивой девушкой, которая мне нравится, я должен выглядеть лучше, чем я есть. Это сложно для человека, которых последние пару лет с каждым днём пытался быть всё хуже и хуже себя прежнего.

- Просто ты увлёкся саморазрушением, - подметил он.

Очень оригинальная мысль, ага. словно я сам этого не знаю.

- Возможно, - пожал я плечами. - Но нельзя им не увлечься. Я думаю, что любая жизнь - это сплошной акт саморазрушения... Человек уничтожает землю, заражая её плесенью городов. Он режет сородичей и даже пьёт водку лишь по одной причине - в нём, в его глубинах, сидит неутомимая жажда саморазрушения. Он всю жизнь умирает, и смерть, её всепоглощающая внезапность и абсурдность, заставляют его поверить в абсолют пустоты...

Смерть заставляет человека видеть только себя, и ничего больше. А всё остальное, весь мир и мы сами, есть только то, чем смерть питается... То, что она с жадностью пожирает. И поэтому я хочу смерти.

- Вот ты снова упомянул это слово, - заметил таксист.

- Смерть?

- Нет, - помотал головой таксист. - Пустота. Я так и не понял, что это такое. Ты не можешь сказать, что именно ты имеешь в виду, упоминая это слово?

- Нет, не могу, - признался я. - Пустота - особенное чувство. О нём нельзя рассказать, потому что оно... Оно прекрасно.

- И чем же?

- Тем, что именно этим словом можно описать весь мир. Машины, людей, смерть, гробы, музыку, любовь... Всё это - пустота.

- А по-моему, это никакая не пустота, а обыкновенное безумие, - удивительно трезво промолвил таксист. - Тее надо бы от него избавиться, стать нормальным человеком.

- И каким же образом?

- Единственный способ противостоять безумию - чувствовать ненависть, желание всё уничтожить. Ненависть - это защитная реакция человека... Она создана, чтобы не сойти у ума. Ты ведь тоже чувствуешь ненависть, да? Ты противишься безумию. В этом мы с тобой похожи. Мы оба хотим всё уничтожить просто так, из ненависти ко всему.

- А как твой роман? - решил я перевести тему. - Его ты тоже собираешься уничтожить?

- Да. Я хотел тебе сказать об этом чуть позже, но не сумел. Я хочу, чтобы девятая история закончилась смертью, как и жизнь любого человека. Да и сам роман должен закончиться смертью. Зачем? Только благодаря смерти можно разгадать человека. Это моя цель - разгадать человека, но не обычного человека, а человека несчастного, который сам себя пожирает. Обычные, счастливые, гордые люди кажутся мне сухими, лишёнными жизни. Самое интересное - это ничтожные личности, которые прекрасно осознают свою ничтожность, ненавидят её, но не могут ничего с ней поделать.

- И ты считаешь, что я такой? - спросил я.

- Да, такой, - без раздумий ответил таксист. - Ты живёшь во власти безумия, страха, граничащего с паранойей, ты готов полюбить всё на свете, но прекрасно знаешь, что тебя никто и никогда не будет любить. От этого твоё сердце разрывается, наполняется ничем, и тебе кажется, что ты существуешь во власти пустоты, во власти смерти. Твой единственный повод заставить себя жизнь - это ненависть. Ты же искренне хочешь всех ненавидеть. Ты хочешь всех убить, правильно?

- Да, возможно, - пожал я плечами. - Но под всеми я понимаю вообще всех... Чтобы никого не осталось, чтобы весь мир стал пустым, чтобы здесь был только ветер и предметы, которые не будут ничего значить. Вот на это я согласен. А просто так кого-то убить... Пусть даже людей, которых я ненавижу. Зачем? На смену им придут другие люди, не лучше. Это постоянный круговорот абсурда. Поэтому единственное философское убийство, которое имеет смысл, - это убийство самого себя. С собой ты убиваешь всех остальных. Они перестают существовать в твоём сознании, их жизнь для тебя закончится.

- И что же тебе мешает? - спросил он.

- А тебе?

- Страх, - сказал таксист. - Ну и книга. Возможно, я умру, когда допишу книгу, или если не смогу её дописать.

- Ты не видишь выхода в книге? - поинтересовался я. - На мой взгляд, судьба творца имеет хоть какой-то смысл.

- Какой? Творец за всю свою жизнь может написать только одну книгу, которая закончится его же смертью. Хорошо, если эта книга будет не тринадцатитомником, а однотомиком. Так лучше. Всем известно, что краткость - сестра таланта.

- А как же идеи? - спросил я его. - Ну, в разных книгах можно передать разное.

- Какие идеи... - вздохнул он. - Ни одна из них не имеет значения. Всё это - лишь повторение уже сотню раз сказанного, поиск идеала в мире, где нет ничего идеального и быть не может. Поиск Бога и правды там, где и то, и другое отсутствует. Поиск объективной реальности в карточном пространстве. Что здесь можно найти? Только ветер, холод и смерть. Иногда - человека, который сидит в лесу и плачет оттого, что потерялся и не может найти выхода из тёмной чащи. Иногда - бандита, который бежит из тюрьмы и норовит выколоть тебе или себе глаза. Кто знает... В любом случае, мы просто живём в условности. В поблекших воспоминаниях и фантазиях сумасшедших людей. Посмотри вокруг. Эта планеты просто сгусток смерти. И я просто гляжу на безумие из окна своего корабля... А может, мне всё это только кажется, и я нахожусь на Земле, в капсуле для космонавта... В той, что вертится по кругу... Мне тесно и я чувствую тошноту. Так хочется выйти. Но я заперт. И некому остановить механизм, вытащить меня наружу, дать мне воды. Люди словно исчезли, бросили меня одного. А я зачем-то их жду и медленно умираю, представляя себя в космосе. Словно я уже полетел туда, словно я уже вырвался из этого карцера, из этого помойника.

- Рано или поздно ты вырвешься, - сказал я.

- Ты имеешь в виду смерть?

- Да, - кивнул я.

- Смерть в одиночестве - это не выход. Когда ты умер, эти говноеды, все эти тараканы уверены, что победили тебя. Они просто смеются над тобой. Ты прав, да... Нужно, чтобы

они все сдохли. Но мы ведь не можем этого сделать... Не можем убить их всех. У нас нет оружия. Поэтому можно уничтожить своего врага. Перед смертью хотя бы показать, что ты - не слабак. Что ты не сдался, что помимо себя, ты разрушил что-то красивое, что любили все, но не ты.

- О ком ты?

- Об Артуре, - ответил таксист. - На твоём месте я бы уничтожил его. Превратил бы безумие в преступление.

- Что ты несёшь? - нахмурился я. - Хочешь, чтобы я убил его? Зачем?

- Уничтожить человека, на котором сконцентрирована вся твоя ненависть, - то же, что и уничтожить весь мир. После этого ты сможешь покончить со всем.

- Ты дурак? - спросил я его. - Я же понимаю, что тебе это нужно для романа. А я... Мне не за чем кого-то убивать.

- Он спит с той, кого ты любишь, - продолжал таксист. - Его дерьмовые стихи слушают люди. Он высокий, красивый, приятный блондин. У него есть всё, чего нет у тебя. Он обладает тем, чем ты никогда не будешь обладать. Он - человек, который собирает твои мечты, присваивает их себе.

- Заткнись! - крикнул я.

- Ты ведь, наверное, так хотел поцеловать эту девочку... Алису. Ты так хотел хотя бы дотронуться до неё, но она полюбила его. Она влюбилась в его стихи, а не в твои, которые никому не нужны! Неужели ты считаешь, что заслуживаешь большего? Что заслуживаешь хоть чего-то, кроме смерти? Нет, ты не заслуживаешь... Вот он, Артур Клык, заслуживает. Он смотрит в зал и улыбается, а ты сидишь у себя дома и плачешь, думая, когда всё это можно будет закончить.

- Заткнись! - повторил я.

- Ведь он останется после тебя, будет, причмокивая, жрать твои мечты, романтические фантазии, из-за которых ты покончил с собой. Он останется тут и будет хихикать, он будет кончать твоей мечте на лицо, а она будет слизывать его вонючую сперму. Тебя в этот момент будут есть черви, ты будешь гнить один, в тёмном гробу. Как всегда. А этот говнюк даже не заметит твоей смерти. Просто усмехнётся, и всё. И она усмехнётся. Наконец-то этот мудака Фёдор умер. Слава Богу.

- Заткнись! Есть ещё Даша!

Мы подъехали к светофору, остановились. На светофоре мелькали цифирки, юркие, большие, красные: 46,45,44...

- Кто? - спросил таксист. - Девочка, помешанная на бессмысленной активности? Эта заучка с архитектуры, олимпиадница? Ты же от неё не в восторге. Но она тоже найдёт себе

какого-нибудь мальчонку. Представь, что будет, если Клык станет более популярным. На всю Россию прославится! В нашем безвкусном мире это вполне возможно. Тогда она, представь, найдёт клип Клыка в интернете... В клипе Клык будет целовать Алису. А Даша будет сидеть, смотреть и представлять себя на её месте. Она повесит плакат Клыка себе на стену и будет лежать на кровати и дрончить на него. А ты будешь лежать в гробу и гнить. Тебя будут поедать черви.

- Замолкни! - закричал я.

Его голос, его дурацкие, обглоданные, заточенные слова разрезали меня на части. Я не мог с этим справиться. Весь его бред я представлял очень ясно, отчётливо. Я даже чувствовал запах из этих сцен. Я ударил рукой о панель автомобиля, а потом начал колотить себя, сиденья... В конечном итоге я зачем-то схватил его за горло... Наверное, хотел, чтобы он заткнулся.

Но на него всё это словно не произвело никакого впечатления. Я сжимал ему горло, а он просто сидел и улыбался, глядя на меня глазами, полными тошноты и объётыми равнодушным безумием. Ему было всё равно. Он был готов умереть хоть сейчас - я хорошо видел это на его обречённом лице. Он не сопротивлялся. Казалось, что таксисту даже приятно чувствовать боль. Настолько он потерял вкус ко всему... Нет, это безумие. Душить человека, который получал от этого удовольствие. Я отпустил его. Таксист начал глубоко дышать, но не закашлял. Его лицо было красным, но только потому, что тело в такой ситуации не способно вести себя по-другому. На самом деле, таксист не почувствовал ничего - только в который раз осознал близость смерти, что совсем его не пугала.

Он достал из кармана платочек, вытер лицо и несколько раз выдохнул.

На светофоре уже горел зелёный. Сзади сигналили возмущённые водители.

Я сидел, опустив глаза вниз. Мне было стыдно. Я сорвался. Напал на него, как истеричка. Зачем-то схватил человека за горло. Неприятно. Но он ничего не говорил. Просто сидел и широко улыбался.

Затем он включил первую передачу и тронулся. Мы ехали молча до моего дома. Он редко кашлял, не спуская улыбки с лица. Кажется, ему понравилось то, что произошло. Или я ошибаюсь?

Он заговорил только после того, как мы подъехали прямо к моему подъезду и остановились.

- Не выходи, - приказал он. - Мы не договорили.

Я послушался. Отстегнул ремень и стал ждать, что он скажет.

Таксист тоже окинул ремень, достал из бардачка пистолет и, протерев его тем же платком, которым вытирал лицо, протянул оружие мне.

- Вот, - сказал он. - Тут два патрона. Один для тебя, другой для него. Если захочешь - воспользуйся. Не захочешь - дело твоё. Без меня достать пистолет тебе будет трудно. А ведь это самый лёгкий способ со всем покончить. Быстро, не успеешь почувствовать боль, понять смерть. Просто и наверняка. Не так страшно. Ты, кстати, какой смерти боишься больше всего?

- Я боюсь утонуть, - сказал я. - Это дурацкое чувство, когда не хватает воздуха. Тебя словно сжимает с всех сторон.

- Да, я почувствовал... - усмехнулся он. - Ты хорошо сжал моё горло. Казалось, что я сейчас задохнусь, но нет, да одумался. Одно хорошо... Я увидел, как же много в тебе ненависти...

- Извини, - сказал я. - Ты сам виноват. Вывел меня из себя...

- Я просто сказал тебе правду. Если бы у меня был враг, я бы его уничтожил.

- А почему у тебя его нет?

- Просто твоя пустота... Она пока ещё может впитывать обиду, ненависть, разрушение... Пустота стремится к тому, чтобы всё поглотить. Пустота хочет, чтобы всё стало пустотой. В каком-то смысле она и есть разрушение. Но я не чувствую пустоту. Я чувствую постоянную, вечную тошноту. Она всегда в горле. Я захлёбываюсь в собственной рвоте. Тошнота... Она лишает даже потребности разрушать. Она не даёт ничего почувствовать к обычным, нормальным людям. Я могу как-либо воспринимать только тех, кто похож на меня. Нормальных людей для меня не существуют. Они как куклы. Просто пластмасса. Я бы хотел почувствовать к кому-то из них хотя бы ненависть. Но я давно в последний раз ощущал её. Тогда у меня тоже была пустота. Не такая чёрная пустота, как у тебя, а более бесцветная, соответствующая типичному представлению о пустоте. Но пустота - это переходная стадия между нормальностью и тошнотой. Сейчас ты можешь хотя бы получить удовольствие от разрушения того, что по-настоящему ненавидишь. Я бы на твоём месте решил воплотить эту пустоту в акт разрушения чего-то красивого, идеального. Но смотри сам. Забери пистолет и подумай. Мне он пока всё равно ни к чему. Только не стреляй зря, хорошо? А то ты сильно меня подведёшь, придётся покупать новые пульки.

- Не придётся, - сказал я. - Я ни в кого не буду стрелять.

- Но ты возьмёшь его?

- Да, - сказал я, и взяв у него пистолет, выбрался из машины.

- Носи его с собой, хорошо? - бросил он мне через окно свои слова. - Чтобы при нашей следующей встрече он был у тебя.

- Когда она состоится? - спросил я.

- Когда будет нужно, - сообщил таксист. - Я найду тебя.

- Как ты это делаешь? Следишь за мной?

- За тобой не нужно следить, - улыбнувшись, ответил он. - Ты живёшь в коробке. А я знаю, где находится коробка.

Он закрыл окно и поехал прочь. А я стоял и смотрел, как, мелькая фарами, вдаль уезжала его странная, скрипящая, тараканоподобная машина. Она просто растворилась в ночи, оставив после себя лишь неприятный запах бензина.

Он оставил мне пистолет. Как забавно. Что я с ним буду делать? Пойду убивать Клыка? Нет, это какая-то шутка! Какой из меня убийца? Я себя-то убить не могу. Но что если просто направить на него пистолет и нажать на курок? Это же так просто. Он исчезнет, и тогда мне будет легче. Нет... Я и после убийства Клыка не смогу себя уничтожить. Меня посадят, родителям будет стыдно... Да и что это изменит? Нет, ничего. Клык - такой же человек, как и я. Как и все. Всего лишь пустота.

Я пришёл домой, замёрзший, уставший, вымотанный. Отец, развалившись на диване, смотрел какой-то низкопробный сериал про ментов, мама готовила ужин. Кажется, делала пирожки с картошкой.

- Привет! - воскликнула она, увидев меня. - Как дела?

- С пивком потянет, - как всегда ответил я.

- А без пивка? - заголосил из комнаты отец.

- Без пивка уже не то, - продолжал я шутить.

- А где ты был? - спросила мама.

- Учебники ездил сдавать.

- Так долго?

- Да, пришлось задержаться.

- Там на улице такая метель... - заметила мама. - Аж слышно, как ветер свистит... Всё заметает.

- Ну да. Я даже замёрз.

- По тебе видно, сынок. Вон ты какой красный. И ноги все мокрые. Прими горячий душ и выпей чай с мёдом, хорошо?

- Ладно, - согласился я с ней и пошёл в свою комнату.

Здесь было жарко. Батарея шпарила, как сумасшедшая. Нет, так не пойдёт. Я подошёл и отключил батарею. Уж лучше чувствовать холод.

Я пошёл на кухню, кинул в стакан, который считался моим, пакетик с чаем, добавил туда мёда и залил всё это кипятком. Отлично. Отнёс стакан в комнату, сел читать и пить чай. Ничего интересного. Мимо пролетали страницы маленького романа Гамсуна о голоде, который я практически дочитал. Уже в третий раз я пролистывал эту книжку. Не знаю, зачем. Просто чтобы почувствовать единение с ним. С этим чёрным, подвальным текстом.

Чай прокатывался раскалённой тележкой по шахте моего горла. Я допил его, сходил на кухню, сожрал лимон, выпил пару таблеток и даже проглотил ложку сиропа. Отлично. Как в детстве, когда мама лечила меня, а я надеялся, что завтра получится не выздороветь и не пойти в школу... Как просто тогда было стать счастливым. Хотя бы на один день.

Я сходил в душ, почистил зубы, умылся, выдавил на красные гнойники несколько разных мазей, дорогих, но абсолютно бесполезных... Растёр их по рыхлой коже, посмотрел в свои коричневые глаза, похожие на две братские могилы, доверху заваленные трупами. Ничего интересного.

После душа я налил себе воды на ночь, выпил пустырника для сна, посмотрел на гаснущие под давлением ночи окна и лёг в постель. День закончился. Больше мне делать ничего не хотелось. Хватит. Ленточка обрезана.

Ночь была удачной. Мне удалось быстро заснуть. Бессонница не преследовала меня. Оторвалась. Надолго ли? Вряд ли. На смену ей пришла пустота.

Глава 4 Бунтовщик.

Пустота времени захватила меня. Три дня я не выходил из дома. Сидел в интернете, пытался писать, учить историю, читать какие-то книги. Я просто сокращал время, старался не думать, не уходить в себя, не реагировать на собственное уродливое отражение в зеркале. В каждый из этих дней я звонил Алисе, но она либо не брала трубку, либо сбрасывала. Пора было прекратить это делать, перестать навязываться, но я не мог бросить всё, даже не поговорив с ней. Надо остановиться, но чуть позже... Ведь рано или поздно она возьмёт трубку, правильно? Рано или поздно ей это надоест, она ответит и пошлёт меня, да? Наверное...

Пистолет так и лежал у меня в рюкзаке. Только сейчас, на четвёртый день пребывания дома, я достал его и спрятал на дне коробки со старыми журналами, в которую никто не заглядывал. Почему я не сделал этого раньше? А если бы мама заглянула в рюкзак, что бы ей сказал? Нет, надо взять себя в руки, собраться, не вспоминать о пистолете. И зачем я вообще взял его? Я что, действительно собрался убить Клыка? Нет, это было бы глупо. Или я намереваюсь покончить с собой? Нет, вряд ли. Пока нет.

Надо будет вернуть оружие. Да, таксист найдёт меня, и я сразу же верну пистолет. Всё просто.

Надо было прекращать маяться бездельем. Сделать хоть что-нибудь. Сперва позвонить Алисе. Иначе я буду сидеть и думать об этом звонке, ни на чём не смогу сконцентрироваться. Сделаю самое страшное... Позвоню, послушаю гудки. Всё равно она не ответит.

Я взял телефон в руки, повертел его пальцами, пытаюсь выгнать из своей головы страх, и набрал её номер. Снова гудки побежали, словно машинки по трассе. Один пролетел с оглушающим, звенящим рёвом, второй, третий, четвёртый. Она снова не отвечала. Гудки царапали меня, сдирали кожу, выкорчёвывали внутренности, вырывали их с корнем, точно сраные сорняки. Но вдруг, внезапно, они оборвались, и я услышал приятный женский голос. Не этот, электрический, безжизненный, колючий, произносящий: «абонент временно недоступен», а другой, самый прекрасный, нежный и милый.

- Привет, - промолвила Алиса как-то холодно, стеснительно, робко, словно мы совсем не были знакомы.

- Привет, Алиса... - пытался говорить я, но только спотыкался на кочках своего страха и падал, обрывая слова. - Это Фёдор, если ты не узнала. Я тебе много раз звонил...

- Знаю, - ответила она. - Видела пропущенные. Прости, не было времени говорить.

- А сейчас у тебя есть время? - простонал я.

- Блин, тоже нет, - вроде бы с досадой протянула она. - Нам сегодня сказали, что в первый день семестра у нас будет тест по лексикологии. Я готовлюсь.

- А когда вы выходите на учёбу? - спросил я.

- Вообще-то все выходят 13-ого февраля. Ты тоже, наверное.

- Да, возможно, - растерянно пробурчал я. - Надо будет посмотреть расписание.

- До учёбы пара дней осталась, а ты ничего не знаешь... - сказала она. - Ну ты и странный.

- Да, наверное... - нелепо пробурчал я. - Скажи хоть, как у тебя дела? Мы долго не разговаривали, мне стало интересно.

- Удивительно... - устало вздохнула она. - Тебе кто-то может быть интересен?

- Да, - затрещал я. - Ты. Правда. В последнее время я долго думал о тебе, и я... Я считаю, что ты восхитительная, красивая, добрая девушка, Алиса. Мне хочется узнать тебя получше.

- Ничего себе... - усмехнулась она. - Я даже не знаю, как ответить на эти комплименты... Ха-ха-ха. Прости... Я бы поговорила с тобой, ты вроде бы интересный, но мне нужно готовиться к тесту.

- Я понимаю, да... - виновато брякнул я. - Но удели мне ещё минуту, пожалуйста. Скажи, как ты?

- Я хорошо, - промолвила она. - Правда. Сейчас у меня один из лучших периодов в жизни. Так не хочу, чтобы начиналась эта учёба... Она бесит меня.

- Всех бесит... - заметил я. - Куда же деваться.

- Ага, - согласилась она. - Ладно, пока. Мне правда нужно готовиться. Прости...

Она положила трубку. Просто так ушла, оставив меня барахтаться в мелодии её чудесного голоса.

Некоторое время я ещё держал телефон у уха... Переваривал сказанное, пытался поверить в то, что этот разговор действительно состоялся. Потом положил черное зеркало в карман и задумался.

Неужели она поговорила со мной? Ответила мне, подарила свой смех, свой чудесный голос. Но разве это разговор? Может, она просто отшила меня, как гордая, себялюбивая сука? А может, ей и правда нужно готовиться к этому дурацкому тесту? Никак не поймёшь... И зачем я сделал ей эти дебильные комплименты? Только подлизался к ней, показался слабохарактерным. Ещё это дурацкое: «Куда же деваться...». Словно мне нечего сказать, словно я какой-то дурак... А-а-а-а! Вопить хочется. И ещё это: «Надо будет посмотреть расписание». Я только выглядел перед ней растяпой, неорганизованным, нелепым придурком. Вот я бездарь. Но мне же наплевать на неё, правильно? Это просто очередная влюблённость. Она пройдёт. Другие же проходили. Я мог задавить те симпатии. Мой другой «я», циничный, злой, всегда побеждал. А теперь во мне вновь проснулся этот жалкий, сентиментальный романтик. Я уж думал, что убил его... Что после Полины его уже не будет. А нет, вон он, бултыхается, пытается управлять мной, сделать мне больно. Надо отказаться о любой мысли о ней. Я должен быть одиноким, сильным. Должен плевать на всех. Я должен убить в себе способность восхищаться красотой, должен перестать хотеть любви, я должен стать безразличным ко всему, и это спасёт меня, даст мне нормальную жизнь, нормальные увлечения, нормальные мысли... Да, я должен стать пустотой. Пустотой, в которой не будет место боли. И тогда мне будет хорошо. Я просто буду ждать смерти. Тихо. Счастливо.

Я ушёл на кухню, открыл бутылку пива, отдышался. Посмотрел в окно, на гаражи, хрущевку и заброшенный продуктовый магазинчик. Полегчало. Русские виды, печальные, серые, десятиэтажные, квадратные, угловатые, гноящиеся.

Голые ветки деревьев, похожие на маленькие ниточки, торчащие из старой кофты.

Белая полоска горизонта ползёт перед глазами худым, длинным опарышем. Небо - как выброшенная на помойку, старая, дырявая перина. Чёрные, наполовину очищенные от жёлто-коричневого снега дороги, кажутся мусорными пакетами, в которые кто-то блеванул.

Мороз вертит тебя, словно шашлык, сушит со всех сторон, облизывается, ждёт, пока ты приготовишься, когда сдашься. Когда разрешишь ему съесть тебя.

Ко мне снова пришла фигуристка. Вон она, стоит в коридоре, глядит на меня широко раскрытыми, красивыми глазами. Мне кажется, в этих глазах я вижу всю её внутреннюю империю, яд, убивающий меня, колёса поезда, которые грозятся перерезать мне горло. Её волосы, словно блеклый, но идеально ровный свет от фонарей, ложатся на просторные уточки её лица, на эти фантастические, марсианские изгибы, на эти точные, непрерывающиеся контуры... Она улыбается... Ямочки на её щеках кажутся мне теплой ванной после холодного, сибирского дня, когда всё тело ощущается одной только железной трубой, в которой бормочет, заикаясь, задиристый ветер... Я смотрю на её губы, пытаюсь телом почувствовать её ненастоящее, иллюзорное дыхание. Её розовые губы - петля, в которую я с удовольствием бы влез. Вися в петле её губ, я бы качался и громко смеялся, ведь смерть подобралась уже совсем близко. Да, её губы были только мечтой. У Алисы были такие же губы, наверное...

- Привет, - сказала фигуристка.

- Зачем ты пришла? - выдавил я из себя.

- Мне не к кому больше идти. Ты забыл? Я существую только в твоей голове.

- Жаль... Нашла бы себе кого-нибудь получше. Мне даже жалко тебя. Жалко, что ты, со своей красотой, должна быть рядом с уродством.

- Я уже смирилась, - тихо промолвила девочка. - Поначалу, конечно, было противно, я сопротивлялась своему желанию просто взять и исчезнуть. А потом я привыкла к тебе. Ты хороший человек. Хоть и пытаешься казаться плохим. Ты просто слабохарактерный и не очень красивый. А ещё ты... Какой-то потерянный.

- Где потерянный?

- Я уж не знаю... - задумалась она. - В Сибири. Ты типичный обитатель этих мест.

- А ты нет? - спросила она.

- Я нет, - с полной уверенностью ответила фигуристка. - Я бы хотела жить в Праге. Как ты думаешь, этот город существует?

- Конечно, - улынулся я ей. - Если он изображён на картах, если туда можно слетать или ввести танки, то почему его нет?

- А почему ты не можешь туда поехать?

- Не знаю, - пожал я плечами. - Денег нет. Да и желания, если честно, тоже... Что мне там делать? Смотреть на счастливых людей в чистом европейском городе? Нет уж. Сомневаюсь, что мне будет это приятно. Там я бы никогда не смог почувствовать себя естественно. Там я бы сошёл с ума, точно покончил бы с собой...

- А здесь ты не сходишь с ума?

- Схожу, только медленней, чем делал бы это там, - объяснил я. - Здесь я чувствую себя частью уродливого, гнилого мира. Эта провинциальная, пустая, холодная и грязная русская вселенная словно создана для меня. Она воплощает собой мрачную красоту, присущую смерти. Это успокаивает. Ветер, холод... Когда возвращаешься домой в тридцатиградусный мороз - это самое приятное ощущение за день. Ты перестаёшь думать. Все твои мысли, все коридоры твоего разума, словно растворяются, словно превращаются в пустоты, и ты хочешь только одного - дойти до дома, приложить руки к батарее, согреться. Нет ни любви, ни самоанализа, ни мыслей о том, в какую бездну катится твоя жизнь. Существует только холод, и твоё тело, которое пытается бороться с зимой, но всегда проигрывает. Идя по улице, ты видишь эти маленькие, нагноившиеся прыщики окон, ты слышишь, как ветер хлещет тебя по лицу, ты чувствуешь себя в шаге от абсолютного блаженства, в шаге от «ничего»... Под ногами хрустит снег, точно маленькие орешки.... Собственное дыхание кажется всего лишь попыткой совершить невозможное. Всего лишь попыткой жить в смерти. Ведь все эти белые сибирские просторы - просто смерть. Вся Сибирь - это просто смерть. Огромная, необъятная, серая и красивая смерть, порочная, забытая, глухая. Домики - точно гробы. Покрытые снегами машинки - точно блохи... Всё это так замечательно, знаешь ли. И зачем мне Прага, Европа... Ведь если разобраться - это всё такое же гетто. Только украшенное, облагороженное, спрятавшееся гетто. А Сибирь не прячется. Она такая, какой должна быть. В ней есть правда и тоска, столь необходимая, столь тихая. Нет, я часть всего этого. Я - часть организма, мифического, страшного, тайного.

- Какого ещё организма? - спросила она.

- Сибирского. Мне кажется, что скоро всё здесь оживет. Что Сибирь поднимется, что её ледяной панцирь оторвётся от земли и закроет Солнце, погрузит всю планету в холод, заставит её страдать. Сибирь не выдержит. Рано или поздно она всё разрушит. Превратит всё в ледяную пустыню. И правильно. Ведь у нас, по сути, всего два выбора - либо ледяная пустыня, либо ядерный огонь. Но Сибирь смилуется над нами. Она не пустит сюда огонь. Она обнимет нас своими холодными, белыми руками и тихо споёт нам колыбельную, под которую мы и заснём навсегда. Это музыка будет звучать из голосов мертвецов. Они будут шептать нам о том, как прекрасна смерть. Они будут топтать, звать нас туда, в могучее и громадное небытие, из которого всё состоит. Музыка Сибири - это большой, зелёный осьминог с красными глазами. Своими щупальцами она проникает в мозг, присасывается и заставляет и кричать, срывая горло. Ты слушаешь, разрываешься и чувствуешь себя почти мёртвым. Почти вошедшим в своё естественное состояние.

- Естественное состояние? - переспросила она.

- Да, - сказал я. - Смерть это естественное состояние людей. Сама подумай. Все планеты состоят из смерти. Везде сплошная пустота. Отсутствие жизни. Да и мы сами... Мы вырываемся из бесконечного потока смерти, становимся жизнью на мгновение, но потом жизнь быстро затухает, и смерть снова забирает своё. Нет, смерть вечна. Она правит вселенной. А жизнь - это всего лишь ошибка, которую смерть пытается исправить как можно быстрее. Рано или поздно все ошибки будут исправлены, любая жизнь умрёт, и наша

планета войдёт в своё естественное состояние. В состояние безжизненности. Она станет равной другим планетам. Исчезнет этот неясно откуда взявшийся вирус жизни, и всё станет, как надо.

- Ты считаешь, что это хорошо? Ну, если все умрут?

- Да, я считаю, что это хорошо, - неуверенно промолвил я. - Тогда все будут счастливы. Тогда на земле исчезнет страдание. А жизнь - это всего лишь борьба со страданием... Мне кажется, все уже давно устали бороться, просто боятся себе в этом признаться.

- Ты просто лишён любви, - сказала фигуристка. - Если ты полюбишь, всё изменится.

- Иди в жопу со своей любовью. Любовь - это тоже чувство, обречённое на скорую смерть. Неважно, чем она закончится, успехом или же полным провалом, она всё равно оставит после себя только бесконечную пустоту.

- Всё у тебя упирается в эту пустоту, - недовольно произнесла девочка. - Мне кажется, ты сам её сотворил.

- Не спорю, - ответил я. - Пустота - моих рук дело. Но это лучшее, что я мог сотворить. В моральном смысле, я имею в виду. Ведь во мне есть сильная тяга ко злу. Любой несчастливый человек чувствует эту тягу... Любой отверженный, любой страдающий, любой одинокий обитатель этих трущоб чувствует, как зло тянется к нему, как оно медленно его забирает. Ненависть к себе медленно, осторожно перекидывается и на других людей. Злоба подавляет всё хорошее, что в тебе есть. Мне кажется, что самые злые люди - те, кто раньше испытывал самую большую потребность любить... Но мир от них отвернулся, мир, который такие люди хотели полюбить, не принял их, и они были вынуждены его возненавидеть... Да, иногда и я чувствую, что во мне возрастает что-то плохое... Пустота позволяет справляться, пустота засасывает в себя и злобу, но мне порой кажется, что в каком-то из припадков злобы, ненависти, я могу и убить человека.

- Но это же всё обман... - сказала фигуристка. - Ты так хочешь любить. Ты ищешь Бога, не так ли? Ты ищешь мечту, стимул? Ты посреди пустыни, ты умираешь от жажды и ждёшь, когда кто-нибудь даст тебе воды. Ты ещё хочешь воды, да? Ты не смирился со своим положением. Ты ещё не стал частью пустыни. Она не поглотила тебя. Вспомни, что было раньше. Когда ты писал стихи о девочке Маше, о твоей первой любви, потом о Полине... Вспомни, как ты по-настоящему хотел полюбить мир, вспомни, как ты молился за всех угнетённых и страдающих. Ты ведь считал, что можешь потом, в будущем, познать правду и дать её людям.

- Я был ребёнком, - ответил я. - Это просто мечты. Всё оказалось не так, как я себе представлял. По детской наивности я считал, что меня выбрал Бог, выбрал для чего-то огромного. Я думал, что моя душа разрывается не просто так, что я должен всем помочь. Но потом... Я осознал, что не нужен ни богу, ни миру... Никому. Никому не нужна эта моя идиотская любовь, никому не нужен я сам. Да и Бога никакого нет, и цели никакой нет, и

таланта у меня никакого нет. Я - просто посредственность. Слабое существо, наделённое дырявой душой. Человек третьего сорта. Неудачник.

- Вот ты снова начинаешь ныть, - заметила она.

- Да, прости, - сказал я. - Я не могу без этого.

- Это лучше, чем слушать о том, как ты хочешь кого-то убить.

- Я никого не хочу убивать.

- Тогда зачем ты взял пистолет?

- Ты знаешь, - улыбнулся я. - Я хочу уничтожить то, что мешает пустоте...

- Человека?

- Нет, не человека... - помотал я головой. - Просто уродливый кусок мяса.

- А как же я? - спросила она, чуть не плача.

- Тебя не существует, - сказал я. - Твоя внешность - от прекрасной фигуристки, которая ездит на соревнования в Европу, твой характер - просто придуманный мною образ. Ты - только персонаж моего очередного ненаписанного стихотворения.

- Мне кажется, ты не любишь меня.

- Мне бы хотелось не любить, - сказал я. - Любить - это отвратительно.

- Просто ты не чувствовал ответной любви. Поэтому для тебя любовь - просто мучение.

- Вот именно, - согласился я. - В фильмах это что-то красивое, но на самом деле... Любовь корёжит всё внутри, выковыривает лампочки. Хорошо хоть, что всё быстро проходит. Нужно всего лишь подождать. Любовь быстро превращается в тень, а потом растворяется в пустоте.

- Ты так много значения придаёшь пустоте...

- Это моё лекарство, мой лучший друг.

- Мне так жаль, что я не могу помочь тебе, - промолвила фигуристка, - жаль, что не могу дать тебе тепла.

- А ты хочешь?! - удивился я.

- Вряд ли, но мне жалко тебя, - говорила она. - Ты такой одинокий, такой покинутый, пропавший. Сколько таких же людей, как ты, шатаются по планете, не зная зачем, не находя в себе ничего, чтобы жить дальше?

- Прекрати, - попытался остановить её я. - Мне не нужно твоей жалости. Ты должна быть выше меня, ясно? Не опускайся до жалости к такому ничтожеству... Прости меня, ладно?

Прости, что вызвал у тебя эти чувства! Я не знаю, зачем говорю всё это. Я не знаю, зачем ты пришла. Я ничего не знаю... Прости меня, пожалуйста... Всё, что я делаю, неправильно. Каждый мой поступок - ошибка, каждое моё слово - ошибка и каждый мой образ - всего лишь ошибка, которую я не в силах исправить. Прости меня, ладно? Это было очень эгоистично. Создать тебя. Сделать из тебя платок для собственных рыданий...

- Не бойся, всё нормально, - по-матерински тепло улыбнулась фигуристка. - Ложись на кровать и поспи. Пусть тебе приснится что-нибудь хорошее... Ласковый май, как в той песне... Да, тебе нужно отдохнуть. А пока ты поспишь, сыграю я тебе колыбельную.

- Но я не хочу спать... - сказал я. - Нет, я только потрачу время зря. Сколько его и так потрачено впустую...

- Ты слишком много думаешь о времени, - покачала головой девочка. - Но ведь твоё время всегда уходит впустую, независимо от того, бодрствуешь ты или спишь. Да и какая разница между этим миром и сном? Они оба ненастоящие. Даже сейчас ты говоришь с ненастоящим человеком, потому что настоящим людям ты, увы, не нужен. Твоё время - это пустота, - ровно так же, как и твоя жизнь. Так что успокойся, перестань думать о времени. Погрузись в фантазию...

Я не сопротивлялся. Исполнил её желание. Положил голову на кровать и, закрыв глаза, быстро заснул. Мне не нужно было спать, но сон пришёл... Зато когда я должен спать, вместо него ко мне в гости приходит мокрая бессонница, которая заживо замуровывает меня в ночь. Какая ирония...

Темнота в глазах быстро сменилась яркой картинкой.

Девочка сидела у дерева, над обрывом, и курила сигарету. Небо было так низко, и девочка словно притягивала его. У неё были яркие зелёные волосы и чёрные губы. Мне показалось, что ей совсем не холодно, что она наслаждается этой погодой, этим мрачным и пустым местом. Она смотрела бесстрастно и властно на начинающийся ураган, словно насмеялась над природой, словно была Богом, следящим за людьми.

Вдруг дерево шелохнулось и всеми ветками потянулось к девушке с зелёными волосами. Я внимательно смотрел на дерево. Оно всё было голым, серым, с длинными, пустыми веточками. Лишь на самой вершине дерева висел плод. Одинокое золотое яблоко с красным пятном посередине.

Дерево уступчиво склонилось к девочке, и зеленоволосая красавица бережно сорвала яблоко. Отдав девушке плод, дерево вернулось на место и снова замерло, превратившись в памятник.

Она подула на яблоко, и оно взлетело и устремилось вдаль, к горизонту...

Вскоре плода уже не было видно, он исчез. Однако девушка всё ещё стояла и смотрела в небо, словно ожидая чего-то великого. Я не понимал, чего именно она ждёт, и тоже стоял и смотрел вдаль, на тонкую белую линию, похожую на обрезанный кусок ногтя.

Вдруг из белого горизонт превратился в красный. Я увидел на горизонте маленький ядерный гибок. Девушка прошептала: «Как красиво... Мне кажется, этот взрыв - самое красивое, что мог сделать человек. После такого любое искусства, любая жизнь бессмысленна». Я не мог не согласиться. Взрыв действительно был чудесным. Он пытался сказать мне что-то, он громыхал, злился, но я не понимал его. Просто любовался, не в силах отвлечься. Но девушка с зелёными волосами была сильнее. Она уже не смотрела на горизонт. Отошла в сторону, наклонилась, достала что-то из сугроба и подошла ко мне. В её руках был стакан, чистый, пустой и блестящий. Им она словно накрыла взрыв, разрывающий горизонт. Внезапно пламя потухло. Всё стало точно так же, как раньше. Только город, затронутый ядерным огнём, дымился, словно после большого пожара. И всё. На дне стакана теперь бултыхалась густая красная жидкость, похожая на кровь.

- Вот, выпей, - сказала мне девушка.

- Это обязательно? - спросил я.

- Да, - ответила волшебница. - Не бойся, это вкусно.

Я взял стакан и, закрыв глаза, проглотил жидкость. Она была сладкой, напоминающей вишнёвый сок. Жидкость покатилась по моему телу, прогрела его, очистила, устранила какой-то засор, долгое время стоявший в горле.

Я открыл глаза и проснулся в мокрой от пота постели. Всё хорошо. Наверное. Моей фигуристки больше не было. Вместо неё рядом со мной лежала пустота.

Протерев глаза, я потянулся за телефоном. Проспал я всего ничего - пару часов. Но пропустил сообщение от Даши. Она позвала в этот дурацкий штаб. Агитировать, раздавать листовки. Чёрт, зачем мне это? Чтобы пообщаться с Дашей? Заменить ею Алису? Или Полину? Хер разберёшь, уже сам запутался в этих маленьких и больших влюблённостях... Нет, бред. Сейчас существует только Алиса. Всё остальное - просто воспоминания, которые я пытаюсь воскресить. Может, и Алиса тоже - только воспоминание? Почему она понравилась мне? Может, она единственная девушка, которая дала мне шанс? А может, я опять просто сам себе всё придумал.

Я не стал отвечать на сообщение. Зачем? Разве стоит сейчас вставать, идти куда-то, делать не пойми что, чтобы понравиться какой-то девочке?

Телефон зазвонил. Это снова была она. Я взял трубку и поднёс телефон к уху.

- Привет, - прошептала Гармс, - ты прочитал моё сообщение, но не отвечаешь... Как ты понял, у нас не хватает волонтеров. Надо пару часов листовки пораздавать... Я тебя очень прошу. Сможешь помочь? Я буду тебе очень благодарна. Правда.

- Слушай, я только проснулся, - буркнул я. - Мне так лень куда-то идти.

- Брось, чувак. Не будь таким пассивным. Ты же студент! Что тебе стоит помочь мне? Потом посидим, выпьем по чашечке кофе. Как ты на это смотришь? Плюс тебя тут ждёт

мой брательник. Он расстроится, если ты не явишься. Говорит, что ты должен возглавить нашу армию, ха-ха-ха... Это так смешно.

- Ну уж нет, - усмехнулся я. - Это ты у нас местная Жанна д'Арк, не я. Только она победила англичан, а ты приведёшь Дровосецкого к победе. Только, надеюсь, ты не кончишь, как она.

- Ха-ха, ну да, - хихикала она. - Тогда ты Робеспьер. Тоже желаю тебе не кончить, как он.

- Ну спасибо. Я вообще -то не хочу устраивать диктатуры.

- Хе-хе-хе, - посмеялась она. - Так ты придёшь?

- Ладно, - согласился я просто так, от скуки. - Только чтобы помочь. Ты же знаешь, я не верю в то, что твой может что-то изменить.

- Во-первых, он совсем не мой, а во-вторых, ты просто пессимист.

- Реалист, - поправил я Дашу.

- Все пессимисты так говорят, - мудро заметила она. - Так что не отнекивайся. Просто тебе нужна компания, нормальные ребята, с которыми можно приятно проводить время.

- Мне такое уже говорили.

- Ну и я повторю. Не будь таким нудным, и жизнь сразу станет ярче. Ладно, до встречи.

Через силу я поднялся с кровати, натянул на себя помятую одежду, побрызгался одеколоном, который стоял на полке уже несколько лет, засунул в карман пять сотен рублей и, облачившись в куртку, пошёл на остановку.

Ждать автобус пришлось долго. Я ходил из стороны в сторону, вдыхал морозный воздух, смотрел на афиши с знакомыми лицами из ящика, от которых меня тошнило, прислушивался к хрусту снега под моими ногами... В нём было что-то загадочное, мутное, насмешливое. Что-то злое и жалкое. И мне оно нравилось. Я хотел погрузиться в этот звук, хотел увидеть мир с позиции этого звука...

Наконец, похожий на сороконожку автобус подбежал к остановке. Мне повезло. Там было не так много народу. Мне удалось сесть и спокойно, всего лишь за полчаса, доехать до штаба. Здесь уже собрались группы подростков, поддерживающих Дровосецкого. Все как на подбор. Один парень с синими волосами и двумя косичками по имени Игнат. Он из моей шараги, учится на социолога. Вроде бы умный, и с самоиронией у него всё в порядке, но слишком уж этот чувак выпячивает себя. Кричит, старается показаться умнее, чем он есть на самом деле, ищет внимания, ёрничает. Что уж, один внешний вид обо всём говорит. Ну и, конечно, он либерал. Свобода попугаям, извращенцам, гендерным меньшинствам! Коммунистов на костёр, националистов в топку! Без разбору, во славу свободы слова и суверенной демократии!

Да, здесь было множество придурков из моего недовуза. Вот длинная блондинка с лошадиным лицом, надутыми губами, длинными волосами, в дурацких серых чулках. Она учится на политолога. Вот её парень, тоже политолог, пухлый, но высокий парнишка, прилизанный, в очках, с лёгкой щетиной на лице. Пара общается с полноватой, прыщавой девочкой Еленой, журналисткой-первокурсницей. Я её знал. Она постоянно психовала, учила всех жизни, а потом жаловалась, что у неё нет друзей. Вся её злоба являлась просто панцирем. Она боялась людей, их упрёков и оскорблений, и поэтому сама старалась первой нанести удар, оскорбив их и упрекнув в чём-то.

И теперь она делала то же самое. Стояла и ругалась с этой парочкой политологов, объясняла им, почему нельзя отсоединять Чечню от России.

Я не стал вступать в их спор. Зачем? Я не хотел становиться частью этого монстра, мне не нравилось красивое лицо Дровосецкого на фотографии, я не верил, что эти дети могут убедить взрослого человека голосовать за очередного либерального кандидата, это было абсурдно, смешно даже, но разве я мог уйти? Даша была такой хорошей, что подставить её я просто не мог.

Пройдя дальше, я попытался найти место, где можно сесть, но все места были заняты. Тогда я нашёл себе какой-то угол, где я был незаметным, невидимым, серым, то встал там, опершись о стену.

Но одиночество моё длилось совсем не долго. Через пару минут ко мне подбежала Даша. Она была одета в жёлтую худи на размер больше, которое замечательно висело на её миниатюрном теле, чёрные узкие джинсы, подчёркивающие красоту её ног, и белые кеды, из которых, по классике, выступали тоненькие белые носки. Её волосы были мило растрёпаны. Она не выпалась, казалась воробушком, потерянным в большом мире. Её маленький, четко прочерченный носик был всё так же похож на Полинин. Её губы были такими же необыкновенными, воздушными, похожими на два розовых пёрышка, сцеплённых вместе одним дуновением ветра. С улыбкой на лице Даша сказала:

- Не ожидала, что ты придёшь. Но я рада тебя видеть.

- Я тоже рад тебя видеть., - сказал я так правильно и чётко, словно передо мной стояла Алиса.

- По тебе не скажешь, - усмехнулась она. - Ты какой-то подавленный. Только не будь таким, когда соберёшься раздавать листовки.

- Не буду, - пообещал я и специально для неё наигранно, во весь рот, улыбнулся.

- Ну это уже перебор, - посмеявшись, сказала она. - Будь проще.

После этой глупенькой фразы, которую мне говорили, кажется, тысячу раз, она убежала. У неё было много дел. Она бегала по штабу, как шарик в пин-понге, уточняла вопросы, переговаривалась с кем-то, а затем, после всей этой суеты, встала на стул, словно Ленин на броневик, и вместе с координатором штаба, некрасивой, длинной женщиной по имени

Ольга и волонтером, блондином с петушиной причёской и ухоженной бородой из барбершопа, стала давать указания школьникам, студентам и другим взрослым детям, случайно зашедшим на этот праздник абсурда.

Нас распределили на несколько групп. Каждая из них занимала определённую точку в центре города и состояла из пяти-шести человек. В моей группе, кроме меня, было четыре персонажа: Даша, её непоседливый братёльник Ваня, который подбежал в штаб с опозданием и сразу принялся снова промывать мне мозги шаблонными идеями Дровосецкого, синеволосый фрик-социолог Игнат, о котором говорилось чуть выше, и этот бородатый петух, который, наверняка, пару раз за день думал о правах сексуальных меньшинств.

Мы встали в самом центре города, у нулевого километра, где, как правило, ходило много людей, и рассеялись по площади, взяв в руки по тридцать листовок. Стоять одному мне было не очень комфортно. Вот весело - пихать людям эти сраные листовки и смотреть на их недовольные лица. Это же Дровосецкий! Он всё изменит! Ну вы чего...

В конце концов, Даша заметила мои мучения.

- Давай будем вдвоём стоять, - предложила она, - я вижу, тебе стрёмно одному. Мне, собственно, тоже. Так что я тебе помогу.

Я согласился. Правда, дальше у нас разговор не пошёл. Мы стояли и просто раздавали листовки, которые люди, по большей части, выкидывали в ближайшую мусорку. Мне было всё равно, а она расстраивалась. Кажется, ей и правда было не насрать на того Дровосецкого, на всю эту агитацию. Удивительно. Неужели она увлеклась?

Со временем всё стало даже лучше: люди подходили к нам, спрашивали что-то о Дровосецком, а мы отвечали стандартными, заранее заготовленными фразами. Говорили, какой он крутой, как он спасёт мир, разрушит всё зло на земле и станет для нас, несчастных людей, новым, непогрешимым богом. Мне даже нравилось восхвалять этого придурка. Вот он - мессия, которого мы так долго ждали! Смотрите! Веруйте!

Кроме обычных интересующихся, к нам подходили и довольно агрессивные персонажи. Они ругались, спрашивали, на кого мы работаем. Мы старались игнорировать буйных, молчать, чтобы те поскорее ушли. Почти со всеми это прокатывало, но парочка «патриотов» всё же сильно хотела конфликта. Одного из них Даша смогла напугать полицией, а второй верил, что полиция в данной ситуации будет на его стороне, и полез на нас с матами. Это был сороколетний, толстый мужик, низкорослый, лысый, с рыхлой, сухой кожей и несколькими неприятными родинками на щеках.

- Что это вы тут устраиваете? - горланил он. - Ишь, чего захотели... Мнение они заимели. Только ваше ли это мнение, а? Ваше? Вас покупают, а вы соглашаетесь! Что за молодёжь пошла?! Ради денег готовы на всё! И Родину-мать продать! Вот суки. Что для вас Родина-то? Да нет у вас Родины. Ваша Родина - это МакДональдс и фильмы про человека-паука! Больше вам ничего не нужно.

- А чем вам не угодил человек-паук? - пошутила Даша. - Да и страну за МакДональдс продали вовсе не мы, а ваше поколение! Мы тогда ещё не родились. У нас не было выбора. Мы появились на свет на обломках. Мы до сих пор живём на обломках. А вы, то есть такие, как вы, мешают построить здесь что-то нормальное! Место, где человека бы уважали! Страну, из которой не хотелось бы уезжать!

- Мы уже давно всё построили! - кричал мужик. - А вам если что-то не нравится, то сваливайте в свою Америку. Здесь бунтовать не надо...

- Мы не бунтуем, - оправдывалась Даша. - Просто высказываем своё мнение.

- Ишь что, мнение вы заимели! - восклицал он. - Не в вашем возрасте нужно мнение иметь! Вам ещё равновато его иметь, вы жизни ещё не видели! Вам бы учиться, целоваться и на дискотеках танцевать, а не здесь стоять и мёрзнуть, агитируя за какого-то купленного американцами кандидата.

- А где ваши доказательства, что он куплен американцами?! - не сдавалась Гармс.

- Доказательства есть! - гаркнул мужчина. - Все об этом говорят! Он либерал, а значит - против России и русских людей. Он против русского царя, против нашей политики. Я вообще не понимаю, как вам позволяют тут стоять и за него агитировать. Я бы вас давно бы уже взял и посадил. Э-х-х-х! Сталина на вас нет!

- Ну вы и маньяк! - крикнула Даша. - Хотите, чтобы нас расстреливали и убивали? Ну давайте, убейте, что уж вы?! Раз вы такой маньяк!

- Успокойся, - попросил я её. - Ты его ни в чём не убедишь.

- Нет, Фёдор, этот старый дурак только что сказал, что хорошо было бы нас посадить в лагеря! - истерила Даша. - Может, нас и в газовые камеры надо отправить, а, мужчина? Так что же мелочиться, убейте нас прямо сейчас! Вы же натуральный убийца.

- Да заткнись ты, дура! - воскликнул мужчина и толкнул Дашу так сильно, что она, мило визгнув, упала в сугроб.

Ни секунды не думая, я подскочил к мужику и толкнул его в ответ. Получилось не очень. Он был огромный, толстый и коренастый, так что сдвинуть его с места было не так уж и просто.

- Слышь ты! - заорал я, чтобы испугать его. - Что ты творишь? Она девочка вообще-то!

- Какая она девочка? - ухмыльнулся мужик. - Так, либеральная подстилка.

- Слышь, быдло! - напирал я. - Какая она тебе подстилка? Подстилка - это твоя жена. Ну или мамаша. Если она, конечно, ещё жива. Интересно, каково ей было родить такое говно с половиной мозга, как ты?

«Остановись, Фёдор! - кричал мне разум. Ты перебрал. За это можно было сильно получить!». Но ладно, я уже всё сказал... Что сделано - того не воротишь. Надо продолжать. Чтобы не показаться ему слабаком. Только слабаки отступают.

- Слышь, ты что, дофига смелый, а? - уже на полном серьёзе загорланил мужик. - Тебе собственная жизнь не дорога, а? Если не дорога, я могу тебя её лишить.

Он достал из кармана раскладной нож. Прямо как друг Клыка в туалете. Да, я не шучу. Реально раскинул его и стоял передо мной, устремив на меня свой разъярённый взгляд. Нет, это не было страшно. Скорее, нелепо. Мужик не был похож на убийцу. Сороколетний толстячок с ножом. Вот умора. Я готов был засмеяться. Но к смеху ситуация явно не располагала. Нет, ржать было нельзя. Даша бы подумала, что я совсем долбанутый. Хохочу, когда передо мной стоит человек с ножом. Идиотия. Поэтому чтобы не засмеяться, я растянул улыбку на всё лицо и, широко улыбаясь, глядел на этого сумасшедшего дебила.

- Что ты лыбишься? - закричал он. - Ты что, идиот?

- Нет, это ты идиот! - произнёс я. - Решил зарезать студента за шутку про свою мамашу? Ну ладно, флаг тебе в руки, режь. Только не в живот, пожалуйста. От удара ножом в живот, насколько я слышал, умираешь мучительно, теряешь много крови. Я здесь всё залью, а тут ещё людям ходить. Ну согласишься, им будет не очень приятно. Дети посмотрят на кровь, испугаются. Кстати, странно, что сейчас тут никого нет. Весь вечер здесь ходили люди, а сейчас все куда-то пропали. Наверное, увидели твою уродливую морду и решили бежать как можно дальше.

- Ты думаешь, я не смогу тебе врезать, идиот? - продолжал он мне угрожать.

- Ну может, тебе стоит попробовать, - предложил я. - Ты же хочешь?

- Слышь, извинись за оскорбление! - рявкнул он. - Вы, молодёжь, вообще без моральных ценностей! Для вас оскорбить мать, близких вообще ничего не стоит! За такие слова тебя избить мало, сволочь.

- Кто же мне говорит про моральные ценности? - усмехнулся я. - Мужик с ножом, который только что толкнул девочку?

- Да иди ты нахер! - плевался он. - Вы все - потерянное поколение, сволочи! Вы все разрушите Россию, ясно?

- Больше вас не разрушим, - огрызнулся я, уже совсем ничего не боясь.

- Да пошли вы! - бросил мужик напоследок, а затем сорвался с места и побежал прочь.

В общем-то, больше я ничего и не ожидал. Он не был похож на бандита, который может кого-то порезать. Так, обычное быдло. Ничего серьёзного.

Даша ещё лежала на спине. Она испугалась. Плакала. Всё то время, пока я стоял и трепался с мужиком, она лежала и смотрела на нас. Она испугалась больше, чем я. Бедная девочка. Было заметно, что ей очень плохо. Но зачем-то я спросил:

- Всё хорошо?

- Да, нормально, - ответила она слабым, больным голосом.

Она была похожа на маленького, мокрого котёночка. Как жалко тебя, девочка. Что я могу сделать? То, что сделал бы любой человек.

- Сильно ушиблась? - поинтересовался я, помогая ей подняться.

- Нет, - сказала она. - Но попой и локтем ушиблась. Ещё головой, да. Теперь она так раскалывается... Синяк будет. Но я больше за тебя испугалась. На секунду мне показалось, что он тебя зарежет... Я не понимаю...

- Что ты не понимаешь?

- Тебя! - воскликнула Даша. - Как ты так можешь? Видишь, что он псих, видишь, что он толкнул меня, пытается тебя провоцировать! В этот момент надо было попытаться всё уладить, а ты начал ещё больше его злить. Зачем ты начал говорить вот это всё... Про его мамашу и жену. Ты что, без башки? Ты не понимал, что он может на тебя наброситься? Зачем эти идиотские шутки? Ладно, окей, ты пошутил, пусть так. Но потом он достал нож, начал тебе угрожать! Зачем ты стал ещё больше его провоцировать? Ты прямо так и сказал: «воткни в меня нож». Что за фигня, Фёдор? Представь, он был бы совсем долбанутым. Представь, он бы набросился и зарезал бы тебя!

- Ну, вам же польза, - усмехнулся я. - Ваша религия свидетелей Дровосецкого бы приобрела своего мученика. Представь, идейный активист погиб в борьбе за свободную Россию. Как красиво.

- Ты debil, Фёдор, - упрекнула меня Даша. - Я не понимаю, как так можно? Ладно, я пойду в штаб. Надо приложить к голове лёд, выпить чего-нибудь, чтобы успокоиться. А то я чуть не сдохла от страха. Идиот! Как ты вообще живёшь с таким характером?

- Замечательно. Радуюсь жизни.

- Радуйся как-нибудь по-другому, пожалуйста. А то рано или поздно тебя правда кто-нибудь зарежет. Хотя, кажется, ты только будешь этому рад.

После этих слов она ушла. Кажется, она злилась. Но разве мне не всё равно? Разве Даша для меня может заменить Алису... Нет. Кажется, нет.

Придя домой, я поел, помылся и лёг спать. Но сон не давался. Перед глазами была Алиса. Её волосы, её одежда, мягкие руки. Я думал о ней, я снова ненавидел себя, снова испытывал стыд за каждое слово, сказанное ей.

Я открыл окно. В лицо подул свежий зимний ветер. Я почувствовал прохладу, но её было так мало... Я всё ещё потел. У меня тряслись руки. Я боялся смотреться в зеркало. Я боялся увидеть там не себя, а кого-то другого. Я боялся увидеть там маленький, обглоданный червями трупик, облитый мочой. Обоссанный труп. В этом есть какая-то эстетика.

Я убрал с подоконника горшки с мамиными цветочками и открыл окно нараспашку. Наконец, я почувствовал настоящий холод, почувствовал, как ноги леденеют, как руки трясутся уже не от безумия, а от холода. Зубы застучали, изо рта пошёл пар. Да, я сидел на холоде минут десять. Почти голый, в одних только трусах. Чувствовал, как потребность в тепле заменяет все остальные потребности.

Зато я выздоровел. Перестал сходить с ума, но не перестал думать о ней.

Я лёг на кровать и, полностью сбросив с себя одеяло, снова попытался заснуть. Сон снова не шёл. Но я решил не двигаться, просто отдаться в руки бессоннице, перестать бороться, прикинуться мёртвым. Когда ты так делаешь, бессонница теряет интерес... Словно медведица.

В какой-то момент я задремал. Приснилось, что Алиса написала мне. Что она попросила приехать к ней, просто поговорить, помочь... Я приехал, а там сидел какой-то человек, похожий на Дровосекого, но не сам Дровосецкий. Мне показалось, что я видел его где-то, но где именно - вспомнить не мог. Кто он? Я так и не узнал. Сон был обрывочным, рваным. Он быстро закончился, и я постепенно проснулся. На секунду мне показалось, что сообщение от Алисы было не сном, а правдой, что я действительно брал телефон и сквозь сон видел там слова Алисы. «А ведь она и правда могла мне написать!» - пронеслось у меня в голове. Я вскочил с кровати, схватил телефон, включил его и посмотрел сообщения. Нет, ничего нет. Это всего лишь мечты. Ты веришь в мечты, идиот. Прекращай.

Я бросил взгляд на часы. Было уже семь утра. Можно было лечь ещё. Но больше спать я не стал. Зачем терять время?

Каникулы уже заканчивались. Что было за эти каникулы? Я что-то сделал? Выполнил план? Нет, я лишь снова всё просрал. Я просто тянул время. Превращал его в пустоту.

Глава 5 Алиса в стране чудес

Пустота снова бежала по кругу. Она зудела, стонала, нашёптывала мне на ухо сказки о страшных, маленьких существах, которые забираются под кожу и соскабливают мясо с костей. Человек чувствует боль, но ничего, решительно ничего не может с ней поделать.

Вечерняя пара. Автобус, забитый бабками, сибирский дубак, красное лицо, на котором созрела парочка новых прыщей. Полупустой универ, который вечером нравится мне куда больше, чем днём или утром. Вечером он более одинокий, более атмосферный. Он словно начинает дышать, пережив основной поток студентов. Но в то же время, без их гомона, без

их ржача на лестницах, он будто скушает... Наполняется пустотой. В нём остаются эти темноватые коридоры, а в окнах можно увидеть неоновые вывески и огни провинциального, мечтающего о славе города, что медленно погружается в сон.

Я медленно тащил мешок со своим телом на пятый этаж, где у меня должен был быть английский. Именно здесь, на пятом этаже, учились лингвисты, и здесь я надеялся встретить Алису. Конечно, мне пора было перестать думать о ней... Конечно, она мне не принадлежала, у меня не было с ней ни единого шанса, но внутри мне хотелось увидеть её, внутри всё кричало о ней, звало к ней.

«Перестань, - говорил я себе. - Успокойся, debil. Она не попадётся тебе на глаза. Ты уже несколько дней ждёшь встречи, хочешь чтобы подарила тебе свою улыбку, чтобы она укутала тебя в одеяло своего тёплого голоса. Но ведь этого не будет. Ты посидишь на двух парах, а потом поедешь домой в вечернем автобусе с таким же тусклым светом, как в этих коридорах».

Я стою перед кабинетом, жду, когда подойдёт кто-то ещё. Прошлая пара ещё не закончилась. До её смерти осталось минут пять. Подходит девочка из моей группы по имени Юля. Не очень симпатичная, но приятная. Я отшучиваюсь, говорю что-то дурацкое. Подтягиваются остальные. Целая толпа. Здоровуюсь с Ромой. Он рассказывает о том, как поссорился со своей подругой, которая раньше была его девушкой, а теперь вроде бы ей не является. У них всё сложно. Вроде бы она уже встречается с другим парнем, и он ревнует её к Роме. Короче, целый любовный треугольник. Или не любовный. Роме-то она больше не нравится.

Дверь кабинета открылась, и из неё вслед за преподавательницей с классической русской фамилией Медведева, странноватой, весёлой, но строгой одновременно, начали выходить студенты-лингвисты. И вдруг среди них: девочки с кудрявыми волосами, у которой всегда было такое выражение лица, словно она улыбается, какого-то низкого, как я, очкарика с глупыми усиками, похожими на гусеницу, среди девочек и мальчиков, смешных и не очень, я увидел её... Алису, которая была королевским, величественным кораблём среди маленьких лодочек.

Это точно была она? Да. Белые волосы, кончики которых окрашены в розовый. У неё новый цвет волос. Она покрасилась или и раньше была такой? Какая разница? Боже, как это нежно... Как красиво переливается, точно любовь и безразличие, точно жизнь и смерть. Её волосы - это произведение искусства, это рисунок, которому нет конца. Это пористый молочный шоколад с клубничным джемом.

Розовое переливалось в красное, а затем в синее. Да, она была в красной кофте и синих джинсах. Вроде бы обычная одежда, но какая же красивая... Этот ярко-красный цвет. Такой тёплый, напоминающий огонь, горящий в камине. Она вышла из кабинета последней... Шла, опустив свои тёмно-голубые глаза вниз. Эти глаза были такими яркими, такими холодными. Глаза цвета ночного льда... Это не просто голубой, нет... Это смесь синего и голубого... Что-то между ними... Знаете, такой цвет ещё бывает у северного сияния... Потрясающе.

Нет, она не была похожа на мою фигуристку. Она - куда лучше. У фигуристки не было такой кожи, таких щёк, таких родинок-бусинок на щеках, таких ресниц-крапинок, таких бровей-молний... Шёлковые занавески алисиных щёк были так непоколебимы и, одновременно, воздушны... Как мне, уроду, вообще позволили такое увидеть?

Я остолбенел, и за какую-то секунду, за какое-то мгновение, она прошла мимо меня. Рома что-то говорил про финал романа Сорокина, доказывал мне абсурд советской действительности, но меня это уже не волновало. Я повернул голову и смотрел, как она уходит... Её походка была великолепной. Простой. Настоящей.

Я должен был подойти. Не надо стоять! Надо побыть мужчиной хоть раз в жизни.

Извинившись перед Ромой, я побежал догонять Алису. Через несколько секунд я уже подошёл к ней и кинул ей в спину жалкое: «Привет, почему не здороваешься?».

Она подняла на меня свои глазки... Боже, как не заплакать от вида таких глаз? Но я удержался. Я должен изобразить из себя нормального человека.

Она улыбнулась, чуточку покраснела. Нет. Порозовела. Как кончики её волос.

ААА! Я сойду с ума от неё! Почему она режет меня своими этими чёрточками, этими ресницами-пилочками, этими бровями-иголочками... Чёрт!!! Не красней, прошу, Алиса! Когда ты краснеешь, твоя красота становится ещё более осязаемой. АААААААА! Я готов был взорваться. Но не показывал виду.

- Прости, - пропела она. - Я тебя не заметила, отвлеклась.

- Ты хорошо выглядишь, - зачем-то сказал ей я.

- Спасибо за комплимент, - наигранно улыбнулась она.

«Не делай так больше, прошу. Ты же такая настоящая. Ты не должна ничего делать искусственно. Ты не куколка. Ты - любовь».

- Как твой тест по лексикологии? - спросил я. - Справилась?

- Не очень, - скептически посмотрела она на меня. - Мне кажется, я всё залажала.

- Это так сложно? - не зная, что ещё спросить, промямлил я.

- Наверное, - недоумённо пожала плечами Алиса. - Мне сложно.

Пауза. Я не знал, что сказать. Она смущалась, она так смотрела на меня... Она словно давала мне шанс, и я словно не должен был его упустить. Она ждала, что я скажу какие-нибудь важные слова, которые всё исправят, которые сделают из меня другого человека, хорошего, доброго, правильного. Но я молчал. Мне было так страшно, так стыдно за себя, так трудно разговаривать с ней... Я позорился. Но вдруг её отвлекла чёрноволосая смуглая одноклассница в серой водолазке, и они пошли вниз по лестнице. Алиса даже не попрощалась со мной. Я её разочаровал. Ничтожество. Что я наделал?

Я снова остался один. Что это было? К чему был последний вопрос. «Это что, сложно?»

Прозвучало, словно претензия. Что я наделал? Я ещё больше её отпугнул. Вот дурак. Блин. Может, догнать её, встать перед ней на колени, сказать, что я чувствую, сказать, как люблю её. Нет, это будет унижением. А я не должен перед ней унижаться. Всё что угодно, только не унижаться перед ней. У неё, скорее всего, и так полно мальчиков, которые бегают и унижаются перед ней. Нет, она просто тупая сука. Пошла она в жопу. Почему они так жестоки, эти красавицы? Они не прощают ни одной ошибки, с ними нельзя оступиться, нельзя сказать ничего лишнего. Зачем вообще я вообще это делаю? Общаюсь с людьми. Я должен ненавидеть их за их жестокость, за то, кем они являются. И её я должен ненавидеть. Вот бы в моей душе появилось нечто чёрное, нечто страшное, грязное и злое. Оно дало бы мне покой.

Пока я перебирал в голове все эти слова, пара уже началась. А я всё стоял в коридоре, ставшем пустым. На том же месте, где она меня покинула. В воздухе всё ещё оставался её запах. Она пахла виноградом и вишней. Не знаю, почему. Может, это были такие духи. Какая разница? Важно, что этот чудесный запах был таким магическим, будто бы не существующим, растворённым в её красоте... Да, так пахнуть может только самая чистая, самая прозрачная красота на свете. Красота, которой не может быть в человеке. Но в ней она есть. Почему? Я сам её придумал? Нет, такую красоту не может родить пустота. Из пустоты не появляется ничего красивого. Из неё рождается только уродство и бесконечная боль.

Алиса всё ещё была прямо перед моими глазами. Её образ не мог просто взять и раствориться в пустоте. Она была куда выше пустоты. И это меня разрушало.

Наконец, я заставил себя достать из кармана телефон и посмотреть, в какой кабинет мне надо идти. Электронное расписание показывало цифру 217. Я спустился на пару этажей ниже. На лестнице мне встретилось несколько негров, которые непонятно зачем приехали учиться сюда. Лучше бы отправились обратно в свою Африку. Не мозолили бы мне глаза. Не бесили бы меня. Я же не люблю их. Я же долбанный расист, националист, людоед, чуть ли не Гитлер! У-у-у-у! Как страшно!

Наконец, я добрался до второго этажа. На улице уже темнело. Свет ещё не включили, так что в коридоре было довольно мрачно.

Здесь снова никого не было. Точно коридор очистили, всех людей убили, собрали их совком, забросили в грузовик, вывезли за город и кинули в одну общую братскую могилу. Нет, конечно. Люди просто расселись по кабинетам, залитых вечерней тоской и усталостью.

Второй этаж. Цифра 217. Мой кабинет. У двери стоял маленький мальчик лет шести или семи, в синем комбинезоне и серой кофте, и рисовал на двери какую-то надпись красным маркером. Стоило ему только увидеть меня, он тут же испугался и убежал... Убежал быстро... Словно растворившись в пустоте. Я подошёл к двери и увидел надпись. «Redrum». Что-то напомнило. Только что именно? Неважно. Мальчику просто нечего

делать. Скорее всего, у него в университете работает мама или бабушка, которая таскает его сюда, но не справляется с ним - мальчик бегаёт по университету и делает всякие гадости. Трудный ребёнок... Бывает.

Я зашёл в кабинет. Преподавательница посмотрела на меня своими большими, как у совы, возмущёнными глазами, но прогонять не стала... Позволила мне сесть на последнюю парту. Я сбросил с плеча портфель и попытался её слушать. Она устало, тихо читала лекцию по стилистике английского языка. Показывала очередную презентацию. Я пытался что-то писать, но рука еле поднималась. Она была такой тяжёлой, такой неподвижной, словно какая-то цепь...

Писать удавалось, но медленно. Я то и дело не успевал записывать определения, которые она диктовала, а потом и вовсе бросил. Всё равно всё можно найти в интернете.

Я прилёг на руки и вроде бы заснул... Через сон я слышал обрывки лекции, но они растворялись в каком-то шумном ветре... Мне снился лёд. И вода, которая течёт под ним. На секунду лёд стал зеркалом, и я увидел в нём своё отражение. Я проспал всю пару, и передо мной был только лёд. Пустой, белый, скрывающий смертельно холодную, страшную воду.

Следующей парой была история отечественной журналистики, преподавал которую декан нашего большого гуманитарного факультета по имени Сергей Анатольевич Манков. Его любили на факультете все, ну или почти все.

Он был умным, добрым человеком, который на удивление хорошо относился к студентам. По образованию Манков был филологом. Литературу он действительно очень любил. Поэтому он часто, встречая студентов в коридорах, читал им стихи и спрашивал, кто их написал. Тех, кто отвечал, он хвалил и торжественно жал им руку. Можно сказать, Манков был для студентов своим. Не тем нудным деканом, который только и делает, что сидит за бумажками и награждает победителей олимпиад, а человеком энергичным, современным и остроумным. Он мог подшутить над студентом, посмеяться над его шуткой или обсудить с ним какую-нибудь интересную тему. Конечно, его любили. Причем, все - от студенческой администрации до тех, кто её ненавидит. К тому же, Манков не являлся стариком. Ему было около пятидесяти лет. Да и лицо у него выглядело достаточно молодо, хоть на голове декана уже проступала седина. У декана был средний рост, большая овальная голова, широкие плечи и пивной живот, который, однако, совсем не делал его толстяком. Лицо у Манкова было совершенно не деканское. Большой лоб, плохо видные, серые брови, прямой длинный нос, как у Блока, маленькие, но юркие и полные жизни зелёные глаза.

В группе ждали, когда он будет вести у нас лекции. И вот, наконец, это случилось. Первая лекция была вводной. Манков рассказал, что в этом семестре нам надо будет не только выучить материал и прочитать несколько книг, но и самим написать несколько текстов, которые будут допуском к экзамену. Первым текстом, который мы должны были сочинить на следующую лекцию, был репортаж. Мы должны были написать либо о какой-нибудь войне.

«Что-нибудь сочиню, - подумал я, - как настроение будет. У меня ещё много времени».

Лекция закончилась раньше на десять минут. На улице уже потемнело. Но я не хотел идти домой. Предложил одногруппнику Роме сгонять поесть гамбургеров, он отказался - ему надо было идти на тренировку. Тоже мне, качок...

Попрощавшись с Ромой, я позвонил ещё одному бывшему однокласснику, с которым до сих пор кое как общался. Его звали Дима. Он учился на филолога, был скромным интеллигентным молодым человеком, умным, деликатным и вежливым. Он совсем не матерился, по-джентельменски относился к девочкам, старался поступать правильно и в целом был хорошим, застенчивым человеком со своими комплексами. Выглядел он чуть лучше меня: коричневые волосы, в меру прыщавое лицо, маленький рост, не слишком худое, но и не слишком толстое тело. Взгляд у него был печальный, но без лишнего трагизма. Всё-таки он всё надеялся на что-то хорошее. Он не был таким мрачным занудой, как я. Дима мог смешно пошутить или подколоть кого угодно, он был весьма остроумен, а всё его уныние шло оттого, что он совсем не знал, что будет с его будущим, куда он пойдёт после филфака, где будет работать, и всё такое. Я тоже не знал, но пытался положить на это болт. Я на многое его положил. Например, на то, что нас нормально не учили, что вуз был говно, что с устройством на работу потом будут большие проблемы. Плевать! Если бы я думал о этом, то давно бы уже повесился на столбе! Но Диму такие вещи всё ещё парили. Он долго мог говорить о недостатках обучения в нашей шараге и рассуждать о неэффективности и несовершенстве учебных программ, которые вечно куда-то спешат... Мы столько раз об этом разговаривали, что постоянно повторялись. Снова и снова... Словно всё и так не было ясно.

Я слышал гудки. Эту загадочную мелодию, в которой часто бывает перемешано столько разных, противоречивых чувств. Ту-ту-ту! Как мрачно... Дима, наконец, ответил на звонок.

- Я всё ещё в универе, - сказал он. - Но у меня ещё пара. Если ты подождёшь меня полтора часа, то мы можем сходить в бар, попить пива.

- В какой бар? В «KOROVA»?

- Ага, там сегодня какая-то кавер-группа играет, можно посидеть, послушать за сотку.

- Ну ладно, пойдёт, - сказал я. - Я тебя подожду. Как выйдешь с пары - позвони. Хорошо?

- Ладно, - согласился он.

Я решил пойти в штаб Дровосецкого и подождать Диму там. Не в университете же сидеть полтора часа... В это время в шараге даже читальный зал закрыт. А что? Штаб Дровосецкого был совсем близко, там давали чай и печенье, там могла быть Даша. Ты мы с ней могли встретиться с ней и поговорить. После встречи с Алисой общение с Дашей было бы - словно холодный душ после душного летнего дня.

Итак, я попрощался с одногруппниками и пошагал к штабу Дровосецкого.

Дошёл я минут за десять. Всего-то надо было пройти площадь с её огромным, холодным кольцом обозрения, пару переулков с рядами кафе и магазинчиков, украшенных притягательными, волшебными вывесками, которые, словно магниты, притягивали к себе внимание замёрзших людей.

В штабе горел свет. Там сидело много людей, так что когда я зашёл, меня даже не заметили. Вешалка накренилась от обилия курток, так что я решил не раздеваться - оставшись в верхней одежде, я снял шапку и шарф и засунул их в портфель.

Я оглянулся и быстро нашёл Дашу. Она, одетая в белую футболку с надписью «Дровосецкий», разговаривала с красивым, высоким и подкаченным мужчиной в розовой футболке, зауженных джинсах и тёмных очках. Ещё один модный тип. Айфон, борода и причёска из барбершопа. По виду - типичный московский либерал. Ну а что в них плохого? Кажется, ничего.

Я поприветствовал её, и Даша, улыбнувшись моднику, подошла ко мне.

- Ого, какими судьбами! - воскликнула она. - Кумарин! Я никак не ожидала тебя здесь увидеть. Ты что, следишь за соц.сетями и решил посетить наш сегодняшний сбор?

- Нет, мне просто нечего делать, - сказал я. - Думал прийти сюда, чай попить. Ну или просто поговорить. А что у вас тут?

- Говорю же, сбор, - ответила Даша. - У нас проводятся такие пару раз в неделю. Чай, к сожалению, закончился... Ещё бы, народу столько пришло. Но, думаю, ты не расстроился. Можешь сесть куда-нибудь, послушать. Сегодня к нам сюда пришёл один интересный человек из либеральной среды города. Очень умный, кстати.

- Я рад, - иронично произнёс я.

- Прекрати! - махнула она рукой. - Человек правда интересный. Садись, послушай. Правда, со стульями проблема.

- Есть место на подоконнике, - сказал я, указав на окно. - Я сяду туда, хорошо?

- Ладно, садись, - согласилась Даша. - Подоконник не должен сломаться.

Я снял куртку, кинул её на подоконник и уселся сверху. Отлично. Даша снова куда-то убежала, а я сидел на подоконнике и смотрел на лица этих людей, которые пили чай, ели печенье и что-то друг другу доказывали.

Координатор штаба Ольга, высокая, длинноносая женщина, похожая на старуху Шапокляк, разговаривала по телефону, бросала взглядом из стороны в сторону, возмущалась, волновалась так сильно, что грызла ручку. «Наверное, беседовала с начальством», - подумал я. Вряд ли кто-то другой смог бы её так взволновать.

Знакомый мне косоглазый, большой, бритоголовый парень по имени Юра, которого здесь все знали и считали дурачком, беседовал со студентом-социологом Игнатом Журавлёвым,

которого я уже представлял. Игнат бы странным типом. Вы уже знаете. Он постоянно перекрашивал волосы то в красный, то в синий, то в фиолетовый цвет, заплетал их в косички, из-за чего выглядел, как обрыган. Однако он был достаточно умным. Я разговаривал с ним пару раз, и это было интересно. Он постоянно щеголял своими знаниями, отсылался к каким-нибудь книгам или картинам, произносил шутки, которые мало кто в его окружении понимал. Признаюсь, шутки были смешными. Да чувак не был снобом - он только жаждал признания. Наверное, и я желал себе всего этого, просто я ненавидел людей и не хотел им кем-то казаться. Он же, скорее, их любил, у него было много знакомых, он участвовал во всяких интеллектуальных играх в командах, был со всеми приветлив, никому грубого слова не сказал. Нормальный чувак, да. Только зачем он экспериментирует с волосами? Теперь он покрасил их в зелёный. Ну ладно.

Я увидел Дашу. Она принесла кофе человеку в чёрном пиджаке, джинсах и белой рубашке. Он казался весьма самодовольным типом лет около тридцати, среднего роста, даже чуть выше, с жидкими коричневыми волосами, зачёсанными назад. Он сидел очень развязно, закинув ногу на ногу. Его взгляд был гордый и надменный, нос длинный и крючковатый, губы большие и толстые, щёки - впалые, темноватые. Они придавали ему какой-то болезненный вид. Словно он только выздоровел после тяжёлой болезни. Высоко подняв подбородок, он что-то усиленно объяснял какому-то худому студенту, который выслушивал его, точно учителя, широко раскрыв рот. Говорил человек в пиджаке весьма торопливо, но всё-таки спокойно и уверенно. Голос его был громкий и чёткий. Даже находясь весьма далеко от них, я слышал обрывки их разговора, в котором речь шла об установлении диктатуры в России.

Вдруг ко мне подбежал Ваня и протянул свою маленькую руку, испачканную в крошках от печений. Но мне было пофиг на эти крошки, и я пожал ему руку.

- Привет! - почему-то волнуясь, воскликнул Ваня. - Я рад, что ты, наконец, примкнул к нашему движению. Ты будешь с нами бороться против жуликов и воров?

- Конечно, буду, - сказал я, - иначе бы я не пришёл.

- Значит, ты теперь бунтовщик?

- Ага, бунтовщик, - усмехнулся я.

- Значит, моя работа была не напрасной. - обрадовался он. - В наших рядах пополнение. Мы с тобой теперь однополчане, боремся за правое дело! Ты будешь как Бэтмен, а я - Робин.

- Ага, - сказал я. - Только какого-то из Роббинов в комиксах убили. Так что лучше уж я буду Роббином, а ты Бэтменом.

- Как хочешь! - воскликнул мальчик и сразу же убежал.

Вскоре все замолчали, и вечер в штабе начался. Нам представили гостя. Человека в пиджаке. Это был Пётр Мамонтов - местный либерал, член той же либеральной партии, что

и Дровосецкий, и вроде как хороший его товарищ. Ему дали слово. Он поднялся со своего стула и начал произносить пламенную, восторженную речь.

Мамонов начал с того, как важен для российской демократии каждый оппозиционный губернатор, сказал, что в некоторых регионах успех уже был достигнут, и здесь у нас, сторонников Дровосецкого, тоже есть шансы. Он приводил цифры, говорил об отсталости нашего региона от соседних, о несовершенстве России, о том, что рейтинг власти стремительно падает, доверие населения к губернатору подорвано, и надо сопротивляться, пытаться выиграть выборы.

- Главное в нашем сопротивлении, - твердил Мамонов, - образовать народ, дать понять людям, что нам нужна настоящая европейская демократия. Мы должны менять народ, рассказывать ему, как надо жить, убеждать его в правильности нашей позиции. Это очень трудно, признаю, но больше нам ничего не остаётся. Все проблемы России - от психологии её народа. Мы должны заменить русского европейцем! К сожалению, русский народ - раб! Это служивый народ, на протяжении всей своей истории он только и делал, что подчинялся господам. И сейчас подчиняется! Ему нужен царь, без царя русские не могут. Я это сам видел, когда был наблюдателем на последних президентских выборах. Все шли голосовать за царя! Раньше я верил в то, что сторонников власти не так много, как пишут официальные СМИ, думал, что выборы фальсифицируются, что люди не могут быть так глупы, что они не могут сознательно выбирать зло! Но потом я осознал, насколько ошибался! Сам русский человек и есть зло, его менталитет - это зло. Главная проблема России, не дающая ей развиваться как полноценное государство - это русский человек. Единственный способ превратить Россию в Европу - уничтожить русского человека. Нет, я говорю вовсе не про физическое уничтожение, а про культурное. Нужно образовать русского, заменить русского европейцем, и тогда, уверен, в России настанет Европа.

- Но ведь это связано с насилием, - оспорила его худая, длинноволосая барышня, сидящая в углу. - Как вы заставите русского стать нерусским?

- Да заставлять-то почти и не нужно, - усмехнулся Пётр. - Русский человек не будет роптать, если ему прикажешь. Русский человек верит пропаганде по телевизору. Он хочет быть европейцем, он пресмыкается перед европейцами. Русский народ преодолет свою тягу к исключительности и обособленности, если ему сказать, что эта тяга ни к чему не ведёт. Эксперименты уже были, причём весьма удачные. При всей не любви к ужасному советскому строю, отрицающему человека, надо признать, что он почти смог уничтожить русского человека.

- Вы говорите о Сталине? - возмущённо спросил Игнат Журавлёв.

- Конечно нет, упаси Бог! - с ужасом в голосе воскликнул Мамонов. - Я говорю не о Сталине, а о том, что русского человека почти заменили советским. У нас многие и сейчас себя советскими считают, выискивают в себе кровь мордвы, считают, насколько процентов они белорусы или украинцы. Русскость и сейчас уходит. Главное, не поддерживать её... Главное, подражать цивилизованным людям, делать всё так, как делают они. И тогда когда-нибудь мы обязательно станем ими!

- Но разве обыкновенное заимствование не вредно? - продолжал спорить Игнат. - А как же суверенитет, народ? Как же Достоевский, Пушкин, которые говорили о...

- А, вы про особый путь? - перебил Игната Мамонтов. - Вы насмотрелись телевизора, наслушались государственной пропаганды? Куда ведёт нас особый путь? В пропасть. Мы должны понять, что путь уже изобретён. Мы даже успешно шли по нему какое-то время! Мы перестали играть в великую державу, подружились с цивилизованными людьми! Мы отказались от этого имперского груза, который всё время душит Россию. Наши дети росли, как американцы. У нас появилась свобода. Россию перестали воспринимать как жандарма Европы, как тюрьму народов! Мы всех освободили! Мы стали свободными. Правда, на небольшой промежуток времени. Потом пришёл тиран и всё разрушил.

- Девяностые - это разорение русского народа, - зачем-то сказал я. - Это убийства русских в Чечне, гонения на них в азиатских республиках. Зачем вы ставите их в пример?

- Разорение русского народа ради спасения России, ради демократизации - это правильно! - заявил Пётр. - Ради благ нужно чем-то жертвовать... Это не такие уж и большие жертвы. Да, родилось мало русских, да слабые нищали и умирали, ну и что? Это демократия и свободное общество. В свободном обществе властвуют сильные, а слабые гибнут. Всё честно. Таков закон природы. В конечном итоге, сменятся поколения, женщины нарожают ещё граждан Российской Федерации. Посмотрите вон, как у кавказцев это легко идёт... Они, в отличие от русских, рожают по пять человек в семью. Да, демография бы восстановилась, пусть даже за счёт кавказцев, свобода бы дала нам рынок! Нормальный, правильный рынок, а не такое безобразие, как сейчас! Тиран пришёл и всё испортил. Он задушил свободу! А по поводу республик... Это не наше дело. Наша забота - это государство, и всё. Людям здесь, в России, не обязан никто помогать просто так.

- Если вы так относитесь к людям, то чем же вы отличаетесь от тирана? - спросил его я. - Разве это не то же, что «бабы ещё нарожают»?

- Нет, не то же, - решительно заявил он. - Я же не призываю убивать людей, я не провозглашаю насилие, нет. Я выступаю за свободу. Свобода даст гражданам России развитие, она даст им возможность не жить в нищете, она остановит все войны, которые ведёт наше государство. Мы извинимся за свою агрессию, за свою русскость! Мы признаем все свои грехи, признаем, что жили неправильно, перестанем участвовать в судьбах всего мира и займёмся, наконец, своей страной, своими людьми. Мы дадим им комфортное существование в прекрасной России будущего, открытой всем!

- Используя ваши методы, прекрасную Россию не построить, - усмехнулся я.

- Почему же?

- Потому что Россия без русского народа - это уже не Россия совсем, а чёрт знает что...

- Ха-ха-ха! - встал он со своего места и замахал руками. - Вы глупы, студент. Никакого русского народа-то и нет толком... Что такое народ? Я и какой-нибудь провластный мужик с большим пузом, водитель маршрутки, - представители одного народа, но что нас

объединяет? Только язык. И город. Но в будущем всё это будет преодолено. Мы все будем разговаривать на английском, мы сотрём все границы, будем передвигаться по всему миру легко и без лишних проблем, из Москвы в Прагу, из Праги в Мадрид... Будущее за космополитизмом, студент. Люди будущего просто посмеются над вашими словами про русский народ. Какой, к чёрту народ? В этом народе все друг другу никто. Народ - это просто абстрактный образ, созданный, чтобы задурить нам мозги. А русскость - это заболевание, очень опасное для человечества, приносящее ему только вред, и никакой пользы. Русскость - значит воинственность, грубость, хамство, невежество. Но её можно вылечить правильным, хорошим воспитанием.

- Да это уже русофобия! - воскликнул я. - Государство не живёт без своего народа. Без русских России уже быть не может. Если вы хотите уничтожить русских, то вы хотите уничтожить и Россию. Следовательно, вы - враг России. А про глобализацию и космополитизм не говорите! Государства не разрушены, нации по-прежнему существуют. И они по-прежнему отличаются друг от друга, они имеют разные культуры. Объединить все нации в одну значит свести все культуры к одной, значит лишить мир многообразия.

- Да что вы? - усмехнулся Мамонтов. - А не все ли культуры уже объединены в одну?! Голливуд захватил мир. Все дети мира растут на человеке-пауке, правильно? И чем дальше - тем больше разные культуры будут превращаться в одну... Все маленькие реки сливаются в одну, и это нормально. И общая мировая культура может быть разнообразной и интересной. Просто у вас, студент, очень устаревшие взгляды на мир. Вы даже употребили это смешное слово «русофобия». Обычно его употребляют наши враги. Я думаю, наш ли вы вообще? Как вы оказались в этом штабе? Поддерживаете ли вы Дровосецкого? Может, вы засланный казачок, а? Если так, то это удивительно, потому как все мы тут уверены, что именно ваше поколение Z сделает Россию свободной. Ведь именно вы можете выходить на митинги, вы вроде как обладаете свободными взглядами, вы не боитесь действовать. Вы должны всё изменить. Но, как говорится, в семье не без урода.

- Не стоит переходить на личности, - осекла его Ольга. - Но одно вы, Пётр, спросили правильно. Действительно ли вы, Фёдор, поддерживаете Дровосецкого?

- Скажем, я согласен не со всем, - честно ответил я. - Но ведь Дровосецкий только кандидат в губернаторы. Он не собирается менять Россию. Этот человек только хочет улучшить город. По крайней мере, он так говорит.

- Но Дровосекий либерал, - подал голос косоглазый. - Он представитель партии, которая хочет коренным образом изменить Россию.

- Насколько мне известно, Дровосецкий выдвигается не от партии, а как самовыдвиженец, - сказал я. - Значит, он сам не хочет, чтобы его ассоциировали с партией?

- Просто его партия не зарегистрирована, - сказал модный мужчина в тёмных очках. - Но там состоят лучшие люди страны. На данный момент это главная оппозиционная сила в России. И даю пари, что через несколько лет эти люди будут на первых ролях в государстве.

- Однако сейчас это не так, - возразил я. - Мне не очень интересна либеральная партия. Да и народ ей никогда не будет доверять. Он уже один раз поверил либералам, и они его обманули. К тому же, какой резон народу доверять людям из модных московских тусовок? Где он и где московский гламур?

- А почему же вам не интересна либеральная партия? - спросил меня Мамонтов. - Вы не считаете себя либералом?

- Нет, не считаю, - честно признался я. - К тому же, русский либерал не совсем либерал.

- Почему же? - обратился ко мне Игнат.

- Потому что русский либерал не ставит целью освобождение кого бы то ни было. Он не тревожится за людей. Только делает вид, но не тревожится по-настоящему. На самом деле он хочет той же самой власти, той же тирании. Только не чужой, а своей собственной. Он презирает чужое мнение, презирает все другие течения политической мысли, считая их глупыми. Либерал - противник всего, что выходит за рамки либерального. Либерал хочет, чтобы повсюду установился только либерализм, и соперничество шло только между либералами. По сути, либерал лишь говорит о демократии, но демократия ему не нужна.

- Как же не нужна? - встrepенулся модный. - Мы тут все настоящие демократы. Если вы обвиняете нас в том, что мы выступаем за какую-то неправильную демократию, то какая же правильная?

- Демократия, в которой уважалось бы мнение разных сторон, а не только вашей.

- Ты говоришь то, чего нет, - ухмыльнулся бородач, поправив свои тёмные очки. - Мы и так слушаем мнения разных сторон. Тебя в любом другом штабе давно бы прогнали, а тут дают высказаться.

- Да, именно поэтому я сейчас здесь, а не там, правильно? - сказал я. - И то... Вы уже несколько раз сказали, что я тупой. Я не обижаюсь, просто это факт.

- Никто вам такого не говорил! - воскликнула Ольга. - Просто мы хотим понять, кто вы, юноша! К какой идеологии или, быть может, партии вы принадлежите?

- Я - никто, и ни к какой партии не принадлежу. Вообще, я совсем не планировал вступать в этот спор. Я считаю, что такие дискуссии - пустота.

- Зачем же тогда ты взялся спорить со мной? - спросил Пётр.

- Потому что вы начали говорить ерунду, - промолвил я. - Я не смог сдержаться. Вы начали оскорблять русский народ.

- Вы что, националист? - продолжил Пётр. - Если так волнуетесь за русский народ.

- Возможно, - улыбнулся я. - Какое это имеет значение?

- Если хотите, вы можете записать ваши мысли на бумаге и прочитать их нам... О русском народе, например. Мне интересно, что вы о нём думаете?
- Да, давайте проведём дебаты, - впервые подала голос Даша. - Тема интересная, горячая и участники уже есть.
- Я готов поучаствовать, - сказал Пётр. - Студент меня заинтриговал. Он, конечно, не наш, но мне интересно узнать, чей он.
- Ничей, - бросил я, но никто не хотел принимать этот пустой, бесконфликтный ответ.
- Такого не бывает, - ухмыльнулся Мамонтов. - Либо вы чей-то, либо бы вы просто тупой.
- Можете считать, что я тупой, - ухмыльнулся я. - Я не обижусь.
- Нет уж, я хочу вас выслушать, - настаивал он. - Вы придёте на дебаты?
- Я подумаю, - произнёс я. - И скажу о своём решении Даше. Она вам сообщит.
- Сообщи, - улыбнулась Даша, взяла меня под руку и, прихватив мою куртку, вывела из штаба.
- Я не ожидала от тебя такого! - восторженно сказала она. - Ничего себе, ты с ними сцепился... Причём, держался ты достойно.
- Я потерял контроль, - вздохнул я, чувствуя внутри тотальное чувство неловкости. - Прости.
- Да нет, всё хорошо, - подбодрила она меня. - Тебя вызвал на дебаты сам Пётр Мамонтов. Он у нас, в провинции, один из главных либералов. В Москве учился, в МГУ вроде. Правда, он, конечно, сильно радикален, но это вроде бы его фишка.
- Мне плевать, что меня вызвал какой-то мужик. Он неприятный тип. К тому же, он просто хочет выставить меня дураком. Ну или предателем. Мне, в общем-то, плевать, кем я буду в глазах его и всех этих людей, но... Чёрт, я вообще не понимаю, что здесь делаю.
- Всё нормально, Фёдор, чего ты... - улыбнулась она. - Неужели ты его боишься?
- Нет, - чётко ответил я. - Ты меня хочешь взять на слабо?
- Почему бы и не взять тебя на слабо? Просто мне так хочется посмотреть на ваше сражение.
- Я подумаю, - сказал я. - Может быть, от безделья и напишу какую-нибудь хрень. Буду осмеян, да и чёрт с ним.
- А откуда вообще всё это? - спросила она. - Я думала, ты не особо интересуешься политикой.

- Раньше интересовался, - объяснил я. - Дебатировал с друзьями, читал всякое, типа болел душой за Россию. Смешно, да? Так что считай, что ты увидела частичку меня из прошлого.

- А что случилось потом?

- Пустота, - отрезал я.

- Как у тебя всё грустно, Фёдор... - протянула она. - Будь веселее, ладно? Ты вроде умеешь шутить, у тебя есть чувство юмора. Но ты постоянно скатываешься в какую-то унылую яму...

- Главное, чтобы Дровосецкий не скатывался, - ответил я. - А то нам будет трудно его продвигать.

- Это уж точно, - согласилась она. - Ладно, мне пора идти. Я рада, что ты сегодня так неожиданно пришёл. Честно, я удивилась. Ты превратил это унылое сборище в настоящую словесную баталию. Это прикольно!

- Ну хоть что-то, - улыбнулся я её искренней и наивной радости.

- Ладно, до встречи, - сказала она и, отдав мне куртку, которая всё это время была в её руках, побежала обратно, в штаб.

Я посмотрел на часы. До встречи с Димой оставалось всего пять минут. Надо было поторопиться. Застегнув куртку и надев шапку, я рванул обратно, к университету. Мимо тех же неоновых вывесок, домов, похожих на большие серые печи, мимо площади с её старым и уродливым колесом обозрения.

Телефон в кармане уже звонил. Это как раз был Дима, интересующийся, где же я нахожусь. Я не брал трубку, потому что бежал к нему сквозь снег и холодный, зимний мрак. Вокруг было не так много людей... Это хорошо, потому я поскользнулся и грохнулся на жопу. Чёрт. Как глупо... Вот я неудачник, идиот. А если бы это увидела Алиса? Она бы смеялась надо мной, над тем, какой нелепый, дурацкий человек... Я медленно поднялся, отряхнулся... Растяпа. Как ты всё ещё умудряешься существовать? Как ты ещё не угодил под машину? Как ты собираешься жить? Кем ты собираешься стать? Что из тебя вырастет? Очередной неудачник...

Отряхнувшись, я снова побежал, вдыхая ржавый, холодный воздух. Как же это глупо - бежать по улице. Одно то, что я так часто бегаю, раскрывает во мне нездорового человека. Ведь все остальные просто ходят. Сколько бегунов ты видишь, Фёдор? Их нет. Один ты постоянно бегаешь.

Наконец, я добежал до университета. Дима вместе со своей девушкой Настей, скромной, низкорослой, молчаливой, но весьма симпатичной блондинкой, стояли в маленьком дворике прямо перед шарагой и мило обнимались. Я не знал, что мне делать. Подходить или ждать того момента, когда они перестанут обниматься? Чёрт его знает. Не хочется рушить чью-то романтическую идиллию. Я встал и устремил свой взгляд в небо. Зимой на нём совсем нет звёзд. Ночное небо без звёзд кажется таким пустым и пыльным, точно с листа

бумаги стёрли простой, но гениальный рисунок. Надо было это исправить. У меня же зачем-то есть эта ненужная опухоль, мешающая жить, под названием воображение. И я могу им пользоваться. Я представил звёзды, нарисовал их на скомканном, чёрном листе бумаги. Маленькие белые круглешки - порталы в другие вселенные. Эти мёртвые, существующие лишь в моём воображении звёзды... Они вроде бы светят так тускло. Они так несчастны, потому что знают о своей иллюзорности... Но почему же они ослепляют меня?

Вдруг я услышал голос Димы, вернувший меня в реальность:

- Эй, Фёдор! - воскликнул Дима. - Ты там чего?

Я подошёл к ним и поздоровался за руку с Димой и Настей. Настя улыбнулась мне и что-то прошептала Диме на ухо. Она часто так делала. Стеснялась меня. Я ей казался циничным, грубоватым чуваком, который может над всем посмеяться, при котором лучше не говорить ничего лишнего или грубого. Я и правда старался таким быть. Я хотел таким быть. Ходить и посылать их всех в жопу. Быть сильным.

Мы решили съесть по шаурме. Настя пошла вместе с нами. Впрочем, мне было без разницы. Я её не стеснялся. Только она меня. Правда, при ней я не хотел говорить об Алисе. Не знаю, почему, но я не желал, чтобы о ней все знали. Особенно девушки. Любые, пусть даже самые нормальные, как Настя. Поэтому надо было ждать, когда подружка Димы уйдёт. Пока же можно было бросать на воздух идиотские шутки, говорить о кино, прочитанных за последнее время книгах. Дима сказал, что, наконец, осилил «Петербург» Белого, а я поведал ему, что взялся за Лимонова. Впрочем, ему мой рассказ о Лимонове не понравился. Слишком уж много пошлости. Дима такое не любил. Он выступал за чистую красоту. Вообще, Дима - это, скорее, персонаж конца девятнадцатого-начала двадцатого века, чем нашего времени. Он всё эстетизировал, видел красоту в античной статуе, а не в грязной хрущевке, как я. Наверное, в отношении к красоте и к искусству мы были полными противоположностями. Но какая разница? Мы просто являлись двумя бестолковыми идиотами. Только Дима, конечно, был чуть лучше меня. Он ещё не потерял веру в жизнь, он ещё ждал от неё чего-то, к чему-то стремился. Это заслуживало уважения.

Перед тем, как пойти в шаурмичную, мы забежали в магазин и купили воды за четырнадцать рублей. Всё как обычно. Правда, Дима ещё и взял своей девочке гранатового сока. Правильно. Она у тебя красивая, Дим, хорошая, не надо, чтобы она пила эту дешёвую, парашную воду.

Вскоре мы добрались до светлой и просторной шаурмичной, расположились за большим столиком, который стоял прямо по центру, и заказали себе по жирной, средней шавухе. Точнее, я и Дима заказали себе по жирной, средней шавухе. Настя взяла себе маленькую, вегетарианскую шаурму. Правильно. Она у тебя красивая, Дим, хорошая, тонкая, только не надо, чтобы она ела трупы, да? Не надо, чтобы она запихивала эти жирные куски мяса себе в рот...

Мы поели, вытерли рты салфетками, помыли руки и отправились в путь. Дошли с Настей до остановки, дождалась её автобуса. Дима поцеловал её напоследок, обнял. Я пожал ей руку. После всех церемоний прощания, Настя села в автобус и уехала, растворилась в ночи.

Мы остались с Димой наедине. Он спросил, как дела в университете, как прошли каникулы, и я рассказал ему всё. Об Алисе, о растущем с каждым днём чувстве к ней, о тех эмоциях, которые она у меня вызвала. Дима слушал и лишь редко что-то спрашивал. Я рассказал, о том, что испытываю, когда вижу её, поведал о сегодняшнем разговоре, о телефонной беседе, обо всём, что было...

Наша беседа прервалась лишь когда мы вошли в бар. Точнее, это был не бар, а ирландский паб с флагами, футбольными шарфами и футболками, с маленькой сценой и высокими столиками и стульями.

Мы купили билеты на концерт какой-то кавер-группы и взяли себе по пиву. Дима купил себе на пробу какого-то дорогого, а я взял самое обычное, дешевое. Лишь бы хоть немного расслабиться.

Когда мы уселись за столики, он произнёс:

- Ну, на твоём месте я бы её куда-нибудь позвал. Ты думаешь об этом?

- Думаю, - сказал я. - Да, я предложу ей встретиться в конце недели, на выходных. Если мы не встретимся, не поговорим вживую, я, кажется, умру.

- Ну не преувеличивай, - усмехнулся Дима.

- Нет, правда, - сказал я. - Я столько всего напридумывал. Я построил образ, понимаешь? Он должен столкнуться с реальностью и растаять. Тогда всё будет нормально. Но если мы не встретимся наедине, не поговорим, то он так и будет расти в моей голове, он сведёт меня с ума.

- Почему он должен именно растаять? - спросил Дима. - Может, он подтвердится.

- Тогда всё будет очень плохо, - произнёс я.

- Почему? - спросил Дима.

- Потому что мне будет больно, - ответил я.

- А если у тебя всё с ней получится? - допустил Дима. - Ты позовёшь её погулять, вы поговорите. Не так, как прежде, а нормально поговорите. Мне кажется, она открыта перед тобой.

- Да, открыта, - согласился я. - Просто я не знаю... В последние дни она отстранялась от меня. Сначала не брала трубку, потом сказала, что у неё тест, а наш сегодняшний разговор в коридоре был настолько нелепым, что мне за него стыдно. К тому же, этот Артур... Я не знаю, что у них происходит. Знаю только, что они провели вместе ночь, а потом... Может быть, они и не стали встречаться. Никаких фотографий ни у него, ни у неё я не видел.

- Так, может, ты во всём ошибаешься, - сказал Дима. - Они точно спали?
- Да, точно, - ответил я. - Она мне лично об этом рассказывала. Говорила, как он делал ей кунилингус. Но тогда мне было всё равно. Тогда я её не любил, я только влюблялся. Это сейчас... Боже, а ведь на его месте мог быть я, Дим. Во время нашей первой встречи, когда я уходил, она предложила поехать вместе на такси. Мне надо было согласиться, а я отказался. Она почувствовала, что мне нужна мне, понимаешь? Но это было не так. Я просто не хотел быть слабым. Я не хотел быть собой. Жалким, ни на что не способным человеком.
- Мне кажется, ты зря принижаешь себя, Федя, - сказал Дима. - Всё будет нормально. Мне кажется, у тебя есть шанс.
- Если бы ты слышал, что я наговорил ей тогда... Господи, такую хрень... Я рассуждал на какие-то идиотские темы, пытался втирать ей о Боге, поколении. Философ, блин. Я отпугнул её. Я всех отпугиваю. Она много раз намекала мне, что я несу всякую чушь. Но я игнорировал, вытрёпывался, делая вид, что мне наплевать... У меня это иногда хорошо получается. Делать вид, что мне на всё наплевать. Если я бы ещё внутри был таким, то всё было бы хорошо. Но нет. Я теперь виню себя за каждую фразу, сказанную ей. Я нёс такое... Про понос, про пустоту, про то, что она похожа на фигуристку из телевизора. Чёрт... Я даже её шлюхой назвал. Мне кажется, она обиделась. Ведь нельзя называть девочек шлюхами. Да и она не шлюха, совсем нет... Она ангел, спустившийся в ад по собственной воле, чтобы дать людям свет. А я обозвал её шлюхой. Меня за такое надо убить, Дим.
- Но ты же потом извинился? - спросил он.
- Нет, я не извинился, - со стыдом ответил я.
- Это ты зря... - разочарованно вздохнул Дима. - Но вы же продолжили говорить да и потом ещё попрощались нормально?
- Да, она сказала, что мы ещё встретимся.
- Значит, встретитесь, - обнадежил меня Дима. - Ты же этого хочешь, вот и предложи ей встретиться. Может, ей уже надоело делать первые шаги навстречу тебе, и она просто ждёт, когда ты соберешься и окажешь ей хоть какое-то внимание. Может, она просто думает, что не очень интересна тебе, и поэтому отстраняется. Так что позови её куда-нибудь, сделай ей парочку комплиментов, покажи своё желание общаться. И извинись за те слова, что ты сказал ей раньше. Глядишь, вы сойдётесь. Потому что мне кажется, ты ей симпатичен. И не делай глупостей, не включай этого циничного, безразличного Федора. Покажи ей другую сторону. Покажи, что ты не тот человек, которого она в тебе увидела. Начни уже что-нибудь делать! Может, это заставит тебя выбраться из своего футляра, начать меняться. Попробуй приложить усилия. Тебе же этого хочется!
- Чего хочется? - спросил я.
- Чего-то нового, - ответил Дима.

- Да, конечно, - согласился я. - Но мне трудно меняться. Я не могу делать это на пустом месте. Пустота, знаешь... Она затягивает в себя всё. Любое желание, любую потребность. Может быть, любовь - исключение. Может быть, любовь сильнее пустоты, и она сможет её победить. Я не знаю, но пустота не затягивает в себя любовь. Любовь словно не помещается в чёрную дыру, и дыра её отвергает.

- Мне кажется, ты всё усложняешь, - сказал Дима. - Только при встрече с ней не говори про эту пустоту. Ты кажешься психом, когда начинаешь трепаться о ней.

- Я знаю, - кивнул я. - И я правда пытаюсь никому о ней не рассказывать. Не засорять никому мозги, но она повсюду, и любой разговор обо мне сводится к пустоте. Может, это потому что я и есть - пустота? Мне уже почти двадцать лет, а в моей жизни ничего не происходит. Совсем. Я живу в атмосфере пустоты. И я совсем не знаю, почему всё так. Я не знаю, где я ошибаюсь, не понимаю, почему я всем неприятен, почему я совершенно никому, кроме собственных родителей, не нужен. Я хочу чего-то нового, я пытаюсь что-то делать для другой жизни, но все мои попытки подрубаются на корню. В итоге я всегда оказываюсь в ещё большей яме, чем был прежде. Это всё - такая бездна, из которой не выбраться. У всех них... У всех этих людей что-то происходит, они взрослеют, получают опыт. Им есть, что рассказать. У меня же нет ничего. Одни стены комнаты. Я ни с кем не знаколюсь, я словно призрак, слоняющийся по пустым закоулкам пустого города, пустой страны. И мне кажется, что поэтому я и не могу поддерживать с людьми нормальный, обычный разговор. Ведь обычный разговор может быть лишь об обычных вещах, ситуациях, случаях, которые происходят в жизни. А как быть, если ничего не происходит? О чём говорить? О бессоннице или о безумных снах, которые я стал всё чаще видеть? О сумасшествии? Не знаю.

- А что у них происходит? - спросил Дима. - Ну, у людей.

- Они попадают в какие-то ситуации, они говорят друг с другом, пьют, знакомятся, целуются, любят друг друга. Они путешествуют, хорошо проводят время... Я не знаю. Мне кажется, что моя жизнь - это нелепая пародия на настоящую жизнь, а моя любовь, которая иногда бывает у меня, - это нелепая пародия на настоящую любовь. Я, может тоже люблю, но моя любовь - это, скорее, наивная мечта о любви, но не сама любовь, понимаешь?

- Понимаю, - ответил Дима.

- Просто я думаю вот о чём... - продолжал я. - Может, я не смог написать хороший роман как раз потому, что у меня ничего не происходит, а? Ведь я могу писать только о пустоте. Разве можно написать роман о пустоте? Разве роман о пустоте не должен содержать просто пустых страниц и ничего больше, как ты думаешь? Остаётся только воображать, описывать сны. Но сны - это же так приторно, так утомительно, согласись. Описывать одни только сны. Да и зачем описывать сны? Ведь они всегда забываются и оставляют после себя лишь пустоту.

- Ты слишком торопишься с выводами по поводу своего романа, - промолвил Дима. - Ещё не прошёл год с тех пор, как ты его отправил.

- Прошло восемь месяцев, чувак. Пора бы уже забыть. Да и он такой херовый. Не понимаю... Когда я его читал, мне казалось, что всё хорошо. Но где-то полтора месяца назад я сел и стал перечитывать... Чёрт, мне было так стыдно. Как я мог написать так плохо? Я не знаю. Словно писал не я, а какой-то мой двойник. Чёрт, мне так стыдно... За потраченное время, за всё... Мне кажется, что всё без толку, и мне страшно, потому что эта взрослая жизнь так близко, и от неё нигде не спрятаться. Она прёт на меня, словно огромный левиафан, и я смотрю и ничего не могу сделать.

- И я тоже, - признался Дима. - Ты планируешь поступать на магистратуру?

- Да. Только не спрашивай, куда. Я не знаю. Но бросать учиться я не планирую. Когда ты учишься, кажется, что основная жизнь только впереди. Я хочу сохранять эту иллюзию как можно дольше.

- Да, правильно, - согласился со мной Дима. - Пока ты учишься, у тебя хотя бы есть какой-то статус. Это важно - иметь какой-нибудь статус.

Я согласился, и наш разговор забуксовал, потому что музыканты закончили с саундчеком и начали играть. Они пели песни «Radiohead». Какой-то пацан с зелёными волосами пытался подражать Тому Йорку. Получалось у него не сказать, чтобы очень плохо, но и не хорошо. Как-то средне. Ну и ладно. Сейчас они пели знаменитый сингл «Creep», который я знал наизусть.

«But I'm a creep, I'm a weirdo,

What the hell am I doing here?

I don't belong here.

I don't belong here».

Как это знакомо.

Впервые я услышал «Radiohead» классе в седьмом. Тогда мне казалось, что они поют обо мне. И сейчас кажется. Неужели я совсем не меняюсь? Правда, сейчас я редко их слушаю. Почему? Потому что в них совсем нет злости. А самого себя мне и так хватает. Зачем мне видеть его в песнях... Там не к чему стремиться.

Другая песня. «Talk Show Host»

«I want to, I want to be someone else or I'll explode

Floating upon the surface for

The birds, the birds, the birds.

Снова знакомо. I want to be someone else...» Всё-таки раньше это всё было куда ближе.

Концерт длился часа два. За это время я ходил в туалет раз пять. Пиву надо было куда-то вырваться. К тому же, от шаурмы у меня немного болел живот. Не так сильно, чтобы

помешать мне слушать музыку, но всё же это не позволяло мне полностью расслабиться. Так что я сидел и думал, прыгал с одной мысли на другую, как во время очередной бессонницы.

Песня за песней, которые напоминали мне о школе, о тех чувствах, которые я испытывал, о тех двух девочках, в которых я влюблялся, о людях, которых почему-то считал друзьями. С «Radiohead» меня познакомил мой друг Юрий Денисов. О нём уже шла речь. Так что когда я слушаю Тома Йорка, то вспоминаю и о существовании Юры, о том, как мы говорили о любви и об искусстве. Он сумел вырваться, уехать в Петербург, поступить в хороший вуз, смог собрать группу, начать делать хорошую музыку. Он видится с Полиной, дружит с ней, общается с какими-то людьми, играет в клубах, а я сижу здесь, в сибирской глуши, учусь чёрт знает где, разочарованный в собственных способностях, опустошённый, захваченный ленью, без цели в жизни.

Ладно, фиг с ним, с Юрой. Мы уже почти не дружим. Иногда переписываемся. Там он рассказывает о том, что у него происходит. Ладно. О себе я ничего не рассказываю, да ему и не интересно. Ведь у меня НИЧЕГО не происходит. Одна пустота.

Концерт скоро закончился. Люди хлопали. Четыре пустых бокала пива было на столе. Мы приятно провели время. Мне даже выпивка понравилась. А Дима пожалел, что сперва взял бокал такого дорогого, но не самого вкусного пива, и поэтому во второй раз он купил то же, что и я. Дешево и сердито.

Мы вышли на улицу, вызвали такси и поехали по домам. В машине Дима сказал мне, чтобы я поменьше парился насчёт себя и всего остального. Он всегда так говорил. Ещё Дима напомнил мне о том, чтобы я позвал куда-нибудь Алису. Я пообещал, что позову, и пожал ему руку. Дима вышел из машины, а мы с таксистом поехали дальше - в тёмную зимнюю пустоту.

Глава 6 Некомфортный

Пустые коробки стояли у мусорного контейнера, разбитые бутылки, смятые пачки из-под сигарет, пакеты валялись рядом. На улице было тепло. Снег тихо хрустел под ногами. Ярко светило солнце, поглаживая теплыми лучами грубую кожу планеты, заросшую коростой серого снега. Голубое небо было шторкой, что закрывала от нас пугающие космические дали, живой океан Соляриса, планеты с ксеноморфами и хищниками, пустынные Татуин, Плюк и Арракис, далёкий от совершенства Торманс, высокоразвитую Тагору, переживший ядерную войну Саракш. Зачем нам всё это? Нет. Человеку не нужен космос. Он необходим лишь мечтателям, больше никому. Но мечтатели чужды людям. Они существуют в пустоте, в собственном воображении, в других мирах. Поэтому мечтатели и рвутся туда, к звёздам, прочь от выbleванного богом мира, к фантазии! Ведь что такое космос, если не фантазия?

Я снова шёл в университет. Навстречу мне шагали другие студенты. Каждому из них я заглядывал в лицо. Вот черноволосый парень с огромными синяками под глазами, сухощавый, бледный. Волосы неаккуратно разбросаны по его полумёртвому лицу. Зато у него мало прыщей. Есть несколько на лбу, на щеках, но не так, как у меня. Кажется, он не спал полгода. У него безразличный взгляд. Как пыльное стекло у троллейбуса. Б-р-р-р! Наверное, его поглотила тошнота.

Парень быстро проходит мимо меня и растворяется в пустоте. Следом за ним идут две девочки, болтушки-хохотушки. Вы все знаете это щебетание. «Ха-ха-ха! Хи-хи! Сегодня моя сестрёнка Надя съела весь торт «Наполеон» из холодильника, который я купила для себя. Купила, между прочим, специально для сериала. Думала, буду смотреть сериал и есть торт. И тут такое! Пришлось смотреть без ничего. Но я ей отомщу...». Дальше я не услышал. Но ты должна благодарить сестру за то, что она съела твой торт. Посмотри на себя, ты же жирная, у тебя рожа смешная, как у Юрия Никулина, в тебе нет ничего красивого. Хотя бы сходи в спортзал, накачай себе жопу. Тогда на тебя хотя бы клонут те, кто не способен воспринимать красоту, те, кому нужно мясо.

Но я же ненавижу их. Тех, кому чужда красота. Они все уроды. Свины, которым почему-то хорошо в этом большом свиарнике.

Наконец, на глаза попалась знакомая личность. Навстречу мне шёл студент-журналист. Он первокурсник. Толстенький такой, смазливый поросёнок с кучей родинок на щеках. Фамилия у него была Алексеев, кажется. Мы с ним вместе работали на радио. Правда, я его никогда не любил. Говорили, он открытый педик. Мне, конечно, всегда было пофиг на педиков. Я просто их недолюбливал. Сумасшедшие люди, которые сосут друг другу члены. Ну их нахер. Как здесь, в Сибири, вообще могут быть педики? Одно дело, где-нибудь в Париже или Амстердаме, среди мостов, чистых улочек и Эйфелевых башен, где царствуют либеральные порядки, и ходят довольные люди в шляпках и модных шарфиках. Ну ещё в гламурной, готовой отсосать за новый iPhone Москве. Другое дело здесь - в царстве зон и холода, в отчуждении... Нет, не понимаю.

Хотя, может, он не был педиком. Ведь эти истории мне рассказывали девочки из группы, а они всегда склонны преувеличивать или просто обманывать. Но лучше лишний раз перестраховаться. Поэтому когда он с какого-то хера подходит ко мне и протягивает руку, желая со мной поздороваться, я просто прохожу мимо. Мало ли, что он делал этой рукой? Может, дрочил кому-нибудь. Пошёл он в жопу. И это никакая не гомофобия, бросьте. Гомофобия - это если бы я его избил и плюнул сверху. Но я этого не делаю. Мне на него просто всё равно. Я не испытываю к нему ненависти. Просто лёгкую неприязнь.

Гораздо больше я ненавижу Артура Клыка. Особенно когда прохожу мимо рекламной стойки и снова вижу анонс нового концерта этой бездарности. Как же хочется уничтожить его... Исправить эту ошибку. Воспользоваться пистолетом, который дал таксист. Нет, остановись. Не думай об этом, чувак! Это же всё шутка, правда? Ты никогда не сделаешь этого. Ещё бы. Ты же не сумасшедший. Ты не поехал кукухой, как этот таксист.

Но разве он говорил мне полный бред? Разве Клык - не мой враг? Он забрал у меня цветочек. Алису. Эта посредственность сделала всё, что должен был сделать я. Я должен был стать поэтом, писателем, читать стихи, я должен был уйти в искусство, а не в пустоту, я должен был сделать Алису своей, поцеловать её, впервые в жизни крепко обнять девочку! Какое это, наверное, счастье - просто обнять девочку, которую любишь. Наверное, она такая мягкая, такая тёплая, космическая, такая живая, идеальная. И он взял её, он обнял её, он оттрахал её... Лизал ей! Фу, что ты сделал, мразь! Со своими стихами! Со своей надменной рожей! Вроде как все - посредственности, а ты - творец! Нет, нихера ты не творец. Ты ещё большая посредственность, самая гнилая, сухая посредственность. Да ты завидуешь, Фёдор! Да, завидую, и что? Ведь я писал стихи получше! Разве ты, Фёдор, в этом уверен? Они ведь плохие, сколько раз ты сам говорил? Ты сам же всё выбросил! Всё разорвал. Почти всё. Сколько собственных стихов ты стёр? Около сотни. После того, как ты понял, что ты бездарность, ты всё удалил, уничтожил, выбросил. Кроме некоторых, отдельных стихов, которые не смог отлепить от себя. Посредственность! Долбаная посредственность! Графоман! Нет, ты всё заслужил. Я всё сделал правильно. Одной посредственности вроде Клыка хватает. Вторая не нужна. Ты хотя бы не поиздевался над искусством. Ты сохранил пустоту. Пустота гораздо лучше уродства. Я правильно сделал, что выбрал её. Но пустота может принести только ещё большую пустоту. Вот я и растворяюсь в ней. Я всё сделаю правильно.

Я замечтался, задумался. Впереди стояла бабка, которая просила милостыню.

- Мальчик, подай копеечку на лекарства, - простионала она. - Совсем нет денег, внучка болеет, пенсия маленькая.

Я знал, что это всё ложь. Она говорила таким жалким, дурацким голосом, чтобы растрогать людей. Бабка была плохой актрисой. Но она стояла здесь, на морозе, унижалась, и ей явно было неловко. Пофиг на тебя, бабка. Я дам тебе два рубля. У меня должно быть в кармане хоть что-то...

Я остановился. Залез рукой в карман, нашупал пальцами монетку, достал и бросил ей. Правда, не два рубля, а почему-то десять. Неужели я не почувствовал разницы? Монета «два рубля» более плоская, она больше. Ладно, плевать.

- Благослови тебя Бог, - проямлила она. - Господь Иисус Христос о тебе позаботится. Он надеется, что ты не выберешь зло. Зло противно тебе. Но ты хочешь стать злом, да? Ты думаешь, что в зле - твоё спасение. Так и есть. Но ты не выберешь зло, ты умрёшь. Хочешь расскажу, как это произойдёт?

- Что? - спросил я. - Вы о чём?

- Под тобой разверзнется земля, и бездна поглотит тебя. Но ты не будешь сопротивляться.

- Почему?

- Потому что вода потушит пламя, а ты только и хочешь его потушить.

- Я не понимаю, о чём вы, - честно признался я.

- Это и не надо понимать, - промолвила она. - Главное для тебя - понять, где ты находишься. Ты же ничего не знаешь. Вокруг так темно, а у тебя нет и фонаря. Кто будет освещать тебе путь? Твоя любовь? Но этот свет готов выжечь тебе глаза. Всё это - только твоё наказание. Сам бог - твоё наказание. Ты человек пустоты, рождённый из пустоты. Ты не добро и не зло, ты не борец и не смирившийся, и не художник и не часть толпы. Кто ты? Наблюдатель? В чём твоя задача?

- Успокойтесь! - закричал я. - Вы...Вы - сумасшедшая.

- Нет, - помотала она головой. - Просто, знаете, у меня потерялся внук... Мальчик семи лет. Внучка болеет, а теперь и внучек потерялся... Может, вы видели? Он любит рисовать на стенах всякие слова. Иногда пишет их задом наперёд. Любит ходить и всё разрисовывать. Боже, это так страшно! Недавно же, неделю назад, потерялась маленькая девочка, слышали новость? Мама ушла работать в ночную смену, оставила малышку с бабушкой. Бабушка была больная, старая... Ну так вышло, что она умерла. Давно было пора. Но девочка испугалась. Малышке было всего пять лет, кажется, она никогда не оставалась дома одна. Ей стало страшно. И вот малышка раздетая, в пижаме, вышла на улицу, в тридцатиградусный мороз, босиком... Пошла искать маму по посёлку... Это было в частном секторе. Девочка дошла до леса, и там умерла, замёрзла. Но на следующий день был сильный снегопад, малышку засыпало. Поэтому её трупик долго не могли найти. Только пару дней назад кто-то увидел в сугробе маленькую, белую ножку ребёнка. Дитя откопали. Мама узнала в нём свою девочку, а вчера... Вчера мама девочки повесилась. Вот так и умерла семья за несколько дней. Глупо, да? Сначала бабушка, потом девочка, потом мама.

- Зачем вы это мне говорите?

- Ну, не хочется, чтобы так же случилось... - оправдалась бабуля. - Чтобы сначала внучка, потом мальчик, потом я. Я ведь без внуков-то не проживу. Сама повешусь на верёвочке... Поэтому лучше мальчика-то найти. Если увидите его - поймайте, пожалуйста, и приведите сюда. Я здесь всегда стою, внучке на операцию собираю. Вы точно его увидите. Я уверена, он вам попадётся.

- Обратитесь лучше в полицию, - посоветовал я.

- Ха-ха-ха! - засмеялась она. - Нет, не проведёшь, к оккупантам я не пойду. Они заберут меня и будут пытаться в своей пещере по приказу усатого. Я боюсь усатого. Меня с детства баба Клава научила, что надо бояться усатого и его бесов.

- Он давно уже мёртв, - сказал я.

- Нет, он не может умереть! - гаркнула бабка. - Если дьявол спустился на землю - то это до конца. Обратного пути нет. Он просто прячется, он просто убедил нас в своей смерти, но он выскочит, выпрыгнет, и полетят клочки по закоулочкам!

- Сумасшедшая! - воскликнул я и побежал в университет.

Я опаздывал и поэтому нёсся, как угорелый. Сначала до корпуса, потом на четвёртый этаж. Я потел, перепрыгивал по две ступеньки, задыхался. Нет, я делал это не потому что сильно боялся опоздать - скорее, так я хотел забыть разговор с бабкой.

Оказалось, что спешка была напрасной. Все ещё стояли у дверей. Препода не было.. Я и не удивился. Он постоянно опаздывал на пары минут на 10-15 минимум. Звали его Сергей Сергеевич Сергеев. Забавное сочетание, да, но оно придавало ему колорита. Для удобства все называли его просто Серёжей. Его внешность отлично подходила для этого имени. Сергей Сергеевич был толстым, добродушным мужиком лет 40 на вид, не слишком большого, но и не слишком маленького роста. Стрижка его была короткой, лицо - простым и часто озадаченным. Носил Серёжа преимущественно рубашки поло, на которых всегда были следы от пота, а также джинсы и коричневые ботинки. Говорил он медленно, размеренно, с большими паузами, поэтому слушать его было довольно скучно. Да и лектор из Серёжи был так себе. Он только и делал, что неподвижно стоял у кафедры и читал лекцию, постоянно заглядывая в бумажку. Иногда он делал это сидя, что, впрочем, было ещё хуже. Говорил он достаточно громко, не бубнил, но это совсем не спасало положения. Серёжу слушало лишь несколько человек, а остальные занимались своими делами: читали, рисовали, шептались, смотрели видосы на ютубе, вставив в уши наушники.

В этот раз всё было так же, как и всегда. Пусто.

Я подошёл к двери, поздоровался с несколькими людьми. Они также поздоровались со мной.

- Как дела, Федя? - спросила меня одногруппница Маша.

- С пивком потянет, - по привычке ответил я.

- Слушай, а ты не участвуешь в олимпиаде по журналистике? Называется «Профессионалы!». Её питерский вуз проводит. Там как раз до конца февраля можно всё решить. Давай, ты же умный!

- Нет, нафиг мне твои олимпиады, - отмахнулся я. - Зачем в них участвовать? Всё равно ничего путного не выйдет.

- У тебя же получалось! - воскликнула Маша. - Везде, где участвовал, ты занимал призовые места. Ты же хорошо пишешь.

- Я плохо пишу, - ответил я ей. - Просто отвратительно. Да и на многих олимпиадах я проваливался. Там всё зависит от везения. А у меня его нет. Как и сильного ума, впрочем.

- Не ври, - оспорила она меня. - Я читала твои тексты для студ.журнала. Жалко, ты оттуда ушёл.

- Почему жалко? - спросил я. - Разве им без меня не лучше? Те мои тексты были мёртвыми. Я просто писал, как все. Где-то лучше, где-то хуже, но...

- Что - но?

- Это только пустота, - зачем-то снова произнёс я это дурацкое, безликое слово.

- Ты всё усложняешь, Федя, - пробубнила она. - Это просто журналистский текст, а ты относишься к нему, как к поэме.

- Да, просто текст, - согласился я. - Больше ничего.

Наконец-то пришёл Серёжа. Мы расселись по местам, он всех отметил, и лекция началась. Снова никто его не слушал. Я, впрочем тоже. Сидел и читал книжку с рассказами Андреева. Может быть, вам нужна информация о том, какой именно рассказ я читал? Хорошо, я читал «Бездну». Вы можете сказать мне, что рассказ слишком маленький. Но я читал его медленно, постоянно отвлекаясь и думая о чём-нибудь.

Я всё не мог понять, откуда взялась эта странная бабка, и почему она рассказала историю о девочке. Правда ли это, или только выдумка сумасшедшей? Я залез в интернет и попробовал найти новость. Действительно, в поселке Южный умерла девочка, которая ночью, босиком, вышла искать маму... Какая жуткая хрень. К чему она это говорила?

«— Мне страшно. Тут так тихо. Мы заблудились?»

Кажется, у неё пропал внук... А ведь пару дней назад, в тот же день, когда я в последний раз видел Алису, я встретил в университете парнишку лет семи. Я помню, он рисовал что-то на двери, а я его спугнул. Чёрт, может, тот мальчик и был её внуком? Нет, это бред. Она - сумасшедшая старуха. Охранник бы ни в коем случае не пропустил кого попало в корпус, ведь так? Да, мальчик не мог попасть в корпус. Это сын какой-нибудь технички. Сколько семилетних людей в городе... Сколько из них любят порисовать? Нет, я всё себе придумываю. Та бабка сошла с ума. Не было у неё никакого внука. Никто не пропал. Иллюзия.

Надо было дочитать рассказ Андреева. Оставалось всего несколько абзацев.

Но мысли не позволяли. Голова! Забитая всяким хламом корзина! Кастрюля, в которой варится суп. Я оглядел аудитории. Много кто спал. Остальные говорили, слушали музыку, смотрели видео на ютубе. Всё, как обычно. Серёжа просто стоял у кафедры и, глядя в бумажку, рассказывал лекцию.

Меня всегда удивляло, как он не может запомнить все эти лекции? Ведь он произносит их уже не один год. И столько лет он просто стоит и вот так читает с бумажки? Какой абсурд. Кстати скажу, что все его лекции - прямиком из учебника, по которому мы занимаемся. Мы как-то даже экспериментировали - открывали учебник на параграфе с темой лекции и слушали, что он говорил. Оказалось, он просто читал учебник. Строчка в строчку. Разве что, иногда он вставлял какие-то свои конструкции в текст, и всё.

Я снова уткнулся в рассказ. Мужчину ударили по лицу, бросили в яму. Её насилуют в лесу. Он встаёт и находит свою девочку.

«И с силой он прижался к ее губам, чувствуя, как зубы вдавливаются в тело, и в боли и крепости поцелуя теряя последние проблески мысли. Ему показалось, что губы девушки

дрогнули. На один миг сверкающий огненный ужас озарил его мысли, открыв перед ним черную бездну. И черная бездна поглотила его».

Может, меня тоже поглощает чёрная бездна? Может, и самой бабки не существует? Может, я схожу с ума? Может, надо перестать думать об Алисе, о пустоте обо всём этом бреде!

Надо было с кем-то поговорить. Отвлечься от всего. Рядом со мной сидела девочка - Маргарита Хартунг. Мы с ней даже немного общались. Она была самой нормальной из всей этой женской братии. Многим Хартунг казалась пацанкой. Она ходила в джинсах, какой-нибудь кофте худи, часто надевала шапку в помещении. Косметики на ней либо не было совсем, либо было очень мало. Она могла смешно пошутить, посмеяться над собой, над темами, которые «хорошо воспитанные девочки» считали запретными и идиотскими. У Хартунг не было слишком уж большого самомнения, она не превозносила себя. Правда, в ней всё равно было много женского. Она любила обсудить других девочек, плакала, если лажала (а лажала она часто), выносила всем мозг своими проблемами. Также Хартунг мало что интересовало. Единственная вещь, которой она была увлечена, - это косплей. Ну и аниме. Впрочем, это шло в связке. Она любила наряжаться в костюмы из японских аниме, ездить по всяким сибирским фестивалям. Так она себе и видела жизнь - от фестиваля до фестиваля.

Но Хартунг была своей - я считал её не девочкой, а ещё одним пацаном из группы, с которым можно поговорить о чём угодно. Сейчас я решил задать ей свой странный вопрос:

- Слушай, Хартунг, ты не видела в вузе ребёнка? Здесь бегает мальчик такой, лет семи...

- Может, видела, - ответила она. - Я такие вещи не запоминаю, а что?

- Да ничего... - вздохнул я. - Просто... Тебе это не кажется странным? Мальчик в университете.

- А что тут странного? - усмехнулась она. - Нередко сюда приходят внуки преподавателей или техничек. В этом нет ничего такого.

- Да, наверное, - допустил я.

- А что это ты, Федя, детьми стал интересоваться? - решила она пошутить.

Ну ладно, шути. Вообще-то, я в замешательстве. Вообще-то, мальчику может быть плохо. Но тебе наплевать. Всем наплевать. И мне должно быть наплевать на мальчика. Кому он нужен?

- Ага, Хартунг, хожу и ищу маленьких детей, - ответил я ей. - Даю им конфетки. Знаешь, на что они ведутся? Я говорю, что покажу тётю в костюме Сейлор Мун... Или кого из аниме ты там косплеишь?

- Отвели, Федя! - простионала она. - Аниме не только дети смотрят.

- Ну да, наверное, - пожал я плечами. - Ещё умственно отсталые.

Хартунг психанула, встала и пересела на другой ряд. Я ударил по больной точке. Лёгкая победа. Хех. Но она не обиделась, уверяю вас. Просто так выделялась.

На перемене я подошёл к ней, и мы нормально поговорили. Так всегда. Она любит психануть, демонстративно надуться, как маленькая девочка, но настоящих обид не таит.

В это день я отсидел ещё две пары и поехал домой. Автобус снова был полным. Ещё бы, время - шесть часов, когда автобусы превращаются в грёбаную баню. Стоишь в тёплой куртке, шапке, шарфе, потеешь, ненавидишь всё и всех. С крыши свисает новогодний дождик, который так и не убрали с новогодних праздников. Спасибо, повеселили. Окна запотели. Кондукторша плохо шутит, что-то кричит. Она орёт на какого-то парня за то, что он не уступил место пожилой женщине.

К концу поездки у меня из руки выпал портфель. В этой парилке я обмяк, расслабился и случайно уронил его на грязный пол. Там чуть ли не текли коричневые лужи. Вот чёрт. Я мигом поднял портфель, но это не помогло. Он был уже порядком запачкан. Сжавшись, чтобы получить хоть немного пространства, я достал платочки и немного вытер портфель. Точнее, стёр с него часть грязи, а часть размазал. Я попытался ещё. Стоял и, потея, в давке оттирал свою сумку. Истратил все оставшиеся у меня бумажные платки. Ими, запачканными, коричневыми, я заполнил все карманы, но так и не стёр с ранца всю грязь. Ну и похер.

Скоро я вышел из этого дебильного автобуса и пошагал домой. По своему унылому, тошнотворному дому, полному детей и бомжей, которые ходили сдавать бутылки в пункт приёма стеклотары, который находился близ моего каменного муравейника.

Дверь подъезда была открыта. Её покрасили и оставили на ночь сушиться. Припёрли её каким-то поленом. Замечательно. Главное, не вляпаться в краску. Хотя бы с этим я справился. Спокойно прошёл, ничего не задев. Молодец, Фёдор! Похвально, ты не самый большой дебил на свете.

Придя домой, я влив в телефон и вновь зашёл на её профиль. Чудо! Она обновила фотографию. Выложила очередную красивую, псевдогламурную фоточку в жёлтой кофте. Зачем, почему у тебя такое искусственное лицо, такие ненастоящие, пластиковые губы... Ты скорчила их, как утка, но это ошибка. Они делают тебя обычной, но ты же не такая. Ты живая, а фотография убивает тебя. Нет, ты не пустота, милая! Что у тебя с глазами? Почему они не блестят? Что убило их? Неужели фотоаппарат? Нет, не он. Ведь на других фотографиях ты такая живая. Ты - произведение искусства. А здесь? Нет, ты и здесь так красива... Всё-таки это твоё лицо. Те же ямочки. Та же маленькая родинка на правой щеке, которую так трудно заметить. Для меня это - чёрная дыра, в которую улетает моя фантазия.

Под фотографией был комментарий какого-то парня по имени Игорь с фамилией Дровосецкий. Жил он в Питере, так что вряд ли он был как-то связан с нашим, сибирским

Дровосецким. «Шикарная», - написал он в комментарии. Как ты смеешь, сука? Зачем ты пишешь ей эти пошлые слова? Зачем? Ты тоже хочешь понравиться? Ты - такой же кретин, как я? Вряд ли. Но зачем ты всё это делаешь? Она уже занята. Хотя действительно ли это так? Клык она не нужна. Он скоро бросит её. Да, она это знает. Наверное, Клык для Алисы - не более, чем увлечение.

Я посмотрел другие её фотографии. Их я видел уже тысячу раз. Зачем я их листаю? Ведь все они есть у меня в голове.

Может, ты напишешь ей? Просто спросишь, как у неё дела? Просто, обычно. Так же делают нормальные люди, правильно? Интересуются, как дела. В этом же нет ничего такого. Она наверняка хочет, чтобы я спросил у неё: «как дела?». Но ведь этот вопрос ничего не значит, его задаёт каждый парень, который хочет познакомиться с девушкой. Вопрос «как дела?» ничего не значит. Он - пустота. Не надо пичкать её пустотой! Она не такая, чтобы я пичкал её пустотой! Она может подумать, что я навязываюсь. Надо ждать... Я же ей просто друг, человек, с которым она просто общается, никто больше. Она не берёт трубку, не хочет разговаривать со мной. Значит, я ей отвратителен. А чего ты ожидал? Посмотри на себя в зеркало! Как ты мерзок! Ты думаешь, что можешь кому-то понравиться? Посмотри на неё! Нет, не на эту фотографию! На другую! Посмотри, кто она! Неужели ты хочешь всё испортить? Почему бы и нет? Красота и уродство... Нет... Но неужели во мне есть совесть! Неужели я за добро? Но зачем? Зачем? Ведь все остальные против! А может, это я, я один, - против добра? Я один - язва на теле человечества. Они ведь все так смотрят на меня, словно ненавидят! Я - просто неудачник, клоун, посмешище! Я всё сам упускаю, правильно? Алиса сама познакомилась со мной, она дала мне шанс, но я им не воспользовался. Зато Клык воспользовался, да? Хотя надолго ли? Может, они уже не вместе. Нет, Клык она не нужна. Он не влюблён в неё. Да и есть ли между ними хоть что-то? Может быть, нет. Зачем ты накручиваешь себя? Может, лучше ей написать? Ведь ничего не будет. Нет! Я люблю её! Мне кажется, она пошлёт меня. Нет, уж лучше я буду тихо любить её, сидеть в уголке и надеяться, что когда-нибудь мы случайно встретимся и пообщаемся. Лучше уж так, чем она мне скажет... Что скажет? Что она может мне сказать? Она ведь хорошо общалась со мной? Она была приветлива... А в последний раз? У неё был тест по лексикологии. Она была занята! Алиса, как и любой другой человек, может быть занята, верно? Но теперь-то она свободна! Мы можем пообщаться, да? Прошло уже несколько дней, да? У неё произошло что-то интересное! Надо пообщаться с ней! Я так больше не могу! Она слишком красивая! Слишком волшебная! Цветочек! Как я могу просто забыть про неё... Нет, я не могу. Значит, я должен ей написать!

Я включил компьютер, открыл её профиль, снова посмотрел на фото. Оно стало живее. Чёрт, это я оживляю его! Переключи, срочно! Поле для сообщений. Напиши ей. Осторожно, чтобы не спугнуть.

«Привет», - набрал я своими жирными, коротенькими пальчиками.

Какой же я урод, черт возьми. Представь, как ты, урод, возьмёшь её за руку. Она же почувствует твои коротенькие пальчики, она почувствует пот на твоих ладонях, ей станет

мерзко, противно. Её вырвет от тебя. Она почувствует себя с уродливым карликом, с потным и грязным гномом... АААА!

Кроме «привет», надо написать что-то ещё. Только «привета» мало.

Я всё-таки сдался. Написал это фальшивое «как дела?». «Пока не родила», блин. Дурак. Ладно. Хорошо. Я сдался. Всё ради того, чтобы понравиться ей. Но ты же не умеешь нравиться. Чёрт. Пиши, мразь. Ты должен бороться. Ты должен быть нормальным. Если она сводит тебя с ума, то говори с ней. Не упускай её, прошу. Она - лучше всех. Она затмила Полину. Ведь ты так хотел, чтобы Полина ушла. Ты даже создал фигуристку для этого.

Стоп! Алиса ответила мне! Скинула голосовое сообщение! Подарила мне свой голос! Я включил его, закрыл глаза и наслаждался. Это как в песне про дерево у забитого Цоя: «мне с ним радостно, мне с ним больно...». Прежде чем ответить, я переслушал сообщение несколько раз. Каждое слово, каждый звук, каждую букву... Как красиво. Я не могу выразить это словами. Я мог только слушать, как её безмятежный, спокойный, солнечный голос льётся молочными реками по скалистым утёсам моей души, как он звучал из динамиков телефона. Почему он с каждым разом ещё прекраснее?

Я не особо вникал в содержание сообщения. Пришлось переслушать его ещё пару раз, чтобы всё понять. Она рассказала о том, как ходила на вечер какого-то поэта из Германии, который почему-то, зачем-то приехал в нашу сибирскую глушь читать свои стихи. Ей очень понравилось, она вдохновилась до такой степени, что ей захотелось тратить больше времени немецкий язык. Я спрашивал у неё какие-то глупые вопросы вроде: «сколько человек пришло?», «кто такой этот поэт?», «о чём он читал?»... Ничего такого, лишь бы поддерживать нормальный разговор. Мне не хотелось её пугать, не хотелось ни в чём ей признаваться. Нет, зачем же... Я уже и так сказал слишком многое в тех двух беседах.

Очень хотелось ссать, но я не мог бросить её, не мог перестать отправлять ей слова, не мог не задавать ей вопросов.

Надо было записать ей голосовое сообщение. Она отправляла только голосовые. Я же отвечал письменно, словно какой-то зануда. Но у меня ведь такой скрипучий, уродливый голос. Ей будет так неприятно. Чёрт... Может, со мной всё не так плохо? Может, всё-таки я ей нравлюсь, а? Возникла пауза. Она пока не отвечала. Я встал со своего потного, дурацкого стула и пошёл в туалет.

Пока ссал, решил, что надо отправить ей несколько голосовых. Да, без этого никуда. «Надо начать нормальный разговор, - думал я, - сколько можно говорить об этом поэте?». У меня тряслись руки. Чёрт, я боялся её. Боялся ляпнуть что-нибудь лишнего. А ведь я всегда говорю что-то лишнее, я всегда веду себя, как идиот, делаю что попало. Как так получается?

Лишь бы она не послала меня. Лишь бы не разочаровалась во мне, лишь бы дала мне маленький шанс. Но я же не заслуживаю шанса. Посмотри на себя. Ты просрёшь десяток шансов, сотню, тысячу. Поэтому лучше сразу отказаться... Нет, всё же хорошо. Она

отвечает мне. Значит, всё нормально? Я позову её куда-нибудь, мы встретимся, поговорим. Нет, всё будет хорошо. Я исправлюсь. Стану другим. Надежда ведь ещё есть. Я всего лишь юноша, студент.

Я помыл руки и посмешил к компьютеру, посмотреть, что Алиса ответила. Её сообщение висит там, в диалогах, точно на верёвке... Может, она думает, что я её игнорирую? Нет же, я просто отошёл. Только не обижайся на меня. Не упрекай меня, прошу.

Я вернулся на своё место, открыл диалог и прочитал чёрно-красное, гнилое, червивое сообщение. Я протёр глаза один, второй, третий раз. Всё бесполезно. Оно не изменится. Это же клише из фильмов. Зачем я протираю свои глаза цвета фекалий? Может, хочу вырвать их? Затереть их до дыр! Стать человеком с чёрными дырочками в черепашке! Скормить глаза акуле? Акула плавает в речке, где купаются дети лет тринадцати... Проклятый возраст, да? Зачем они там купаются? Акула же вот-вот сожрёт их! А мама ничего не заметит, а потом будет искать своих детей, а найдет лишь оторванный маленький пальчик, мизинчик какой-нибудь! Мерзко, да? Вот и Алиса съела меня, как акула. Правда, здесь даже мизинчика не осталось.

Что она написала? Давайте я вам прочитаю. Она написала следующее: «Слушай, я давно хотела тебе сказать, что мне как-то немного некомфортно с тобой общаться. Да и для меня ты человек какой-то некомфортный. Только для меня. Ты тут не виноват. Думаю, мы темпераментами не сходимся, или что-то вроде того. Не держи обиду только, пожалуйста».

После сообщения была парочка смайликов. Зачем ты их поставила? Это что, шутка, да?

Я перечитал сообщение ещё раз, ещё и ещё.

Всё понятно. Ты ожидал чего-то другого? А-А-А-А-А-А-А! Я закричал и орал до тех пор, пока не кончился воздух, пока глотку не стало разрывать на части. Надо было прекратить кричать. Вообще-то время - полночь. Люди спят. И похер на них. Они - всего лишь шелуха, перхоть, тараканы, колония муравьёв. Заткнись! Меня только что послала нахер очередная девушка, в которую я, как дурак, влюбился. Зачем? Пустота, пожалуйста... Забери её, засоси её в себя, милая, сделай так, чтобы мне стало всё равно. И на неё, и на всех остальных. Боже, зачем я кого-то люблю? Это же всегда такое мучение.

Я пошёл на кухню и открыл холодильник. Внутри меня всё полыхало. Надо было загасить этот пожар. Что-то выпить. В холодильнике была лишь бутылка пива. Плевать, для начала хватит. Я открыл бутылку над раковиной. Пиво полилось в раковину, зашипело. Какой приятный запах, какой приятный звук. Я поднёс бутылку ко рту и начал вливать пиво в себя. Пил большими глотками, надеясь осилить бутылку залпом. Я давился, но пихал пиво в себя. Пару раз пришлось сделать перерыв, потому что пиво потекло из носа. Но ничего, я собрался, взял себя в руки и продолжил. Через две минуты бутылка пива была пуста. Мне стало чуть легче. Но этого, конечно, было мало. Я знал, что за телевизором в гостиной родители хранят водку. Думаю, пропажу одной бутылки они не заметят.

Я открыл бутылку, налил прозрачную жидкость в стакан и выпил этот противный, обжигающий напиток. Половину стакана. Влил в себя слишком много. Так много, что всё чуть не полезло назад. Я запихал в рот горсть сухариков и, сев на пол, жевал, закусывал. Нет, прекрати. Ты что, ревёшь? Да, у тебя на глазах слёзы, Фёдор. Вот ты баба, размазня. Стыдно и жалко сидеть тут и рыдать. Жевать эти сраные, дешёвые сухарики, которые я так любил в детстве. Благо, родители на дежурстве. Хотя бы никто не видит моего позора.

Что я делаю? Прочитал сообщение, не ответил. Она подумала, что взяла верх надо мной. Нет, надо что-то написать. Не показывать своей слабости. Не надо никому показывать слабость. Я самый слабый человек на свете, да, но для них я должен быть сильным, для них я должен быть нерушимым, они... Они все враги мне. Я бы убил их всех, будь я президентом какой-нибудь ядерной державы. Нажал бы на кнопку, пустил бы ракеты, очистил бы планету от всей этой грязи, от этой городской плесени. Сделал бы нашу планету обычной, похожей на все остальные, и она перестала бы быть изгоем, она бы вылечилась... Нет, всё это бред. Просто подростковые обиды на весь мир. У всех они есть. Каждый подросток-неудачник думает так же, как и я. Ничего нового. Я отхлебнул ещё немного водки из стакана, снова запихнул в рот сухарики, от которых слипались пальцы. Надо было встать, написать что-то.

Но боль росла. Она душила меня, выдавливала меня в стул, брала иголку и царапала меня, разрывала мою кожу, словно обычную тряпку.

Я помыл руки, умылся. Нет, не надо бухать и ныть. Я сильнее этого. Я не должен быть жалким. Я должен быть злым. Меня должны не жалеть, а ненавидеть. Это куда лучше. Не надо стремиться к любви, к добру, не надо пытаться понравиться. Наоборот, я обязан не нравиться им, я должен раздражать их, вызывать у них ненависть. Вот бы послать Алису, обматерить её, поиздеваться над ней. Но нет, я не могу. Во мне ещё сидит тот Фёдор. Он не даёт мне этого сделать. Ведь она такая красивая, а проблема только во мне. Я урод, коснувшийся красоты. Я виновен. Я согрешил, да. Но ведь я не говорил ничего такого, мы ведь начали нормально... Может, она просто психанула? Может, я сделал все выводы раньше времени? Нет, это всё так нелепо... Всё не может на этом кончиться. Так не должно быть. Я ведь люблю её. Я должен написать ей, спросить, что произошло. Я пошёл на кухню и допил тот стакан с водкой. Для храбрости. На этот раз я закусил шоколадкой. Фу, так противно. В горле - горячо. На языке - тошнота и злоба на себя. Я вернулся к компьютеру, открыл диалог с ней и настроил: «Блин, странно, что ты прям в середине разговора это написала. Если я показался тебе странным, так сразу бы и сказала, я бы понял. Касаемо темперамента, ты меня вряд ли могла бы узнать по двум дням общения, это точно... Мне казалось, у тебя есть ко мне какая-то симпатия».

Написав своё сообщение, я закрыл глаза и принялся ждать. Она ответила быстро. Я услышал щелчок - это значит, что её сообщение пришло. Я открыл глаза и прочитал:

«Дело в том, что какое-то время эта мысль держалась у меня голове, - написала Алиса. - Но я осознала всё до конца только в середине этого разговора, так бывает. Может это что-то ещё, неважно, что, я просто написала честно, что мне некомфортно с тобой общаться.»

Не надумывай ничего лишнего, пожалуйста. Это ж странно, что из-за каких-то моих заморочек кто-то может париться. Даже не странно, а бессмысленно».

После слова «бессмысленно» она поставила пару смайликов. Это выглядело издевательством надо мной. Я испытываю боль от каждого твоего слова, а ты ставишь смайлики. Но ты не специально, я знаю. Просто пытаешься сгладить углы. Сука.

«Да, - зачем-то ответил я. - Бессмысленно».

Больше отвечать было нечего. Всё понятно, она решила со мной порвать. Выбросить меня из своей жизни, которая только стала налаживаться. И правильно! В помойку, к бомжам! Там мне самое место. Место для моего сумасшествия.

Да, Алиса послала меня. В очередной раз послала. На этот раз, в последний. Славно. Я не такой человек, чтобы говорить с девушкой. Я - говно. Просто кусок говна, зараженный бактериями. Ко мне даже прикасаться нельзя... Девушка в очередной раз разорвала меня, она решила, что я не обижусь... «Только не надумывай ничего лишнего», сказала... Ага, не надумывай... Я уже надумал лишнего. Надумывать лишнего - моя фишка. Я раньше от этого недуга книжки писал, придумывал истории про самоубийц, а потом перестал. «Не надумывай лишнего, не надумывай лишнего!». Я же каждую секунду надумываю. Уже столько надумал! Надумал настолько, что на полном серьёзе хочу покончить с собой. Надумал настолько, что я хочу всё ненавидеть! Хочу всё сжечь и поджечь себя, а потом бежать, бежать, пока не умру, пока всё моё тело не обгорит до костей.

«Да пошли они все! - кричал я самому себе. - Каждая из них! Почему они так меня ненавидят? Почему они не дают мне ни единого шанса! Почему им так легко взять и растоптать меня? Почему одна ошибка - и всё... Я никто. Разве они не ошибаются... Разве они - самые лучшие люди на Земле? Идеальные, честные, красивые? Разве они не могут понять меня? Просто попытаться понять меня? Нет. Им не за чем. Им это не интересно. Но я ведь ни с кем так не обходился. Да, я отстранял людей своим поведением, но они даже не пытались меня понять... Всем, кто пытался, я открывался. А они смотрели внутрь, видели пустоту и громко смеялись. Нет, я не должен никому открываться. Я должен поверить в дьявола, да? Не в пустоту, а в дьявола».

Эти пустые, идиотские слова лишь ещё больше душили меня. Алиса была такой красивой. Её имя - волшебное. Её фамилия - это лучшее, что я слышал в жизни. Алиса Беловодская. В ней воплощена мечта русских о свободе, о земном рае, о Беловодье. Беловодье это же почти как Иридий, то есть место, где зимуют птицы, где есть покой, мировое дерево. Да, это большой, светлый рай. Но русские упустили своё Беловодье, оно пропало, потерялось где-то. Я тоже упустил свой рай. Девочку с фамилией, звучащей, словно музыка. Милую, ясную, как погожий летний день у бабушки в деревне, когда ты ещё совсем ребёнок. Хорошую, добрую. Она даже не написала о том, какой я грубый, самодовольный урод. Боже, как я вёл себя там, на этих двух встречах с ней? Что я делал? Какую-то гадость. Я ошибался, постоянно ошибался, пытался убедить себя в том, что мне всё равно, хотя мне было совсем не всё равно. Я с каждым днём всё больше влюблялся в неё. И вот - это

привело к такому. Может, стоит обо всём ей написать? Нет, ты лишь ещё больше пред ней унизишься, ты покажешь, насколько жалок.

Успокойся, хватит ныть! Надо было ещё выпить! Это лекарство. Представляю, как я реагировал бы на всё это, если бы не выпил водки и пива. Наверняка напридумывал бы себе всякого, сошёл бы с ума, убил бы себя к чертям собачим! Надо было продолжать пить. А что ещё делать? Главное, притупить мысли о ней и о собственных ошибках, о просранной любви! Я всё просру! И ладно! Какая разница! Я - вечный одиночка! И в жопу всё!

Я достал из кладовки ещё пива и открытый тетрапак дешёвого вина. Отхлебнул немного из тетрапака. Вроде нормальное винцо. Пить можно. Для разнообразия подойдёт, а то от водки с пивом меня стошнит. И пусть, если стошнит! Мне надо очиститься. Как там бабушка говорила в детстве? «С гуся вода, с лебеда вода, а с тебя, мое детятко, вся худоба». Она говорила так, когда умывала меня, маленького, святой водой. Бабушка была верующей, водила меня в церковь. Где теперь церковь? Церковь Детства сгорела, а новую так и не достроили. Да и бабушка умерла.

С гуся вода... И всё будет хорошо. Бесы утекут вместе с водой, в мрачные канализации, где обитают черепашки-ниндзя. Или я запутался? Плевать.

Что я делаю? Я сижу на кухне, смотрю на стену и вливаю в себя алкоголь, который раньше ненавидел. Миксую дебильное вино из тетрапака, пиво, водку. Ноги воняют потом, а я продолжаю вливать в себя это... По капельке, по глоточку, по стаканчику. Как мама учила. Зачем я полюбил Алису? Как? Она показалась мне не какой-то телевизионной мечтой, а человеком... Но зачем? Не надо искать человека. Никогда. Я для неё, для всех, какой-то не тот, неправильный человек. Меня невозможно полюбить, да, это правда. Я не предназначен для любви. Любовь требует созидания. А я настолько разрушил себя и собственную жизнь, что не могу созидать. Нет, не надо и пытаться. Надо просто умереть... Завершить процесс саморазрушения, ну или раствориться в пустоте... Впрочем, я уже много раз говорил, что это одно и то же.

Надо пить, чтобы заглушить боль, расслабиться, отвлечься от себя самого и своей ничтожности. А ведь перед вузом я вообще никогда не пил. Теперь давлюсь дешёвой водкой и поганым вином наедине с собой. Говоришь так, словно это достижение... Идиот.

Через какое-то время меня вырвало. Сначала один раз, затем второй. Я выпил активированного угля, несколько таблеток и рыгать больше не стал.

На часах было уже три часа ночи, а я всё сидел на кухне. Пить больше не хотелось, но куда-то деть себя надо было. Спать я не мог, заняться чем-то другим тоже. Вдруг в голове у меня появилась очень хорошая мысль. А что, если попробовать написать то сочинение, которое задал Манков? Вылить туда всё? Попробовать писать... Ведь раньше это помогало. Раньше буквы делали мне легче. Хорошо, можно попробовать.

Я включил уже потухший компьютер. На экране всё ещё была переписка с Алисой. Я посмотрел на него и снова почувствовал, что моё горло сжимает злоба на самого себя. Я

снова заплакал и стал читать сообщения. «Нет, - подумал я, - переписку надо удалить, а то я буду читать её по сто раз. В этом нет ни малейшего смысла». Я взял и стёр все сообщения. Затем создал на рабочем столе новый документ, в котором была лишь одна пустая страница, и начал её заполнять. Получился текст на десять страниц, в котором содержалась гнетущая, мрачная пустота. Написав текст, я помылся и, пьяный и уставший, улёгся в постель. Правда, заснуть я всё равно смог лишь на пару часов. Что-то заставило меня проснуться в шесть утра и снова думать о ней и о том, какой же я всё-таки мудака. Проснувшись, я перечитал написанный для Манкова текст ещё раз. «Какое же дерьмо», - вздохнул я, нажал на клавишу «Delete» и превратил очередной свой рассказ в пустоту.

Глава 7 Хозяйка

Пустой следующий день прошёл словно в тумане. На уме была только Алиса и её последние сообщения. «Почему всё это произошло? - спрашивал себя я. - Почему она так резко решила от меня отказаться? Мы же нормально общались! Всё было хорошо. И тут она... Почему? Может, потому что у неё появился парень, новая жизнь. Но ведь она хотела со мной встретиться ещё раз. Ей не мешал Клык! Чёрт! Это я повёл себя, как мудака. Всё просрал. В очередной раз всё просрал».

Я был на взводе. Конечно, я знал, что всё кончится провалом, но почему этот провал наступил так скоро... Если бы она не ударила меня вчера, если бы не воткнула в мою плоть заострённые крючки этих чёрных слов, если бы она продолжила игнорировать меня, сухо отвечать на мои вопросы, всё было бы хорошо... Почему, Алиса, ты не смогла сделать это безболезненно? Зачем ты вырвала меня с корнем? Какая же ты, Алиса, надменная сука, какая великолепная, отстранённая королева. Ты просто послала меня на казнь, решила убить своего презренного раба. Правильно. Любая королева должна устранять уродцев со своего двора. А я - тот же уродец. Помните, как Зак Снайдер изобразил Эфиальта в фильме «300 спартанцев»? Так вот я был таким же. Даже хуже.

Я с трудом встал, засунул в себя какую-то еду, какую точно - не знаю, почитал что-то и пошёл на пару по английскому, которую почему-то поставили на одиннадцать. Я был зол. Еле дышал, еле двигался, еле удерживал себя от того, чтобы не начать биться башкой о серую стену мой прекрасной, освежаванной холодом хрущевки. Удариться бы несколько раз, вставить себе мозги на место, разбить всё до крови, чтобы стало по-настоящему больно. Как солдату.

Дверь была открыта. Она что, до сих пор сушится?! Идиотия, почему никто её не закрыл? Краска за ночь должна была высохнуть. Почему-то меня жутко разозлила эта дверь, подпираемая каким-то поленом. В подъезде ведь так холодно. А если сюда захочет зайти какой-нибудь бродяга, чтобы просто согреться?

Со всей силы я пнул это дурацкое полено. На, сука, получай! Вот бы это была оторванная башка Артура Клыка. Хорошо было бы пнуть оторванную башку Артура Клыка, забить ей гол и отпраздновать, как Аршавин когда-то! Ш-ш--ш-ш! Молчите!

Дверь врезалась в меня. Она не высохла. Замарала мне всю куртку. Вот чёрт. Какого хера краска не высохла? Ей не хватило этой ночи... Почему? Эта ночь длилась бесконечно. Тебе не хватило бесконечности, дверь? Или ты поступила так со мной, потому что захотела показать мне своё место? Молодец, у тебя получилось.

Вся куртка была в краске. Закадровый смех! Наложите, суки, закадровый смех! Это же так смешно. Вы бы всяко смеялись.

Пришлось поставить полено на место, подпереть им дверь, вернуться в подъезд, в лифт, в квартиру, в себя, и переодеться. Благо, это была старая куртка. Да, почти всегда я надевал старую куртку, а новую, недавно купленную мамой, берёг. Что же, настало её время.

Переодевшись, я посмотрел в зеркало, широко улыбнулся, увидел жёлтые, гадкие зубы, похожие на рыжих тараканов. На губе вылез очередной стоматит. Белый такой, овальный, как опарыш. Я немного полюбовался им, подружился с ним, познакомился и поехал в университет. Какое же ты ничтожество, Фёдор... Просто клоун.

Невыспавшийся, я сидел на парах, находясь в собственной пустой тюрьме с мягкими, стенами, провонявшими сыростью. Я не слышал и не видел ничего, что происходит вокруг. Со мной разговаривали, здоровались, я тоже произносил какие-то слова в ответ, тоже здоровался, но делал это автоматически, по привычке. Это состояние было похоже на сон, только во сне не испытываешь столько боли.

Казалось, что сейчас я любил Алису больше всего на свете. Я был готов отдать за неё всё, я был готов на любые унижения, на страдания, только бы встретиться с ней, поговорить, увидеть её чудесную, красивую улыбку. Я корил себя за каждое произнесённое в разговорах с ней слово. Я ненавидел себя. Не так, как обычно, а до крайней, наивысшей степени ненавидел. Мне хотелось мучить себя, хотелось, чтобы я чувствовал физическую боль. Надо было избить себя, отомстить себе, исковеркать себя, сломать себе собственный кривой нос, вырвать эти наполненные перхотью волосы, исполосовать лицо ножом, вырезать все прыщи, выкорчевать жёлтые зубы, шершавый язык, которым я произношу эти дурацкие слова, которые всегда складываются в какую-то ахинею. Надо было, чтобы я превратился в сгусток боли, чтобы я выместил ненависть на себе. Но я же не сумасшедший, так? Всё это пройдёт, думал я, надо только немного подождать.

У нас было одно «окно» между парами. Мы с парнями из группы сели в столовой, взяли по стандартному обеду, в который входили твёрдые, вонючие рыбные котлеты и не менее твёрдые макароны, которые всегда подавали холодными. Я делал вид, что со мной всё в порядке. Шутил, нес всякую пошлятину, матерился, громко кричал, чтобы все услышали! Слышите, какой я урод, мрази?! Слышите, какой я отвратительный, некультурный человек?! Хотите ещё, а? Я могу дать вам ещё!

Вскоре тема зашла о проститутках. Мы сидели, вливая в себя газировку из жестяных банок и неся какую-то ахинею. Потом мы открыли сайт с местными шлюхами и стали, словно пятиклассники, делать на каждую из них краткий обзор. Было весело. Мы кричали и хохотали так сильно, что на нас оборачивались. Но мне было насрать. Пусть возмущаются.

Я хочу, чтобы им не нравилось. Я не хочу никому нравиться. Юношеский протест! Ага! Плевать.

Имена у проституток были смешные: Сюзанна, Виолетта, Лилит, Сабина, Зара, Изабелла. Иногда встречалось по две-три девочки в забавных костюмах, которые называли себя госпожами. У них были смешные описания. Неужели кто-то воспринимал всё это серьёзно? Почти на всех фотографиях не было лиц, зато были тела. Забавно. А что ещё надо?

Однако больше всего мы хохотали не над самими проститутками, а над комментариями тех, кто покупал этих женщин. Они на полном серьёзе писали о минусах и плюсах каждой девочки, описывали свой опыт, советовали или ругали какую-нибудь проститутку. Я смеялся над каждым из этих мужчин, искренне ненавидя их всех... Любителей плоти. Те, кто разрушает красоту. Хотя о чем ты? Весь мир - это одно большое разрушение красоты. И ничего больше.

Странно... Здесь были такие молоденькие девочки, младше меня. Вот одна, с дурацким именем Анжелина. Интересно, она сама его придумала, или это её настоящее имя? Наверное, придумала. Да, наверняка. Вычеркивала неудачные варианты, думала, сжимая пальцами ручку, как на экзамене. И остановилась на этом варианте. Ей всего восемнадцать. Это для тех, кому нравятся молоденькие. Волосатые, жирные, потные мужики с сальными губами, волосатой грудью, грязные, обрюзгшие, заказывают молоденьких девочек в баню, покупают пиво и рыбу, пьют, выковыривают из зубов остатки пищи, обсасывают большие рыбьи кости, чешут пузо, а потом идут трахать девочек, только закончивших школу. Девочки ещё недавно стояли на школьной линейке в белых фартучках, с красными лентами с надписью «Выпускница», а теперь их трахают мужики с пузами. Интересно, эта Анжелина закончила школу? Как она оказалась на сайте со шлюхами? Что случилось с её жизнью? Нет, я, комнатный мальчик, клоп, этого никогда не пойму. Скажу честно, у меня было желание понять их. Когда я ещё писал, я хотел заказать проститутку. Но не затем, чтобы трахаться с ней. Это слишком противно, от этого я бы проблевался... Нет, я намеревался просто поговорить, узнать о её жизни. Но это ведь так глупо, да, приглашать шлюху просто поговорить? Она бы посчитала меня жалким человеком, не способным даже трахнуть девушку. Она бы сидела и смеялась надо мной. Думаешь, она бы мне что-то рассказала? Нет, придумала бы какую-нибудь дурацкую, неправдоподобную историю, в которую я бы поверил, ведь я лох, который верит во всё, да?

Пока мы смеялись над проститутками и теми, кто их заказывал, мне было хорошо. Алиса ушла, растворилась в животном смехе и оре. Мне стало легче. Но только я оказался один, на очередной паре, я вновь стал испытывать тот же стыд за себя, ту же раздирающую душу ярость, ту же досаду, ту же любовь.

Как я мог просрать её? Она ведь дала мне шанс, даже два шанса, а я всё упустил!

Сколько можно о ней говорить? Но она так красива, так добра, мы с ней так похожи. Она - тоже потерянная. Раньше я не замечал этого в ней, но теперь я всё понимаю. Мы могли бы быть вместе, она могла бы меня спасти, заполнить любовью мою пустоту. Ведь любовь - лучшее лекарство, да? Представь, она бы стала твоей девушкой. Алиса бы вытащила тебя

из пустоты, Фёдор. Сейчас, когда тебе больше всего это нужно. Но меня спасёт другая девушка, я же знаю. Смерть. Она меня примет. Она меня простит. Она станет единственной, кто не пошлёт меня прочь.

Замолчи, пожалуйста, Фёдор, замолчи! Перестань.

В рассуждениях о ней и о себе я провёл всю пару. Я не слышал ничего, что говорил преподаватель. Просто сидел и думал. К концу пары я взял ручку и зачем-то нарисовал Алису. Получилось красиво. Я продолжил рисунок. Она сидела на троне. Величественная, неприкасаемая, аристократичная... В своей черной водолазке и жёлтой юбке с чёрными полосками. Повсюду на тонких верёвочках висели отрезанные головы мальчиков. Но других парнишек это совсем не пугало. Они шли на поклон к королеве и спокойно клали головы на плаху. Они ждали своей очереди и были рады, что королева хотя бы посмотрит в их сторону, хотя бы отрежет им голову.

Когда пара закончилась, я порвал рисунок и выкинул его в мусорку. Не дай бог, родители увидят или кто-нибудь ещё. Вот будет позор.

Не желая ни с кем прощаться, я спускался вниз, за курткой. На этажах развешивали афиши, которые призывали принять участие в «поэтическом баттле». «Среди участников - главные университетские поэты Артур Клык и Мария Шептунова. Брось им вызов!» - гласил плакат, на котором криво располагались фигуры Клыка и Шептуновой. Мария Шептунова была ещё одной университетской поэтессой. Писала она чуть лучше Клыка. Правда, это были девичьи стихи, со всеми восторгами, вполне заурядными образами и стилем, отдающим Советским Союзом. В её сборнике стихи традиционно подразделялись на любовную, городскую, философскую, пейзажную лирику. Ей двадцать лет, на секундочку. Я не понимал, зачем нужно играть в эту «высокую поэзию», произносить скучное словосочетание «пейзажная лирика», взятое из советских учебников... Наверное, так было правильно, а я ошибался. Ведь она чего-то достигла, она работает, она - взрослая, а я - только ребёнок. Впрочем, это не спасало её советские стихи, пропахшие искусственными улыбками, аплодисментами и старыми, выцветшими кофтами пожилых газетных редакторов. Кстати, и выглядела она, как молодая советская поэтесса. Высокая, опрятно одетая девушка, с лицом бурундука, короткой стрижкой и плоской фигурой. Она была активной, вежливой отличницей, которую все любили и считали гордостью факультета. Кажется, недавно ей вручили даже пару литературных наград от администрации края. Партия наградила. Какая молодец! Да, я просто завидую... Ладно, она хотя бы старается. Не так, как Клык.

На первом этаже две девочки стояли и приглашали людей на всё тот же «поэтический баттл». Одна из них, низкорослая, прыщавая блондинка по имени Настя Андропова с длинным носом и тонкими губами, подбежала ко мне и протараторила:

- Приходите на поэтический баттл! - голосила она. - Либо смотреть, либо участвовать, если вы поэт.

- Нет, не поэт, - быстро ответил я, лишь бы она отвалила.

- Тогда приходите смотреть! - воскликнула он. - Уже через неделю будет пара - Лилия Сухомлина против Марии Шептуновой. Самая сильная пара пока что. Лиля хорошая поэтесса, в её поэтическом паблике человек триста уже состоит... Маша, конечно, более знаменитая, и стихи у неё лучше, но...

- А Клык с кем в паре? - зачем-то перебил её я.

- Не знаю, - пожала плечами Настя. - Он сам будет себе выбирать пару. Ну, у них с Машей есть такое право, потому что они организуют это соревнование.

- А что оно из себя представляет? - почему-то спросил я. - Что там за пары? Зачем они нужны? Это как в реп-баттлах, два участника поливают друг друга говном?

- Ха-ха-ха, - засмеялась она, - почти... Вообще, поэт сам волен выбирать, что читать. Он может просто прочитать стихи, а может и написать что-то против оппонента. Но если участник собирается писать пасквиль, то он должен заранее об этом сообщить судьям и противнику.

- Судьям? - не понял я.

- Конечно... Судьи будут принимать решение, чьё стихотворение лучше. Но там несколько критериев. Подача, артистизм, внешний вид...

- Внешний вид? - перебил её я. - Разве это важно для поэта?

- Ну, на этом настоял Клык, - объяснила девочка. - Вроде как у поэта должен быть яркий, запоминающийся образ.

- Ага, - усмехнулся я, - понятно. То есть, надо прийти и прочитать стихотворение?

- Нет, три стихотворения, - пояснила Андропова. - Один раунд - одно стихотворение. На один раунд даётся не более пяти минут. Я вижу, вы заинтересовались. Хотите принять участие?

- Не знаю, - растерялся я. - Можете на всякий случай меня записать?

- Да, я могу предварительно вас вписать в лист участников, - сказала Андропова. - Но через неделю, за день до первого баттла, вы должны будете сказать мне точно, участвуете вы или нет. Хорошо?

- Ладно, - согласился я.

Она попросила меня записать свой телефон, я покорно сделал это и пошагал домой.

Зачем я это записался? Какой ещё поэтический баттл? Какой смысл мне идти туда читать своё говно? Я согласился из-за Клыка? Просто потому что ненавижу его, просто потому что хочу втоптать его в грязь, да? Идиот. Ты просто идиот, Федя. Придётся готовиться, писать что-то нормальное, учить это, а потом... Потом они поставят тебе ноль баллов за

внешний вид. Прекрасно, создал себе головную боль. Ничего, если что, можно от всего отказаться.

Вернувшись домой, я снова сорвался, начал думать об Алисе. В собственной комнате мне было хуже всего. Здесь я был абсолютно один, наедине с муравьями слов, которые ползали внутри моей головы и постоянно кусали меня, вызывая бесконечную боль. Здесь не было людей, не было ничего, что могло бы меня отвлечь. Здесь всё напоминало о вчерашней переписке с Алисой. Всё вызывало во мне злость, всё толкало меня, кусало, пыталось раздавить. Плоские стены всего лишь скрывали безумие. Они только казались мёртвыми, прямыми, твёрдыми. За стенами прятался монстр. В стенах жили его страхи, там было замуровано безумие монстра, которое постоянно пыталось вырваться наружу. Я слышал, как у сидящего в стенах безумия бьётся сердце. Тук-тук! Тук-тук! Это сводило меня с ума.

Я закричал на весь дом. Пришли родители и спросили, чего это я. Удалось соврать, что я просто сильно ударился локтем о стол.

Отец сказал мне, что надо контролировать собственные эмоции, а мать посоветовала приложить лёд. Я пошёл на кухню и зачем-то, по маминому совету, приложил лёд. Всё, чтобы родители не волновались, чтобы думали, что со мной всё нормально, чтобы не заподозрили, что у меня едет крыша.

Сидя на кухне и глядя в окно, я всё ещё думал об Алисе. В тысячный раз я задал себе вопрос о том, что же произошло вчера, но не мог ничего понять. Может, она запуталась в своих чувствах? Может, услышала от кого-то, что я грубый, злой, мрачный человек? Ведь многие могут так сказать обо мне. Может, у неё вчера было плохое настроение? Нет, она не могла просто взять и написать такое... Она не могла просто послать меня. Она ошиблась. Она ничего не знает о том, как я к ней отношусь, что я чувствую. Я насмехался над ней... Я был придурком, который пытался задавить в себе свет. Когда мы с ней говорили, я вёл себя отвратительно, я игнорировал её попытки образумить меня, и она сделала неправильные выводы. Она не знает, кто я такой. Не знает, что я люблю её. Может, стоит обо всём ей написать? Может, тогда она поймёт, что я за человек? Может, тогда она даст мне шанс?

Но это будет унижением. Писать девочке признание в любви после того, как она сказала, что ты, Фёдор, некомфортный человек, что с тобой некомфортно общаться.

И плевать. Пусть это унижение. Перед ней я готов унизиться. Перед ней я преклоняюсь. Пред её носиком, пред её бело-розовыми волосами, пред её мягкими губами и острыми, плавно изгибающимися бровями, перед её глазами, которые кажутся двумя планетами-близнецами, самыми красивыми на свете, перед её тонкими ручками, перед её кукольной фигурой, в которой нет ни намёка на мясо, а есть лишь бесконечная тонкость. Я готов упасть ей в ноги и поклоняться одному только мизинцу на её ноге, которого я никогда не видел. Но, уверен, этот мизинец великолепен. Этот мизинец божественен, как и всё в ней. Какой же я жалкий, Боже. Но я не могу по-другому.

Я включил компьютер и открыл переписку с ней. Там было пусто. Я не хотел сразу набирать сообщение. Открыл блокнот на компьютере и стал вбивать туда свои жалкие буквы.

Я не должен был этого делать. Разум подсказывал мне, что нужно остановиться, всё стереть, пойти на улицу, прогуляться, обдумать всё. Но к чёрту улицу! Я не мог находиться в таком подвешенном состоянии. Мне казалось, что это ещё не конец, что всё не может завершиться так глупо, так нелепо.

Итак, я написал:

«Привет. Я знаю, что это сообщение - глупое, что оно выглядит как унижение перед тобой, но всё же я не могу не написать его, потому что долго думаю о тебе. После двух дней общения с тобой внутри у меня что-то щелкнуло... Ты всё перевернула во мне. Не знаю, как это объяснить. Я долго тянул с тем, чтобы написать тебе... Ну, обычно при лёгкой влюблённости время помогает забыть о человеке, отвлечься... Но в твоём случае - не помогло. Потому что ты особенная. Во всём. Даже отшиваешь со смайликами.

Ты запала мне в голову, когда я увидел тебя в автобусе. Почему-то я решил подойти к тебе, хотя до этого никогда не подходил к девушке. Думал, ты отошьёшь меня прямо там, в автобусе, и мне станет легче, но ты оказалась такой доброй, ты приняла меня, даже сама познакомилась со мной... Потом я надеялся, что ты пошлешь меня на концерт. Я ужасно вёл себя там, я хотел, чтобы ты поскорее отказалась от меня. Ведь я думал, что у меня нет шансов, я не хотел причинять себе боль, я не хотел снова кого-то любить. Я не знал тебя, пытался думать о тебе плохо, старался делать всё, чтобы не влюбиться, но не смог. Прости. Ты оказалась такой хорошей, ты заговорила со мной. Причем, как я думал, мы неплохо общались. Наверное, где-то я сильно лажал, но опыта общения с девушками, которые мне нравятся, у меня очень мало, и я делал, что мог. Возможно, я показался тебе не слишком искренним, и поэтому ты сделала обо мне такие выводы. Ты написала, что мы не сходимся темпераментами, тогда как мне кажется наоборот. Ты - меланхоличный человек, который любит покопаться в себе, и я такой же. У нас было всего две встречи. На этих встречах я вёл себя отвратительно, нелепо... Когда я ехал на концерт, то хотел только ненавидеть всех, и даже тебя. Но ты была настолько классной, настолько удивительной, что я влюбился. Наш разговор на следующий день окончательно заставил меня окончательно тебя полюбить. Прости, я был не настоящим собой... Во многом, я притворялся, чтобы ты предотвратила мою влюблённость, чтобы ты сама всё перечеркнула... Но ты только всё больше увлекала меня. Каждое твоё слово было к месту, каждая твоя черта была так прекрасна. Да, я говорил тебе гадости, да, я назвал тебя шлюхой, но в этот момент я восхищался тобой. Я пытался убедить себя в обратном, но не смог. Не смог. Не справился. Проиграл. Прости. В тысячный раз прости. Твой образ... Он становится всё красивее с каждой секундой. За время, прошедшее с нашей последней встречи, я так много идеализировал тебя, что в итоге возвысил до идеала. Мне нужна хотя бы одна встреча с тобой. Нужна, как воздух... Прости за банальщину, но другого сравнения придумать я не могу... Возможно, ты неправильно представляешь меня, а я - тебя? Это непонимание между нами можно устранить только с помощью ещё одной личной встречи, поэтому всё-таки

предлагаю тебе встретиться в пятницу/субботу/воскресенье, мне не принципиально. Как ты скажешь - так и будет. Это если причина и правда в том, что ты считаешь, что мы разные люди. Если причина в чём-то другом, то просто напиши, в чём она. Я в любом случае на тебя не обижусь. Просто я не хочу вот так тупо упускать человека, который стал для меня чем-то прекрасным, невыразимым. Если я вот так просру тебя, из-за двух глупых разговоров, то никогда себе этого не прощу... Мне больно, Алис. Я не должен просить у тебя второго шанса, но мне больше ничего не остаётся. Мне не впервой унижаться, потому что я и так постоянно унижаюсь... Я вёл себя паршиво, Алиса... Но я люблю тебя, люблю до разрыва души».

Я написал всё это дерьмо и, даже не перечитывая его, чтобы вдруг не засомневаться и не удались это сообщение, скопировал письмо из блокнота и отправил ей.

Минут пять я сидел и, тупо глядя в экран, ждал, пока Алиса прочтает его. Наконец, это случилось. К горлу подкатило волнение. Руки затряслись. Я закрыл глаза, из которых почему-то снова пошли слёзы. Тряпка, прекрати! Как ты жалок. Тебя надо ударить. Тебя надо бить по лицу до тех пор, пока ты не начнёшь смеяться.

Я сидел с закрытыми глазами до тех пор, пока не услышал этот пугающий, долгожданный, таинственный щелчок, уведомивший меня о том, что пришло её сообщение. Я открыл его и начал читать.

- Отстань от меня, - ответила она, - хватит передо мной унижаться, Фёдор. Зачем ты бегаешь за мной, когда знаешь, что это бессмысленно? Зачем нам с тобой встречаться ещё раз? Мы уже виделись с тобой, ты показал себя со всех сторон, я поняла, кто ты. Такие, как ты, сами закапывают себя и тащат с собой в могилу других. У меня есть парень, к которому у меня появились серьёзные чувства. Артур любит меня. Он сочиняет обо мне стихи... С ним я ощущаю себя живой. Так что, пожалуйста, прекрати мне написывать и не пробуй мне звонить. Ты мне не нужен. Теперь у меня нормальная жизнь, и я не хочу портить её тобой. Прости, может, я тебя обидела, но зато сказала тебе правду. Надеюсь, ты поймёшь.

- Не пиши такое, прошу, - ответил я. - Мне очень больно... Пожалуйста, давай встретимся и всё обсудим. Я хотел бы в последний раз увидеться с тобой. Давай встретимся, кофе попьём. Просто поговорим, по-настоящему, а не искусственно, в сети... Я хочу увидеть тебя, твою улыбку. Дай мне шанс.

- Нет, прости, - сказала она.

- Тогда я умру сам. Один, - написал я, но сообщение не отправилась. Она бросила меня в чёрный список, удалила из своей жизни. И правильно. Я заслуживаю только одиночества. И пустоты. Скоро я стану пустотой. Навсегда растворюсь в ней. Стоит только немного подождать, дать времени шанс.

Я пошёл на кухню и налил в стакан водки из той самой бутылки, которую я своровал вчера у родителей, отпил немного и, скорчившись от этой отравы, засунул бутылку обратно в

шкаф. Но этого было мало. Надо было ещё выпить, чтобы перестать думать, отключиться... Я снова достал бутылку, влил в себя остатки водки, закусил мягким хлебом и лёг на кровать. Сна снова не было. И я просто лежал, глядя в потолок.

«Надо перестать пить эту дрянь. От неё я уже чувствую тошноту. Постоянную тошноту, которая никуда не уходит. Может, это то, о чём говорил таксист. Нет, нет... Просто прекрати пить... Прекрати заливать кислотой пустоту».

Вырубился я около шести утра, когда уже поверил, что не усну, и хотел подниматься с постели. Правда, проспал я недолго. Уже в десять утра я выпал из пустоты, попробовал вернуться туда, в чёрную, неживую фантазию, но снова не смог. Ладно.

Я умылся, выдавил вонючую белую мазь на прыщи, почистил зубы. В общем, попытался привести себя в порядок, насколько это было возможно. Нужно было побриться. Я любил срезать с себя эти маленькие, мёртвые, свиные волосы. Хорошо, когда вместе с ними ты срезаешь прыщи. Бритва пачкается в крови. Ты ощущаешь приятную боль. Она обволакивает тебя, заставляет тебя дрожать, чувствовать прикосновение сочного, милого уродства. Из грудной клетки, точно чужой, лезет физическая боль, которая куда интересней боли внутренней. Внутри скапливается столько пыли, и боль задыхается в ней. С физической болью всё не так. Там нет пыли. Просто незащищённое, голое мясо.

Сквозь шум воды я услышал телефонный звонок. «Можёт, это Алиса? - допустил я. - Может, она хочет всё исправить? Может, она простит меня? Пожалуйста, Господи, пусть это будет она!». Я не мог не взять трубку. Не мог игнорировать Алису. «Нет, брось, бормотал я себе, - это совсем не Алиса. Это может быть кто угодно. Но вдруг, вдруг, вдруг... ». Эти «вдруг» летели в моё сердце, точно снаряды, выпускаемые самолётом. Долетая до сердца, они с грохотом взрывались и ранили меня, снося все построенные мною здания и оставляя лишь пустоту. Не закончив бриться и не успев смыть с лица пену для бритья, я побежал в свою комнату, схватил телефон в руки и поднял трубку. Конечно, это была не Алиса. Звонила Даша. Интересно, зачем?

- Привет, - сонно и разочарованно пробурчал я.

- Ты что, ещё спишь? - спросила она. - У тебя такой голос...

- Я только проснулся, - оправдался я. - Ты слишком рано позвонила.

- Рано? - удивилась она. - Ты спишь до десяти?

- А что такого?

- Нормальные люди встают в семь утра, - невозмутимо произнесла она, точно это не подлежало сомнению, и только я, дурак, не знал, что все нормальные люди поднимаются в семь.

- В такую рань встают только пионеры и волонтеры Дровосецкого, - сказал я ей. - Ну и те, кто учится в первую смену. Благо, я не пионер, не волонтер Дровосецкого и езу в универ днём.

- Кстати, я и звоню по поводу волонтеров, - сразу перешла к делу Даша.
- Я понял. Даже не рассчитывал, что ты позвонила мне, чтобы просто спросить, как дела.
- Как дела? - мигом исправилась она.
- С пивком потянет, - усмехнулся я. - Так что ты хотела?
- Хотела узнать, придёшь ли ты на дебаты.
- Какие дебаты?
- Ну, с Петром Мамонтовым, - разьяснила Даша. - Он говорил, что хочет с тобой подискутировать. Для нашего штаба это было бы полезно. Споры - это классно. Как считаешь?
- Слушай, я вряд ли смогу с ним дебатировать, - опешил я. - Он в этом деле матерый, насколько я понимаю, а я... Это же будет смешно.
- Брось, Федя! - воскликнула Даша Гармс. - В тот раз ты спорил с ним на равных, а что теперь? Неужели ты трусишь?
- Нет, - ответил я. - Просто не вижу о всём этом смысла. Я не такой человек, который пытается всунуть всем свои политические взгляды. Тем более, в последнее время я вообще сомневаюсь в их существовании. Может, это всё уже давно умерло.
- И тут Остапа понесло... - вздохнула Даша. - Сколько можно, Федь? Ты нормальный, умный парень! Так покажи им, что ты можешь! А то они посчитают тебя слабаком, который что-то выкрикнул и сразу же убежал в кусты.
- И срать, как они всё это воспримут! - восклицал я.
- Да ну. Ты же не тот, кто сдаётся, - нажимала она.
- Слушай. Ты серьёзно хочешь, чтобы я пришёл на эти дебаты?
- Да, хочу. Иначе я буду считать тебя слабым.
- Классно, - развёл я руками. - Ну, значит мне придётся прийти, чтобы доказать тебе обратное, да?
- Да, конечно, - кивнула Даша. - Я не понимаю, зачем ты упрямишься. Это было бы тебе полезно. Когда ты с ним в тот раз спорил, ты словно зажёгся на мгновение, Федь... Ты стал живым. Мне очень хочется видеть тебя таким.
- Хорошо, - сдался я. - Если ты настаиваешь, я могу прийти и поговорить с ним. Только не обещаю, что это будет хорошо и интересно, ладно? Я никакой не профессионал. И публику увлечь у меня явно получится.

- Ну вот! Ты согласился! - обрадовалась она. - Это мне уже нравится. У тебя прогресс. Ты даже не начал загонять мне про пустоту. Но ты преуменьшаешь свои способности.

- Перестань! - оборвал я её. - Когда там твои дебаты?

- Через три дня, - уведомила она меня. - Понимаю, времени мало, но у Петра есть какие-то дела. он вроде в Европу едет по делам... Если тебе этого времени недостаточно, то можно всё отложить.

- Нет, я успею, - пообещал ей я. - Не надо ничего откладывать. Потом я выступлю только хуже.

- Ну ладно, если ты так уверен... - промолвила Даша.

- Да, я напишу какой-нибудь текст, - точно и уверенно сказал я.

- Только не растягивай сильно, окей? - попросила она меня.

- Это уж как получится.

- Ладно. Ещё созвонимся, да, друг?

- Хорошо, - согласился я, и она положила трубку. Молодец.

«Друг». Разве я был ей другом? Она же просто сделала из меня волонтера дурацкого штаба, она играет со мной, забавляется, делает всё, чтобы я изображал из себя оппозиционера. Почему я бегаю в штаб по одному только её зову? Наверное, потому что с ней мне спокойнее. Она возвращает мне прошлое. Девочка из прошлого - это всегда лучше, чем девочка из будущего. Почему? Потому что в будущем всегда - только страх. А что прошлое? Это лишь воспоминание, лёгкое сожаление, ничего больше.

Я смотрел в окно, видел обнесённые снегом машины, небо цвета столовской рисовой каши, торчащие из снега горбики-колёса, окна, балконы такие непримечательные, поблекшие, пустые... На электрической будке, стоящей во дворе, совсем облупилась краска. Помню, как её красили. Мы, шкеты, играли футбол и смотрели, как два усатых мужика рисовали волка из зайца из «Ну, погоди!». Мужчины тогда что-то говорили нам, совсем ещё детям, болели за нас, шутили. Это был хороший, летний день. Все были рады. И вот с тех пор я каждый день прохожу мимо этого двора, смотрю на волка. Слежу за тем, как он умирает. Скоро волк исчезнет. Придёт новый дядя с усами, нарисует нового персонажа, а смотреть на это будут новые дети... Не я. Я отправлюсь вслед за волком. В пустоту.

Уснул я быстро - за какие-то тридцать минут. Мне снилось широкое русское поле, в котором стоял один лишь колодец. Люди пытались достать из колодца воду, но они всё время её проливали и плакали. Когда они плакали, слёзы текли в колодец, и вскоре колодец наполнился до краёв, и не надо было больше поднимать воду, и все были счастливы и довольны, как в Раю. Страдание всех спасло. Оно всех напоило.

Будильник оглушил меня своим рёвом. Кажется, я спал не пару часов, а два дня. Я встал, собрал портфель и поехал в вуз.

Первой была пара Манкова. Он читал очередную лекцию. В этот раз - про «окна сатиры РОСТА», Маяковского, Татьяну Рейснер, которой восхищалось так много мужчин. Как Алисой. Хотя как можно сравнивать? Рейснер участвовала в боях и рейдах, жила в роскоши, была комиссаром Морского генерального штаба РСФСР. Она являлась по-настоящему роковой женщиной, да?

Но Рейснер не давала поводов думать о себе, а Алиса давала. Я думал о ней постоянно. Я представлял её, выдумывал альтернативные варианты прошлого, которые могли бы стать моей жизнью, если бы я всё сделал правильно... Что, если бы тогда, в день нашего знакомства, я остался с ней, что, если бы я не был таким черствым... Она, быть может, была бы моей. Я бы поцеловал её не как женщину, а как икону, я бы обнял её, сводил куда-нибудь. Я бы смотрел на неё и восхищался. Но ничего нет. Я обнимаю лишь одну пустоту и целую одну лишь пустоту. Потому что сам я - только пустота.

Манков кричал, изображая генералов и военных, пытался пробудить нас, показывал видео, даже читал какие-то стихи. Это работало. Все смеялись, задавали вопросы, заинтересованно слушали. Я ничего не спрашивал. Просто сидел и записывал. Раньше я постоянно спорил с преподавателями и учителями, спрашивал у них что-то, интересовался всем подряд. Не потому что хотел завоевать их внимание, нет, просто так было легче узнать что-нибудь новое. Когда тебя прижали к стенке, информация воспринимается лучше, чем когда ты, полусонный, сидишь и пытаешься что-то начиркать в тетрадке. Но никому мои споры никогда не нравились, ясное дело. Ведь по мнению людей, спорами лишь я пытался привлечь к себе внимание. А привлекать к себе слишком много внимания значит быть эгоистом. Ты начинаешь спор, а всем остальным этого сроду не надо. Вот они и подходят к тебе в конце занятия, упрекают тебя за твою заинтересованность. Становится стыдно перед ними. Чувствуешь себя преступником, самовлюблённым, гадким, самым плохим человеком на свете.

В конце пары все сдали Манкову свои сочинения, а я просто ушёл. Даже они, даже эти бездары, возможно, пишут лучше меня... Какой стыд.

В коридорах и на этажах повсюду висела реклама «поэтического баттла». Зачем я записался на него? Стану очередным посмешищем. Ладно, ты же понимаешь, зачем... Ты хочешь, чтобы Клык выбрал тебя. Ты хочешь опустить его перед Алисой, ты думаешь, что в этом - твой шанс. Она же будет там, и ты покажешь, какой ты классный, да? Ты покажешь, что можешь писать лучше него. Почему ты, Фёдор, так в этом уверен? Я же ненавижу каждую свою строчку. Я хочу всё уничтожить. Но я цепляюсь за дурацкие возможности... Я не могу просто так забыть об Алисе, потому что она... Она уничтожила меня.

Рядом шли мои однокурсницы, которые, увидев очередную афишу «поэтического баттла», как раз начали его обсуждать. А я нагло подслушивал.

- Мне кажется, Клык победит, - сказала моя однокурсница Полина Тимошенко. - Он очень хороший поэт, и в нём столько мужественности. Жаль, я - девушка совсем не его уровня.

Полина. Кто дал ей, этой некрасивой, глуповатой девочке, которая постоянно сплетничает, думает только о деньгах и парнях, такое священное, прекрасное имя? Как это ошибочно, как мерзко...

- Да брось! - ответила её подруга, тоже журналистка из моей группы по имени Настя Праковская. - У него знаешь сколько баб было... Среди них некоторые выглядят гораздо хуже тебя. Вот сейчас рядом с ним трётся какая-то девочка с лингвистики. Я видела её... Такая стрёмненькая - ни сисек, ни жопы.

Настя Праковская - вечно позитивная, постоянно улыбающаяся девочка, которая вертелась во всяких организациях - в студактиве, студотрядах, факультетском пресс-центре и тому подобных структурах, состоящих сплошь из до жопы оптимистичных лицемеров и идиотов. Впрочем, к Насте я относился нормально. Обычно она меня не раздражала, но сейчас я был готов наброситься на неё и сказать, что Алиса - это самая красивая девочка на свете, что она достойна только самого лучшего, что она - это ангел, а все вы - посредством разной степени паршивости.

Благо, я сдержался. Промолчал. Продолжил идти и подслушивать их разговор.

- Интересно, чем его эта девчонка зацепила, если она такая стрёмная? - спросила Полина.

- Не знаю, - пожала плечами Настя, - но мне кажется, он скоро её бросит. Он же с девчонками встречается недолго. Кажется, он даже полгода ни с кем не водился.

- Кто тебе это сказал? - поинтересовалась Полина.

- Подруга его хорошего друга Вити.

- Это та, которая залетела? - усмехнулась Полина. - Алина её зовут, правильно?

- Да, - засмеялась Настя. - И ещё они с Витей поссорились. У них и раньше были конфликты, а теперь их стало ещё больше. Ему вроде бы этот ребёнок нахер не нужен, да и к самой Алине Витя охладел.

- Так пусть сделает аборт! - всплеснула руками Тимошенко. - Делов-то!

- У неё родители верующие, запрещают ей, - объяснила Настя. - А тайком от них она аборт делать не хочет. Боится. Да и денег нет.

- Дура, короче, - заключила Полина. - Мозги иметь надо и не беременеть от кого попало. Для кого презервативы придумали!

- И не говори! - махнула рукой Праковская.

На этом разговор завершился. Мы вошли в кабинет, расселись по местам, и началась лекция.

Я был рад, что у этого дебила Вити всё идёт так плохо. Ребёнок, ссоры с девушкой, куча проблем. Он заслужил, сука. За тот случай в туалете. Хорошо бы и у Артура всё было плохо. Я всё сделаю, опущу его! Я сделаю так, чтобы над ним все смеялись. Если он меня выберет... А кого ему выбирать? Если он увидит моё имя, то захочет меня победить, отомстить за друга. По-другому и быть и не может. Нужно только подождать, подтвердить своё участие, потом написать текст и разнести Клыка. Проще простого!

Надо думать об этом, надо быть злым, и тогда всё будет хорошо. Главное, не пытаться произвести впечатление на неё... На Алису. Она этого не заслуживает! Нет же, нет! Заслуживает! Ты идёшь туда ради неё! Замолчи!

Мой мозг снова захватила Алиса. Я только отвлекся, только перестал думать о ней, и вот опять началось... Сколько можно? Я зачем-то нарисовал её в тетради, затем стёр. Её не должно быть здесь. Она всё равно получается некрасивой.

Я включил телефон, пролистал пустую ленту новостей, пустые группы, пустые страницы. В рекомендованных друзьях снова вылез этот Игорь Дровосецкий. Кажется, я его где-то уже видел... Только где именно? Откуда я знаю этого человека? И какой он всё-таки прилизанный, красивый, черноволосый мальчик в дорогой одежде. Если бы его отцом был наш, сибирский Дровосецкий, я был не удивился. Они оба хрестоматийные, высокие красавцы, которые, кажется, могут соблазнить любую девушку - хоть Полину, хоть Алису, хоть Россию, хоть Сибирь.

Вторая пара быстро закончилась. Паршивая, пустая, ни на что не годная потоковая лекция по философии. Я чувствовал себя пыльным, нездоровым человеком. Мои руки тряслись. В горле властвовало удушье. После попытки нарисовать Алису я попытался отвлечься, почитать какую-то книжку. Разве я помню, какую? Да это и не важно. Важно, что прошло ещё полтора часа. Я убил их, стёр. Ушёл от себя самого в пустоту.

Веду репортаж с места событий. Табун одногруппниц вываливается из кабинета, словно зубная паста из тюбика... Вяло, помаленьку, порциями... Я протискиваюсь сквозь толпу, желая вырваться из этого жаркого, полутёмного кабинета, где я снова думал о ней. Я не могу больше о тебе думать, Алиса! Какого хрена?! Мы с тобой разговаривали всего два раза! Ты была так приветлива... Ты хотела продолжить. А я всё сломал! Отвали! Отвали! Выйти! Мне нужно побыстрее отсюда выйти. На воздух... На свежий воздух. Надо спуститься с пятого этажа. С пятого на первый, потом пробраться через турникет, выйти на улицу, чтобы впитываться в эту вечную зиму, в этот снег, в эту темноту, в эти полуразрушенные лавочки... Какое безумие.

Глаза шныряют по потолку. Я вижу головы одногруппниц. Лицо чешется. В толпе я царапаю рукой лицо, сдираю очередной прыщ. Пошла кровь. Я стираю кровь рукой один раз, два раза, три раза, четыре... Кровь не останавливается. Почему? Пожалуйста, остановись! Я размазываю кровь по лицу... Так её не будет видно. Господи, почему я настолько жалок? Господи, я гнию, я весь гнию... Это какая-то болезнь! Боже, останови это! Мне страшно, мне так страшно... В кого я превращаюсь? В какого-то монстра! А может, в кого похуже?

Я пытаюсь идти по коридору, пытаюсь тихо проходить мимо этих наполовину настоящих, призрачных людей, не цепляя никого взглядом. Я пытаюсь идти к лестнице. Прохожу аудиторию пятьсот семь... Ещё одна дверь - и я буду там. Просто спущусь вниз, выбегу на мороз и нырну в снег, чтобы просто почувствовать холод. Представляю, как эти суки будут смотреть на меня... Но мне уже всё равно. Никого из них не существует... Все они - просто пустота.

Кроме неё... Мне кажется что я слышу её голос.

Репортаж заканчивается. Пустота шепталась, кралась, облизывалась, скрипела, но голос разрушил её.

«Артур, Артур», - кричала Алиса.

Это было в реальности или в моей голове? Это - настоящее, прошлое или будущее? Я не знаю.

Я подумал было, что это просто ошибка моего перевозбуждённого разума. Подумал, что я просто выдумываю её прекрасный, тонкий, музыкальный голос. Но это было не так. С каждым мгновением я слышал всё лучше: «Артур! Артур!». На мгновение мне почему-то показалось, что я и есть Артур, что я - человек, которого она зовёт, имя которого с такой надеждой, с такой радостью произносит... Как мне хотелось стать Артуром, вылезти из своей ничтожной, мерзкой, бракованной оболочки и переместиться в его оболочку. Я бы тогда стал самым счастливым человеком на свете. У меня был бы второй шанс поговорить с Алисой. Но это невозможно... Я был всего лишь Фёдором. Этим недочеловеком, которого назвали таким устаревшим, смрадным именем.

Поверив на секунду в то, что являюсь Артуром, я обернулся и увидел её. Она шла в красной, как гладкий, настоящий, мягкий лепесток розы, кофточке, в жёлтой юбке, напоминающей персик, с этими похожими на маргаритки бело-розовыми волосами, такими чистыми, волшебными... Словно их наколдовала прекрасная фея.

- Почему ты не рассказала мне о нём? - слышал я голос Артура, но мне было плевать. - Ты до сих пор с ним видишься, да? У вас что-то есть?

Артур злился, но он не имел никакого значения. Моё внимание захватила она. Несмотря на ссору, Алиса улыбалась. Она порхала, словно жар-птица, сказочная и недосягаемая. Она была чуть расстроена, но всё-таки счастлива. Куда больше, чем при нашей последней встрече.

Внутри всё сдавило. Будто на всю мою гниль, на весь тот мусор, что был внутри меня, упал огромный камень, и всё полилось... Реки говна. Я застыл на одном месте. Хотелось уйти куда-то, но ноги не слушались. Просто сорваться и побежать к лестнице было бы позором. Зайти в ближайший кабинет я не мог. Там уже сидели другие люди. Это было бы вдвойне стыдно. Так что я не сдвинулся с места. Просто стоял и смотрел.

Она шла за Клыкком. Видимо, они поссорились. Клык шёл чуть впереди, а она пыталась его догнать. Псевдопоэт разозлился, а девушка моей мечты пыталась его успокоить. Сначала мимо меня прошёл он. Прошёл, толкнув меня в бок. Словно типичный качок задрота-ботаника в дешёвой мелодраме.

Я отошёл чуть в сторону... Мне было всё равно, что он делает, куда он идёт. Я смотрел на неё. Как она прекрасна... У неё новые серёжки. Белые такие, маленькие, словно ландыши. Они так подходят к её ушам. Они блестят, будто капли росы на траве влажным, летним утром.

Алиса прошла мимо меня. Крик упёрся в стенки моего горла, он рвал меня на части, царапал меня своими длинными ногтями. Я хотел ей что-то сказать, но из моего связанного рта, похожего на одну уродливую клешню, вылетел жалкий писк: «Привет».

Она не ответила мне. Прошла мимо. Втоптала меня в грязь, отнеслась ко мне, как к пустоте. Побежала за Клыкком вниз по лестнице. На секунду я почувствовал её запах. Он неё пахло вишней и виноградом. Ещё лучше, чем раньше.

Она просто пронеслась мимо, прошла по мне, опрокинула меня, показала мне своё место. Я чувствовал себя разбросанным по этому коридору. Словно каждую часть из меня вытащили и повесили на верёвке. Я задыхался. Её запах захватил меня... Я пошатнулся, попытался собрать себя в руки. Поднёс большой палец ко рту и попробовал прокусить кожу. Получилось! Ура! Ты хоть на что-то способен, отброс! Помогло. Я почувствовал вкус крови. Он перебил её запах. Было немного больно. Кровь начала капать на пол.

- Ты что, дебил? - спросил меня какой-то парень, проходящий мимо.

Кажется, я его знал. Когда-то, в начале первого курса, я брал у него интервью на радио. Хотя какая разница?

- Иди в жопу, - ответил я. - Что хочу, то и делаю.

Глядя на меня, как на полного идиота, он покрутил мне у виска и тоже пошёл к лестнице.

Больше оставаться здесь было нельзя. На меня оборачивались люди. Эти тараканьи лица, эта плёнка-кожа, эти глаза, прыгающие туда-сюда, похожие на маленьких черепашек. Отпустите меня, прошу! Дайте мне уйти! Я сорвался с места и побежал в туалет, который был за лестницей, в самом конце коридора.

Кровь из прокусанного пальца всё ещё капала на пол... Кап-кап... Кап-кап... Пара капель упало на джинсы. Мама потом стирать. Вот дебил.

Существующий лишь в пустоте, нереальный образ Алисы всё больше затягивал меня. Зачем я сказал ей это странное, ничтожное «привет»? Почему я такой жалкий? Зачем это всё? Я вошёл в туалет. Никого не было. Слава богу.

Я включил ледяную воду. Сунул палец под кран.

А ведь хороший кусок выдрал... Кровь так и хлещет. Ничего, скоро всё закончится. Когда? Скоро. Когда? Скоро. Я не могу ждать! Я устал мучить себя! Когда я смогу вернуться к себе самому, когда провалюсь в то, чем был раньше? А-а-а-а-а! Я не хочу всё это чувствовать, не хочу быть таким жалким! Как я влюбился в неё? Как мне жить с этим? Когда это пройдёт? Сука.

В зеркале - отражение моего серого, окопopodobного лица. Коричневые, торчащие во все стороны волосы, несколько гнойников, которые успели созреть за день. Густые, идиотские брови, кривой, запутавшийся вокруг самого себя нос. Дёргающаяся губа. Какое уродство... Правильно, Алисе не надо даже здороваться с этим отходом. Всё верно. Моя жизнь - это просто мусор. Наверное, она плавает на дне тех почти пустых бутылок из-под дешёвого пива, разбросанных у ближайшего ларька.

Держа окровавленную руку под краном, другой рукой я пытаюсь умыться, попить воды. Умываюсь раз, два, три... Пытаюсь пить, но ржавая, горьковатая вода лишь усиливает появившуюся в горле тошноту. Хочу блевать. Да. С каждой секундой всё больше и больше хочу очиститься. Мне херово. В конечном итоге не выдерживаю, отрываюсь от раковины и иду к туалету. Их всего два. Один обоссали, другой обосрали. Конечно, я выбрал первый. Не прикасаясь к краю унитаза, я склонился и блеванул. Но легче не стало. Я вышел из кабинки и закашлял ещё. Блевота из меня уже не лилась. Остался только кашель, который никак не хотел заканчиваться. Словно стамеска, он сдирал слои моего горла, моего сердца, он точил меня, и я пытался выбросить с кашлем себя, выплюнуть всю досаду, всю ненависть к себе. Но я не мог вытащить из себя всю грязь и глотал её, и она уходила всё глубже и глубже, чтобы потом, при удобном случае, всплыть на поверхность.

Силы сбегали из моего тела, как Энди Дюфрейн из Шоушенка. Я всё ещё разрывался от того, кто я есть, но боли было куда меньше.

Алиса была такой сукой со мной. Она кусала меня, она ненавидела меня, набросилась на меня, вцепилась зубами в горло. И правильно, я всё заслужил. Я встал около батареи и скатился вниз, к этому горячему, белому, твёрдому животному. Я сдувался, а пустота, словно микстура от кашля, прокатывалась по моему горлу, лечила раны, выгоняла ярость. Хозяйка пришла! Расступитесь!

Но пустота не выгоняла боль. Пустота и боль были подругами. Хозяйка просто зашивала раны, которые продолжали болеть так же, как и раньше.

Я прижался к тёплой, горячей батарее, обнял её, словно кошку, что была у бабушки, когда я учился в начальной школе, и заплакал. Пустоте надо было спустить пар и выгнать из моего организма лишнюю жидкость. Давай, любимая, выдавливай меня, как грязную половую тряпку после мытья обуви.

Я чувствовал себя жалким и ничтожным человеком. Сажу на грязном полу. Туалет заблевал. Раковину замарал кровью. Сажу, плачу, как девочка. Нет, пошло оно всё! А если кто-то зайдёт сюда и увидит всё это? И похер! Пну ему в живот. Или сам получу по лицу!

Сейчас бы с удовольствием с кем-нибудь подрался. Схватил бы несколько синяков, ударов по лбу, в глаз. Очистился.

Я вытер соплю рукавом, поднялся и открыл окно. Нужен был свежий сибирский воздух. Я дёрнул за ручку окна. В липкое от слёз и пота лицо подул ледяной февральский ветер.

Я посмотрел на черное зимнее небо, где вроде как заседал Бог.

«Господи, разве я многого прошу... - произнёс я ртом, из которого только что вырвалась рвота. - Я просто хочу быть, как все. Не понимаю, когда люди хотят «быть не как все». Ведь это значит страдать. Это значит быть изгоем. Человеком, который никому не нужен. Уродом. Какому человеку в здравом уме понравится быть изгоем? Наверное, только ненормальному, мазохисту, человеку, который желает только причинять себе боль. Изгой - это перманентная боль. Она постоянно внутри. Она - словно большой комбайн, который перемалывает пустоту... А ведь я могу стать пустотой. Просто встать на подоконник и сделать один шаг. Очень просто. Один удар, и я больше не буду думать о ней. Я перестану сходить с ума.

Нет, обрубил я, если я и покончу с собой, то не из-за неё. Нет, я не дам ей такой привилегии... Убить меня. Если я покончу с собой, то давай договоримся, Фёдор, что не Алиса приведёт меня к смерти. Не она будет во всём виновата. Не эта милая девочка с бело-розовыми волосами. Я уже давно схожу с ума, давно чувствую внутри только боль пустоту. Она только стала надеждой. Надеждой на изменение, которую я так ждал... В какой-то момент я подумал, что любовь к Алисе запустит рычаг перемен к лучшему, я подумал, что Алиса придёт в мою жизнь, как гостя из будущего, и всё сразу станет хорошо. Я хотел забыть о том, что ничего никогда не будет хорошо... Но всё это, вся эта история, напомнила мне, что любой мрак ведёт только к ещё большему мраку. Единственная граница мрака - смерть. Да и то не всегда. В моём случае смерть будет избавлением, освобождением. Я просто растворюсь в этом никогда не стихающем зимнем ветру, в бликах луны, в свете окон, избавлюсь от тела, от людей, от мыслей об Алисе и о тех шансах с ней, которые я бездарно просрал.

Но так ведь нельзя говорить. Нельзя так реагировать на неё. Я должен ненавидеть эту суку. Ненавидеть, но точно не бегать в туалет поплакаться. Нет, это просто дешёвая мелодрама. Я влюбился в тупую шкуру. Если ей нравится этот бездарный, высокомерный блондин, то я должен только её презирать... Я же ненавижу таких, как Клык! Таких, как Алиса! Чёрт, да чем она отличается от других тёлочек, которые мне противны, с которыми я разговариваю, как с клоунессами? Нет, ничем. Она ровно такая же, как все они. Залитая этим раскалённым, душным, серым бетоном обыденности. Но что-то случилось. Что? Ты же знаешь. У меня возник образ в голове. Ах, эти образы... Сраная фигуристка, перманентный психоз, из-за которого я прокусил палец. Ведь это поступок сумасшедшего. Нет, не Алиса свела меня с ума, она ничего не значит. Меня свёл с ума её ненастоящий, неправдоподобный образ, засевший в больной голове. Что же на самом деле? Алиса - посредственность. Если бы она подпустила меня к себе, возможно, я бы тоже стал посредственностью, пытался бы казаться ей хорошим, пытался бы приспособиться. Но нет.

Всё правильно. Всё честно. Я должен всё ненавидеть, и моя ненависть должна выплеснуться. Во что? В красоту, да, в разрушение. Разве может быть что-то красивее разрушения? Таксист прав. Я должен уничтожить Клыка. Я должен разрушить их любовь, должен разрушить его поддельное, пластмассовое искусство. Я должен убить его. Напоследок. Чтобы доказать, что я смогу. А может, проще взять и убить себя? Из пистолета таксиста... Это ведь так просто. Спустить курок, и всё кончено... Но так ведь нельзя говорить.

Я съел ещё кусочек холодного, зимнего воздуха и закрыл окно. «Нет, может, я и сделаю это, но не сегодня, не сейчас, - сказала мне моё нормальное «я». - Сейчас я должен подержать палец, из которого всё ещё идёт кровь, под струёй ледяной воды и отправиться на пару. У меня ещё одна пара. Я должен хорошо учиться. Зачем? Чтобы посылать их всех в жопу и быть для них сильным! Чтобы у них не было ничего против меня!».

Я включил воду, поднёс палец к воде. Вскоре кровь остановилась. Я ещё раз умылся, вытер лицо и руки салфетками, затем почистил джинсы, которыми я собрал всю грязь с пола, и, уставший и измотанный всей этой идиотской сценой, пошёл на последнюю, четвёртую пару.

Я опаздывал на десять минут. Почему? Что за хрень я сделал? Я просто превратил свою жизнь из мрачного безумия в дешёвую мелодраму с психозом. Что я устроил? У меня же сейчас пара. Там же будут все эти клещи! Вся эта мерзость! Она увидит меня, растрёпанного, с грязным, серым, опухшим лицом, и начнёт ржать. Она поймёт, что я ревел! Они поймут, что я слабый. Но я не должен быть перед ними слабым, да?

Я придумал. Всё придумал. Как не дать им усомниться в моей силе... Я скажу, что подрался. Я ведь часто с кем-нибудь дерусь, да? Но вокруг людей нет. Вот бы сейчас мне попался кто-то... Но никто не придёт в этот облёванный мною туалет. Никому это не нужно. Никому не нужен я и моё страдание? Может, догнать Клыка, врезать ему, чтобы самому получить по лицу? Нет, это будет смотреться жалко. Представьте только... Я, заплаканный, подбегаю к нему и ни с того ни с сего начинаю драться. Какая чушь. Представляю, как Алиса бросится его защищать, как она будет ругаться. Все будут смотреть на меня, как на идиота. Нет. Идите все нахер!

Я поступлю по-другому. Я посмотрел в зеркало на своё сраное, опухшее лицо, снова почувствовал ненависть к этому сгустку уродства, безобразия и слабости, взял и врезал самому себе. Не хватило. Давай ещё, по-настоящему! Ты же ходил на карате три года, там тебя научили бить всяких уродов.

Я ударил себя ещё раз и ещё... Отлично! Разбил себе губу в кровь. Я чувствую свою кровь на языке. Может, хватит? Нет, мне понравилось. Я хочу ещё... Это так приятно. Причинять себе боль, драться с собой не внутри головы, а вот так, по-настоящему.

- Ну можно ещё один разочек, мам! - кричу я, весёлый, полный жизни мальчик лет десяти. - Мне очень хочется.

Как в детстве.

- Ну ладно, - соглашается та же молодая мама. - Один разочек - и сразу обедать! Борщ стынет.

Я не люблю борщ! Мама, зачем ты приготовила мне его? Я не просил. Ничего, я всё равно счастлив, ведь ты разрешила мне ещё поиграть.

- Хорошо, мам, - радостно говорю я, не понимая, что один разочек пройдет очень быстро.

Последний раз должен был быть особенным. Самым сильным. Я замахнулся и врезал себе по уху. В ушах зазвенело. Небольшая контузия. Битва закончила успешно, товарищ майор. Немцы побиты. Гитлер застрелился, сидя в бункере моей черепной коробки. Можно было идти. Я умылся, стер с губы кровь, улыбнулся и с чистой совестью пошёл в аудиторию. Мне полегчало. Бить себя оказалось не так уж и трудно. Главное, нормально поставленный удар и способность по-настоящему себя ненавидеть. Помогает, если влюблён в какую-нибудь дуру и не можешь отвязаться от её образа, мелькающего перед глазами, двигающегося, танцующего так красиво, так медленно. Этот образ - словно голограмма синеволосой девушки в «Бегущем по лезвию 2049» Дени Вильнёва. Помните, девушку из голограммы играла миленькая актриса Ана де Армас. Если бы я увидел её в реальности, я бы тоже влюбился. Такая романтика.

Наверное, мне стоило ударить себя ещё разок. Ладно, Федя, забей, после драки кулаками не машут! Успокойся.

Последней парой была лекция у Серёжи. Как всегда, он опаздывал. Все стояли у кабинета и ждали. Тут подошёл я, побитый, с красными глазами, опухший, униженный.

Ко мне подбежала Хартунг и, широко выпучив глаза, спросила:

- Нифига, Федя, ты что, подрался?

- Ага, - усмехнулся я. - С каким-то кавказцем в туалете. Он сел срать в углу, я сделал ему замечание, и началось. Мы подрались, а потом он сбежал.

- Он тебе здорово въехал, - заметила Хартунг. - У тебя даже губа опухла.

- И не говори... - вздохнул я. - Дурацкая ситуация. Только что всё зажило с прошлой драки, и тут снова. Видимо, мне суждено постоянно ходить с синяками.

- Ну, обычно ты сам нарываешься, - сказала Хартунг, - но тут ситуация странная. Какого фига он сел срать в углу, если туалет был рядом?

- Не знаю, - пожал я плечами. - Может, у них такие порядки. Или он просто дурак.

- Ты бы уже завязывал со своими националистическими шутками. Как раз за них ты и получаешь.

- И про националистические шутки говорит мне немка... - весьма предсказуемо сострил я.

- Нет, ты правда порой злоупотребляешь, - упрекала меня Хартунг. - Такое ощущение, что ты сам всегда нарываешься на драку.

- Я что, должен был спокойно смотреть на то, как он срёт в углу? - задал я вполне логичный вопрос.

- Нет, в этой ситуации ты поступил правильно, - сказала Рита. - Просто чаще ты сам провоцируешь драку, поджигаешь там, где надо сгладить углы.

- Ну да, - согласился я. - Может быть.

Что уж поделать, если вокруг - много мудаков, с которыми невозможно нормально общаться. Юношески максимализм, скажете вы, у-у-у-у-у. Но я ведь и есть юноша, чего вы хотите.

О плачевном состоянии моей рожи меня спросило ещё человек пять. Я ответил им всем одно и то же. Придуманная на ходу история о срущем в углу кавказце была хороша. Не придерёшься. Мы все даже посмеялись над ним и над моими синяками. Обычная смешная ситуация. Вроде как я - совершенно нормальный молодой человек. Ага, если бы.

«А вдруг Алиса увидит меня в таком виде? - подумал я. - Ничего. Пусть смотрит, как я разрушаюсь, как я уничтожаю себя, сука. Смори, как тебе повезло! Ты вовремя отказалась от такого дебила».

Вскоре Серёжа пришёл, открыл кабинет, впустил толпу посредственных, не слишком умных, лишённых каких-либо талантов подростков и начал лекцию, которая, как и раньше, была унылой и неинтересной.

Я опять сидел рядом с Хартунг и Ромой. В середине пары Рита ткнула в меня ручкой и спросила:

- Слушай, а он успел насрать в этом углу-то?

- Что? - не расслышал я.

- Ну, тот кавказец успел наложить на пол кучу говна? - повторила свой вопрос Рита.

- Нет, не успел, - сказал я. - Я вовремя всё остановил.

- Да ты герой, Федя, - похвалила она меня. - Ты спас вечер техничке.

- Ну хоть кому-то я принёс пользу, - сказал я и стал записывать лекции.

Я редко делал это на его парах, но в этот раз ни читать, ни смотреть что-то в телефоне мне совсем не хотелось. Записывая слова Серёжи, я успокаивался, погружался в ничто. Казалось, что больше я ничего не хотел. Всё ушло куда-то, пропало, выпало из меня. Алиса на какое-то время исчезла из моей головы. Я перестал чувствовать жизнь и всю её боль. Я не вслушивался в то, что говорил Серёжа, но машинально, автоматически загонял иголки

слов под кожу тетради. В голову не лезло никаких мыслей, никаких сомнений - все они были только пылью, что падала в воду и таяла...

Я слышал, как за окном, словно судья на футбольном матче, свистел холодный, сгнивший, выползший из ада ветер. В окнах домов уже начали летать загадочные мотыльки света. Солнце уже давно скрылось за горизонтом. Там, вдали, - конец города, он хорошо виден отсюда. Пространство каменных, голодных глыб заканчивается, и начинается задумчивое поле, грозный солдатский строй леса, поднявшего смазанные холодом ружья вверх, океан небес, угрюмый, нелюдимый, глубокий и депрессивный. Я смотрел на всё это и просто дышал, чувствуя всю случайность жизни. Что это... Вот, наконец, настала она... Сладкая, желанная и добрая пустота.

Глава 8 Предатель

Пустота не проникла сюда. Наоборот, в штабе толпилось полно народу. Я пришёл рано, за полчаса до начала дебатов, но здесь уже невозможно было протолкнуться. Весь вчерашний вечер я готовил речь. Как всегда, получилось неважно, ну и ладно. Это же Мамонтов позвал меня спорить, а я просто согласился. Я был всего лишь студентом, который плохо понимал, что он здесь делает. Не более того. Мамонтов победит, и в этом не будет ничего из ряда вон выходящего.

Я вертел листки бумаги в руках, перечитывал слова, кое что исправлял, редактировал. Конечно, мне было безразлично, как всё пройдёт, но я ведь не должен был быть объектом насмешки, так? Я не позволю, чтобы они надо мною смеялись. Я одержу победу!

Но разве я не могу слазить? Разве у меня нет такого права? Разве от меня кто-то что-то ждёт? Нет, разве что Даша и её братик... Вон он, кстати, идёт ко мне. Зачем? Хочет поговорить? Я сейчас не должен с ним разговаривать. Мне нужно править речь.

- Привет, - сказал мне мальчик. - Речь готовишь? Молодец. Удачи тебе. Сделай этого мужика. Ты сможешь, ты же супермен.

- Хех, - усмехнулся я. - Почему это я супермен?

- Потому что кажется, что тебя не победить, - ответил Ваня. - Ты как будто железный. Мрачный, несчастный супергерой, как Бэтмен.

- Хотел бы я таким быть, - сказал я. - Но никакой я не герой. Скорее, трус.

- Трус бы не стал спорить с Мамонтовым, - возразил мальчик. - И не пришёл бы на эти дебаты... Ты ещё и с синяками. Где ты их получил?

- Подрался с одним плохим человеком, - ответил я.

- С монстром? - спросил мальчик.

- Да, со страшным, уродливым монстром.

- Насколько уродливым? - интересовался мальчик. - Он хуже Нилрака?
- Гораздо хуже, - ответил я. - У этого монстра отовсюду течет гной, он не умеет общаться с людьми. У него кривые жёлтые зубы, в волосах живут белые жуки. У него страшный, большой нос, как у Буратино, только кривой и страшный. И этот нос постоянно заполнен соплями, которые текут, как лава из вулкана.
- Фу! - скорчился мальчик. - Какая гадость. Надеюсь, ты его победил?
- Не до конца, - признался я. - Монстр сбежал. Но мы ещё сразимся.
- Обещай, что победишь его! - воскликнул Ваня.
- Обещаю, - сказал я. - Он же плохой человек. А добро всегда побеждает зло. К тому же, у него нет ничего, чтобы любить.
- А что нужно, чтобы любить? - спросил мальчик.
- Нужен бетон, нужны стены и двери, нужны гайки и болты, - схватил я строчки одной из тех песен, которые иногда играли в моей голове. - Чтобы любить, нужен дом. Так сказал один поэт из Омска. Это строчки его песни.
- А где сейчас этот поэт?
- Он здесь, - сказал я.
- Где же? - растерялся мальчик. - Можешь меня с ним познакомить? Он же приехал из Омска. Я никогда не знакомился с людьми из Омска.
- Нет, я не могу вас познакомить, - с сожалением промолвил я. - Ты только что его слышал. И этого достаточно.
- Станный ты, - пробурчал мальчик. - Я не очень понял про поэта, но ладно. Удачи тебе. Надеюсь, ты победишь и этого монстра.
- Я попробую, - улыбнулся я и вновь упёрся взглядом в бумаги.

Мальчик ушёл и снова оставил меня наедине с листком и собственными мыслями. «Соберись! - говорил я себе. - Главное, не нервничать. Не думать ни о чём, тем более об Алисе или Клыкe. Не надо ничего испытывать. Попробуй на короткое время стать тем, кем ты был раньше. Ага, если бы всё было так просто».

Время шло, а дебаты, которые должны был стать моей публичной казнью, приближались. В штабе появлялось всё больше людей. Здесь уже собралась огромная толпа, как в маршрутке утром. Казалось, что пришли все волонтеры, которые когда-то бывали в штабе. В большинстве своём ими были смазливые школьники и студенты. В выходной день они приехали поглазеть на какие-то странные дебаты. Что ж, ладно... У моего позора будет больше свидетелей. Ну и плевать! Какое мне дело до всех этих школьников, до их взглядов и слов?! Мне должно быть на них плевать. В гробу я их видел.

Вскоре ко мне подошла Даша, которая задержалась, потому что помогала координатору с организацией всего этого бессмысленного, абсурдного действия. Я впервые видел её такой. Лицо - не накрашено, волосы - растрёпаны, из одежды - чёрная худи, мятые джинсы, грязные ботинки. Нет, в такую девочку невозможно влюбиться. Но можно было восхищаться её энергией, её простотой, её приземлённостью. Она была во всём своей, она не имела столько гордости, как Алиса, она не была королевой, но всё равно находилась далеко от меня. Она была занята каким-то делом, пусть и идиотским, она видела своё место в мире, пыталась что-то сделать, не хотела погружаться в бездну и копать в себе. Она была обычным, хорошим человеком, но спасти меня ей было не нужно. Что уж там, она даже не воспринимала меня в серьёз. Она даже не видела во мне человека и ставила на место него очередного волонтера, знакомого, которого можно привлечь к «партийным делам».

- Привет, - сказала мне Даша. - Ты как? Справился с тестом? Готов вынести Мамонтова?

- Нет, не готов, - честно ответил я. - Но уже поздно бежать.

- Верно... - вздохнула она. - Уступишь мне это место на подоконнике?

- Ага, конечно, - кивнул я. - Я же не с подоконника буду с ним спорить, да?

- Можешь и с подоконника, если хочешь, - сказала Даша Гармс. - Только вряд ли тебя услышат. У стола всё таки будет микрофон. Так что иди. Через пять минут начинаем.

- Хорошо, - повесив голову, пробурчал я. - Я сейчас ещё маленько тут посижу, а потом перейду туда.

- Вот и договорились, - протараторила Даша и, как обычно, убежала куда-то, оставив меня одного с этими свиньями, которые хотели шоу и представляли меня мальчиком для битья.

Как я сюда попал? Зачем мне всё это? Ладно, не время рассуждать. Надо идти на своё место, сесть на этот высокий стул, словно сворованный из бара, и начать читать то, на что я потратил весь субботний день. Глупый, бездарный текст. Сколько таких было? Зачем я писал? Почему не прекратил, не начал жить, как все, почему так долго не мог смириться со своей бездарностью, с тем, что я совершенно примитивный, обычный человек, который не может создать ничего оригинального? Почему я не понимал этого? Почему был настолько глупым?

Перед нами поставили камеру. Я спросил: «для чего?». Не скажу, что я боялся камер - просто было интересно, зачем она тут нужна. Неужели они снимают видео для личной коллекции Дровосецкого? Будет смотреть, сука, и думать, какие мы идиоты, будет ржать, поедая солёный попкон. Координатор Ольга сказала, что нас будут снимать для YouTube-канала штаба. Чёрт... Как некомфортно. Это будет позор, подумал я. Но видео ведь всё равно никто не посмотрит, да? Кому нужны дебаты двух никому не известных людей в штабе какого-то провинциального кандидата? Никому. Всё нормально.

Ольга встала перед камерой и произнесла речь, где призвала всех голосовать за Дровосецкого и рассказала всем о формате дебатов.

- Тема нашей сегодняшней дискуссии - «Что такое русский народ и какие его основные качества?». Участники - представители либеральной партии Российской Федерации Пётр Мамонтов и студент журфака Фёдор Кумарин. Дискуссия проходит в дружеском формате. И Пётр, и Фёдор - активные волонтеры штаба и сторонники Дровосецкого. Сначала каждый из них изложит свою позицию, потом участники будут спорить и задавать вопросы друг другу. Последний, третий этап, - вопросы из зала. Если таковых нет, то дебаты заканчиваются. Победитель будет определён в интернете, в группе штаба Дровосецкого. Итак, предлагаю начать Фёдору.

Все замолчали. В горле неизвестно откуда взялся заплесневелый, шерстяной, волнительный ком. Руки затряслись. Захотелось срать и блевать одновременно. Жалкий трус. Успокойся. Будь нормальным, сволочь! Прекрати! Успокойся!

Они все смотрят на меня. Что уставились? Хотите, чтобы я начал говорить? Хорошо. Я сделаю всё, что вы хотите. Сейчас.

- Ну, Фёдор... - услышал я голос Даши, прорезавшийся через тишину. - Начинай.

Я встал, поправил серую выцветшую толстовку, в которой пришёл, и начал говорить, смотря то на бумажку, то в зал... То на бумажку, то в зал...

- Здравствуйте. Прежде чем говорить о качествах, характерных для русских, стоит сказать, что существуют так называемые общечеловеческие качества, характерные для любого народа. О них я говорить не буду. Во-вторых, есть качества общеевропейские: стремление к культуре и образованию, индивидуализм, тяга к семье и достойной работе, равенство полов и так далее. Полностью их я перечислять так же не собираюсь, потому что нам, русским, эти качества близки. Мы - европейцы. Кое в чем мы, конечно, отличаемся от образцовых европейцев, которыми, допустим, считаются британцы, но так и должно быть. Все европейские народы в чём-то отличаются друг от друга.

- Вы ошибаетесь! - перебил меня Пётр. - Кое в чём отличаются? Русские, молодой человек, - это азиатский народ. Для европейца характерно стремление к свободе, ему не нужен царь, он стремится к демократии. В русских нет стремления к демократии и свободе. Мы постоянно живём в несвободе, с царём!

- Да, да! - послышались крики из зала.

- Позвольте Фёдору говорить, - аккуратно вмешалась Ольга, и Мамонтов послушался.

- Да, мы - европейцы, - продолжил я. - У нас вполне европейская культура, вполне европейская музыка, религия, вполне европейские увлечения. Но мы - самобытный народ. Так в чём же заключается самобытность русских? Во-первых, русские - народ, который верит в своё великое предназначение. Русский народ ощущает себя препятствием на пути сил зла, будь это Наполеон, Чингисхан, Гитлер. Русские желают особенного пути,

особенного места в мире. Они не хотят быть в стороне, они желают решать судьбы мира, препятствуя неправде. Но мы - не народ, заражённый манией величия. Очень важная черта русских - сомнение в собственной состоятельности как великого европейского народа. Отличный пример - Чаадаев, который в 1814-ом году участвовал во взятии Парижа русскими войсками, а в 29-31-ом создал «Философические письма», в которых рассуждал о том, что Россия ничего не дала миру. То есть, по его мнению победа над Наполеоном совсем не в счёт. Да... Мы не стремимся себя оправдать.

- Простите! - снова воскликнул Пётр Мамонтов. - Но русские наоборот всё время кричат о своей исключительности, о своём величии и особом пути. Они сами называют себя народом-победителем.

- Почему «они», разве вы - нерусский? - отвлёкся я от своей речи.

- Я - гражданин мира, - заявил Мамонтов. - К русским себя не отношу. Во мне перемешана разная кровь.

- Считайте себя хоть кем, хоть динозавром! - сказал я. - Но мы же говорим о русском народе? То, что вы сказали про превознесение русскими людьми самих себя, частично - правда. Русский человек относится к себе двойственно. Можно сказать, мы - народ-противоречие. Мы вроде бы гордимся своим прошлым со всеми Петрами Первыми, Александрями Вторыми, Жуковыми, Гагариными, Достоевскими, но одновременно с этим в собственной истории мы всегда пытаемся отыскать самое чёрное, самое гадкое, болезненное. В каждом историческом периоде мы видим намеренное очернение и высмеивание предыдущего исторического периода. Но русская жизнь мрачна и часто абсурдна, правильно её высмеивать, просто всё не должно уходить в крайности! Это если следовать логике. Однако русский человек - нелогичен. Это человек крайности, в нём эмоция и разум бесконечно соперничают, и одно мешает другому. У него либо преданная любовь, либо огромная ненависть. Так и в отношении к себе. Он либо в пух и прах разносит себя, либо превозносит. Вы видите тут себя? Вы как раз относитесь к первому типу русского человека.

- Так можно сказать о любом народе! - завопил Мамонтов. - В каждом народе есть те, кто превозносит его, и те, кто его критикует.

- Да, но не в таком количестве, - возразил я. - У нас же совершенно нет полутонов. Мы не видим меры.

- Только критикующих всегда меньше, а восхваляющих - больше, - продолжал толкать свою телегу Мамонтов. - И критикующие в России ничего не решают. Власть их давит, и всё.

- А кто сказал, что власть превозносит русский народ? - спросил я.

- Они только об этом и говорят, - говорил Мамонтов. - Как там восклицал вождь? «Мы как мученики попадем в рай, а они просто сдохнут».

- Да, но кто знает, что они думают о народе на самом деле? - спросил я. - По-моему мнению, они-то как раз и считают народ за слепых холопов. Они относятся к нему, как и вы, если не хуже. Власти воруют у него, они считают, что государство народу ничего должно, а на официальных мероприятиях просто говорят то, что все хотят слышать.

- Вот именно! - воскликнул Мамонтов. - Но русский человек верит царю, он готов его признавать, готов угождать ему!

- Да, русский народ - сторонник сильной власти, - произнёс я. - Пожалуй, это то, что культурно отличает его от многих других европейских народов. В народном сознании, которое ещё сохраняет религиозные черты, присутствует помазанник божий, то есть русский царь. Окей, народ в нём нуждается. Причём это не относится ко всей власти. Речь именно о царе. Царская свита вполне может быть плохой. Да-да, то самое «царь хороший, бояре плохие»! Естественно, не все русские желают царя и почитают его, но потребность в народном герое у нас существует. Поэтому, на мой взгляд, и оппозиция у нас складывается только в лице отдельных людей вроде Дровосецкого, который из-за своей скользкости больше напоминает кусок мыла. Нам, помимо царя, нужен и один бунтовщик, красивый, правильный, в одиночку обличающий всех жуликов. Но разве желание видеть одного-единственного революционера, лидера - это не потребность в царе?

- Пойдите, - снова перебил меня. - Вы сейчас снова агитируете не за, а против Дровосецкого! Какой он вам «кусок мыла»? Между прочим, вы сейчас в его штабе. И уже во второй раз здесь вы выступаете против нашего кандидата.

- У вас будет время выступить, Пётр, - вмешалась Ольга. - Дайте ему высказать всё, что он хочет.

- Слушайте, а давайте поступим так, - обратился Мамонтов к Ольге. - Он будет говорить, а я буду сразу задавать ему вопросы. Хорошо? Просто нужно прояснять каждый пункт сразу же. Если промедлить и оставить разбор высказываний этого студента на потом, то мы можем что-нибудь упустить.

- Вы согласны, Фёдор? - спросила меня Ольга.

В её глазах, упёршихся в меня, было недоверие и непонимание. Ольгу тоже не очень устроило то, что я сказал. Кажется, я настроил всех стоящих в зале против себя. Ну ладно.

Я согласился и продолжил говорить:

- Да, я критически оцениваю Дровосецкого, как и Нилрака, как и любых политиков в принципе. Но мы сейчас разговариваем не о Дровосецком, а о нашем народе, правильно? Так вот, потребность в царе, от которой, безусловно, нам нужно избавляться, - не единственная у русского народа. Ещё Достоевский говорил, что у русского человека есть ещё и потребность в страдании. Да, но это стремление к страданию скрытое, неявное. Русский таит от самого себя потребность в страдании, боится признаться в её существовании, но всё-таки не отказывается от неё. Потребность в страдании, мне кажется, является одной из причин столь мрачной русской жизни. Вот как вы думаете, смог ли

спроектировать такие уродливые, панельные дома человек, в котором не было бы потребности в страдании? Да нет, вряд ли...

- Потребность русского в страдании - это ещё она негативная черта русского человека! - крикнул Мамонтов. - Из-за этого он не может европеизироваться. И, преодолев русскость, мы преодолеем и желание страдать, так?

- Нет, не так, - возразил я. - Потребность в страдании часто помогает нам. Она даёт нам силы идти на подвиг, терпеть.

- Терпеть! - крикнул Пётр. - Русский - раб как раз потому, что терпит.

- О русских рабах мы ещё поговорим, - сказал я. - Но я хочу договорить о страдании. Да, кроме того, русский готов страдать за других. Русский гордится тем, что своим страданием он остановил захватчиков. Он готов страдать для мира во всём мире. Именно поэтому фразу «лишь бы не было войны» так часто произносят русские бабушки. Эта фраза значит, что русские люди готовы страдать во имя исполнения высшей цели!

- «Лишь бы не было войны» - это пропагандистское клише, - заявил Мамонтов. - А образ войны заставляет людей жить в страхе. Не путайте понятия, молодой человек.

- Да, образ войны используется политиками для того, чтобы держать людей в страхе, - согласился с ним я. - Но мы же говорим о свойствах народа, правильно? Русский человек готов страдать за всех, он мыслит в масштабах всего мира, поэтому никакой Финляндией или Канадой мы, вопреки мечтам либералов, никогда не станем. Сюда же относится стремление человека к справедливости. Причем, стремление к вселенской, всемирной справедливости, а не к локальной. Стремление к локальной справедливости на местах - это, скорее, черта западных европейцев. Именно поэтому у нас и прижились коммунистические идеи. На словах коммунизм - это же справедливость для всех и для всего мира! Нет буржуев, нет рабов, все равны. Интернационал, все народы едины, никакого угнетения не существует! Вот образец всемирной справедливости. Кстати, из-за того, что русский человек мыслит в масштабах всего мира, у нас так почитается освобождение Европы от Наполеона и Гитлера. Мы установили мировую справедливость! Свергли мировое зло, которое могло угрожать всем.

- Так вы коммунист, Фёдор? - попытался подловить он меня. - Что же вы делаете тут, среди либералов и сторонников рыночной экономики? Мы здесь терпеть не можем коммунизм.

- Нет, я не коммунист - просто понимаю, почему людям нравятся эти идеи, - ответил я. - Коммунизм хоть и нереализуем на практике, хоть и частично построен на зависти, но он заключает в себе стремление к справедливости и жалость к падшим и униженным. А в русских людях, как я сказал, есть как жалость к униженным и оскорблённым, так и стремление к справедливости. Используя стремления русских к мировой справедливости, народ отвлекают от его собственных проблем, беспрестанно рассказывая на ТВ о событиях в других государствах. Тут вы правы. Пропагандисты пробуждают вечное стремление

русских к мировой справедливости, показывают, как живут сирийские люди, и нам хочется помочь им, и мы уже за то, чтобы наши солдаты отправились туда и помогли сирийцам стать счастливыми.

- Счастливыми, ага! - крикнул какой-то школьник из толпы. - Мы там только всё разрушили, мы вмешались во внутренние дела другого государства! Всё это - только борьба за нефть.

Ольга встала и успокоила зрителей в зале. Я оглядел эти лица, на которых было всё больше презрения ко мне. Они словно считали меня каким-то маньяком, мировым злом, вражеским агентом, который пришёл сжечь их золотой храм. Нет, я не должен смотреть на них. Я не должен бояться.

После маленькой, неловкой паузы, я снова продолжил:

- Как я уже сказал, русские мы думаем о мире, о человечестве. Огромность наших просторов сформировало в нас, русских, глобальное мышление, которое часто мешает нам, не позволяет сконцентрироваться на собственных проблемах и решить их. Из-за огромности просторов в русских людях нет и щепетильности. Русский человек - обладатель широкого характера, и это выражается во всём, и в образе жизни в том числе. Русскому нужен размах, он делает многое наотмашь, нерасчётливо. Когда-то это помогает делу, позволяет его решить быстро и без особых подсчётов, но часто это нам вредит и превращается в фразу из мультика «Вовка в тридевятом царстве», в наше «ладно, и так сойдёт», от которой случается немало бед. Но широта нашего мышления, его глобальность, приводят и к грандиозным проектам. Например, то, что первым человеком в космосе стал русский, есть явление широты нашего русского характера, воплощение русской мечты о глобальном, космическом проекте, о вселенской славе... Мы всегда стремимся доказать другим, что способны осуществлять огромные проекты: полететь в космос, забабачать чемпионат мира по футболу, устроить олимпиаду! Пожалуйста! Это стремление иногда уводит нас не в ту сторону, заставляет забывать о разумном, делать то, что мы делать не должны. Мы любим закатить пир на весь мир, мы хотим удивить иностранцев, а особенно, европейцев, на которых мы всегда равнялись, равняемся и, надеюсь, и дальше будем равняться. Кстати, давайте поговорим про иностранцев и особенно европейцев, которых вы, Пётр, так любите. В отношении к ним мы снова обнаруживаем характерные для русских противоречия. Мы, русские, и вы, Пётр, в том числе, считаем их людьми более высшего порядка, чем мы сами. Для нас иностранец, а особенно европеец и американец, - это человек почему-то более высокой культуры, чем мы сами. Бессознательно мы преклоняемся перед всем иностранным и перед иностранцами, считаем их лучше и круче, чем мы сами. В девятнадцатом веке русские нанимали для детей полуграмотных французских учителей, а в конце двадцатого советские дети мечтали о жвачке и кока-коле. И сейчас многие русские девочки мечтают выйти замуж за иностранца, эта дурацкая розовая мечта основательно вошла в низшую россиянскую культуру, представленную в тв-сериалах и гламурных журналах.

- Но на это же есть объективные причины! - воскликнул Мамонтов. - Европейцы гораздо развитее нас! По сравнению с ними, русские - питекантропы. В их странах есть свобода, у нас её нет. Там - прогресс, либерализм, развитие техники, городов. Там условия жизни лучше в несколько раз, зарплаты, пенсии выше. Естественно, что нормальные люди хотят уехать в Европу, в Прагу или Мадрид. Каждый хочет туда, где лучше. Но не все, далеко не все русские, стремятся в Европу. Спросите многих на улице - они считают западный мир врагом!

- Да, - согласился я, - это правда. Лакейское преклонение перед иностранцами сочетается в нас с ненавистью к ним. Мы не любим иностранцев, когда они где-то там, далеко. Американцы у нас тупые, бездуховные, европейцы - педики и так далее. Мы привыкли никому не доверять, потому что Россия всегда была для иностранцев чужой, непонятной страной. Русские всегда хотели в Европу, но они на нас смотрели, как на варваров, и до сих пор смотрят. Нас обидели. Мы надеялись, что, проиграв в холодной войне, мы вступим в их мир и обретём счастье. Но что в итоге? Мы не обрели никакого счастья, так и остались где-то на периферии, получили только пустоту. Но мы не стали их искренне ненавидеть. Многие отказались любить их государства, но не самих иностранцев. Желание унижения западных государств и возвеличивание самих себя, - это попытка убедиться в собственной состоятельности. К тому же, все эти самовосхваления не захватывают душу русского народа. Он, как я уже сказал ранее, очень самокритичный, в нём все смешивается, и моменты унижения себя и восхваления себя постоянно чередуются.

- Это уже какой-то Достоевский попёр! - воскликнул Мамонтов. - У вас, наверное, ещё и существует народ-богоносец? Только этот народ-богоносец устроил кровавую гражданскую войну в середине двадцатого века! Это народ-богоносец устраивал и другие кровавые боины, этот народ симпатизировал тирании, этот народ-раб одобрял Сталинскую диктатуру, покорно шёл в лагеря, где одни представители народа-богоносца убивали других! Как вам такое, а? Этот народ-богоносец всегда был под игом авторитарной власти, которая не давала ему никаких прав! Этому народу-богоносцу чужда свобода, дай им её - они порвут друг другу глотки. Это не раз доказывала история.

- Хорошо, давайте поговорим о свободе, - спокойно отвечал я. - Двойственно у русских и понимание свободы. Вы утверждаете, что русский человек - раб. Не соглашусь. Русский терпелив, это правда, и терпение - это она из черт его характера, которая является одновременно и частью православной веры русского человека, но одновременно и позволяет власти быть авторитарной и приводит к ужасающим последствиям, не позволяющим нам развиваться. Русский терпит, да, но это терпение имеет свой конец. Тут я вынужден обратиться к двум штампам, а точнее к двум поговоркам, характеризующим русскую нацию. Первая - «русские долго запрягают, но быстро едут». Эта поговорка относится и к образу жизни русских. Они действительно тянут, ленятся, но они быстры, когда поджимают сроки. То же можно сказать и о русском бунте. К нему приводит не одно событие, а их цепь. В русском человеке всё копится, а потом воплощается в русском бунте, безжалостном и беспощадном. Это продемонстрировали революции 1917-ого года. «Да, - скажет Пётр, - но ведь речь не о способности русского человека к бунту, речь об

отношении русского к свободе. Русским, как и рабам Мандерлея, не нужна свобода, они сами закуют себя в цепи даже если им даруют свободу». Но я не соглашусь и с этим мнением. Русским нужна христианская свобода. Свобода вместе с царём (это архаика, но в русских, к сожалению, ещё живы эти архаичные формы), ну а в перспективе - свобода своя, особенная.

- Особый путь! - вскрикнул Пётр. - Мы это уже слышали! Этот «особый путь» приводит к государству-тюрьме. Вы сказали о русском бунте? Но та революция - это лишь показатель того, что русским чужд либерализм! Они уничтожили его на корню, свергли Временное правительство и русскую демократию, которая только зарождалась. Русские показали, что русскость несовместима с демократическими европейскими ценностями, и одна диктатура в итоге заменилась другой.

- Вы ошибаетесь, - сказал я. - Либерализму русские не чужды!

- Ну конечно! - язвительно крикнул Мамонтов. - Только почему у нас до сих пор нет свободы?! Почему русским не нужна никакой демократии? Почему они двадцать лет голосуют за одного и того же президента?

- Хорошо, я объясню, - поддался я на его провокации. - Русские люди - европейцы, они стремятся к гражданскому обществу, на выборы ходят, но, к сожалению, в основной части российского общества нет высокой политической культуры. Бабульки идут и толпами голосуют за Вождя, потому что так сказал телевизор. Впрочем, не стоит обольщаться и думать, что в других странах идеальная демократия, что там все люди политически образованы и знают, за кого им голосовать. Нет, конечно. В этом и главный минус демократии - вопрос компетенции. Любая кухарка не может управлять государством, тогда зачем равнять мнение кухарки с мнением, допустим, профессора политологии?

- Так вы и не демократ?! - взорвался Пётр. - Кто вы такой? К кому вы принадлежите? Уж явно не к тем, кто здесь собрался. Мы здесь выступаем за демократию, и ничего, кроме демократии, не признаём. Вы за тиранию?

- Я тоже за демократию, но только я не стесняюсь говорить о её проблемах, - заявил я, - Ведь демократия - это, в сущности, та же охлократия. Большинство людей плохо разбирается в политике, у них еле хватает времени на работу и свою личную жизнь. Поэтому они просто слушают выступления демагогов по телевизору и верят всему, что там говорят. Это никакая не власть народа, а соревнование людей в пиджачках и с деньгами, кто одурчит больше людей. Но давайте не будем трогать демократию. Вернёмся же к отношению русских к свободе. Так вот, ещё одна причина вечного авторитаризма в России, к которому вы постоянно обращаетесь, - в народной памяти. Мысли русских устремлены более в прошлое, нежели в настоящее. Именно поэтому мы не перестаём говорить о событиях прошлого и никогда не сможем поставить в них точку. Это заставляет русских бояться. Все помнят о жестокости царей и генсеков и боятся русского царя. Вроде как надо сидеть на жопе ровно и не пищать. Но это - что-то вроде инстинкта, который тоже мешает нам жить. Русский человек может и должен его преодолеть, потому что он не позволяет народу идти дальше, не позволяет реализовать своё стремление к свободе. Так в

чём же оно выражается, стремление русского к свободе? В непокорности другим народам. Русский не может представить, чтобы кто-то его завоевал. Завоевание - это трагедия русского народа. Мы непокорны, мы всегда сопротивлялись захватчикам до последнего и не сдавались. Для нас завоевание - это «погибель русской земли». Рабский народ не может быть непокорным. Так что русский народ нельзя назвать терпилами и слугами, нет, тут всё гораздо сложнее.

- Ну как же... - вздохнул синеволосый Игнат. - Какое тут стремление к свободе? Царь сказал идти на войну - и люди идут на войну. Сопротивляться они не могут.

- Да что вы?! - сорвался я. - Освободительные войны зажигали в народе желание свободы. Люди шли воевать сами, они хотели прогнать захватчиков с нашей земли. Разве не так? Появлялись партизаны, все вставали на защиту страны. Это не просто приказ, это чувство.

- Вы говорите, как все эти пропагандисты, - усмехнулся Мамонтов. - Но война и свобода не имеют друг с другом никакой связи! Люди на войне - всего лишь ресурс, обыкновенное мясо, которым закидывают врага. К тому же, сами русский во всех войнах сражались не за себя, а за государство и царя. Это делает их рабами.

- Русские люди сражались и за себя, за свой дом, за свою страну, и за государство, и за царя, - объяснил я. - Вы правы в том, что для русского человека государство - целый культ. Русский по натуре своей государственник, и само государство он воспринимает как нечто высокое, огромное, он относится к государству как к великой ценности, за которую стоит отдать жизнь. У нас религиозное отношение к государству. Это сформировалось ещё давно, и здесь, кстати, мы отличаемся от европейцев. В Европе долгое время церковь стояла над государством, у них был институт более высокий, чем государство, и поэтому они не относятся к нему, как к чему-то священному. У нас же государство стояло над церковью, и поэтому наше отношение к нему - религиозное. Именно поэтому у нас поклоняются памятникам солдатам, а Великая Отечественная война давно превратилась в притчу о борьбе Бога с Дьяволом. И это плохо, я признаю, русский народ много раз заплатил за такое отношение к государству. Ведь государство постоянно ставило и до сих пор ставит русского человека в положение слуги. Но свою страну русский человек любит куда больше государства. Ещё в славянской мифологии есть образ Матери - Сырой Земли. Для русского земля - это источник силы. С приходом христианства этот образ обрёл ещё большую силу. В земле лежат его предки, это Отечество - Земля Отцов.

- Завязывайте со своими сказочками! - остановил меня Пётр. - Вы что, Александр Проханов? Давайте говорить без этих метафор, нормально... Я не понимаю, почему вы обезличиваете государство. У вас народ и государство существуют отдельно. Но ведь государством управляют как раз русские люди, люди из русского народа. Разве не сами русские сделали из государства тюрьму?

- Во-первых, из русского человека плохой чиновник и государственный служащий. Русский человек очень любит зазнаваться. Ему просто дойти до презрения к народу и воспринимать его как штамп - безмозглого бородатого крестьянина, раба, что работает с утра до ночи, а себя - как господина и барина. Для того, чтобы этого не произошло, русский человек

должен быть очень хорошо воспитан, у него должно быть недюжинное терпение и образование, а также он должен осознавать себя частью нации. Не искусственной россиянской, которая ни на чём не основана, а русской, живой нации, которая существует не двадцать, а больше тысячи лет. Люди, которые сейчас управляют государством, вряд ли когда-то серьёзно причисляли себя к русской нации. Они воспитывались как советские граждане, читали сочинения по марксизму-ленинизму, получали партбилеты, кричали о том, что Ленин жив, угорали по книжкам «Как закалялась сталь» и «Молодая гвардия», но всё это было так же искусственно, как советская нация. Именно поэтому когда пьяный «демократ» окончательно, по маразматическим ленинским границам, разрушил страну, большинство советских людей забили болт на все эти коммунистические штуки и, оставив кукольный трупик вождя пролетариата и дальше бальзамироваться в пирамиде, и стали строить олигархическую, православную Рашку. Не Россию, а именно Рашку.

Противоречивая, страшная коммунистическая Россия, которая убивала самых талантливых русских в лагерях, заставляла их уезжать и становиться иностранцами, пыталась в культурном плане истребить всё русское, окончательно задавить так называемый «великорусский шовинизм», так вот эта коммунистическая Россия, которая была хоть и мрачной, но всё же в определённом смысле великой Россией, в конечном итоге умерла. «Русский шовинизм» был успешно уничтожен, а русские территории Белоруссии и Украины и Казахстана окончательно откололись от России. Но этого практически никто не заметил. Какие там русские территории! Подумаешь, где-то живёт много русских! Какая разница... Главное, Советы сдохли, словно очередной престарелый вождь. Но на место Советов пришло государство, где умные русские в принципе никому не были нужны, где Россия - это просто приколы, а люди - просто скот, на которых можно проводить самые идиотские эксперименты, которых можно, как собак, бросить подышать под лавкой. Продолжился неясный геноцид русских, стеб над ними, издевательство под гербы и стоны про «Россию, которую мы потеряли». В девяностые русские стали скотом, который теперь был уже даже не равным таджикам или казахам. Наоборот, русских стали гнать отовсюду, как заблудшее стадо, убивать, резать. Русские в бывших «братских республиках» стали людьми второго сорта. Естественно, «братья» забыли, что обязаны нам, русским, всем. Какая там благодарность! Ельцинской России же было плевать. Какие им русские! Нафиг они нужны? Советское, русское - это всё не так важно. Вот постричь лавандос и увести его в офшоры - вот это важно, а всё остальное - дела мирские, это для дебилов. Причем, повторюсь, делали все это люди, которые выросли в СССР. Советским людям было без разницы, кому кланяться, Брежневу ли с Андроповым, или Ельцину с Чубайсом. Им плевать - главное, чтобы погреб был забит солёными огурчиками, помидорчиками, компотиком, по телеку пела Алла Пугачева, шла «Ирония судьбы», а вождь, причмокивая, смотрел хоккей, награждал очередную королеву эстрады каким-нибудь орденом Ленина и не хотел ни великих потрясений, ни великой России. Вот это - их идиллия. Но русский народ всё же продолжает оставаться одним из самых великих народов в мировой истории, как бы его ни пытались уничтожить. Он сражается и за свою свободу, и за свободу всего мира. На два фронта. И этим он отличается от многих других народов. Государство, которое он построил, пытается его задавить, но он не сдаётся. И когда-нибудь русский

народ вернёт себе своё государство, сможет справиться со своими недугами и сделать немало великих вещей, для которых он и рожден.

Когда я произносил эту последнюю, завершающую речь, такую пафосную и нелеповозвышенную, люди в зале начали свистеть, кричать и кидать в меня бумагу. Но мне было всё равно. Я закончил произносить эти громкие слова, в которые раньше верил, и ждал ответа.

Все шумели, но Пётр поднял руку вверх, чтобы всех успокоить, и начал говорить:

- Кажется, я понял кто вы... - сказал Мамонтов, держа на лице ядовитую ухмылку. - Вы, мой друг, фашист! Наконец-то разобрались! Вы хотите бороться за национальные интересы?! Резать представителей других народов, да? Устанавливать здесь свою справедливость?

- Нет, - ответил я. - Я не хочу никого резать.

- Но вы ведь говорите всё то только так, для прикрытия, да? Чтобы вас не атаковали. Но вы уже показали себя, Фёдор. Вы хотите войны с соседними государствами, вы жалеете о том, что они получили свободу, вы думаете, что это ошибка. Жителей Таджикистана и Казахстана вы и вовсе считаете какими-то унтерменшами... Как вы сказали, «русский народ был уже даже не равным таджикам или казахам»... Что значит «даже»? Я понимаю, что... Вы фашист и империалист. Вы отрицаете демократию, вы верите в исключительность русских и желаете великой России так же, как Гитлер желал великой Германии. Интересно, хотите ли вы мерить черепа, как Гитлер, заключать в лагеря всех таджиков, казахов, как Гитлер - евреев, или кто вам там не угодил?

- Сравнить меня с Гитлером... - усмехнулся я. - Вы идиот, Пётр? Разве я сказал хоть что-то...

- Вы решили меня оскорблять?! - яростно крикнул Пётр и, вскочив с места, схватил меня за шиворот. - Может, выйдем отсюда, из штаба, и ты меня там оскорбишь? Я вижу по твоему лицу, что тебе уже прилетело от какого-то хорошего человека. И от меня прилетит, не сомневайся! Я не посмотрю, что ты малолетка.

- Ну пойдём, посмотрим, кому прилетит, - рявкнул я, глядя прямо в его маленькие, кроличьи глазки, которые были так близко.

- Успокойтесь! - воскликнула Даша. - Что ты городишь, Федя?

- Ничего, - бросил я. - Просто сижу на стуле.

Пётр отпустил меня и обратился к залу:

- Друзья! Мы с вами - демократы и либералы! Разве мы стерпим то, что рядом с нами сидит фашист и проповедует свои античеловеческие идеи? Разве мы позволим ему тут сидеть?! Такой человек позорит Дровосецкого и всю его кампанию, в которую вкладывается столько средств и сил. Ведь он - наш идеологический враг. Куда хуже коммунистов или

консерваторов. Это - чума, болезнь России, и мы не должны давать таким нацикам, как он, слово на дебатах. Я за то, чтобы вы, Фёдор, шли вон и не появлялись здесь. Вон!

- Вон! Вон! - закричали люди в толпе, и к ним присоединялись другие.

С каждой секундой кричащих становилось всё больше. Вдруг на смену уверенности, захлестнувшей меня на время дебатов, пришёл страх. Едкий, чёрный, липкий страх, который был гораздо больше меня. Человек из прошлого сменился человеком из настоящего. Вот ты, Фёдор. Настоящий ты.

Уходи! Прочь отсюда! Посмотри, какой ты никудышный! Ты не должен быть в поле зрения этих людей! Им же так мерзко!

Я встал с места и посмотрел на Дашу. Она закрыла лицо руками. Ей было гадко участвовать в моём позоре. Многие знали, что я - её друг. Ей было стыдно за меня и за мои слова. Она пожалела, что была знакома со мной, что помогла всё это организовать... Она была за них, да. Не за меня.

Надо было оправдаться, сказать, что каждое слово Мамонтова - ложь, что у меня совсем другие взгляды, что я не хочу никому мерить черепа, что я никого не считаю унтерменшами, что я... Нет, не надо ничего говорить. Они всё равно не будут слушать. Мамонтов изначально просто хотел втоптать меня в грязь. И у него получилось. Да и зачем делать больно Даше? Ей ведь неприятно смотреть на мой позор! Она хочет, чтобы это побыстрее закончилось. Она наверняка плачет и не желает, чтобы кто-то видел её слёзы. Она не хочет казаться слабой. А я её заставляю. Я только и делаю, что всем всё порчу.

Я пошёл на выход. Протискивался через толпу. Через всех идиотов, пришедших поглазеть на мой позор. Что же, поздравляю, вы получили, что хотели. Можете смеяться, суки. Ты, синеволосый клоун, Игнат, можешь набить себе ещё пару татуировок, а ты, косоглазый урод, можешь повесить мой портрет на стене, чтобы кидать в него дротики. Вот будет весело, да?

Взрослые люди спокойно пропускали меня к выходу. Они ничего не кричали. Некоторые из них тоже потянулись к дверям. Но школьники не хотели просто так меня отпускать. Двое из них дали мне по поджоппнику. Я не стал отвечать. Ещё чего... Начинать драку со школьниками в толпе. Нет, это уже совсем лишнее. Вот если бы эти утырки пнули меня на улице, я бы, может, и врезал в ответ, а тут... Тут сидит Даша. А я позорю её. Заставляю краснеть.

- Правильно, иди отсюда, студент! - кричал мне в спину Мамонтов. - Фашиков в штабе нет и не будет!

- Фашик! Фашик! - орали школьники, мимо которых я проходил.

Какой-то паренёк лет шестнадцати ударил меня в живот прямо у выхода. Он подбежал ко мне, как чёртик, и ткнул своим кулаком в район солнечного сплетения. Я не удержался, схватил его за шкуру, выволок из штаба и бросил в сугроб.

- Остынь! - гаркнул я.

Из штаба выбежало несколько людей - посмотреть, что с ним произошло. Всем ведь так интересно! Всем же хочется начать со мной драку! Избить меня! Посмотреть, как я буду корчиться от боли. В человеке есть потребность в том, чтобы причинять другим боль. Он радуется, чувствует себя сильным. Ему нужна чужая боль, чтобы заглушить свою. Он её жаждет.

- Эй, ты, - крикнул какой-то мужик, - что, с малолетками драться горазд? А если я тебе морду набью.

- Ну попробуй, - огрызнулся я.

- Что? - удивился он моей смелости.

- Что слышал, - бросил я, рассчитывая, что он действительно пойдёт меня бить.

Было бы хорошо сейчас подраться. Не со школьниками, а по-настоящему, чтобы оказаться избитым... Но он лишь произнёс дурацкое слово «псих» и пошёл по своим делам.

Парень, которого я кинул в сугроб, встал и, не сказав мне ни слова, поплёлся в ту же сторону, что и мужик.

Я тоже хотел уходить, но увидел Ваню, который уселся жопой в сугроб и рыдал, вытирая коричневой варежкой на резинке тёплые, солёные слёзы с обросших прыщами и веснушками щёк.

Я подошёл к нему и спросил:

- Что с тобой?

- Ничего, - прошипел он.

- Кончай придуриваться, - бросил я. - В чём дело? Ты расстроился из-за дебатов?

- Я думал, ты супергерой, - досадливо сказал мальчик, - а ты... Ты предатель.

- Они все ошибаются, - попытался я оправдаться. - Они сделали поспешные выводы.

Я подал ему руку, чтобы помочь подняться.

- Нет! - крикнул мальчик и поднялся сам, игнорируя протянутую к нему руку. - Это ты ошибаешься!

Он вернулся в штаб, а я пошагал к остановке, чувствую в душе одну только пустоту.

Вечером, когда я уже был дома, мне позвонила Даша. Это было сюрпризом, ведь я совсем не ждал её звонка. Думал, что после произошедшего она не будет со мной разговаривать.

- Привет. Ты как? - сочувственно спросила она.

- Нормально, - смущённо ответил я. - Извини, что так получилось. Наверное, я переборщил со всем этим напором и опозорился. Если сейчас ещё и появится видео в интернете, то...

- Не появится, - остановила меня Даша. - Видео никто в сеть не выложит, так что будь спокоен.

- Ну спасибо, - сказал я. - Ты на этом настояла?

- Нет, - ответил я. - Этот вопрос даже не обсуждался. Зачем нам показывать людям, что в штабе происходят конфликты? Это только угробит движение. Тем более, на следующей неделе у нас большой митинг, на котором будет выступать сам Дровосецкий. Это очень ответственное мероприятие, а такой конфликт может отпугнуть людей.

- Ещё раз прошу прощения за то, что так вас подставил, - попытался я оправдаться. - Не я начал конфликтовать.

- Ты назвал его идиотом!

- А он сравнил меня с Гитлером! - пререкался я с ней. - Я должен был ответить.

- Иногда стоит сдержаться, - посоветовала она. - Ну или ответить по делу, а не вот так.

- На протяжении всего спора он пытался меня заклеить, Даш! - обвинял я Мамонтова. - Разве ты не заметила, что он пришёл туда только для того, чтобы показать, какой он крутой. Этот придурок ещё и отказался от своего выступления и стал придираться к каждому моему слову.

- Ты сам согласился на этот вариант, - упрекнула она меня.

- Знаю, - сказал я. - Если бы я отказался - это было бы проявлением слабости. Я был бы трусом, а я не хочу быть трусом... Я просто пытаюсь сказать, что не хотел, чтобы ты расстроилась. Прости.

- Скажи, ты националист? - зачем-то спросила она.

- Давай не будем об этом, - попытался я свернуть с этой темы, но она ответила «будем», и мне пришлось продолжать объясняться. - В старшей школе я читал статьи национал-демократов и был во многом с ними согласен. Они боролись против всей этой официальнойщины, выступали за русских людей, за нашу культуру. Они были протестом, их угнетали. Но национал-демократы не имеют никакого отношения к тому, о чём говорил Мамонтов. Они выступают не за уничтожение других народов, а за сохранение своего. Впрочем, зачем я тебе об этом рассказываю... Сейчас я мало интересуюсь всем этим. Можно сказать, эти дебаты вернули меня в прошлое.

- В штабе все думают, что ты предатель, - сказала Даша. - Некоторые идиоты называют тебя засланным шпионом из штаба Нилрака.

- Пусть называют, как хотят, - сказал я. - Больше появляться я там не планирую.

- Ещё бы... - протянула Даша. - Не знаю, зачем ты вообще туда ходил.
- Потому что меня позвали, - усмехнулся я. - Сначала твой брат, потом ты сама.
- То есть, это мы с братом во всём виноваты?
- Я такого не говорил.
- Но ты имел это в виду, да, Фёдор? - психовала Даша. - Почему ты обвиняешь всех, кроме себя? То Мамонтов у тебя виноват, то я. Но это ты начал кричать националистические лозунги!
- Я сказал то, что думал, - объяснил я. - Мне за это не стыдно. Но согласился на дебаты я зря. По первому разговору с Мамонтовым я мог предположить, что всё кончится именно так. Но я поддался на уговоры, и...
- Тут снова я виновата, да? - крикнула Даша. - Виновата в том, что уговорила тебя идти на дебаты? Знаешь, что, Федя! Да пошёл ты, блин!

Она бросила трубку. Ну и ладно. Потом успокоится. Сейчас она на нервах, на эмоциях... Всё обойдётся. К тому же, это же не Алиса. Я не был в неё влюблён. Даша Гармс - просто друг, ничего больше. Девочка, чем-то похожая на Полину из прошлого. Ничего больше. Полину сменила пустота, Алису сменила пустота, Дашу сменила пустота.

Вот она - моя постоянная спутница. Невидимая, ласковая, тоскующая пустота.

Глава 9 Петербуржец

Пустота была уродливой, липкой кляксой на белой стене. Она сидела на ней, как жук, шевелила усиками, но никто из людей, находящихся в аудитории, её не видел. Лишь я один смотрел ей в глаза, погружался в мутный, безбрежный, непреодолимый океан пустоты, захлёбывался в нём. Казалось, я скоро усну. Глаза смыкались, веки тяжелели, голова плыла в тумане, рука не хотела писать. Где я был? Нет, не в космосе, не под водой, не под одеялом. Я просто сидел на паре Манкова. Ночью я совсем не спал - меня снова настигла мокрая, волнующая бессонница. Лёг в два часа ночи и так и не заснул, всё думал об Алисе, о Даше, о фигуристке, которая давно не появлялась, о пистолете, что дал мне таксист. Неужели он правда подумал, что я смогу кого-то убить? Кто он такой? Просто городской сумасшедший или творец? Может быть, он - моё будущее? Нет, бред. Он дал студенту пистолет, посоветовал убить человека... А может, он хочет, чтобы я застрелился? Кто его знает? Застрелиться было бы неплохо. Это быстро. Достал пистолет - нажал на курок, и всё закончилось. Пускаешь в голову пустоту, и сам становишься пустотой. Как всё просто... Жаль, смелости не хватит.

Медленно, никуда не торопясь, мы проходили советскую печать эпохи НЭПа.

«В двадцатые годы двадцатого века советская печать пыталась реализовать программу Ленина...»

Манков всё говорил, говорил, говорил... Рассказывал о фельетонах Зощенко, Булгакова, Ильфа и Петрова. Всех этих писак я, разумеется читал. «Перед восходом солнца», «Записки юного врача», «Светлая личность»... Буквы. Если я выстрелю себе в висок, они, словно птички из гнезда, вылетят из моей головы, вырвутся на свободу и полетят в небеса, к самому солнцу мёртвых. Я стану пустотой. Человеком-невидимкой. Хотя разве я уже - не человек-невидимка? И зачем мне эти буквы? Лучше бы занялся чем-нибудь полезным, не жил бы смешной жизнью... Ведь если ты связываешься с буквами, если начинаешь чувствовать их запах, выдавливать из них кислый, отравляющий сок и пить его. Это сводит тебя с ума.

«В тридцатых годах фельетоны Ильфа и Петрова печатается как в газете «Правда», так в сатирических журналах «Крокодил», «Красный перец», «Смехач»...»

Главное, не засыпать. Если я засну, Манков заметит и выгонит меня. Это будет очередной мой позор. На меня будут кричать. Я снова буду чувствовать себя виноватым. А я устал чувствовать себя виноватым. Я постоянно чувствую себя виноватым. Зачем?

«Булгаков сотрудничал с пролетарской газетой «Гудок» и с газетой «Накануне», которая была печатным органом сменовеховцев. Стоит сказать, что «Накануне» - единственная эмигрантская газета, разрешённая к ввозу в Советский союз. Она продолжила линию сборника «Смена вех»...».

Зачем вы рассказываете об сменовеховцах, об этих наивных людях, которые ошибочно полагали, что советская власть смогла переродиться? Они же просто дети, наивные дети, как я... Это подтвердила сама история. Идеолога «сменовеховства» Устрялова, вернувшегося в СССР в 1935-ом, убили в 37-ом году. Кроме Устрялова, расстреляли и Бобрищева-Пушкина, и Ключникова, и других. Но Манков восхищался ими. Я хотел с ним поспорить, но не стал. Я должен молчать. Не вступать ни в какие дебаты, не открывать рта, не высказывать своего никому не нужного мнения. Просто молчать. И всё будет хорошо.

Я справлялся. Я молчал. Сидел и списывал всё с презентации. Надо же будет как-нибудь сдать экзамен. Надо будет не облажаться. Не проиграть.

Манкова мало кто слушал. Харунг смотрела аниме по телефону, Маша читала какой-то журнал. Я же пытался на отвлечься. Не думать ни о чём. У Ромы, вон, получалось. Он сидел и тихо писал, не отвлекаясь. Мне бы так.

Лекция заканчивалась. Манков предложил нам задать вопросы. Мы, как обычно, молчали. Затем парочку отличниц, которые очень «любили» декана и использовали всякий шанс к нему подлизаться, спросили что-то о писателях, и он долго, пространно отвечал на каждый вопрос. Они, улыбаясь, смотрели на него и кивали. Ух ты, какие молодцы! Всем пять!

После ответа девочкам Манков посмотрел на часы и, увидев, что времени на лишние разговоры больше нет, задал домашнее задание:

- На следующую практику вы будете должны прочитать «Одноэтажную Америку» Ильфа и Петрова, а на лекцию подготовить фельетон, в котором вы должны высмеять какое-либо из явлений нашей действительности. Любое! Делайте, что хотите. Я предоставляю вам широкий простор для фантазии. Задание понятно?

- Да! - чётко и торжественно, как пионерка, воскликнула Маша, а за ней послышались голоса других студентов.

- Ну тогда можете быть свободными!

Мы поднялись со своих мест и начали собираться. Я обрадовался тому, что задания на практику у меня фактически нет. Я уже читал «Одноэтажную Америку», когда знакомился с Ильфом и Петровым в школе. Тогда мне даже захотелось написать свою книжку под названием «Пятиэтажная Россия», но я загуглил это название и понял, что меня опередили. Кто-то уже такое написал. Да и сама идея книги мне потом стала казаться дурацкой. Обычная повестушка о плохой жизни в провинции. Нытьё на нытьё.

Вместе со всеми я потянулся к выходу. Однако у самых дверей Манков окликнул меня.

- Фёдор, задержитесь, пожалуйста. У меня к вам есть пара вопросов.

- Хорошо, - остановился я, развернулся и подошёл к нему. - Говорите.

- Во-первых, Фёдор, что у вас с лицом? - глядя на меня, как на придурка, промолвил он.

- Вы про кривой нос, прыщи или про что? - шутил я. - Просто рожей я не вышел, извините.

- Перестаньте, - произнёс он. - Я говорю про ваши синяки. В последнее время вы постоянно приходите в университет, как после драки. Это совсем не хорошо. Если у вас какие-то проблемы - скажите. Просто университет - место, где нужно выглядеть нормально, интеллигентно, а не как гопник.

- Да, простите, - осклабился я. - Это просто нелепость. Я меня дома есть один дурацкий косяк, об который я постоянно бьюсь головой, когда ночью иду в туалет. Надо бы что-то с ним делать.

- Вы врёте, Фёдор, - упрекал он меня. - У вас синяки в разных местах, иногда по несколько сразу. Это косяк вас так мутузит?

- Я ещё и падаю часто, - усмехнулся я. - Знаете, я неловкий человек. Постоянно спотыкаюсь и падаю.

- А мне кажется, ты ввязался в какую-то кампанию, - чуть повысив голос, серьёзно пробасил Манков. - С кем ты дерёшься?

- Ни с кем, - завертел я головой,. - Вы же меня знаете. Я не уличный хулиган.

- Я и не называл тебя хулиганом, - улыбнулся Манков, дабы немного разрядить обстановку.

- Просто мне кажется, что ты занимаешься чем-то не тем.

- На самом деле я просто записался на бой без правил, - сочинил я. - Хожу и расслабляюсь так после пар. Просто я ещё достаточно плох в этом спорте, так что часто получаю...

- Хватит придумывать, Фёдор! - воскликнул он. - Ты уваливаешь от ответа, что-то скрываешь зачем-то! Ладно, хочешь ходить весь в синяках - ходи... Но ты ещё и не делаешь домашнее задание. Где твоё сочинение?

- Понимаете, я... - замямлил я. - Я его сделал. Это был рассказ, но он мне не понравился, я не смог его вытянуть, я облажался, написал фигню. Поэтому я его удалил.

- Подождите, вы что, писали рассказ? - удивился он. - Лучше займитесь журналистикой. Вы же журналист, в конце концов. Это ваша профессия.

- Я вас понимаю, - ответил я. - Просто я пытался...

- Все пытаются, - сказал Манков. - Но не у всех получается заниматься литературой. В следующий раз лучше выполняйте задание правильно и пишите не литературу, а журналистский текст.

- Хорошо, - сдавленным голосом сказал я и вышел из аудитории.

Надо было сходить в туалет, чтобы умыться, чтобы смыть с лица всю грязь, всю пыль, все синяки, к которым придрался Манков. Жаль, с синяками не выйдет.

Надо подняться на четвёртый этаж. Повесив голову вниз, устремив взгляд к аду, я прохожу мимо гардероба, мимо киоска с едой, мимо толп людей, которые мне не интересны. Я волочу ноги, передвигаю их по лестнице. Прохожу второй этаж, третий этаж, цепляясь за перилы. И вдруг, на четвёртом этаже, я снова вижу Алису... В чёрной, красивой кофте, в синей джинсовой юбке. Вот она, идёт, гордо подняв свою лебединую шейку. Она такая далёкая, холодная, таинственная. Она больше не смотрит в мою сторону. Даже когда в коридоре нет больше никого, кроме меня, она не смотрит, сука. Делает вид, что меня не существует. Что вместо меня - только глубокая, необъятная пустота.

А я цепляюсь за её взгляд, за её замечательные йогуртовые глазки, пытаюсь схватить хоть что-то, но снова хватаю пустоту... Пустота, пустота, пустота... Как же её много, чёрт возьми!

Она идёт по коридору, я обгоняю её, делаю вид, что мне на неё всё равно. Я чувствую её запах. Как и прежде, от неё пахнет вишней и виноградом. Так сладко. Я вдыхаю запах, но не насыщаюсь им, внутрь проваливается вкусная пустота.

Алиса идёт гордо, величаво, не шелохнувшись. Точно королева. И как у неё это получается? Почему она словно неживая со мной? Почему она такая красивая? Почему я не могу просто её уничтожить? Просто присоединить её ко всей этой смерти, существующей вокруг меня? Неужели это так сложно? Неужели так сложно её разрушить, похоронить, забросать камнями? Она для меня - никто, она растоптала меня, не подумав ни секунды, а я хожу, как дурак, и ищу случайной встречи с ней, надеюсь заметить её в толпе просто затем, чтобы на секунду насладиться её красотой. Разве это не унижительно? Ведь я

знаю, что это убийственно, я знаю, что мысли о ней лишь заставляют меня ещё больше себя ненавидеть, я знаю, что сойду с ума, знаю, что снова приду домой и не смогу заснуть из-за того, что буду думать о ней! Остановись! Ты должен заставить себя её ненавидеть. Ведь она просто дуручка. Просто гламурная дуручка. Ведь тебе сперва так и показалось, верно? Ты вёл себя с ней, как с идиоткой. Да она и есть идиотка. Чёрт, я понимаю, но не могу себя заставить её разлюбить. Но ведь без этого никак, Фёдор. Я попытаюсь, заставляю себя ненавидеть! Не смотреть на неё! Не думать о ней... Но как? Мой странный, злой взгляд всё равно касается её шёлкового лица. Вот бы мой взгляд был гвоздём... Можно было бы так легко всё испортить. Нет, я бы не смог. Это было бы преступлением против человечества. Как можно сломать совершенство, как можно покуситься на идеал, на восторг, на вечность... Она - живой золотой храм самой настоящей, самой искренней веры, которая только может быть. Да, я верю в неё... Моя вера огромна, но мне так жаль, что золотой храм всё-таки придётся поджечь, спалить до тла, чтобы сказать это сокровенное: «Ещё поживём». Пока же я не могу жить! Она не даёт мне! Я тону в ней! Я не могу её видеть, потому что её красота переполняет меня! Помню, как соприкасались её губы... Точно волна и песок... Так же плавно. Эта черная водолазка, которую она носит - словно занавеска, закрывающая взор на широкие просторы, на равнины и неровности... Гладкие, замечательные неровности, кратеры, ухабы, творожные изгибы. Её шея - струна скрипки, водопад, поток, несущий самую чистую воду на свете.

Холодный снег, лежащий за окном, похож на её белую, тонкую кожу. Выражение её лица, в котором столько скромности, тонкости, не выходящей за рамки надменности, смешанной с грустью и усталостью от всего мира, поражает меня, заставляет дрожать, кусать язык до боли... Она словно возвышается над всем этим адом... Она словно презирает его! И меня вместе с ним! Чёрт! Она смотрит на меня, как на мусор, она знает о своей красоте, о своей мистичности. Как она двигает своими точёными бёдрами, как она дышит, как смеётся... Я помню, я всё помню.

Она - это городская ночь, полная загадок, жёлтых окон, фонарей, ночных клубов и приведений... Я бреду в этой ночи без цели и направления, зная, что ночь убьёт меня, что её романтика возьмёт мою душу и разорвёт её в клочья. Но я влюблён в ночь, она так привлекает меня, что я не хочу отступать, идти домой, запираюсь в дурацкой комнате, уходить от этих чарующе-бесконечных огней. Может быть, я вполне готов умереть, стать её подопытным, почувствовать на себе её величественный, кисло-сладкий взгляд...

Но никакого взгляда нет. Я - пустота. Нечего смотреть на пустоту. Алиса этого не заслужила.

Я захожу в туалет и пытаюсь умыться, привести себя в чувство, сделать себя снова нормальным. С каждым разом это всё труднее. Но пока я справляюсь. Ведь всё не так плохо, да?

Я выключил воду и посмотрел на себя. Какая же ты бактерия, Фёдор. Ты - жуткий, мерзкий тип. У тебя почти зажили синяки. Может, ты хочешь поставить себе ещё парочку? Нет, не сегодня. Сегодня мне не требуется бить себя. Зачем? Чтобы отомстить самому

себе за собственную убогость? Что ты хотел? Идеал? Тебе ведь тоже было бы с ней некомфортно. Ты - такой падший, а она - такая возвышенная. Ты бы потерялся. Ты бы не знал, как себя вести. Ты бы опозорился.

На место Алисы скоро придёт пустота. Эта девочка станет ничем. Скоро... Очень скоро.

Вдруг я услышал её голос за дверью. Она говорила с Клыкком. Точнее, ругалась с ним. Он кричал на неё, она оправдывалась. Голос её, кажется, погрубел, стал жестче, реальнее. Он словно обрёл земные черты, он очеловечился... На секунду я подумал, что это не её голос, но нет... Её... Только он перестал быть невинным, ангельским, святым.

- К чему эти претензии, Арт? - спрашивала Алиса.

«Арт». Она называла его Арт? Что за безвкусица?

- Претензии? - кричал Клык. - Разве это претензии, Алис? Мне надоели твои ушлёпки на стороне! То этот задрот Фёдор, то этот Игорь... Почему он тебе написывает? Говорит, что придет в конце февраля? Я почитал переписку, он прилетал из Петербурга на каникулах, вы несколько раз встречались, но мне ты об этом не сказала. Что за тайны?

- С Фёдором я порвала все отношения, Арт! - крикнула Алиса так громко, словно знала, что я стою и подслушиваю. - Его больше не существует.

- Да к чёрту его! - рявкнул Артур. - Давай поговорим об Игоре. Сейчас он мне больше интересен! Кто он такой?

- Я уже тысячу раз сказала тебе, что он мой друг! - оправдывалась Алиса. - Что в этом такого - встретиться с другом? Почему ты ревнуешь меня к каждому мальчику?! Я так с ума сойду, честное слово!

- Тогда почему ты не сказала мне о нём?

- Я боялась, что ты будешь против, - объяснила Алиса. - Ты же был против Фёдора.

- Не говори мне об этом уроде Кумарине! - прошипел Клык. - Он тут вообще не причём! Ты сама хотела перестать с ним общаться! Сама же говорила, что он мерзкий, неприятный и некомфортный человек.

- Да, - согласилась Алиса, - просто меня бесит твоя ревность. Сколько можно читать мои переписки, смотреть с кем я общаюсь?

- У этого Игоря есть фотки с тобой, я видел, - сказал Артур. - Он их выкладывал два года назад. И в каждой подписи он пишет какие-то романтические цитаты. На одной он тебя даже целует.

- Ты что, копался в его профиле? - удивилась Алиса. - Долго листал до тех фотографий?

- Какая тебе разница? - спросил Клык. - Мне нужно знать, что это за парень. Ты с ним раньше встречалась?

- Хорошо, я скажу, - сдалась она. - Да, мы встречались, когда учились в школе. Мы оба из одного города, учились в одной школе, потом влюбились друг в друга. У нас были отношения до конца одиннадцатого класса. Потом он уехал учиться в Питер, а я - сюда. Мы решили, что лучше будет расстаться. Тем более, в ту пору мы уже не испытывали друг к другу той симпатии, которая была прежде. Но мы остались хорошими друзьями. Мы до сих пор переписываемся, встречаемся на каникулах. Но как друзья, не более. У меня есть парень здесь, у него - девушка в Питере. Кстати, тоже из этого города. Вроде бы они познакомились ещё здесь, на каком-то концерте. Я даже виделась с той девочкой, она хорошая. Не понимаю твоих претензий, Арт... Что тут такого? Да, в последний раз я гуляла с Игорем на зимних каникулах, когда начала встречаться с тобой. Ещё раз мы планируем увидеться в середине марта. У его отца будет юбилей, 45 лет, и одно ответственное мероприятие, на котором Игорь тоже должен присутствовать. Он приедет в город на неделю. Я вам познакомлю. Поверь, он хороший человек.

- Не буду я с ним знакомиться! - рявкнул Артур. - И ты не будешь с ним встречаться!

- Почему? Что за капризы? Это бред, Артур! Серьёзно!

- Что «серьёзно»?! - завизжал Артур. - Я не хочу, чтобы моя девушка встречалась со своим бывшим парнем! Может, у вас есть чувства друг к другу? Вы же расстались просто потому что разъехались, правда? Так может, ты мне врёшь? Можешь, ходишь к нему трахаться? Может, ты обслуживаешь этого придурка вместе с его подружкой! Может, у вас там секс втроём, а?

- Что ты городишь, олень? - обиделась Алиса так по-детски смешно, мило. - У тебя вообще нет доверия ко мне... Ты придурок, вот ты кто! Я буду встречаться, с кем захочу и когда захочу!

Я услышал в её голосе надрыв. Словно она плакала. Словно из тучек её глаз закапали маленькие капли дождя. Этот дождь - как кровь... Я не мог его видеть. Я чувствовал огромную боль, точно внутри меня сломались все кости. Точно мой храм, мой дом разрушили, кинув туда гранату...

«Я не отдам цветочек в волосатые лапы боли! - хотел я закричать. - Я буду драться, буду грызть глотку боли, буду защищать счастье самой красивой девочки на свете!».

- Ты шлюха сраная! - крикнул Артур, и я услышал шлепок.

В голове пронеслись случайные молнии мыслей. Он ударил её! Точно ударил её по щеке!

«Что мне делать? Ударить его? Выбежать? Как это жалко. Как смешно. Но разве я могу сидеть здесь и просто ждать? Нет, не могу».

Я вышел из туалета и сделал вид, что удивлён и не понимаю, почему он её ударил.

Она стояла в той же чёрной кофте и джинсовой юбке и плакала. Её белая, как лепесток ромашки, щека стала красной от удара. Артур стоял рядом и молча смотрел на неё. В его глазах был испуг и сожаление о том, что он сделал. Но мне было насрать. Он ранил

цветочек. Он принёс боль красоте, он сделал с ней непоправимое, он заставил её страдать. Он решил, что её красота ничего не значит, что можно просто её сломать, как ребёнок ломает веточку дерева.

- Ты что, бь-бьёшь её? - нелепо, по-идиотски крикнул я. Словно находился в дешёвом, третьесортном сериале.

- Иди отсюда, Кумарин, - сдавленным голосом произнёс Клык. - Иди, пока не огрёб.

- Ты не смеешь её бить! - заорал я, как сумасшедший. - Не смеешь, сука!

- Иди отсюда, Федя! - сказала Алиса. - Это не твоё дело.

- Моё, - настоял я. - Если он тебя бьёт, то это моё дело.

- Я её не бью! - воскликнул Клык. - Я не бью женщин и никогда этого не делал.

- А это сейчас что было? - спросил я. - Не удар?

- Нет... - пытался оправдаться он. - Это на эмоциях получилось... Я слабо...

- Попроси у неё прощения! - крикнул я. - Ты, сука, ударил её. Ты не имел права её бить.

- Отвали, - огрызнулся этот говнюк. - Ты ей никто. Это наши отношения.

- Иди в жопу, придурок! - психовал я. - Я не отвалою, потому что ты меня бесишь. Что, нашёл себе спарринг-партнёра, чтобы показывать свою силу, да? Давай, лучше вымещай свою агрессию на мне! Я тебе отвечу, в отличие от неё. Но вы со своим дружком Витей - два ссыкуна. Тот тоже только твякать и может. Ты, я вижу, такой же чепушила, как он.

Тут Артур не стерпел. Его гордость была задета. Он сделал шаг навстречу ко мне и, размахнувшись, заехал мне по лицу. Честно сказать, удар у него был так себе. Даже мои удары были лучше. Так что я решил показать их ему. Без промедлений, как учили на занятиях по карате в детстве, я заехал ему в район солнечного сплетения сначала с одной руки, потом с другой. Клык был плохим бойцом. От боли он нагнулся, и я вдарил по его красивой, смазливой роже.

Клык отлетел к стене. Кажется, это был мой лучший удар. Так сильно я ещё никогда не бил. А то... В этом ударе была вся моя ненависть к нему, всё моё презрение, моя боль за тот вечер, когда Алиса поехала с ним, моя зависть к нему, моё желание стать им...

Из носа Артура потекла кровь. Он растерялся, поняв, что опозорился на глазах своей девушки, и чуть не плакал.

- Что ты сделал? - заверещала Алиса. - Ты сломал ему нос? Ты - животное! Урод! Быдло, гопник!

- Алиса... - бормотал я. - Я пытался тебя защитить... Прости. Я просто пытался тебя защитить.

- Это не твоя проблема! - втыкала она стрелы слов в мою голову. - Не твоё дело! Зачем ты полез?!

- Прости, - пытался я говорить. - Я не хочу, чтобы кто-то прикасался к тебе, чтобы кто-то делал тебе больно.

- Главное, чтобы ты не прикасался ко мне и к людям, с которыми я общаюсь, - процедила она сквозь зубы. - Ты мне противен. Уйди. Я прошу, уйди. Исчезни из моей жизни, пожалуйста. Не вмешивайся в неё.

- Как скажешь, - виновато пролепетал я и пошёл прочь.

Мне было стыдно. Я ещё раз всё разрушил... Сколько можно, Фёдор? Почему ты постоянно проигрываешь? Почему ошибаешься? Теперь она видит в тебе не только неудачника, не только нелепого задрота, но и врага. Молодец. Кто просил тебя вмешиваться?

Но я же победил его! Нет. Он врезал по лицу мне, я - ему. У нас ничья. Ни о какой победе и речи быть не может. С Алисой остался он, а не я. Даже если я выиграл битву, то всё равно проиграл войну. Простите за банальность.

Надо было идти на пару. У меня было ещё две пары подряд в одном кабинете. И я снова шагнул на них с синяком на лице. Хотя разве люди не привыкли, что я в последнее время хожу побитый? Наверное, они, как и Алиса, уже думают, что я - быдло, которое участвует в битвах район на район. Было бы прикольно. Наверное, это отличная психологическая разгрузка.

А может, они видят во мне футбольного хулигана. А что, логично... Раньше я смотрел футбол, болел за питерский «Зенит», а потом возненавидел его из-за противных рож олигархов, которые руководят этой командой. Ну ещё из-за того, что мне перестала нравиться игра, в которой все игроки - сплошь разбалованные, тупые уроды. Это, правда, не мешает мне иногда посматривать матчи... Впрочем, ладно. Почему бы мне не драться за «Зенит», не получить за него по лицу? Романтика.

А может кто-нибудь, как Дашин брат, видит во мне супергероя, что ходит по ночам и дерётся с бандитами, страдает за справедливость? Нет, это уже перебор.

Но с синяками надо завязывать. В последнее время я слишком часто ввязывался в драки. Надо прекращать, держать язык за зубами. А то уже Манков спрашивает, что у меня с лицом. Стыдно.

Пара была в 237-ом кабинете. Я уже приближался к нему. К кабинету в самом конце тёмного коридора на втором этаже. Пара уже началась, поэтому в коридоре было пусто. Только какая-то маленькая тень мелькала вдали. Кто это, интересно?

Я подошёл ближе и увидел, от кого идёт тень. Это был мальчик в штанах с подтяжками, в серых валенках и синей кофте со знаком «Супермена». Тот самый мальчик, который приходил мне во сне. Тот самый, который в прошлый раз рисовал на двери надпись... И этот раз он тоже рисовал на двери. Только не 217-ого, а 237-ого кабинета. Я присмотрелся,

что именно... Красным фломастером он щепетильно выводил словно «Murder». «Убийство». Может, он не знал, что означает это слово? Зачем он его писал? Какова его цель?

- Ты убьёшь меня? - спросил мальчик, заметив меня.

Голос его напоминал Дашиного брата. Он был таким же полным грусти и надежды. Обиды и стеснения.

- Убьёшь, чтобы не проиграть? - продолжал спрашивать меня мальчик. - Убьёшь, чтобы не сдаться, да? Ты ведь не сможешь жить дальше, если ты не убьёшь меня?

Мальчик развернулся и побежал в пустоту коридора.

- Эй, стой! - крикнул я ему вслед. - Я тебя знаю. Ты рисуешь на дверях... Ты - тот мальчик, про которого говорила бабушка! Стой!

Мальчик ускорился. Он побежал быстро, так что мне пришлось рвануть за ним.

- Эй! - бросал я звуки на воздух. - Остановись!

- Ты должен бежать не за мной, а от меня! - восклицал мальчик. - Все бегут от детей, почему же ты делаешь всё наоборот?! Ты будешь несчастлив! Ты всегда будешь несчастлив. Тебе это надо?

- Остановись! - просил я его. - Тебя ищет бабушка.

- Бабушка давно умерла! - говорил мне мальчик. - Родители умерли! Маленький ребёнок остался один в тёмном коридоре, в котором некуда идти! Его засасывает коридор, будущая, взрослая жизнь, в которой он чувствует себя потерянным. Он живёт в фантазии, и ему не спастись. Ему никуда не сбежать, никуда не деться.

Парень забежал за угол, рванул к лестнице. Я потерял его из виду. Сейчас... Я поймаю тебя, ты не убежишь... Ты же всего лишь ребёнок. Я тоже забежал за этот дурацкий угол, который скрыл от меня мальчика. Я понёсся вниз по лестнице, перепрыгивая по несколько ступенек сразу. Но мальчика не было видно. Куда он делся? Чёрт, неужели я его упустил?

Я спустился до первого этажа и посмотрел по сторонам. Нет, никого... Может, он побежал наверх? Стоило догадаться. Чёрт. Я поднялся до пятого этажа, мельком осмотрел третий, четвёртый, пятый этаж. Но никого не было. Мальчик исчез. Конечно, он не мог провалиться сквозь землю. Он должен был быть где-то здесь. Но искать его не имело смысла. Я что, буду заходить в каждый туалет, просматривать каждый угол? Тогда я пропущу пару... Я уже опоздал на полчаса. Чёрт.

Сдавшись, я вернулся к 237-ому кабинету. На его двери всё так же красовалась надпись «Murder». И всё-таки мальчик был каким-то помешанным. Неудивительно. С такой-то бабкой.

Я открыл дверь кабинета, вошёл, извинился за опоздание. Увидев новый синяк на моём паршивом лице, несколько человек хихикнуло. Да, это уже стало шуткой. Надо мной уже смеются. Чёрт. Идите в жопу.

Я уселся за последнюю парту и попытался слушать лекцию по журналистской этике. Это было особенно скучно. Бессонная ночь дала о себе знать. Мне снова безумно захотелось спать. Даже больше, чем раньше. После драки я расслабился, и меня начало клонить в сон. Лаза сами закрывались, голова стала пустой. Надо было чем-то заняться. Я взял в руки телефон и попытался найти страницу этого Ильи, который заставил Клыка ударить девочку, которой я восхищался. Попробовал зайти на аккаунт Алисы, чтобы посмотреть её друзей, но не смог, потому что был в чёрном списке. Мне было запрещено смотреть её друзей. Справедливо. Ничего страшного, у меня был второй аккаунт, который мы когда-то в школе создали с Юрой Денисовым, Димой и Саней, чтобы подшучивать над девочками из параллели. Имя придуманного нами человека было Максим Боровичев. Мы нашли в интернете какого-то накаченного фитнес-тренера, набрали в интернете его фоток и разместили на странице. Получился типичный качок Максим. Отлично. Он нравился девочкам, и они так любезно отвечали ему... Совсем не так, как нам.

Я всё ещё помнил пароль от фальшивого профиля и иногда на него заходил. Сейчас аккаунт как раз мне понадобился. Максима Боровичева не было в чёрном списке Алисы, к нему она никак не относилась. А меня ненавидела.

Я набрал пароль и зашёл на этот пустой, никому, кроме меня, не нужный аккаунт.

Её страница не изменилась. Те же фотографии, те же записи на стене. Всё то же самое. Только под каждым постом - лайк от Артура Клыка. Да, лайкает - значит любит.

Я открыл её друзей. Там было два Игоря. Один - её одноклассник, которого я часто видел в вузе, а второй как раз тот самый Игорь - из Петербурга. Я открыл его профиль и пролистал фотографии. Лицо показалось мне знакомым. Высокий, худой и красивый мальчик с большим лбом, приплюснутым носом, чистой кожей и угольно чёрными, хорошо уложенными, волнистыми волосами. У него был уверенный, непоколебимый, холодный взгляд, заключённый в больших голубых глазах. Его сухие, бледно-розовые губы бантиком были сомкнуты. Казалось, что из-под них может вырваться только железный, сильный, угрюмый бас, которым обычно восхищаются девушки.

Да, он выглядел мужественно, гордо. В нём было что-то аристократичное. Под его чёрным шарфом и чёрном пальто словно скрывался какой-то бес, какое-то уродство, какая-то тайна, как у Дориана Грея. Казалось, в нём сочетается романтик и злодей, эстет и разрушитель, безжалостность и обаятельность.

Он был хорош, это точно. Не типичный красавчик аля Клык, каких сотни, нет. Это была мрачная, пугающая и зловещая красота, которая больше всегда всего привлекала людей. Неудивительно, что Алиса так хотела встречи с ним. Её наверняка к нему тянуло. Наверняка ревность Артура не была безосновательной.

Надо было найти совместные фотографии Клыка и Алисы. Я начал листать. Одна фотка, вторая, третья. Вот он - у Смольного дворца, вот у Медного всадника, вот у Зимнего... Долбаный петербуржец.

Я пролистал дальше и увидел то, что заставило меня бросить телефон на парту. Пальцы задрожали. Я побледнел. На лбу выступил такой привычный, липкий пот. Глаза забегали по кабинету. Я хотел вскрикнуть, но сдержался. Всё-таки вокруг были люди. Они могли подумать, что я сумасшедший.

Преподавательница Оксана Викторовна Водиева отвлеклась от темы лекции и ушла в свои рассуждения. Она часто так делала. Любила поговорить о чём-нибудь важном и поспрашивать студентов, что они думают о том или другом вопросе современности. Сейчас она говорила о всей современной культуре.

«Никакой культуры в привычном смысле этого слова сейчас уже не существует, - твердила она. - Её стало так много, что культура превратилась в свалку, потеряла какую-либо ценность. Мы лишь выискиваем на свалке предметы, которые помогут нам не сходить с ума, остановиться...»

Наверное, вам интересно, что я увидел в телефоне? Что заставило меня отбросить его? Хорошо, я расскажу. Это была фотография петербуржца с Полиной. Да, той самой розововолосой Полиной, которую я когда-то любил. Вот её голубые глаза-купели, вот её родинка на лбу - Вифлеемская звезда, вот её маленький, носик-крестик, во её губы - два облака, которые не дают ангельскому пению пробраться в наш мир. Этими губами она целует его в щёку. Он улыбается. Угадайте, какие у него зубы? Конечно же, идеально ровные, белые, чистые. Только у меня они жёлтые, обоссанные дьяволом. Какая глупость. Я пролистал ещё фотографии, увидел ещё фотки с Полиной. Я зашёл в его инстаграм, там тоже были лишь фотографии с Полиной. На одной из них Полина и Игорь лежали в одной постели. Понятно. Какой бред... Как такое может быть? Это же только в романических сериалах возможно... Или нет? Мы же живём в маленьком городе. Игорь вполне мог познакомиться здесь и с Полиной, и с Алисой. Он мог уехать в Питер, узнать, что его знакомая тоже туда уехала, и встретиться с ней! Ведь такое возможно! Это бред, да... Но бред вероятный. Это дешёвая любовная мелодрама, но ведь я сам превратил свою жизнь в дешёвую мелодраму, да? Любые отношения с девушкой - это такая вот мелодрама, да?

Я участвую в каком-то любовном треугольнике, чёрт... Только я здесь - больной, влюблённый неудачник, который трётся рядом и смотрит на их отношения. Как это жалко.

Я пролистал ещё и, наконец, увидел их с Алисой общие фотографии. Тогда у неё ещё не было чудесных бело-розовых волос. Но она и так казалась безумно красивой, как и на том снимке у моря. И этот человек лапал её... Он её касался, и она была с ним. Да, у Игоря имелось всё. Он был ещё больше, ещё лучше Клыка. Вот он - настоящий супергерой. Может быть, Алиса всё ещё была влюблена в него? А что, если это так? Что, если прямо сейчас в него влюблены и Алиса, и Полина? Нет, перестань! Ты не должен об этом думать. Зачем? Ты тут лишний. Это всего лишь дурацкий сюжет для бредовой мелодрамы. Зачем

воспринимать его всерьёз? Это абсурд. Нагромождение одного на другое. Ты должен остановиться.

Но я пролистал ещё несколько фотографий. Одна из них была с выпускного. На ней Игорь в красивом чёрном костюме стоял вместе с родителями - красивой мамой-блондинкой и отцом, который кого-то мне напоминал. Он тоже был красивым, высоким мужчиной с прямым, самодовольным взглядом и гладким лицом... Теперь понятно, в кого пошёл сынок. Я попытался вспомнить, где видел этого мужчину. Неужели? Нет, этого просто не может быть! Это уже какой-то абсурд! Это издевательство! Сон!

Человеком на фотографии был Дровосецким. Я специально нашёл в интернете фотографию Дровосецкого и сравнил. Игорь что, его сын? Что за бред? А какая у него фамилия? Ты обратил на это внимание? Ты посмотрел? Я свернул фотографии и глянул на фамилию.

«Игорь Дровосецкий». Я слышал где-то это сочетание! Но нет! Такого не может быть! Я схожу с ума! Это бред, сон! Что, блин? Как такое возможно? Слишком много совпадений в одном человеке. Нет, мне надо успокоиться. Я отложил телефон в сторону, достал из портфеля успокоительного и проглотил несколько таблеток. Я решил больше не залезать в телефон... Мало ли, ещё Даша окажется сестрой Игоря, Рома - дядей, мой старый друг Юра - его крёстным, а все остальные будут его друзьями. Нет уж. Стоп.

Из-за успокоительного я ещё больше захотел спать. Я уже не мог удерживать глаза - они закрывались, погружали меня в сон, и вскоре, под утомительное бормотание Оксаны Викторовны, я провалился в мрачную бездну собственной головы. Мне приснился, короткий сон, состоящий из обрывочных сцен-вспышек, в котором мальчик бежал по тёмному лесу. В лесу были волки и приведения, деревья и топорики, лисы и охотники. Все они смотрели на мальчика, желая его схватить. Мальчик бежал всё дальше и дальше и прыгнул в заполненный водой овраг лишь бы не достаться всем этим людям.

Я проснулся и открыл слипшиеся, красные глаза. Оставалось всего пять минут до конца последней пары. А потом - только вечер, полный безжизненной пустоты.

Глава 10 Лидер

Пустота чавкала у меня под ухом, облизывалась, вытирала рот рукой, обсасывала мои пальцы. Длинным, скользким угрём она ползала в моей голове. Я сидел за столом и смотрел немецкий фильм «Жестяной барабан», главный герой которого, мальчик по имени Оскар, однажды отказался расти. Я смотрел его уже в третий раз. Зачем? Мне нравилась в нём одна сцена. Митинг нацистов. Произносится речь. Мальчики и девочки с красными повязками с белым солнцем играют марш. Маленький Оскар, который весь фильм ходит с жестяным барабаном на шее, сидит под сценой начинает отстукивать собственный ритм на своём инструменте. Он сбивает музыкантов, играющих марш, и заставляет их перейти с

марша на вальс. Нацистская молодёжь бросает отдавать хвалу фюреру и пускается в пляс. Начинается ливень. Все разбегаются.

Мальчик победил. Он делал, что хотел, он пошёл против них и всё разрушил. Он очеловечил этих людей, сбил их, заставил их танцевать. Мальчиком можно было восхищаться, пусть он и сумасшедший, пусть он и разбивает стекло голосом...

Когда я смотрел фильм, мне казалось, что я забыл какую-то вещь, но какую - вспомнить не мог. Кажется, мне кто-то звонил и говорил что-то важное, о чём я должен был помнить. Я попытался найти в памяти этот разговор, но не смог. Последние дни проходили, как один. Они путались, смешивались и сливались в туалет, как пучок выпавших волос. Их словно не было, словно на их место пришла пустота, и съела всё, проглотила...

Я сидел, как дурак, и, устремив взгляд в потолок, пытался вспомнить, найти в своей гниющей голове хоть что-то, но не мог. Зато я вспомнил другое. Ещё на первом курсе я установил на телефон программу, записывающую звонки, и до сих пор почему-то её не удалил, хотя пользовался этой штукой всего один раз. Я открыл программу и нашёл тот самый звонок недельной давности. Я сразу же вспомнил, о чём он был, но от скуки решил послушать эту пыльную, спрятавшуюся в плоском гробике телефона запись от начала и до конца.

- Привет, - прозвучало из трубки. - Это Настя Андропова. Я звоню насчёт «поэтического баттла». Ты участвуешь или нет?

- Я... - послышался мой глухой, слабый, скрипучий голос. - Я не знаю.

- Ты должен сказать точно, - говорила Андропова. - Потому что вчера Клык как раз выбирал себе противника и остановился на тебе. Я сказала, что ты ещё не подтвердил своё участие, что ты новичок, и очень опрометчиво выбирать тебя, но он настаивал. И очень сильно. Мне показалось, что он зол на тебя.

- Да нет, брось! - крикнул я.

- Он настоял на том, чтобы баттл состоялся как можно скорее... Через неделю. И ещё... Он хочет, чтобы это был баттл друг против друга. То есть, просто стихи прочитать нельзя. Они должны быть направлены на оппонента.

- То есть, мы будем выступать, как рэперы? - усмехнулся я. - Что за цирк? Ты же понимаешь, что это будет нелепо выглядеть.

- Наверное, - сказала Андропова. - Но Клык так решил. Это первый такой баттл в университете. Сейчас это модно и интересно. Почему бы не попробовать? Конечно, есть табу. Нельзя материться, как реперы, и оскорблять мамаш, разумеется, тоже нельзя. В остальном раунды должны быть агрессивными, но в меру. Раунды должны быть короткими, по пять минут. Их всего два, так что учить придётся не так много.

- Тебе не кажется, что неделя для подготовки - это слишком мало?

- Я ничего не решаю, - заявила Настя. - Я только помогаю с организацией. Как я поняла, Клык очень зол на тебя, и он хочет тебя обосрать при всех. Он почти так и сказал. Не знаю, в чём причина его злости, но я видела, что его кто-то ударил в нос, и допускаю, что это мог быть ты.

- Почему ты так решила?

- Во-первых, ты часто ходишь в вуз с синяками. - объяснила Андропова. - Значит, часто дерешься. Во-вторых, я вижу связь между его разбитым носом и желанием побыстрее тебя обосрать.

- Да, мы повздорили, - признался я. - Вроде бы ничего серьёзного, но его это задело, и он хочет высказаться. Что же, пусть сделает это. Я буду трусом, если не приду. Да и у меня тоже есть претензии к нему. Так что скажи ему, что я согласен.

- Хорошо, - прошептала она. - Тогда в пятницу, 13-ого марта, в семь часов вечера. Ты согласен?

- Согласен, - ответил я.

- И приходи смотреть первую битву с участием Маши Шептуновой в среду, одиннадцатого числа.

- Не приду, - отрезал я.

- Почему? - удивилась Андропова. - На улице обещают очень хорошую погоду... Как можно дома сидеть? Не помню, чтобы в начале марта было так тепло. На улице уже сейчас всё тает, а что будет на следующей неделе?! Прикольно, да? Весна пришла! Зиме конец!

- Ну как же... - усмехнулся я. - Глобальное потепление.

- Да ну, фигня всё это, я думаю, что... - начала она трещать о угрозе глобального потепления, но я перебил её, сказав, что пошутил.

- Да приходи послушать Машу и Лилю! - вернулась она к предыдущей теме разговора. - Хоть посмотришь, как всё это проходит. Тебе самому через неделю в баттле участвовать.

- Я уж как-нибудь справлюсь, - замаялся я. - Маша, конечно, гениальная поэтесса, но... В среду же выступает другая, не менее интересная личность. Дровосецкий, точно! Вечером одиннадцатого числа будет его митинг. Так что я пойду туда.

- Кто выступает? - не поняла она.

- Дровосецкий, - ответил я. - Это кандидат в губернаторы. Ты должна была слышать.

- Нет, я не слышала, - сказала Андропова. - Я не интересуюсь политикой, особенно местной. Жаль, что ты не придёшь. Ладно, если что - посмотришь баттл Шептуновой в интернете.

- Видео будут куда-то выкладываться? - спросил я.

- Будут, конечно! - воскликнула она. - На канале оператора всё выложат. Я скину потом, если надо.

- Да, скинь. Я посмотрю. Обязательно, - пообещал я и положил трубку.

Да, в разговоре речь шла о баттле. Надо было к нему готовиться, а я про всё забыл. Вот дурак. Баттл должен был состояться уже послезавтра. Я написал лишь несколько строчек... Какую-то хрень на пару страниц начиркал, потом всё бросил и не стал этим заниматься. А ведь я обещал. Ладно, я всё напишу. У меня есть сегодняшний вечер и весь завтрашний день. Я справлюсь, да? Возьму себя в руки и всё сделаю.

Когда я успокоился, мысль о предстоящей «дуэли» с Клыкком сменилась мыслью о митинге Дровосецкого? Он был сегодня, одиннадцатого марта. Об этом говорила Даша. Пару дней назад я видел дату и время в паблике Дровосецкого, на который зачем-то был подписан.

Митинг Дровосецкого... Может, это и есть то самое мероприятие, о котором упомянула Алиса? В том разговоре с Клыкком она говорила, что Игорь приедет из Питера на юбилей отца и на какое-то важное мероприятие. Может, этот митинг - и есть то важное мероприятие? Возможно, Игорь там будет, и я смогу посмотреть ему в глаза, увидеть человека, который овладел всеми моими мечтами - и прошлыми, и настоящими?

А ещё лучше - выстрелить в Игоря. Прямо на глазах его отца. Прямо на глазах всей толпы. Зачем? Чтобы сделать Дровосецкого мучеником, богом... Ведь у Бога же должен быть идеальный, добрый сын, который пострадал за грехи всего человечества и умер за людей и по вине людей. А я буду преступником, злом, дьяволом, убийцей, как Гаврило Принцип или Дмитрий Богров. Я обеспечу Дровосецкому победу, порадую Дашу... Меня порвёт толпа, да, меня посадят в тюрьму, искалечат. Но потом они признают, что я привёл Дровосецкого к власти. Ведь просто так за него никто не проголосует, просто так он никому не нужен, он обычный либерал, но с мёртвым сыном, убийство которого увидят многие, он станет страдальцем, символом...

Это был бред, конечно. Всё это звучало безумно, но разве сам я не был во власти безумия? Разве всю мою жизнь не захватил абсурд? Разве Игорь не был персонажем абсурда, который совместил в себе всё и даже больше? Ведь он не мог существовать в реальности и владеть всем. Таких совпадений не бывает! Он словно пришёл из дешёвой, пустой фантазии, из мелодрамы... Нет, он был мистическим персонажем, он вошёл в мой мирок через чёрный ход, он сделал всё вокруг лишь иллюзией, сном, который придумал бездарный сценарист. Игорь - воплощение абсурда, и убийство его должно было быть абсурдным и бессмысленным.

Пустота ушла. Во мне загорелась какая-то сумасшедшая искра. Я хотел абсурда, я готов был погрузиться в него, стать им. Я, наконец, хотел зла. Подлого, мерзкого, не имеющего никакого смысла зла. Я желал зла шуточного, основанного на бредовой политической, мистической идеи...

Я сидел и думал. Мысли бегали по стенам, кусали меня, клали мне в рот липкие конфетки слов, а я жевал их, вертя в руках пистолет. Как это? Просто пойти на митинг, встать, нацелиться и убить его? Просто пройти со всеми на митинг, встать и выстрелить? Но ведь я не пройду просто так! Там будут металлические рамки! Нет, я проберусь, привяжу пистолет к ноге... Полицейские пропустят меня, они не будут меня осматривать. Они никогда никого не осматривают... Чёрт, неужели я вот так просто решил пойти и убить Игоря? Из одной только зависти. Чёрт, я его даже не знаю. Может, он хороший человек. Хороший, хороший... Один ты - плохой. Ну и отлично! Я и не спорю. Я - кусок говна, и это весьма приятно.

К горлу подкатила тошнота. Мне хотелось проблеваться, почистить желудок... Я открыл рот, сел на пол и, склонив голову над унитазом, попытался выпустить рвоту наружу. Но рвоте хотелось быть внутри, захватывать территорию у пустоты, расти, шириться. Я вернулся на кухню - к пистолету.

Чёрт, неужели я и правда собирался это сделать? Пойти и выстрелить в Игоря? Просто так, потому что хочу? Да, а разве могут быть какие-то другие причины для убийства, кроме обыкновенного желания? Игорь заслуживает смерти, потому что он идеален, потому что он влюбляется в тех же девушек, что и я. Только в другой последовательности и с другим результатом. Убив его, я окончательно стану уродом. И Полина, и Алиса будут меня ненавидеть. Это лучше, чем безразличие или насмешливое презрение... Как и зло лучше, чем пустота.

Но как стрелять из пистолета? Я этого даже не знаю. Что тут сложного? Снять с предохранителя, спустить курок... Чтобы не облажаться, я посмотрел видеоурок, подошёл к зеркалу и посмотрел на себя.

Я чувствовал себя Трэвисом Биклом из фильма «Таксист». Надо было только побриться налысо, оставив дурацкий ирокез, и надеть зелёную куртку. Но куртки не было. Бриться налысо мне было лень. Да и машинка недавно сломалась. Починить её я не смогу. Потому что не знаю, как... Потому что руки растут из жопы.

ТОЖЕ МНЕ МУЖИК! ТРЯПКА! - крикнули воображаемые Алиса, Полина, Даша, все они...

До митинга оставалось всё меньше времени. Надо было одеться и выходить. Но я не был уверен, нужно ли мне всё это. Я боялся. Но мне так хотелось разрушить что-то прекрасное.

Я ещё раз посмотрел на фотографию Игоря с Полиной, потом с Алисой... У него машина, популярность, уверенный взгляд... А я? Какой же я жалкий человек, какой мерзкий... От меня воняет потом. Фёдор, сходи помойся! С твоей головы сыпется перхоть! Как можно быть таким, Фёдор? Почему ты не стал, как Игорь! Ты ведь тоже мог уехать, стать нормальным, хорошим человеком... Нет, я не мог. Я - гниль, и я возведу гниение в наивысшую степень. Таксист хочет, чтобы я убил... Если я никого не убью, он ведь покончит с собой, умрёт. Но таксист не должен умирать. Он хороший человек. Он похож

на меня. Нет, таксист не умрёт, потому что должен написать свой роман, своё сочинение, которое наверняка и не будет никому нужно.

На кухню вошла фигуристка. Всё в том же красном платье. С теми же чёрными, как космос, волосами, с тем же милым, почти детским, но в то же время аристократическим лицом.

- Ты давно не появлялась, - заметил я. - Я тебе надоел?

- Нет, что ты... - протянула девочка. - Я стеснялась подходить к тебе. Наверное, у меня появились чувства к тебе. Может быть, я влюбилась.

- Не надо, - простонал я. - Не люби меня. Я прыщавый карлик с гадким, красным лицом. Я не тот человек, которого должны любить.

- А кто ты? - спросила она.

- Я создан для разрушения, - ответил я. - Мне кажется, такие, как я, нужны, чтобы что-то противопоставить красоте. Ведь без уродства красоту было бы невозможно любить.

- Но ведь ты не хочешь разрушать красоту...

- Не хочу... - прошептал я. - Я всегда больше всего боялся разрушения красоты. Это же преступление - разрушить красоту. Но я должен стать преступником, понимаешь? Я должен уничтожить что-то красивое, чтобы перестать бояться, чтобы перестать чувствовать, чтобы умереть. Может быть, я такой слабый и жалкий человек именно потому, что не могу разрушить красоту? Как ты думаешь? Ведь взрослым можно стать, только разрушив красоту у себя внутри, только покоровшись уродству...

- Ты думаешь, что не существует взрослых людей с красотой внутри?

- Нет, они существуют, - сказал я. - Это художники. Настоящий художник борется против уродства, зная, что его не победить. Это бесполезная, обречённая на провал борьба. В ней ты либо умираешь, либо сдаёшься. Но я не могу вести даже этой борьбы. Почему? Когда ты сражаешься против уродства, в твоей душе должна быть чистая красота, ничем не запятнанная. В моём случае красота срастается с пустотой, и получается какая-то нелепая каша. Эта каша бултыхается в мясе, в моём отвратительном, свином теле. Я стремлюсь к красоте, к любви, но сама красота меня отвергает. Так может, стоит просто истребить красоту? Может, я делаю совсем не то, для чего рождён?

- Если ты уничтожишь красоту, то убьёшь меня, - бросила фигуристка.

- А если я сохраню её, то умру сам, растворюсь в пустоте.

- Я спасу тебя от пустоты, Федя, - улыбнувшись, пообещала фигуристка. - Я всегда буду с тобой.

- И что? - усмехнулся я. - Ты и есть пустота, девочка. Все мои образы - пустота...

- Но пустота ведь не может любить, - возразила она.
- Разве? - спросил я.
- Да, - кивнула фигуристка. - А ещё пустота не умеет танцевать.
- А ты умеешь? - оживился я. - Мне не довелось видеть, как ты танцуешь. Только по телевизору... Но там была другая ты, ненастоящая.
- Наоборот, - усмехнулась она. - Там я была настоящей, живой.
- Нет, в телевизоре нет настоящих людей. Там - одна иллюзия. Но здесь ты живая. Здесь я с тобой разговариваю. А если бы ты станцевала, я был бы готов тут же взять и умереть...
- Честное слово? - улыбнувшись, спросила она.
- Да, - без колебаний ответил я.
- А я бы хотела, чтобы мы с тобой станцевали, - промолвила фигуристка. - Чтобы я была на коньках, а ты - как обычно, в ботинках. Мы бы станцевали вальс.
- Я всего один раз в жизни танцевал вальс, - признался я. - С Полиной на последнем звонке. У меня плохо получалось, но это и не имело значения. Важны были только прикосновения к её холодным, тонким пальцам, только её бело-розовые губы, только её голубые, полные слёз глаза. Она плакала в тот день. Все девочки на последнем звонке плачут - им грустно покидать школу. А мальчики терпят, стараются не показывать свои чувства. К тому же, большинству из них всё равно... Но Полине не было всё равно... Слёзы лились ручьём. Ярко светило солнце. Его лучи отражались в её слезах, словно в зеркале. Мне было дано лишь несколько прикосновений. Но, клянусь, я запомнил все... Потому что каждое обожгло меня, оставило рану... То солнце в её глазах... Оно будто ещё горит. Словно тот день ещё не закончился, словно солнце не село, словно тот последний звонок ещё не прозвенел. Но я уже не могу на него смотреть... Солнце давно почернело, а я - это пепел, который тонет в бело-розовом закате. На одно я надеюсь. Скоро наступит ночь, все лягут спать, мой пепел рассеется по ветру, а я просто стану пустотой.
- Не торопись, Федя, - прошептала фигуристка. - Ты ещё должен мне танец.
- Мы можем станцевать на улице, - предложил я.
- Глупенький, мне нужен лёд... - проглотив маленький, едва заметный смешок, сказала она.
- Ты сам поймёшь, когда я позову тебя. Только обещай, что придёшь, что не оставишь меня в одиночестве...
- Я обещаю, - промолвил я и упал вниз, в чёрную, абсолютную тьму.

Проснулся я на кухне, в темноте. На часах было уже шесть вечера. Я вскочил, оделся минут за десять и, схватив пистолет и бросив его в портфель, побежал на остановку.

До площади Свободы, где проходил митинг, я добрался минут за тридцать. В маршрутке мне посчастливилось сесть между двумя толстухами, которые сжали меня своими огромными, жирными, рыхлыми телами. Казалось, с каждой минутой они увеличивались в размерах. словно обычный воздух делал их всё больше и больше. Мне было тесно и жарко. Я снова потел. Конечно, можно было подняться, но, во-первых, тётки бы обиделись и подумали, что они мне противны, а во-вторых, вскоре после того, как я сел, маршрутка заполнилась людьми до отказа, и, встав, я бы не слишком улучшил своё положение и снова оказался бы зажатым.

Вскоре я приехал на площадь Свободы. До митинга оставалось каких-то десять минут. Людей собралось уже предостаточно. Куда больше, чем я планировал. Целая толпа.

Я подошёл поближе и увидел рядом с площадью три полицейских «Пазика» и много коренастых, хмурых парней в форме. Полицейские были повсюду, но стояли они рассеянно, словно не ожидая, что на сегодняшнем сборище может случиться что-то из ряда вон выходящее. Тем более, покушение на убийство.

Я подумал, что было бы занятно посмотреть со стороны на то, как все полицейские набросятся на меня и начнут меня бить своими чёрными дубинками. «А может, открыть ответный огонь? - подумал я. - Нет, это уже совсем перебор, Фёдор. Тем более, у тебя всего два патрона. Какой там ответный огонь?».

Я оглянулся и нашёл взглядом металлические рамки, через которые проходили сторонники Дровосецкого и другие посетители митинга. Ограждений было мало - рамки стояли почти на пустом месте, и люди покорно шли через них. Правда, часть из митингующих пыталась обойти рамки из принципа, чтобы не подчиняться полицейским. Путь заграждали лишь маленькие, неумело расставленные заборчики, в которых были большие дыры, позволяющие легко проскользнуть, если никто не видит... Вот безбашенные идиоты и пользовались возможностью. Некоторых из таких бунтовщиков полицейские замечали и заставляли всё же пройти через рамку металлодетектора, но самые удачливые оставались незамеченными.

«Что будет, если меня поймут на входе? - рассуждал я. - Я зачем-то сунул пистолет в портфель, а не привязал его к ноге, как планировал... Если они увидят его, то сразу заберут его у меня... Может, мне стоит кинуть пистолет в трусы? Какая глупость. Он будет замечен. Да и нельзя доставать пистолет здесь. Они его увидят и сразу же скрутят меня. Может, мне уйти? Нет, митинг вот-вот начнётся. Я не сдамся! Посадят, и ладно. Скажу, что мне подкинули пистолет, что он не мой... Нет, он же действительно не мой! Мне дал его какой-то таксист!

- Какой таксист? - спросит оперуполномоченный.

- Я не знаю! - буду кричать я. - Отпустите меня! Пожалуйста, отпустите меня!

- Нет! - рявкнет полицейский и ударит меня по голове.

Ну что ж... На нет и суда нет. А мне ещё сидеть на суде. Краснеть там. Потеть. Ну и ладно. Зато всё будет решено. Нет! Я буду отстреливаться. Одной пулей. Может, просто стрельну в себя.

Помнишь ту цитату из мультика? «Издавна мы, греки, называем богатырей сих — россичами или руссами. Мужики росские — доблестные воины. При набегах немного рабов взять удается от славян сих, ибо неволе предпочитают все они смерть...». Неволе предпочитают смерть. Значит, я лучше умру, да? Да уж, лучше мне умереть.

Надо было действовать. Я приблизился к рамке и увидел, что двое полицейских вышли из строя, чтобы помочь своим коллегам разобраться с каким-то пьяницей, зачем-то пришедшим на митинг. Мне казалось, что я где-то его видел... Да, это был тот самый мужик, с которым я дрался, защищая Дашу. У него нашли нож, а он не хотел его отдавать. Пришлось разбираться с дебоширом.

Пока полицейские отвлеклись, мне удалось проскочить через просвет между двумя ограждениями. Никто из них меня даже не заметил. Словно я тень, словно меня не существует вовсе. Почему полиция работает так плохо? Кто-нибудь должен был увидеть меня, ведь они стояли совсем рядом. Но я же маленький, ничтожный гномик... Кому я нужен?

Было даже обидно, что у меня получилось так легко пройти. Тот мужик не смог, а я смог. Словно я лучше него. Но я должен быть хуже всех, хуже самого плохого человека на свете. Нет, это не удача. Я же сделал шаг к своему гробу, да? Я в любом случае проиграю. Я уже проиграл.

Вытерев со лба выступивший от волнения пот, я попытался пробраться сквозь толпу к большой, специально установленной здесь сцене, на которой была большая надпись «Дровосецкий! Выбор очевиден!». Я подходил всё ближе и ближе, чтобы можно было легко прицелиться и выстрелить в идеального, красивого, харизматичного Игоря. В супермена! Но вдруг от него отскочит пуля? Ведь такое может быть, да? Он ведь мистическое существо, у него есть всё, что он пожелает. Так, может, он и вправду супергерой? Нет, замолчи. Всё это - просто совпадения. Череду нелепых совпадений, которых не может быть в реальности.

Бросив взгляд на сцену, я, наконец, увидел его. Того самого Игоря с фотографий. В чёрном пальто, без шапки, со своими волнистыми, чёрными волосами. Он стоял с Дашей. Конечно, с кем же ещё... Отбери у меня ещё и её... Ещё и подругу. Хотя какая она мне подруга? Я ей больше не нужен. Пусть говорит, с кем хочет.

Разговаривали Игорь и Даша недолго. Через минуту-две Гармс убежала куда-то в толпу, а Игорь пошёл за сцену. «К отцу, наверно», - подумал я.

Люди уже кричали имя Дровосецкого, приглашая его выйти к ним. Всем раздавали шарики, на которых было написано «Дровосецкий», специально заготовленные плакаты и транспаранты.

На сцену вышла Ольга и произнесла маленькую вступительную речь. Она призывала всех собравшихся посещать в штаб, записываться в волонтеры, рассказывать о Дровосецком друзьям и знакомым, подписаться на группы в социальных сетях, лайкать и репостить все записи.

«Только так возможно выиграть выборы, сопротивляться действующей власти», - сказала она.

После всех обязательных вступлений, Ольга представила Дровосецкого, и под торжественную музыку он появился на сцене в компании троих детей и своей красавицы-жены. Старший Дровосецкий был одет в элегантный чёрный костюм с красным галстуком и расстёгнутую куртку. На его руках не было перчаток. Он выглядел почти так же, как на фотографии - только казался чуть менее прилизанным. Сорокапятилетний деловой мужчина, высокий, плечистый, с приплюснутым носом и длинными, тонкими губами. Он улыбался, но в улыбке его было что-то наигранное, искусственное и лживое. Только не подумайте, что он казался негодяем, нет - просто он представился мне скользким, неровным человеком, с кочками, на которых любой может споткнуться.

- Здравствуйте, - заговорил он звучным, красивым голосом.

Казалось, Дровосецкий тренировал этот убедительный, сильный мужской голос - таким чистым, идеальным и со всех сторон правильным он был.

Все слушали Дровосецкого затаив дыхание. Сначала он представил свою семью. Маленького сына Егора - блондина, похожего больше на маму, нежели на отца, потом дочку Яну, полноватую девочку лет шестнадцати с длинными волосами, которую я тоже где-то видел, но никак не мог вспомнить, где именно, и Игоря - самого старшего ребёнка в семье.

- Сейчас мой сын учится в Санкт-Петербургском государственном университете, но сразу после его окончания он вернётся на нашу сибирскую землю и будет трудиться для процветания нашего края! - заявил Дровосецкий. - Это - священный долг нашей семьи, потому что нам безразлично, что происходит здесь, в месте, где мы родились. К сожалению, наш регион не развивается. Он нищает. Зарплаты уменьшаются, а цены растут. Отсюда уезжает молодёжь! Это нормально, если юноши и девушки едут учиться! Университеты в Санкт-Петербурге и Москве престижнее, это столицы, да и наш университет пока слишком молод и несовершенен, чтобы удовлетворить все потребности юных дарований. Они уезжают - и это их выбор. Но почему никто не возвращается? Потому что люди не хотят возвращаться туда, где всё хуже! Где маленькие зарплаты, где нет работы, где плохие дороги и условия жизни! А кто их создаёт? Власть! Власть обманывает нас всех!

Дальше пошла привычная телега о коррупционерах, невыполненных обещаниях и проектах. Дровосецкий уверял, что если бы власть делала всё, как нужно, то регион занимал бы ведущие позиции в России, поднялся бы из той задницы, в которой находится, и в него бы приезжали, а не уезжали.

Но мне было не до этого трёпа. Его я слышал тысячу раз. Я смотрел на Игоря. Он стоял за спиной своего отца и оглядывал толпу. Хорошо, что на улице потеплело прямо к твоему приезду, да, Игорь? Тебе нравится тут стоять, да? Ведь нравится, признайся, сука. Ты гордишься своим отцом. Его любят, его считают борцом за правду. Его слушают, открыв рот, ему верят. Да, ты счастлив. Но я могу всё разрушить прямо сейчас. Снять портфель, щелкнуть предохранитель, нажать на курок и убить тебя. Пистолет может стать моим барабаном, как в том фильме про мальчика Оскара. Я могу выстрелить и заставить людей танцевать, а не слушать какого-то демагога, веря каждому его слову.

Тогда демагогу станут верить ещё больше, чем сейчас, тогда демагог станет Богом. Это будет прикольно, правда? Нет, совсем нет... Почему я должен делать что-то ради него? Если бы я любил Дашу, то это имело бы смысл, но я её не люблю и не любил никогда. Я просто видел в ней Полину, но не смог заменить ей Полину. Она - человек структуры, она несвободна. А я могу влюбиться только в ту, в ком вижу свободу... Стой! Ведь свобода - это потерянности. Тебе не кажется, Фёдор, что ты потерял, потому что стремишься к свободе, жаждёшь её? Но разве потерянный в этом мире человек может чувствовать себя свободным? Нет. Речь не об этом мире. Речь о пустоте. Единственная возможная свобода - это пустота. Наверное, поэтому я к ней так стремлюсь. Свобода есть смерть и бессмысленное, полное разрушение. Свобода - это убийство. Нет, убийство нужно совсем не ради Дровосецкого, а ради самого себя. Я хочу его смерти. Я разрушу его красоту, я убью его из-за зависти, из-за самого мерзкого чувства, чтобы опуститься как можно ниже...

Но тут есть дети. Взрослые пришли посмотреть на борца за свободу со своими детьми. Малыши увидят смерть Игоря и станут взрослее. Ты сломаешь их, ты отберёшь у них детство. Пока что дети думают, что люди не умирают, но, увидев смерть, дети узнают правду. И что... Пусть они видят! Тогда им потом не будет так сложно взрослеть!

Нет! Нет! Ты же всем сделаешь больно! Алисе, Даше, этому идиоту Дровосецкому и всей его семье. Мальчик с белыми волосами будет плакать, когда потеряет старшего брата, на которого наверняка равняется. Его старшего брата убьёт какой-то прыщавый урод. Нет, это так некрасиво. Это такая грязь. Я не хочу! Я знаю, что должен, но я не хочу!

- Ты слабый! - кричал тот, другой, сильный и злой Фёдор. - Посмотри на себя! жалкий Фёдор опять берёт над тобой власть! Он убивает тебя. Ты снова рассуждаешь о морали, о справедливости! Ты один об этом думаешь! Всем остальным наплевать! Ты не можешь никого раздавить, уничтожить! Но они тебя давят! Каждый день...

- И что? - спрашиваю я сам себя. - И пусть... Пусть я умру, но я буду бить в свой баран. Без убийств, без разрушений... Я не могу. Я ещё маленький.

Я снова чувствовал боль. Боль раздирала меня. Я ненавидел Игоря, понимал, что должен разрушать красоту, но я не мог... Я бы расплакался, если бы не все эти люди. Ведь они будут надо мной смеяться. «Тоже мне, убийца! - будут они кричать. - Какой бы замечательный финал бы получился! Ты убил бы Игоря! Стал бы маньяком! Но ты просто ушёл! Слабак!»

Я развернулся и стал пробираться к выходу. Я преодолел толпу, прошёл сквозь арку. Она запикала, но полицейским было плевать. На выходе они никого не проверяли. Дровосецкий орал что-то про плату за ЖКХ, про произвол, а я уходил всё дальше и дальше.

Захотелось выпить. Недалеко от штаба Дровосецкого как раз находился хороший ирландский паб. Там было дорого, зато можно было спокойно посидеть, не слушая ор пьяных мужиков и не глядя на кислые рожи толстух-продащиц. Лучше потратить больше денег, но выпить в тихом, атмосферном месте, где обычно тусуются бородатые хипстеры со своими симпатичными, рок-н-рольными девчонками.

На улице было очень тепло. Казалось, что без стука в наши восточно-сибирские края, наконец, пришла плюсовая температура... Странно, в марте на моей памяти никогда такого не было. Впрочем, всякое случается. Помню, как-то морозы стояли до мая. Все удивлялись и проклинали это место, эту загадочную, тёмную Сибирь, в которой невозможно жить. Дима тогда меня спрашивал: «Какие идиоты придумали, что здесь вообще можно строить города, работать? Молодцы, взяли, закинули сюда людей и заставили их выживать».

Но и Сибирь бывает милостивой. И она преподносит сюрпризы.

В зимней одежде мне было жарко, и поэтому пришлось расстегнуть куртку, снять шарф и шапку и бросить их в портфель. Я шёл и наслаждался темнотой, ещё не ночной, но вечерней, а значит менее таинственной, но более доброй.

На смену вороху мыслей снова пришла пустота. Я не думал ни о чём, разве что о парочке стаканов пива, которые собирался выпить в пабе. Нет, я ничего не должен делать. Я не должен никого убивать, не должен никого любить. Я буду просто существовать, потому что я - просто тень. Моя задача - раствориться в пустоте. Когда-нибудь. Где-нибудь.

Шагал я быстро. Под ногами шипел тающий снег. Он размяк, почернел, превратился в мусор. Снег, прежде такой белый и чистый, топтали люди. И это выглядело так пошло, так жесткосердно... Нет, брось. Это всего лишь снег. Не надо сравнивать его с душой человека.

Я был уже близко. Оставалось пройти каких-нибудь пятьсот метров, и я сяду за столик, выпью пива, расслаблюсь...

Впереди я увидел стаю орущих людей. Они кричали, двигались, бросали непонятные предметы прямо в штаб Дровосецкого. Я подошёл ближе и увидел, что происходит. Всего у штаба было шесть человек. Двое мужчин лет тридцати пяти на вид, один толстый, а второй худой, но низкорослый настолько, что при желании его можно было признать за карлика, закидывали штаб яйцами и помидорами. Молодой, высокий и бородатый парень лет двадцати пяти на вид рисовал балончиком на окнах всякие непристойности. Смазливый блондин, открывал краску, намереваясь облить ею дверь. Последний парень, лысый накаченный гопник, вооружившись ломом, со всей силы ударил по стеклу. Оно треснуло, но не разбилось.

Я не знал, что мне делать. Просто уйти было бы неправильно. Ведь Даша и её брат так расстроятся, если штаб разрушат и изуродуют... К тому же, это так подло. Они специально дождались, пока здесь никого не будет, и напали... Молодцы, суки.

Не знаю, что побудило меня достать из портфеля пистолет. Наверное, я вытащил его, потому что он просился выйти погулять, как ребёночек... Он плакал. Я обещал, что он выйдет и нарушил своё слово. Мне стало стыдно, и я его выпустил.

Только не говорите, что я хотел защитить этот чёртов штаб, потому что во мне заиграло чувство справедливости или что-то типа того. Нет, просто я сошёл с ума.

Ну что ж теперь, если у меня в руках оказался пистолет, надо было действовать.

Я приблизился к вандалам и, направив на них железную, смертельно опасную игрушку и сделав голос как можно грубее, заорал:

- А ну отошли отсюда, суки! А то я в вас выстрелю.

- Ты чо, школьник! - офигел лысый, увидев меня. - Брось оружие. Оно у тебя поди пластмассовое.

- Заткись, павиан! - гаркнул я. - Не пластмассовое. Ты поймёшь это, если не свалишь отсюда, павин.

- Кто? - замычал он.

- Обезьяна, - объяснил я. - Я тебе сказал по-русски, вали отсюда и своё племя забирай. Пока я не выстрелил.

- Слышь... - выплюнул он, но мужик постарше, в красной куртке, в шапке-ушанке, с большим круглым животиком, его остановил.

- Пойдём отсюда, Саш, - промолвил толстячок. - Он, похоже, какой-то псих. Взгляд у него нездоровый. Он на самоубийцу похож. Да и пистолет у него настоящий, я же вижу...

После этих слов я засмеялся. Даже такой обывала, как этот мужик, увидел во мне сумасшедшего суицидника. Какое достижение! Забрав инструменты, краску и лом, мужики сорвались с места, на котором стояли, и побежали вдаль. Через несколько секунд они скрылись за ближайшей хрущёвкой, и я смог расслабиться, опустить пистолет.

А ведь они запросто могли бы меня избить... Просто набросились бы на меня вшестером, и всё. Сказочке конец. Я бы не выстрелил. Смелости бы не хватило - я всё-таки первый раз в жизни направил на кого-то оружие. Но всё ли так однозначно? Неужели я бы струсил? У меня ведь даже не дрогнула рука, когда я держал их на прицеле. Нет, я бы выстрелил хотя бы в одного. Убил бы толстого или лысого - неважно. Чего мне бояться? Я несколько раз дрался с такими, как они. Однажды подобные им гопники мне сломали руку. Помню, как я смеялся. Ха-ха!

Я убрал пистолет в портфель и пошёл к бару, который был через дорогу, но вдруг услышал позади себя знакомый женский голос.

- И что это было? - спросила неясно откуда здесь взявшаяся Даша Гармс.

- Я удивлён... - усмехнулся я, обернувшись к ней. - Не ожидал тебя здесь встретить. Ты же должна быть на митинге.

- Удивлён? - закричала она на всю улицу. - Реально? Думаешь, я не удивлена? Я чуть не обосралась сейчас! Чёрт возьми! У тебя пистолет! Он настоящий?

- Настоящий, - ответил я.

- И откуда?

- От верблюда, Даша, - огрызнулся я. - Хватит на меня наезжать. Это не мой. Мне его на время дали попользоваться.

- В смысле попользоваться, Фёдор? - психовала Даша. - Ты что, ходишь ночью по переулкам и убиваешь бомжей?

- Не бомжей, а преступников, - сказал я. - Твой брат же хотел видеть во мне супергероя. Вот я хожу и мочу плохишей, как Фрэнк Касл.

- Фрэнк Касл хотя бы военный, - промолвила Даша. - А ты? Не думаешь, что нарвёшься на кого-нибудь?

- Нарвусь, и что они сделают? - вытрёпывался я. - Изобьют меня? Этого я не боюсь.

- Видно, - усмехнулась Даша. - Иначе ты бы постоянно не ходил с синяками на лице.

- А это моя фишка, - сказал я.

- У тебя слишком много «фишек», не находишь?

- Не, не нахожу. По-моему, всё нормально.

- Нет, не нормально! - воскликнула Даша. - Зачем тебе этот пистолет? Скажи, я ведь не отвязжусь.

- Да просто так, - брякнул я. - Всяких придурков пугать. Ты же знаешь, я часто нарываюсь на проблемы. А так, я могу достать пистолет, и проблем не будет.

- Если достаешь пистолет, нужно хотя бы уметь стрелять, - сказала Даша. - Идиот... Подожди, а ты что, был с этим пистолетом на митинге?

- Был, да, - ответил я. - Планировал покушение на Дровосецкого, но струсил.

- Это, конечно, враньё, - с полной уверенностью заявила Даша, - но, знаешь, я бы не удивился, если бы ты такое удумал. Кстати, как ты прошёл через рамку?

- Я увидел, что полицейские отвлеклись, и проскочил мимо, - объяснил я. - Можно сказать, мне повезло. Но прекрати меня обо всём спрашивать. Давай лучше я тебя поспрашиваю.

- Хорошо, давай, - согласилась Даша. - Только мне бы хотелось продолжить беседу внутри.

Мы вошли в закиданный помидорами и яйцами штаб, у которого чуть не выломали окно. Даша включила свет, поставила чайник и села за стол. Я подсел к ней.

- Ты за мной следила? - спросил я. - Или просто шла в штаб?

- Я увидела тебя на митинге, - ответила она. - Думала, подойти к тебе, поговорить, когда всё закончится, но потом заметила, что ты уходишь, и отпросилась, сказав, что у меня заболел живот. Короче, я пошла тебя догонять. Понимаешь... Я хотела извиниться перед тобой. В тот раз, в телефонном разговоре, я нагрубила тебе, сказала лишнее. Просто я очень расстроилась, и на нервах выплеснула всю свою злобу на тебя. Прости меня, ладно?

- Хорошо. Я понимаю, что подвёл тебя, устроил в штабе скандал и всё такое. Но... Такой уж я человек.

- Нет, ты не виноват, - сказала она. - Ты никуда не напрашивался, не лез в драку, в отличие от этого Мамонтова. Он такая сука. Ненавижу его.

- В смысле? - удивился я. - Ты же его уважаешь?

- Уже нет! - выплеснула Даша. - Ты не знаешь, какая жуть творилась в этом штабе в последние дни. Я уже сама пожалела, что во всё это ввязалась. После того, как Мамонтов победил в трёх дебатах, сначала с тобой, а потом с двумя оппонентами постарше, из политических партий, он понял, что его поддерживают, и захотел стать координатором штаба, то есть сменить Ольгу. Он начал целую кампанию против неё. Эту кампанию поддержал юрист штаба, школьники, разумеется, тоже все пошли за Мамонтовым. Они сняли несколько видео о том, какая Ольга плохая и неорганизованная, начали агитировать за её отстранение.

- Понятно... - протянул я. - Выиграл студента, пару лохов и почувствовал в себе силы...

- Ага, - кивнула Даша. - Маразматик. Естественно, если оставить всё так, как есть, то эти конфликты в штабе выльются наружу, информация о них попадёт в СМИ, и вся кампания улетит в трубу. Поэтому надо что-то делать. В любом случае, Дровосецкий должен сам всё решить. Если он скажет своё слово, все уgomонятся. Ведь что противники, что сторонники Ольги выступают за одного кандидата в губернаторы. Мамонтова просто считают более достойным организатором и оратором, чем Ольгу. Он лучше говорит, он умнее, он принципиальнее. К тому же, Ольгу не любят за то, что она позволяет высказаться людям других убеждений вроде тебя. Короче, всё сложно. О конфликте знают все волонтеры. Сейчас это главная тема, и такая напряжённость вредит всему нашему делу. Сегодня до митинга волонтеры только и говорили, что о конфликтах. Вроде бы митинг, которого все долго ждали, но... Короче, в штабе всё плохо. Многие ушли и борются за Мамонтова. Кстати, мой братик в том числе.

- Вы же с ним живёте вместе, - нахмурился я. - Смотри, как бы он не избил тебя.
- Пусть только попробует... - усмехнулась Даша. - Но мы с ним не разговариваем. Он дуется на меня. Ладно, это скоро пройдёт. Если бы не моя рассеянность, Дровосецкий бы уже завтра сделал какое-нибудь заявление по поводу этих конфликтов. Ничего, сегодня я поговорила с его сыном...
- Да, видел, - оживился я. - О чём ты там трепалась с ним?
- А ты знаешь Игоря? - спросила Даша.
- У нас общие знакомые, - ответил я. - Я слышал о нём. Мерзкий тип.
- А мне показалось, что он очень приятный, пожала плечами Даша. - Впрочем, это неважно.
- Ты сделала ему комплимент? - злился я.
- Нет. Мы общались по делу. Сейчас всё расскажу по порядку. Просто Дровосецкий попросил меня нарезать всё важное, что происходило в штабе за последнее время. Сделать отчёт, всё расписать, предоставить видеозаписи всех конфликтов и происшествий. Сегодня я должна была передать флешку со всем этим дерьмом Дровосецкому. Он меня лично попросил об этом, чтобы посмотреть всё самому и решить, отстранять Ольгу от работы или нет. Он доверился мне, потому что я вроде как не поддерживаю ни одну из сторон и могу объяснить всё, как есть. Вот. Я всё честно сделала, но замоталась с организацией митинга и совсем забыла про флешку. А свою почту Дровосецкий мне упорно не даёт. У него паранойя. Боятся, что всё перехватят ФСБшники. А информация важная. Если о конфликтах узнают наши противники - нам пипец. Вот так.
- Так в чём проблема, передай её завтра!
- Я не могу передать её завтра, потому что на четыре дня, до понедельника, мы с родителями уезжаем к бабушке в деревню, - тараторила Даша. - У неё юбилей, 90 лет, это нельзя пропустить. Флешка срочно нужна Дровосецкому, он не может ждать. У него в воскресенье тоже юбилей, и он хочет решить все неприятные вопросы до праздника. Плюс конфликт не должен длиться долго. Он и так затянулся. Ну я и договорилась с Игорем, сыном Дровосецкого, что наш человек из штаба передаст ему флешку. Игорь уже отдаст флешку отцу. Слушай, если уже знаком с Игорем, можешь сделать это? На тебя я могу положиться. Побудешь курьером?
- Что? Каким ещё курьером? Твой Игорь не очень приятный тип. Я бы не очень хотел с ним связываться.
- Слушай, тебе даже разговаривать с ним не придётся, - уговаривала меня Даша. - Просто отдашь ему флешку - и всё. Я очень тебя прошу, Федя. Помоги мне.
- Ладно, - без лишних слов согласился я.

Всё равно спорить с ней бесполезно.

- Спасибо большое! - обрадовалась Даша. - Ты прям супермен! Спасает меня. Я дам тебе его контакт, если нужно.

- Спасибо. У меня есть.

- Ну и отлично. Тогда держи, - сказала она и протянула мне синюю флешку, о которой зависела судьба штаба. - Только смотри не потеряй. Головой отвечаешь.

- Безусловно, - сказал я. - А то сам Игорь мне её оторвёт.

- Ну, он может, - сказала Даша. - Он кажется сильным, уверенным в себе парнем... Да ещё и красавчик. Блин, жаль, что он в Питере живёт, а то я бы с ним замутила.

- Не сомневаюсь, - усмехнулся я.

Мы допили чай, доели печенья, обсудили несколько фильмов и даже поговорили о компьютерных играх, в которые Даша иногда играла. Приближалась ночь. Надо было ехать по домам. Даша не хотела тесниться в автобусе и вызвала такси. Я же не стал строить из себя буржуя и решил пойти на остановку.

Закрыв штаб и выйдя на улицу, мы остановились, чтобы дождаться такси.

- Сегодня так тепло, - заметила Даша. - Весна чувствуется. Всё тает. Удивительно, март же только...

- Вроде бы ещё обещают похолодание, - сказал я.

- Фуу, - загудела Даша. - Опять застывшее месиво под ногами, да?

- Наверное, - пожал я плечами. - У нас это часто бывает.

- И не говори... - согласилась она. - Но зато сейчас хорошо... Когда зима проходит, кажется, что внутри тебя зажигается много разных огоньков, и тебе сразу - хорошо и тепло...

Слушай, а ты правда на меня не злишься? Ну, за те слова, которые я сказала неделю назад. Мне потом было так стыдно. Честно. Я даже хотела тебе написать, но боялась, что ты меня пошлешь.

- Я бы тебя не послал.

- А я бы послала меня на твоём месте! Представляю, какая-то дура звонит и устраивает скандал на пустом месте...

- Разве на пустом? - спросил я.

- Да, - кивнула Даша. - Ты на дебатах лишь сказал, что думал. Так и нужно. Просто они увидели в тебе чужого, вот и всё. Мне кажется, даже если бы ты говорил то же, что и Мамонтов, они бы всё тебя засвистали.

- Да, наверное, - согласился я.

Скоро такси приехало, и Даша, обняв меня на прощание, села в машину, которая повезла её домой, сверкая красными, опухшими глазами-фарами.

Я решил сократить путь. Пошёл через дворы, чтобы успеть сесть на автобус и не тратиться на такси.

Застегнул куртку, положил руки в карманы и, ссутулившись, пошагал к месту, где металлические гусеницы отрывали старую пищу и клали в свой еле открывающийся рот новую, свежую, полуживую. Я перемалывал ногами тающий снег, вслушивался в своё дыхание. Кто заперт в нём, кто в нём живёт? Что он думает? О чём мечтает? Неизвестно.

Я пытался услышать шёпот дворов, стон плоских хрущёвок, но не мог. Во дворе были лишние звуки. Звуки чьих-то шагов. Кто-то шёл сзади. Несколько человек. Под их ногами хрустел снег. Хрустел так громко, что оглушал меня. Люди приближались. Но я не оглянусь! Если я оглянусь, то испугаюсь. А я не хочу показать им своего испуга!

Прошла пара секунд, и я почувствовал удар сзади. Меня огрели кулаком по голове, потом схватили за руку и развернули. Это были те самые мужики, которым я угрожал пистолетом. Они дождались меня и решили наказать. Я мог это предвидеть и уехать на такси. Дурак. Кретин. Они же изобьют тебя! Сопrotивляйся, мразь! Делай что-нибудь! Пытайся! Не будь жалким! Не показывай им, насколько ты слаб.

Каким-то образом мне удалось вырваться, врезать толстому ногой по животу, а карлику зарядить рукой по лицу. Шлепок был таким смешным, что, будь у меня время, я бы рассмеялся, но у меня не было ни секунды. Отбежав в сторону, я снял портфель, чтобы достать пистолет, но лысый, бородач и блондин подбежали ко мне, вырвали портфель из рук и отбросили его в сторону. Вандалы попытались схватить меня, но я снова чудесным образом выкрутился, ударил лысому по яйцам, блондину - в живот, а бородача толкнул так сильно, что он споткнулся и упал в сугроб. Впереди снова был карлик. Я опять ударил его по лицу. В этот раз - сильно. Почти так же, как Клыка в коридоре. Карлик тоже плюхнулся в сугроб, но бежать мне не дал быстро оправившийся от удара в живот блондин, напавший на меня сзади. Он начал душить меня, сдавливать моё горло, но я схватил этого человека за его длинные белые волосы так сильно, точно это был Артур Клык. Получилось вырвать клочок его волос. Он закричал и отпустил меня. Надо было бежать. Я почти вырывался. Но я не мог оставить флешку. Даша расстроится. Я не должен её подводить. Надо найти портфель. Я бросил взгляд в ту сторону, куда они кинули портфель, но вдруг почувствовал сильный удар по спине. Он сломал меня пополам, расколел, как скорлупу, и из моего полумёртвого тела, как желток из яйца, вытекли все силы. Что произошло? Всё просто. Меня ударили ломом по спине, и я упал на асфальт. Было больно. Безумно больно. Я попробовал подняться, но эти придурки подошли к моему поверженному телу и несколько раз пнули меня ногами. Я снова пытался встать, не быть жалким, но я не мог... Ничего не мог. Они же пинали меня... Нет, я знаю, что это не аргумент, знаю, что вы, читая это, считаете меня жалким, смешным ничтожеством, но я действительно не мог ничего поделать. У меня не было сил. Я сдался. Спины не существовало. Она превратилась в дорожку, на которую падают метеориты.

Удар за ударом. Треск костей. Какая хорошая музыка... Полина могла бы станцевать вальс вместе со своим Игорем. Или Алиса с Игорем. Какая разница? Игорь, Игорь, Игорь! Он вышел из пустоты и захватил всё. Может, он и есть - пустота, которая победила меня... Нет. Это я - пустота.

Наконец, они прекратили меня бить. Тело болело. Но ничего - терпимо. Меня избивали и похуже. Наверное.

- Ну что, получил? - заорал лысый. - А ну извинись за обезьяну, мразь.

- Иди в жопу, сука, - прошипел я сквозь зубы.

Он ударил мне по лицу. Кажется, выбил зуб. Довытрёпывался? Но разве мне не всё равно? Разве пустота не залечит боль?

- Ты ещё и дерешься, как баба! Мне по яйцам врезал, Вадяну вырвал волосы. Ну ты и сучка. Соси! - крикнул лысый и ещё раз долбанул меня по спине.

- Ещё люди, которые впятером нападают на одного, будут мне говорить о том, что я дерусь, как баба, - ещё раз огрызнулся я.

- Слышь, ты чо такой борзый? - завопил лысый. - Я тебя урою!

Он замахнулся на меня ломом и готов был проломить мне череп, но толстый остановил его.

- Не горячись! - сказал он. - Тебя Нилрак убьёт.

- А-а-а-а, - промычал я. - Так вы оттуда. Логично, что такое быдло представляет Нилрака.

- Зачем ты это сказал, а? - наехал на толстого лысый. - Кто тебя просил?

- Успокойся, - остановил разборку лысый. - Давай посмотрим, что есть у этого мальчика.

Бородач и блондин держали меня. Лысый принёс мой портфель и начал, гандон, в нём рыться.

Он достал из сумки пистолет и, повертев его в руках, спросил у толстого:

- Что, возьмём пистолет, Вов?

- Нет, - ответил пузатый. - Нахер нам его пистолет? Брось его в сугроб.

- Там только два патрона, Вов, - хихикал лысый. - Ты бы нас не расстрелял, малой. Кстати, как тебя зовут-то?

- Спроси у своей мамыши, - зачем-то продолжал я нарываться.

Он ещё раз меня ударил. Насрать. Пусть бьёт, сколько хочет. Я и так весь в синяках. Я и так чувствую боль. Я и так унижен. И так жалок.

- Возьми у него телефон, - приказал толстяк. - Там может быть что-нибудь интересное.

Худой карлик забрал у меня телефон и начал в нём рыться.

- Нет, - сказал он через пару минут. - Тут ничего нет. Всякая херня. Переписки с девочками, какими-то задротами, и всё. Он даже в конференции штаба не состоит. Фотографий и видео почти нет.

Он кинул мой телефон на землю. Разбил его, мразь. Мама расстроится.

- Что это ты даже в конференциях штаба не состоишь? - спросил меня бородатый.

- Я не их волонтер, - ответил я. - У меня там просто знакомая работает.

- Знакомая? - скорчил рожу лысый. - Ага, стал бы ты защищать штаб с пистолетом из-за какой-то знакомой.

Он ещё порылся в моём портфеле. Выкинул оттуда мой паспорт, студенческий билет, пропуск. Всё - в мокрый снег, в лужи.

- Ну ты и додик, - смеялся он. - У тебя что, даже презиков с собой нет?

Я промолчал. Не надо было огрызаться. Хватит мне синяков. Я и так избитый. А послезавтра ещё идти к Клыку.

Лысый взял кошелек, достал оттуда все мои деньги и сунул себе в карман. Толстый гневно посмотрел на него, но лысый ответил:

- А что? Мы весь день на него потратили. Не зря ведь.

Толстый не стал спорить. Лишь взял у лысого тысячу в качестве своей доли. Тоже мне бандиты - мелочь делят. Просто придурки...

Вдруг случилось то, чего я больше всего опасался - лысый достал из портфеля флешку.

- Т-а-а-а-к! А это что? - спросил он. - Может быть, здесь есть что-то интересное, а?

- Там просто мои презентации, - сказал я, надеясь, что они в это поверят.

- Презентации, да? - сквасил рожу лысый. - Ну это мы ещё посмотрим. Может, там то, что мы ищем. Есть слухок, что у вас в штабе всё очень плохо, и тому существуют, скажем, видеодоказательства.

- Я не понимаю, о чём ты, - прошипел я.

Блондин с карликом ещё раз ударили меня. Один - по спине, другой - по лицу. Больно.

- Не знаешь, да? - сквозь зубы процедил лысый.

- Не знаю, - повторил я.

Теперь уже лысый ударил меня ногой. Со всей силы, как мог. Что-то хрустнуло. Боль пронзила меня, словно копьё, крепко прижала к земле.

Я пискнул. Идиот. Это так трусливо. Взрослый мужчина бы не пикнул так. Словно собачка. Словно маленький пёсик, которого зажало дверью.

- Не знаешь, да? - напирал лысый.

- Ладно, хватит, - остановил всех толстый. - Бери флешку и уходим.

Лысый врезал мне напоследок, блондин и бородач отпустили мои руки, и эти придурки встали и побежали в темноту, оставив меня, избитого и униженного, таять вместе с чёрным снегом. Вскоре стены дворов засосали их, скрыли, уничтожили... Я лежал на мокром асфальте. Надо было вставать. Ты должен. Не спать же здесь, правильно? Завтра ты уже должен быть нормальным.

Я опёрся на руки и, стискивая зубы от боли в спине, поднял своё мерзкое тело. Я ощупал зубы, проверил, все ли на месте. Да, все. Лысый всё-таки не выбил мне зуб - просто отколол маленькую его часть. Плевать. Я поднялся, проковылял немного до стены хрущёвки и, опершись на неё, родную, милостивую, жалкую, отдышался, посмотрел вверх.

По иссиня-чёрному, ночному небу плыла маленькая, почти незаметная крапинка какого-то спутника, потерянного среди равнодушных, мёртвых звёзд. Красиво.

Надо было найти телефон, портфель, паспорт, студак... Но ещё надо было дать спине отдохнуть. Я не мог ходить и наклоняться. Всё это было слишком больно. Поэтому я упал на карачки и стал ползать на четвереньках, искать свои вещи. Это унижительно, да, но меня ведь никто не видел, правильно? А унижение перед собой меня не тревожило. Я же всё и так о себе знаю.

Ползал я где-то полчаса. Колени болели. Из носа текла кровь. Паспорт и студенческий билет насквозь вымокли. Но ничего, просушатся. Телефон, который я уже успел похоронить, к счастью работал. Экран на нём разбился, но это было совсем не страшно. Главное, новый покупать не придётся.

С пистолетом всё было в порядке. Они не забрали его - и хорошо. Хоть перед таксистом краснеть не придётся. Только перед Дашей, перед этим сраным Игорем, перед собой, перед всеми! Я же во всём виноват! Я всегда во всём виноват!

Я положил свои вещи в портфель, превратил себя в человека прямоходящего и, хромая, поковылял домой. Автобусы уже не ходили. Деньги у меня забрали. Что ещё оставалось? Только ковылять домой. Ничего, это нестрашно. Через пару часов я дойду.

Спина болела. Её словно раздирали волки. Словно внутри неё была какая-то пластина, пила, которая вертелась и при движении резала мои кости. На языке был привкус крови. Он лучше привкуса пустоты. Приятнее и изящнее. Жаль, это не победная кровь.

Жаль, что я проиграл. Что просрал флешку. Жаль, что я подвёл Дашу... Ведь она может подумать, что я просто так отдал эту флешку. Все так подумают и будут считать меня предателем. Никто мне не поверит. Они просто возьмут и втопчут меня в грязь. Как всегда.

Я шёл по пустой дороге, залитой чёрно-жёлтой яичницей, текшей из длинных, горбатых фонарей. Изредка по дороге проезжали машины, в основном такси. Одна из них, старая чёрная «Волга», посигналила мне. Я обернулся и увидел знакомого человека. Ну да, кто ещё мог ехать на чёрной «Волге»? Только таксист. Как же вовремя... Неужели в этом тёмном, радиоактивном лесу, где нет места надежде, человек её может найти помощь? Впервые за долгое время я действительно обрадовался этому человеку, который всегда каким-то непонятным образом меня отыскивал. Интересно, как ему это удавалось? Впрочем, мне не нужно было знать его тайну. Она украшало его. А зачем отбирать у человека то, что его украшает?

- Привет, Фёдор, - обратился ко мне таксист. - Тебе нужно доехать до дома?

- Да, - сказал я. - Только у меня снова нет денег.

- Не парься, - ответил он. - За тебя я всегда готов заплатить из своего кармана.

Я сел на заднее сиденье. Точнее, не сел, а лёг. Так спине было легче.

- Что, попал в передрагу? - спросил таксист. - Кажется, тебя избили.

- Да, - ответил я. - Меня ограбили. Отобрали одну важную вещь, от которой много зависело. Там данные о всякой херне, которые творилась в штабе. Теперь они попадут в сеть, и все подумают, что я предатель.

- Даша тоже подумает?

- Наверное. Ведь она доверилась мне. А я её подвёл.

- Но ты ведь любишь Алису, а не Дашу, - заметил таксист.

- И что? - усмехнулся я. - Я не хотел подводить Дашу. Мы с ней вроде бы подружились. Она хорошая. Было бы лучше полюбить её, а не Алису.

- Но ты любишь Алису, да? - не унимался таксист.

- Люблю, - согласился я. - Только пытаюсь не думать о ней. Каждый раз это так мучительно...

- У вас с Алисой что-то произошло?

- Да, - сказал я. - Она послала меня. Сказала, что со мной некомфортно общаться. Потом я заступился за неё, подрался с её парнем... После этого Алиса меня возненавидела. Да, она была права... Я ввязался не в своё дело. А ещё оказалось, что Алиса раньше встречалась с парнем, который сейчас живёт с Полиной в Питере. Прикинь? Ты, наверное, запутался, но лучше я объяснить не могу. Это всё так нелепо. Идиотский, странный сюжетный ход. Не советую вставлять его в твой роман. Совпадение, каких не бывает, да? Такая вот «Санта Барбара», представляешь. Его зовут Игорь. По совместительству он ещё и сын Дровосецкого. Как нелепо...

- Он - всемогущий суперзлодей, - усмехнулся таксист. - У любого супергероя рано или поздно появляется суперзлодей, который сильнее героя.
- Шутить? - спросил я. - А мне не до шуток. Сегодня я хотел его убить прямо на митинге, прилюдно, но не смог. Струсил.
- Почему Игоря? - удивился таксист. - Почему не Клыка?
- Мне показалось, что Игорь идеальнее, лучше, красивее Клыка, - объяснил я. - Я хотел разрушить что-то красивое. Все они разрушают красоту, а я просто смотрю и зажимаю нос. Я хотел стать, как они, но не смог...
- Но ведь Игорь не отбирал у тебя ни Алисы, ни Полины, - сказал мне таксист. - Он не твой враг. Вы даже не знакомы. Просто у вас много общих знакомых. Клыка же тебе есть за что ненавидеть. Клык ведь презирает тебя ровно так же, как те ребята, которые тебя только что избивали. Клык даже вызвал тебя на баттл.
- Откуда ты знаешь? - удивился я.
- Знакомые нашептали, - улыбнулся Клык. - К тому же, я таксист. Я всё знаю. Кстати, как идёт подготовка к твоему баттлу?
- Никак, - бросил я. - Я про него забыл. Думал, напишу текст за сегодня-завтра.
- Ты же понимаешь, что проиграешь ему?
- Наверное, - пожал я плечами. - Я что-нибудь придумаю.
- Ты должен будешь ему отомстить за проигрыш на баттле, - продолжал давить на меня таксист.
- За что? За то, что я не подготовился?
- За то, что он твой враг, - пояснил таксист. - Ты ведь хочешь смерти Клыка, да, Артём? Это преступление исправит тебя, оно сделает тебя взрослым, злым. Ты же понимаешь, что убийство Клыка - твоя единственная возможность уничтожить весь мир, что убив Клыка, ты убьёшь их всех... И Алису, и Дашу, и Полину - всех. Ты станешь другим человеком. Разве ты не этого хочешь?
- Я хочу, чтобы они все исчезли, стали пустотой... - выхаркивал я слова. - Просто... Я не могу. Я чувствую бессилие.
- Тебе противно разрушение красоты, понимаю... - молвил таксист. - Но ведь Клык разрушает то, что ты считаешь абсолютной красотой. Он ударил её, помнишь? Ударил девочку с бело-розовыми волосами. Иногда чтобы остановить разрушение большой красоты, нужно уничтожить меньшую. Это законы природы.
- Но я не могу...

- Ещё ты цепляешься за добро, Фёдор, - упрекал меня таксист. - Но ты же не веришь в Бога, Он давно тебя покинул... А если так - то можно делать, что хочешь.

- Я не верю, но...

- Тогда зачем тебе добро? - перебил меня таксист. - Именно оно и делает тебя слабым. Силу же даёт зло. Ты сильный, когда злой, Фёдор. Ты хочешь силы, но чтобы её получить, нужно захотеть стать сильным, захотеть принять зло, Фёдор. Чтобы повзрослеть, нужно принять в себе зло, разрушить в себе ребёнка, жаждущего красоты. Взросление - это отказ от наивной веры в добро и любовь, убивающей человека, и признание зла самым обычным явлением, с которым не нужно бороться. Так начни взрослеть. Существовай не в выдуманном мире, который убивает тебя, а в реальном.

- А может, я и должен существовать в фантазии? - предположил я. - Может быть, я - всего лишь персонаж, подросток, про которого пишет какой-нибудь не очень смыслённый парень, сидя у себя в комнате глубокой ночью. Может, в меня он вкладывает свои фантазии, свою любовь, которая никак не может затухнуть, свои страхи и никому не нужные надежды?

- Не говори ерунды, Фёдор, - осёк меня таксист. - Персонажем ты станешь потом, если сотворишь достойный финал. Но моя книга - о реальности, а не о фантазии. О тошноте, а не о пустоте. Все фантазии - это просто пустота, поэтому я и ничего не сочиняю.

- Пустота, - произнёс я это сладкое, соблазнительное слово. - Именно.

- Пустота - это не выход, Фёдор, - продолжал назидать таксист. - В ней невозможно жить. А тебе надо жить. Ты ещё так молод, ты ещё ничего не увидел, ничего не узнал. Ты не должен проиграть. А пустота значит проигрыш.

- Я не проиграю. Я не унижусь перед ними, - пообещал я ему.

- Правильно, - сказал он. - Моя книга должна закончиться хорошо. Она мрачная, так что в конце необходим луч надежды. Ты должен его дать. Ты должен уничтожить мир. Отомстить за всех остальных моих героев.

- А что произошло с ними? - поинтересовался я.

- Они умерли, - произнёс он с чувством досады. - Убили себя.

Вскоре мы приехали. Он остановил машину и задал последний вопрос:

- Надеюсь, ты не израсходовал все пули?

- Нет, - ответил я. - Как было две, так и есть.

- А пистолет на месте?

- На месте, - сказал я. - Они не забрали его.

- Хорошо, - улыбнулся таксист. - Только не тяни со своим решением. Я чувствую, что финал скоро будет написан.

- Я помогу тебе, - пообещал я. - Надеюсь, ты создаёшь красоту. Если так, я не смею её разрушать.

- Да, я тоже на это надеюсь, - улыбнулся таксист. - Ты всё сделаешь правильно. Лучше портить мясо, чем красоту.

Я вышел из машины и поковылял к своей панельной многоэтажке. Горело лишь одно окно. У кого-то бессонница. Бесконечная, беспробудная, бесславная.

Таксист уехал, помахав мне рукой на прощание и пожелав удачи. Я сделал то же самое, а потом вошёл в большую, каменную и серую пустоту.

Глава 11 Выпускной вальс

Пустота уступила место боли. Она мешала спать, заставляла переворачиваться с боку на бок, стонать... Я приложил лёд к синякам, выдавил на себя полтюбика мази, но ничего не помогало. Кости ломило, голова трещала, спина, казалось, распалась на несколько разных частей, и теперь её невозможно было собрать. Я лежал, глядя в потолок, и думал о том, что будет дальше. Я переживу всё это, и что? Потом всё повторится. Сколько ещё будет таких поражений? Сколько синяков? Меня будут избивать, а я буду терпеть, да? Чтобы не унижаться! Чтобы не смириться со своей ничтожностью! Чтобы доказать им всем, что я не трус, что я чего-то стою. Но однажды ведь я опущу руки. Я устану бороться и покорюсь им, я стану жалким, приму себя! Я буду самым ничтожным человеком на свете. Я буду ходить и извиняться перед всеми, как тот чиновник Червяков, чихнувший на генерала Бризжалова.

Я думал обо всём этом и чувствовал боль. Как душевную, так и физическую. Две боли сливались воедино, становились большим двухглавым орлом, который, ухмыляясь, клевал мою печень. Я терпел, пытался не выглядеть жалким, но не мог...

Заснул я лишь под утро, когда тело совсем утомилось и не хотело больше испытывать меня на прочность.

Благо, родители легли спать раньше, чем я вернулся домой, и никто не задавал мне лишних вопросов. Они бы утомили меня, не позволили расслабиться, погрузиться в пустоту.

Утром стало полегче. Всё по-прежнему болело, но я привык к боли. Она не казалась мне чем-то новым и уникальным. Я уже познакомился с ней. Мы даже подружились. Хоть она и постоянно заставляла меня стискивать зубы и смотреть в серый, пустой потолок, пытаюсь найти в его невзрачной серости ответы, которых там не было и не могло быть.

Всё утро я провалялся на диване. Думал об Артуре Клыкe, об Игоре Дровосецком, обо всём, что произошло. Мне было страшно открывать интернет и смотреть ленту новостей. Там могла быть информация о конфликте в штабе. Тогда я пойму, что пропал. Но кого ты

обманываешь? Ты всяко пропадёшь, Фёдор... Если не сегодня, то завтра уж точно они всё выложат. Ты обречён.

Надо было писать текст. Завтра я должен пойти на дурацкую дуэль с Артуром Клыкком. «Может, убить его там? - подумал я. - Прийти на баттл, выстрелить в него и застрелиться самому, а? Он этого достоин. Убить его на глазах у Алисы. Чтобы она поняла, что я не жалкий таракан, каким они меня считает. Нет... Нет... Я не хочу расстраивать её. Не хочу топтать цветочек. Если я и убью его, то точно вдали от её глаз. Она должна видеть только прекрасное. Но не смерть. Нет, смерть её не коснётся. Она никогда не узнает о смерти».

Я сел и попробовал что-то написать. Накидал несколько рифмованных строчек. Но получилось плохо. Думать я не мог. Голова раскалывалась. Боль заполнила мозг. Боль заслоняла слова, не давала им места. Чёрт. Вместо того, чтобы писать строчки о Клыке, я набросал какое-то нелепое стихотворение. Я откинул его и снова попробовал писать текст.

Меня клонило в сон. Повсюду была туманная, хрупкая слабость. «Это будет позор, - подумал я. - Завтра Алиса и все остальные будут смеяться надо мной».

Вдруг мне позвонили. Я подумал, что звонит Даша, но нет... Это была Андропова. Как неожиданно.

- Привет, - прошептала она. - Я звоню напомнить тебе, что завтра будет баттл. Надеюсь, ты подготовился, написал и выучил текст.

- Конечно, - соврал я. - Во мне можешь не сомневаться.

- Я тебя разбудила? - спросила она.

- Нет, что ты, - ответил я. - Я не спал.

- Просто у тебя голос такой, точно ты только что проснулся, - подметила она.

- Брось, нормальный голос! - воскликнул я.

- Ну ладно. Завтра в семь приходи в бар «Княжна Мери». Это около университета. Будь там в семь.

- Символичное название, - заметил я.

- Ну да, - усмехнулась Андропова. - Хозяин бара - хороший знакомый Клыка. Поэтому все поэтические баттлы проводятся там. Но место хорошее. Там выпивка дешёвая, и быдла совсем не бывает.

- Хорошо. В семь часов я буду там.

- Кстати, баттл Шептуновой получился очень хорошим, - сообщила Андропова. - Она прочитала свои лучшие стихи и победила. Я скинула тебе на почту видео, посмотри.

- Хорошо, посмотрю, - для приличия пообещал я и положил трубку.

Естественно, я не собирался ничего смотреть. Ещё бы... Сейчас бы сидеть и слушать советскую поэзию великой поэтессы Марии Шептуновой. Пусть лучше это делают бабки, которые вручают ей Ленинские премии, утверждённые Коммунистической партией Советского союза.

Вместо этого я сел читать и, увлечшись, провёл за книжкой целых три часа. Текст ещё не написан, а на улице уже наступил вечер. Ладно, плевать. Я попробовал написать что-то ещё. Просидел всю ночь, до самого утра, но получалась только какая-то чушь. Я не мог выразить свою ненависть к Артуру в обычных словах. Все неизбежно скатывалось к Алисе. Но я не хотел говорить об Алисе. Не мог позволить себе рассказать им про неё, про то, как Артур обращается с нею. Я пытался критиковать его стихи, но это оказалось трудно. Каждая его строчка была комичной, и разбирать отдельно самые уродливые из них было бессмысленно. Зачем говорить о его «творчестве»? Как можно обсуждать то, чего нет? Я пытался ещё, ещё и ещё. Исписал десять листов, но ни один из них не казался мне хорошим. Поэтому я выбросил все наработки и вернулся к стишку, начатому утром, доделал его до конца и лёг спать. «Пофиг, - решил я. - Всё равно этот идиотский баттл ничего не значит. Это просто конкурс, придуманный Клыкком. Облажаюсь и ладно.

Собрав кипу исписанных бумаг в одну стопку, я бросил их в портфель и лёг спать, когда за окном было уже утро. На этот раз мне ничего не снилось. Вместо сна была пустота.

Пробудился я от телефонного звонка. Звонила Даша. «Значит, они выложили видео, - понял я. - Вот и всё кончено». Я поднял трубку, приготовившись к крикам в мой адрес, но услышал только молчание. Она молчала и тихо хныкала в трубку. Я ничего не говорил. А что мне надо было сказать? Она бы всё равно мне не поверила.

Вдруг Даша подала голос:

- Кто ты такой? - спросила она. - Федя... Неужели ты и правда всё это время работал на Нилрака?

- Нет, - ответил я. - Ни на кого я не работал. Если кто-то сказал так тебе, то он ошибается.

- Тогда зачем... Зачем ты ходил и отдал им флешку?! Ответь, прирок, зачем? Зачем ты приходил на митинг с пистолетом? Хотел убить Дровосецкого, да, но силёнок не хватило?

- Меня ограбили, - поспешил я оправдаться. - Те мужики, которым я угрожал пистолетом... Они напали на меня, когда я шёл к остановке, избили и отобрали флешку и деньги. Клянусь, всё это было именно так.

- Что за чушь... Они не могли знать, что у тебя есть эта флешка.

- Они нашли её случайно... - сказал я. - К тому же, они знали о конфликтах в штабе и искали доказательства...

- Случайно нашли, да?! - крикнула Даша. - Тебе не кажется, что у тебя всё происходит случайно? Ты случайно разжигашь конфликт в штабе, потом случайно отдаёшь флешку, случайно приходишь на митинг с пистолетом.

- Я рассказал тебе правду, - отрезал я. - Больше мне говорить нечего.

- Они уволили меня, Фёдор. Теперь из-за тебя я тоже предательница. Мой брат... Он сбежал из дома, понимаешь? Он не поехал к бабушке, остался с тётёй, и теперь сбежал от неё. Я зашла на его профиль, оказалось, что сегодня в двенадцать ночи они с другими школьниками планируют поджечь предвыборный штаб Нилрака! Я ничего не могу с этим поделаться... Он не берёт трубку! Это ты во всём виноват, Фёдор! А если его заберут в полицию?! Если его посадят в колонию для несовершеннолетних? Они бы не пошли туда, если бы ты не отдал флешку! Теперь все думают, что Дровосецкий обречён, что кампания закончилась! Этот поджог - обычная реакция ребёнка, который обиделся. Чёрт! Если бы ты не отдал флешку Нилраку, ничего этого бы не произошло! Ты виноват! Как можно быть таким уродом?! Таким мудаком! Ты понимаешь, что сам виноват в том, что никому не нужен! Ты - просто мерзость, гнойник! Я тебя ненавижу! Если что-то случится с братом, я убью тебя...

- Прости, - сказал я. - Я не хотел.

- Прости?! - визжала она. - Ты ещё смеешь надо мной издеваться. Да ты...

Я не дал ей договорить. Просто положил трубку. Она пыталась позвонить ещё, но каждый раз я сбрасывал. После пяти попыток она уже не звонила. Не надо, Даша. Прекрати. Я и так всё про себя знаю. Но ты ошибаешься. Ты веришь всем им, но не мне. Разве я лгал тебе? Нет, я был с тобой честным. Почему же ты считаешь меня лгуном? Видимо, так нужно.

Чувствуя боль в спине, я поднялся, поел, выпил парочку чашек кофе, сходил в туалет. Было уже три часа дня. Жизнь проходила, а я так ничего и не сделал. Просто барахтался в пустоте, надеясь её взболтать, как та лягушка, которая так и не утонула в молоке.

Я взял в руки свой стихок и перечитал его несколько раз, чтобы хоть как-то выучить. Я просматривал его ещё и ещё, правя совсем уж глупые и несуразные моменты. Просто глупые моменты я оставлял из-за собственной лени.

За полтора часа мне удалось выучить свой текст. Не скажу, что я знал его на зубок, но с редкими подглядываниями мог его прочитать. В любом случае, меня выпрут после первого же раунда, когда поймут, что я не написал ни одной толковой строчки про Клыка.

Я открыл шкаф-купе, выкинул в стирку вчерашнюю футболку, чуть запачканную в крови, оделся во всё новое, накинул куртку с шапкой и вышел на улицу.

На этот раз маршрутка была пустой. Она редко бывает пустой, а тут - такая удача... Я ехал один, никем не зажатый, счастливый. Было тепло, но не жарко. В кои-то веки я не потел. Просто смотрел на город, который видел тысячу раз. Сейчас в нём было даже что-то красивое. В его однотонности, типичности, угловатости и картонности я видел что-то несовершенное и уродливое, но своё, а оттого - тёплое и замечательное. Таял снег. Текли ручейки, которые уносили в будущее кораблики наших маленьких жизней. Солнце медленно садилось. Но небе был прекрасный, бело-розовый закат. Солнце отражалась в стеклянных окнах, и я вспоминал полные слёз глаза Полины... Как они были красивы тогда.

Вот бы ещё раз их увидеть. Может, в той, другой жизни, когда она будет танцевать на облачке выпускной вальс с каким-нибудь ангелом, я увижу её, улыбнусь и придумаю хороший, полный любви стих, который будет достоин её. Чтобы Полина и ангел танцевали, слушали мой стих и улыбались. Но что я говорю? Два ангела на одном облаке... Разве это возможно?

Маршрутка остановилась и высадила меня прямо у бара. Оставалось только перейти дорогу и открыть дверь.

На входе меня встретила Андронова, одетая в строгий серый костюм, белую блузку и черные туфли. При всей своей простоте Настя выглядела весьма комично. Словно ребёнка одели в пиджак, пальто и шляпу.

- Ничего себе! - воскликнула она, увидев моё опухшее, обросшее синяками и ссадинами лицо. - Что с тобой? Ты где-то отхватил?

- Хожу на бокс, - соврал я. - Вчера был поединок против самого крутого борца. Я проиграл.

- Не стоило этого делать. Ты же знал, что сегодня будешь баттлиться с Клыком! Блин! Это будут снимать!

- Ну и что? - пожал я плечами. - Приду уже заранее побеждённый. Если хочешь, я надену маску. Скажем всем, что это мой сценический образ. Я прямо сейчас могу сходить, купить маску волка или медвежонка. Буду, как Кирилл Овсянкин.

- Как кто?

- Кирилл Овсянкин, - повторил я. - Это такой репер в маска медвежонка.

- Не надо никаких масок, брось! - крикнула Настя. - Это будет глупо. Артуру это не понравится. Но у Олега, моего парня, есть тёмные очки. Они будут нормально на тебе смотреться. Хотя бы синяки твои скроем. Сейчас я за ними схожу. А ты пока выпей что-нибудь.

Я заказал себе пиво и мигом осушил стакан. Минут через десять Настя вернулась и дала мне чёрные очки, которые хотя бы закрывали синяки под глазами. Отлично. Конечно, все поймут, что я избит, но хотя бы никому не будет противно смотреть на меня.

- Через семь минут начинаем, - уведомила меня Настя. - Пока повтори текст, хорошо? А то я не хочу, чтобы ты что-то забыл.

- Как заботливо, - усмехнулся я - Спасибо.

Она куда-то ушла, а я заказал себе ещё пива, положил перед собой текст и стал его повторять, преодолевая желание встать и уйти как можно дальше отсюда, чтобы избежать намечающегося позора.

Однако это было бы трусливо - просто взять и свалить. Они бы подумали, что я боюсь Клыка. Но я его не боюсь. Лучше уж опозориться, чем показать свой страх перед Артуром и Алисой.

Вдруг я увидел её. В тонкой чёрной кофточке. С тем же грациозным, красивым полудетским лицом. С тонкими, как ветки сирени, бровями. С прямыми, идеально белыми волосами, которые были молочными реками, что втекали в бежевый, гладкий океан. Что? Волосы стали просто белыми? Розовый цвет куда-то пропал. Что ты сделала? Это же преступление! Так нельзя! Кто тебя заставил? Артур? Тогда его нужно уничтожить! Почему я этого не сделал? Я должен был снести его, как бульдозер, должен был втоптать его в грязь! А что я сделал? Написал дурацки стишок! Как всегда обосрался. Вот если бы они дали мне ещё один день, я бы справился... Нет, не жалуйся. Ты сам во всём виноват. Ты сам упустил время, а теперь вынужден позориться.

Она сидела за столиком вместе с Артуром, пила кофе из белой чашки и медленно курила кальян. Её образ был так прекрасен в дыму. Он дополнял её, делал более сказочной, нереальной, фантастической. Если бы в её волосах был розовый цвет, я бы взорвался. А так я просто сидел и задыхался от восхищения.

Тонкая, длинная и чёрная, как волшебная палочка, трубка кальяна касалась её мягких, тёплых, бесподобных губ-корабликов, нашедших друг друга в необозримом океане красоты. Она медленно, осторожно выдыхала дым, подносила ко рту чашку с кофе, и позволяла напитку лечь на её язык, похожий на лепесток розы...

Я мог любоваться ею ещё, если бы меня не позвала Настя. Все встали со своих мест и пошли к кругу, где мы должны были встать. В том числе Артур с Алисой. Он обнял её, немного скомкав эту обворожительную чёрную кофточку, которую я так любил, и поцеловал ангела. Вцепился в её губы и не отпускал. Может, он заметил, что я пялился на его тёлку, и решил показать мне, чья она на самом деле. Нет! Не смотри, Фёдор! Это не твоё дело!

Я отвернулся, надел тёмные очки и пошагал в круг. Через минуту я уже стоял напротив Артура. Он загримировал свой фингал, который уже почти зажил. Его лицо было чистеньким, без изъянов. Молодец, сука.

Алиса встала в первом ряду. Она была близко ко мне, но не смотрела на меня. Она всё ещё делала вид, что я - пустота. А кто я? Может, меня просто не существует?

Я чувствовал запах вишни и виноградного сока. Зачем ты встала так близко? Чтобы помучить меня? Чтоб ещё раз блеснуть своей красотой? Хватит, прекрати! Но ты ненавидишь меня, да! Считаешь ничтожеством! Тебе нравится меня мучить! Ну так наслаждайся, сука. Сейчас ты увидишь, как я обосрюсь и обрадуешься тому, что не стала тратить на меня своё драгоценное время.

Вдруг я услышал её голос.

«Удачи, Арт! Чмок!» - промолвила она и широко улыбнулась. Показала свои неотразимо белые зубы. Её губы - две скрипки, которые рожают самую замечательную музыку на свете, её глаза - млечные пути, брови - кометы... Как в тебя не влюбиться? Прекрати!

Пусть она говорит! Ведь её голос так чудесен! Я хочу слышать этот голос в раю. Это - музыка рая. Но нет. Я - в аду, в царстве уродства, и поэтому должен говорить именно я. Мои губы - просроченные, жирные, облепленные тараканами слов сосиски, но говорить должен я. Почему? Что за несправедливость? Что за преступление перед красотой?

Судьей был гадкий парень в пальто по имени Михаил Ребко. Я ненавижу его. Он был местным активистом. Ставил номера, делал клипы с девчонками, где кривлялся и изображал из себя крутого парня. Я бы с удовольствием подрался с ним, ударил бы по его вечно улыбающемуся лицу, но жаль, для этого не было никакого повода.

- Итак! - сказал Ребко. - У нас главный event сегодняшнего вечера! Поэт всея университета, экспериментатор, красавчик и самый харизматичный парень на свете Артур Клык против ноунейма с журфака, корреспондента студенческой радиостанции Фёдора Кумарина! Формат баттлов - агрессивный. Это значит, что перед нами - самый настоящий реп-баттл, где соперники уничтожают друг друга. Будет горячо! Итак, начинаем с новичка! Фёдор, глаголом жги сердца людей!

Все замолчали. Наступила тишина. Я выдохнул и стал читать заготовленный стишок, который не имел никакого отношения к Артуру Клыку:

Каждый стук сердца в бетонной коробке,

С шумом влетает в проспекты мозгов,

Бука из сказки спросит за шмотки,

Мама пугает сыночка. Тех снов,

Которые посмотрит маленький мальчик,

Без году трупик, побеленный гроб,

Вождь-тараканище не раскулачит,

Сразу зароет в затопленный Ров.

Там, в детских снах, будет голова-ластик,

Мёртвый царевич с мёртвой семьёй,

Русь православная скачет на тройке,

Тройка уродов: страх, смерть и войной

Бойко для стройки собранный пепел,

Что станет фундаментом серых домов,
Сны будут топтать, сыны и их дети,
Хлопнут в ладоши, грохнут попов.
Там, в детском сне, будут трахать царевну,
Семеро молодцев - владельцев мозгов.
Там будут русские снова брать Плевну,
Освобождая врагов из оков.
Там будет прыгать отрезанный пальчик,
Будет смеяться, бояться углов.
Там будет дядя, красивый и страшный,
Будет клыкастый, рассерженный кот,
Там будет карлик, отважный и важный,
Чёрный костюм, чёрный взгляд, чёрный нос.
Карлик для стада станет гигантом,
Словно Циннобер. Бочку из слёз,
Кукольных, пьяных, червивых, уставших,
Слабых и грубых, невкусных людей,
Слейте - в Смородину-реку, русалке
Выпить придётся, ну, пей, девка, пей.
Пей за всех гиблых, всех нищих, сидящих,
Пей за безмозглых, с песнею пей.
Стены хрущёвок, шёпот неспящих,
Крики насильников, визги блядей.
Ох, хорошо, ой же полюшко-поле,
Раскинулось ,словно брюхо свиньи,
Тебя я готов целовать, и в запое,
С песней валяться с тобою, в грязи.

Русский урод, терпила смердящий
Я и страна - это опухоль, тьма.
Мы будем вместе, я - твой смотрящий,
Я - просто зек, ты - просто тюрьма.
Что пришла в мою жизнь, как весна,
Озарив ночи лунным сиянием.
Твоих глаз глубина, доброта,
Плыла мудрым, лесным обаянием,
Не смогу, не смогу описать
Твою спину , и ноги, и руки.
Не смогу никогда я понять
Твоих слов, что дала мне со скуки.
Я, конечно, мёртвый давно.
Я - безликий, забытый тобою,
И тебе лучше скука одной,
Чем позор пошловатый со мною.
Ничего не умею, не бьюсь,
Я на рынке за светлых красавиц,
Понимаю, что лучше упьюсь
Смесью лени, случайных ссадин.
Ты, мой ангел, не для меня,
Для меня - жизнь скота и провинция,
Только жаль, что я для тебя
Кровожадная оппозиция.
Только жаль, что я для тебя...
Одинокий поклонник смерти.
Вдыхаю запахи чёрных печей,

И виновато кусаю крестик,
Мучаюсь, думая только о ней.
И плыву в пустоте,
Поправляя рубаху.
Зимой - все мечты о весне,
А весной я иду на плаху.
Рисуя смерть на холсте.
Я смотрю, удивляюсь, молюсь,
Вот её чёрная, ржавая кожа,
Вот она жрёт меня, пуская слюну,
Вот она пишет деду морозу,
Чтобы я сдался в новом году,
Чтобы я встал на колени,
Чтобы я принял всю пустоту,
Растворённую в жизни и лени.

Вот она рыскает в поисках боли,
Бросает её из болота сна в глаз,
Вот она корчится, срезает мозоли,
Швы от ранений, буквы от фраз.

Вот она смотрит, словно лисица,
Будто меня приглашая в свой дом.
Я соглашаюсь, сырая темница,
И не гоморра, и не содом.

Когда я закончил, все они ржали. Просто смотрели на меня и смеялись, словно я какой-то дешёвый клоун. Алиса, конечно, тоже смеялась. Она закрыла лицо рукой и, отвернувшись

от меня, тихонько хихикала. Люди шептались, повторяли строчки, стихотворения, коверкали их. Для них всё это было смешно. Я был клоуном, который вышел на сцену, чтобы рассмешить их.

- Что это было, бездарь? - спросил меня Клык. - Твой стишок? Срифмовал «глаз» на «фраз», «провинция» на «оппозиция», молодец!

Как будто у тебя лучше, сук, хотел я сказать. Да, я писал всё на скорую руку, но ты даже так никогда не напишешь!

- Какая гадость! - продолжал он. - Про царевну, карликов и так далее. Сразу видно, ты не обладаешь чувством прекрасного. Впрочем, зачем я обсуждаю это с тобой? Важно другое. Формат баттла другой. Ты должен был читать обо мне, а я - о тебе. Если ты не подготовил текст под этот формат, то ты автоматически проигрываешь и уходишь.

- Ну что же ты, Артур... - пикнула Настя. - Ведь в изначальных правилах участник может выбрать, что ему читать в каждом раунде.

- Здесь я определяю правила! - завопил Клык. - Он не подготовился! Я сразу сказал, что мы пишем тексты друг на друга, и больше никак! Это принципиально! С ним у меня личные счёты. И сними уже свои очки! - рявкнул он и, подойдя поближе ко мне, сбросил с меня очки.

Я машинально оттолкнул его, но немного не рассчитал силу, и Клык влетел в людей, стоящих за ним. Он было хотел полезть драться, но какие-то парни удержали его. Разъярённая, взбешённая Алиса, наконец, заметила меня. Она встала передо мной и, направив на меня свой стеклянный взгляд, полный огня и ненависти, сказала:

- Ещё раз ты притронешься к нему или влезешь в наши дела - я за себя не отвечаю! Я полезу с тобой драться, и тогда уже попробуй ударь меня! Если ты на это всё-таки осмелишься, то сюда приедет мой отец и убьёт тебя, ты понял?!

Я ничего ей не сказал. Лишь развернулся и пошёл прочь из клуба. Некоторые люди что-то орали мне вслед, пытались оскорбить, но мне было всё равно. Разве это впервые?

Я снова был повержен. Снова проиграл. Но разве могло быть по-другому? Всё прошло даже не так плохо, как я ожидал. Правда, я не хотел толкать Артура. Не хотел, чтобы Алиса чувствовала боль. Прости, Алиса, это случайно... Хотя что я говорю, она всё равно не простит.

Домой идти не хотелось. Я ходил по улице, нарезал круги вокруг одинаковых серых домов. Гулял, если можно так выразиться. Я купил себе ещё пива и выпил бутылку, сидя во дворе. Вокруг никого не было. Можно было просто сидеть и слушать музыку ветра.

«Наверное, после всего, что произошло, - думал я. - Я должен убить Клыка. Покончить с ним и с людьми вообще. Другого выхода у меня нет. Я буду ходить и думать о своём позоре. А он будет чувствовать себя победителем. Он ведь опустил меня... Он победил, даже не читая своих недостихов. Мастер».

Чем больше я пил, тем сильнее мне казалось, что Клыка нужно убить. Я зашёл в какой-то бар, заказал там несколько шотов и выпил их. В горле жгло. Я закусил какими-то сухариками со вкусом чеснока. Из моего рта наверняка сильно воняло. Перегар и чеснок. Замечательный микс. Я выпил чего-то ещё и свалил из бара. Там было скучно. Музыка не играло. Не на что было смотреть. Только что на пьяные красные рожи людей, но не сказал бы, что это слишком интересное зрелище. Они становились похожими на свиней и разговаривали, как идиоты. Впрочем, наверное, я тоже был похож на свинью. Пофиг.

Я отправился на улицу. Ходил по твёрдым, бетонным, грязным весенним улицам и смотрел на не менее грязные машины. В одном из разбитых, нищих ларьков я купил себе сигареты и попробовал одну. Впервые в жизни. Хрень, на самом деле. Только закашлял, и всё. Но никакого удовольствия мне это не принесло. Так что я кинул пачку в портфель и отправился во ближайший двор.

В детстве, когда уроки в школе заканчивались в шесть вечера, иногда я заходил в соседний двор, садился на качели, и смотрел, как в окна зажигался и гаснул свет. Я мог долго смотреть - час-два. Это похоже на человеческие жизни. Так же внезапно, случайно, почти буднично огоньки появляются и так же случайно гаснут...

Я смотрел на силуэты людей в квадратных окнах и понимал, какие они жалкие. Что стоит их жизнь? Они работают, чтобы появиться в окне. Но кто-то должен о них вспомнить, кто-то должен рассказать о людях, замурованных в камне. Жаль, не я. Я не могу.

Щёлк-щёлк. Щёлк-щёлк. Свет включается-выключается.

Сейчас я тоже сидел почти на такой же качели и смотрел почти на те же окна. Время приближалось к ночи. Было уже десять часов вечера. Люди уходили спать. Хоть завтра и был выходной.

Я тоже провалился в сон. Да, прямо так, на качелях. Не знаю, что меня усыпило. Наверное, ветер и скрип... Это так успокаивает, когда, сидя в провинциальном русском дворе, обмазанном снегом, похожим на гной, ночью, совсем один, ты чувствуешь, как двор соперничает тебе, ты слышишь его боль, и вы смотрите друг на друга, как братья, и разговариваете без слов.

Мне снилась бездна. Чернота. Ребенок падал в черноту, но никак не мог упасть... Он словно парил, а вокруг были белые, недвижимые крапинки мёртвых звёзд и куски рвоты, оставшиеся от какого-то неведомого, подземного существа. Мальчик умирал, а рвота жила, размножалась, захватывала пустоту... Сколько можно?

Я проснулся. Было холодно. Конечно, на улице хоть и воцарилось тепло, но сидеть здесь часами ещё было нельзя. Зато я протрезвел. Ещё бы, сон на качелях в марте - очень отрезвляющая штука.

Качели скрипели. Свет почти во всех окнах погас. Я встал на ноги, снова почувствовал боль в спине, вздохнул и посмотрел на часы. Они показывали одиннадцать с лишним

вечера. Я опять пропустил автобус. Ладно, поеду на такси. Не на том, бесплатном, а на настоящем... Хотя сейчас у меня были на это деньги.

Я нашарил в кармане двести рублей, набрал номер такси, но вдруг вспомнил одну вещь. То, что говорила Даша. Тогда мне показалось это неважным, тогда я думал совсем о другом, но теперь моя голова была чиста. Даша говорила, что её брат вместе с какими-то школьниками пойдут поджигать штаб Нилрака сегодня в двенадцать ночи.

Зачем ему это? Глупость. Они решили нанести ответный удар по Нилраку, да? От обиды. Тоже мне, террористы... Это же ничего не даст! Ваня только испортит себе жизнь. Нет, парень не заслужил. Он ещё такой маленький! В нём столько энергии! В нём совсем нет пустоты! Он не хочет становиться взрослым. Нет, надо с ним поговорить. Надо сделать всё, чтобы никакого поджога не произошло. Это не ради Даши, нет, - ради него. Этот мальчик считал меня суперменом, и я должен его спасти. Должен хоть частично оправдать его надежды.

Воспользовавшись телефоном, я посмотрел, где находится штаб Нилрака. Идти где-то минут сорок. Но если бегом - я успею. Я сорвался с места и побежал по тёмной, пустой улице к штабу. Пистолет, лежащий в портфеле, прыгал туда-сюда, бил мне по спине, которая очень болела. Я бежал через силу и через боль, которая была не только в спине, но и во всём теле. Надо было спасти мальчика. Лишь бы они не пришли туда раньше двенадцати... Лишь бы я не опоздал.

Ноги вязли в рыхлом, тающем снеге. Я задышался, потел... Ну давай же, тело, давай, ты ещё можешь. Ты жалкое, но не настолько... Нет, не настолько.

Перебегая через дорогу, я упал, споткнувшись на какой-то кочке. Чуть не угодил под колёса машины, сильно ударился копчиком, но это было неважно. Я же мог бежать дальше.

Пробежав ещё пятьсот метров, я стал задыхаться, прекратил нестись по улице, как сумасшедший, и пошёл пешком. Тем более, до штаба Нилрака оставалось совсем немного.

«Почему я вспоминаю обо всём лишь в последний момент? - думал я. - Что со мной не так? Почему я всё откладываю? Потому что всё заслоняет пустота? Потому что Алиса истощила меня, забрала у меня желание делать что-то?»

Штаб был уже совсем близко. Я снова перешёл на бег. Стиснув зубы и пытаюсь игнорировать боль во всём теле, которая с каждой секундой становилась всё сильнее, я приблизился к ним. На часах уже красовались два чётких нуля.

И тут - я увидел их. Шайку из двенадцати подростков по главе с тем хулиганом, которого я после дебатов окунул в снег. Некоторые из школьников были с портфелями, набитыми коктейлями Молотова.

Да, они подготовились. Идиоты. Я шёл к ним. Они не медлили, доставали бутылки Молотова из сумок и раздавали их тем, кто был без портфелей. Ваня взял коктейль и ждал,

пока ему дадут зажигалку, чтобы поджечь его. Наконец, один из школьников, толстый такой, патлатый, с родинкой на правой щеке, стал ходить и поджигать им коктейли... Боже.

- Прекратите! - крикнул я им, подойдя совсем близко. - Что вы творите, дебилы? Вас же всех найдут.

- А, это ты? - крикнул главарь. - Предатель, да? Тот, кто позавчера отдал флешку с записями конфликтов в штабе Нилраку.

- Я ничего не отдавал, - прокричал я. - На меня напали и отобрали её Ты не видишь синяков?

- Ага, рассказывай мне тут сказки, - усмехнулся школьник. - Я-то знаю, что никто тебя не избивал. Ты крыса, ещё на дебатах всё стало ясно. Ты появлялся в штабе редко, всё вынюхивал, высматривал, потом ушёл, а как узнал о конфликтах - вернулся, да? А эта дуручка Даша тебе поверила! Как можно было поставить помощником координатора такую идиотку? Впрочем, какой координатор штаба, такая и помощница! Два сапога - пара! Но их я бы бить не стал. Они женщины, дуры, но не предатели. А ты предатель, который слил дело ради бабла. Тебя бы стоило наказать.

Малолетка достал из кармана раскладной нож-бабочку и широко улыбнулся, словно серьёзно собирался идти в атаку.

- Нет, не надо его бить! - воскликнул Ваня. - Мы не должны уподобляться Нилраку. Мы за добро!

- Заткните мелкого! - высрал главарь. - С этим педрилой надо разобраться.

- Ты совсем долбанулся? - спросил я. - Хочешь в тюрьму? Хочешь стать уголовником, или что? Вы все... Думаете, это сойдёт вам с рук? Вас найдёт полиция, и вся ваша политическая борьба закончится в колонии для несовершеннолетних, ясно? Так может, стоит пойти другим путём? Выучиться, начать делать всё для страны, если надо - участвовать в политике, а не вести бессмысленную войну за какого-то мужика.

- Заткнись! - крикнул мне низкорослый, худощавый парень с дредами на голове, которого я видел впервые. - В нашей стране в политике участвовать невозможно. Такие, как Дровосецкий, - исключение. Но и их хотят закопать. Если мы не будем бороться за Дровосецких, Нилраки всегда будут побеждать.

- Вы ничем не поможете Дровосецкому, если подожжёте штаб, - сказал я. - Только заработаете себе проблем. Так что тушите свои бутылки и идите по домам. Родители, наверняка, волнуются. Ваня... Даша вся на нервах, ей тревожно за тебя.

- Хватит! Не говори про Дашу и про меня! - закричал Ваня. - Ты нас предал! Ты во всём виноват! Я думал, ты... Ты... Ты...

- Супермен, - произнёс я полушёпотом.

- Замолчи... - заплакал Ваня. - Ты всех предал. Я говорил им, что ты всех победишь, что ты - самый смелый и отважный из всех, кого я знаю, а ты оказался злодеем.

- Я не отдавал флешку Нилраку, - сказал я. - Они у меня её отобрали.

- Не рассказывай сказки! - закричали пацаны со всех сторон.

- Тебя Нилрак специально сюда послал? - спросил главарь. - Ты пронюхал через эту дурочку Дашу, что мы здесь, и решил ещё раз помочь Нилраку? Сколько он тебе платит, а? Много?

- Уходите отсюда, - сказал им я. - Вам же лучше.

- А то что? - спросил главарь, приближаясь всё ближе. - Побьёшь нас? Мы ещё посмотрим, кто кого.

Вдруг несколько человек, поставив коктейли Молотова на землю, набросилось на меня. Они ударили меня в живот, повалили на землю и начали пинать ногами. Удары их были слабыми, не то что у мужиков, но я ощущал их куда сильнее, чем раньше. Они били уже избитое тело, больное тело, полное любви и пустоты. В них текла настоящая злость, которую нельзя было сдерживать. Они искренно хотели мне за всё отомстить. Я был их врагом. Предателем. Но вдруг главарь, стоящий в сторонке, крикнул ребятам громкое: «Палево!», и они быстро перестали калечить меня, собрались, запихнули бутылки в портфели и рванули прочь отсюда. Остался один Ваня, который, застыв на одном месте, стоял и плакал. Он не знал, что делать. Он испугался и ревел, еле успевая стирать слёзы со щёк. Ему было жалко меня, хоть он и искренне считал, что я - предатель.

- Беги, - сказал я ему. - Только не приходи сюда ещё раз, пожалуйста. Пожалей свою сестру. Ты хороший парень, только наивный.

- Скажи, ты правда не предатель? - спросил он меня.

- Правда, - промолвил я. - Клянусь.

- Хотел бы я в это верить, - по-взрослому сказал он и, сорвавшись с места, побежал отсюда вслед за другими школьниками.

Я лежал на месте. Старался привести дыхание в норму после нескольких точных ударов в живот. Да, меня чуть не избивали второй раз за три дня... Какая комедия. Благо, их спугнули. Но кто? Кто спугнул? Я приподнялся и осмотрелся. Рядом стояла патрульная машина полиции. Из неё вышли два человека в форме и направились ко мне.

Они спросили меня, что произошло, а я ответил, что просто упал. Конечно, они не поверили. Сказали, что заметили каких-то парней, которые убегали.

- Это просто шпана, - сказал я. - Мне они ничего не сделали. Просто не помогли мне встать. Придурки.

- У вас синяки по всему лицу, - заметил полицейский. - Откуда?

- Я хожу в секцию бокса, - объяснил я. - На днях было несколько спаррингов. Мне там сильно досталось.

Они проверили мои документы, задали ещё пару вопросов, переспросили всё несколько раз, что случилось, но я стоял на своём. Ничего не произошло. Я просто шёл и упал. Подкосились ноги. С кем не бывает?

- А что от тебя перегаром несёт? - спросили они. - Ты что, пил?

- Да, - не стал я отнекиваться. - Выпил маленько. Теперь вот иду из бара.

Они посоветовались маленько и решили не забирать меня в отделение. Добрые попались менты, мирные. Повезло.

Они уехали, оставив меня одного перед штабом Нилрака. Я вызвал себе такси, сел и поехал домой, надеясь, что Ваня больше не вернётся сюда.

Завтра, в субботу, мне нужно было идти в вуз... Я и так пропустил всю пятницу. Субботу пропускать было нельзя. Я не должен быть прогульщиком.

Вернувшись домой, я помылся под душем, осмотрел свои новые синяки, пощупал их, ощутил боль. Помывшись, я посмотрел в окно на другие темные окна, в которых уже давно не горел свет. «А во мне он горит? - спросил я себя. - Кажется, нет. Я устал. Безумно устал».

Тело болело так сильно, что я снова не смог заснуть. Всю ночь я лежал и смотрел в потолок, думая об Артуре. Я должен его убить. И это не поддаётся обсуждению. Он не победит. Они не победят. Они - это есть он... У него - моя любовь, красота, творчество. У него есть всё, у меня - ничего. Я проклят, я уже в руках дьявола. И я не могу выбирать. Мне надо в него поверить. Лучше уж верить в чёрта, чем ни во что.

Я пролежал на кровати до семи утра. После того, как родители ушли на работу, я поднялся, ещё раз сходил в душ, поел, выпил кофе, скинул в портфель пистолет, тетради и ручки и поехал в свою шаругу. Всё как всегда. Последовательность действий, которые не имеют никакого смысла. Пустота.

Я снова думал о запланированном убийстве. Неужели всё так просто? Я подойду к Артуру и выстрелю? Или что? Что я буду делать? В университете убивать нельзя. Я только напугаю людей. Это может увидеть Алиса. Она расстроится, полезет драться со мной. Я буду стоять, открыв рот, а она будет бить меня, сгорая от злости... Как красиво и смешно одновременно. Мне же не будет больно, девочка. От твоих касаний мне не может быть больно...

Я открыл в телефоне расписание Клыка и посмотрел, сколько у него сегодня пар. На одну меньше, чем у меня. Хорошо. Уйду с последней пары, выслежу Клыка, дождусь, когда он уйдёт в какой-нибудь двор, а там убью его! Просто так! Ведь таксист настаивает! А почему, нет, а? Почему бы мне его не убить? Хотя бы из ревности, из зависти... Есть же причины. Если я не смог убить Игоря, то хотя бы на Клыка должен решиться.

На парах все мои мысли были только об этом. Я думал о том, не поймают ли меня, а если поймают, что будет? Как отреагируют родители, дяди, тётки, Алиса... Все будут не в восторге. Ну и ладно. У моих родителей есть мой старший брат. Он гораздо успешнее, чем я... У него цели, перспективы. Он учится на юриста в Москве, ему пророчат большое будущее! А зачем им я? Просто говно на палке, обуза. Пусть лучше они смотрят на него, им восхищаются. Я уже устал их позорить. Быть тем уродом, без которого не может обойтись никакая семья. Я сяду в тюрьму, зато, может, таксист напишет свой роман. Будет повесть об обречённых. Может быть, кому-то понравится. Почему нет?

Но где гарантия, что меня поймают? Как они поймут, кто в него выстрелил, если я сразу же убегу? Нет, это очевидно. Первым делом менты пойдут ко мне. Я ведь больше всего конфликтовал с Артуром. А потом... Они узнают, что у меня был пистолет. Даша проболтается. Она же теперь меня ненавидит. И пусть! Если все меня ненавидят, значит я плохой человек. А плохие люди должны сидеть в тюрьме. Может быть там, в этой тёмной, запертой комнате, среди настоящих животных, не пытающихся скрыть свои острые зубы, мне будет даже лучше. Может быть, там меня хоть раз избыют до полусмерти. Здесь же не могут! Здесь у всех кишка тонка убить меня, сделать так, чтобы я пал смертью храбрых. А ведь я пытался. Много раз пытался.

Я снова посидел на пустой, скучной лекции у Серёжи, потом у Водиевой, у Манкова. На Манкова я должен был принести ещё одно сочинение, но не сделал его... Зачем, если я всё равно не могу писать? Если мне этого всё равно не дано.

Манков спросил, почему я не принёс сочинения. Я промолчал. Он и так знал, почему. Я не хотел быть журналистом. Это работа не для таких, как я. Не для тех, кто после каждого разговора думает, что каждое его слово было не к месту. А зачем же я учился на журналиста, спросите вы. Я не знаю. Просто так. Однажды я потерялся и теперь, кажется, уже не найду дороги назад. Однажды я стал ребёнком, и теперь никогда не стану взрослым. Потому что я - просто карлик. Нелепый, прыщавый и кривоносый карлик из цирка.

Манков отпустил нас на пять минут раньше. Он всегда так делал. Ещё бы, он декан, занятой человек с красивой женой и несколькими детьми и, кажется, внуками. Ему всегда нужно куда-то бежать. К большой чёрной яме, в которую в конечном итоге провалимся мы все.

В коридорах люди шептались, увидев меня. Я был для них проигравшим, опозорившимся лузером, над которым можно было только смеяться. И зачем я вообще полез на этот баттл? Сам подписался, поверил в свои силы, а потом всё бездарно просрал. О чём я только думал? О пустоте. Я всегда думаю только о пустоте. Почему, Фёдор? Ты знаешь.

Как я сказал, с четвёртой субботней пары, которой была никому не нужная лекция по психологии, я решил свалить.

Пара Клыка ещё не закончилась. Я снова посмотрел его расписание, подошёл к нужному кабинету и уселся на скамейку ждать, когда Артур выйдет. Чтобы он не подумал, что я подкарауливаю его, я достал из портфеля книгу и сделал вид, что читаю.

Вскоре Клык вышел вместе со своим другом Витей. Они громко спорили - кажется, об Алине. О той девочке, с которой Витя пытался трахнуть в туалете.

- Ты ведёшь себя, как мудака! - доказывал Артур. - А если она что-то с собой сделает? Она позвонила мне и сказала, что пойдёт и сбросится с моста, если ты не придёшь к ней.

- Брось! - кричал Витя на весь коридор. - Она просто набивает себе цену. Я не смирюсь с этим ребёнком, ясно? Он мне нахер не нужен! У меня вся жизнь впереди. Какой ещё ребёнок? Я всё ещё говорю, что ей надо сделать аборт. Но она не может. Ревёт, вопит, что не хочет никого убивать. Говорит, что убивать детей - это плохо.

- Всё так и есть, - заметил Артур. - Она права.

- Ага! - закричал Витя. - Каких детей?! Пока он не родился - это ещё не ребёнок, а имбрион! Просто зародыш, ясно? Он ни о чём не думает, ничего не чувствует и так далее. Он ещё толком не сформировался.

- Всё равно... - вздохнул Клык. - Она твоя девушка.

- Уже нет, - сказал Витя. - Мы расстались.

- Вы не можете просто расстаться, ясно? - напирал Артур. - У неё теперь ребёнок от тебя! И ты должен быть с ней, помогать ей, а потом стать отцом! Ты же ведёшь себя, как самая настоящая мразь.

- Да брось! - махнул рукой Витя. - Если бы твоя Алиса рожала, ты бы не уговаривал её сделать аборт?

- Не скрою, уговаривал бы, - смягчился Клык. - Но если бы она отказалась - я бы остался с ней! Согласился бы стать отцом!

- Брось! - крикнул Витя. - Она же случайная девчонка. Сколько таких у тебя было! Просто тёлка с концерта.

- Не говори так, - серьёзно произнёс он. - Я влюбился в неё. Ты тоже любишь Алину, разве нет?

- Да. Но я не могу пожертвовать всем ради неё, ради этого сраного ребёнка!

- Значит, ты не любишь её, - заключил Артур. - Ради любви жертвуют всем.

- Да иди ты со своими цитатами из любовных пабликов! - закричал Витя. - Или откуда ты это берёшь? Я не соглашусь ни на какого-то ребёнка! Мне он не нужен! Если он нужен ей - без проблем! Пусть мучается!

Сказав это, Витя развернулся и побежал по лестнице. Клык попытался его остановить, но всё было бесполезно... Видимо, Витя был зол и не хотел больше ни с кем разговаривать.

Вдруг Клыку позвонили. Он встал на месте и слушал.

Выражение его лица сменилось с расстроенного на озабоченное. Он напрягся, стал кусать губы, тяжело дышать, злиться.

- Что? - после продолжительного молчания спросил он. - Кого ты видел у дома Алисы? Да... Она сегодня не учится, у неё пары в субботу обычно не ставят... С чем он стоит? С цветами? Вот сука... Да, у меня пары закончились. Я срочно пойду туда. Да, бегу. Я убью, его, чувак. Вот гнида...

Он бросил трубку и побежал к гардеробу. Я быстрым шагом пошёл за ним. Он торопился. Расталкивал всех, перешагивал по несколько ступенек на лестнице. Клык мгновенно оделся и выбежал из корпуса. Я тоже подошёл к гардеробу, взял куртку и последовал к выходу. Когда я оказался на улице, Клык уже убежал достаточно далеко.

Главное, чтобы он не пропал из виду. Я прибавил шаг, шёл так быстро, как только мог, но Клык всё равно стремительно удалялся. Тогда я начал бежать и бежал до тех пор, пока не сократил дистанцию.

Главное - не подходить близко, не дать ему себя заметить. Иди осторожно, делай вид, что ты просто шагаешь по улице, а не преследуешь его.

Ты - просто серый, никому не нужный человек. Ты не охотник, а жертва. Ты ведь всегда был только жертвой, да, Фёдор?

Будь прозрачен, будь незаметен. Но в этом я совсем не был успешен. Кажется, он бы увидел меня, если бы так не волновался. Но Артур не видел вокруг себя ничего. Он нёсся, как сумасшедший. Он был растерян. У меня даже появилось сочувствие к этому уроду.

«Брось, Фёдор! - сказал я себе. - Никакого сочувствия быть не может! Он сейчас идёт к Алисе. Он будет её трогать, целовать. Он будет разговаривать с ней. Может, они даже посмотрят с ней фильм. А ты ни разу не смотрел фильм с девочкой. Интересно, каково это - смотреть фильм с девочкой, которую любишь? Зачем вообще его смотреть, если можно наслаждаться ею, её красотой, которая медленно, по чуть-чуть, утекает в пустоту, превращается в старость...»

Я выбросил эти мысли из головы и продолжил идти за ним. Вскоре мы зашли во дворы. Тут нужно быть аккуратней. Здесь нет никого, кроме меня и его... Нужно прятаться...

«Но зачем? - вдруг подумал я. - Ты ведь можешь завалить его прямо здесь! Просто выстрели ему в спину! Всем им можно стрелять в спину, и тебе можно! Просто достань пистолет и спусти курок!»

Но я не мог. Я решил отложить свою расправу и посмотреть, где живёт моя принцесса. «Наверное, это большой белый замок, - подумал я, - который стережёт огромный зелёный дракон. Ничего, Алиса, у меня с собой есть пистолет. Я убью дракона и освобожу тебя... А может, это я - дракон, который прямо сейчас охотится за прекрасным принцем. Да, так и есть. Оно же лучше».

Мы вышли на улицу Взлётная и шли мимо ржавых, низеньких гаражей, прокуренных дворов и подъездов, балконов, лестниц, машин. Я прятался за какой-нибудь из них, ждал, пока Клык зайдёт за угол, потом выскакивал из своего укрытия и шёл дальше. Он ничего не подозревал. Даже не оборачивался. Хорошо.

Смотрите, только тихо... Я прячусь за ещё одной машиной, жду, пока Артур зайдёт за серую пятиэтажку, готовлюсь продолжить преследование, но вижу того самого мальчика в штанах на подтяжках. В его руках - красный шарик. Он стоит посреди дороги и не двигается, смотрит в небо, на розовые, электрические облака, существующие только в его воображении, а на него летит чёрная, плоская, как кусок мыла, железная «Волга».

Я покинул своё укрытие и, что есть сил, побежал к мальчику. «Волга» была уже так близко, она готовилась раздавить ребёнка, оставить от него кровавый след и поехать дальше, в счастливое будущее.

Но я успел. Схватил мальчика за руку и дёрнул его на себя так сильно, что он оказался у меня за спиной. «Волга» проехала мимо. Она чуть не задела меня, но всё обошлось... Главное, мальчик был цел. Ребёнок только выпустил красный шарик из рук, и он полетел далеко в небо, в пустоту. Шарик смирился со своей участью. Он хотел к Богу. Хотел в пустоту.

Появилась бабушка мальчика - высокая, худая, высохшая старушка с большими синяками под глазами и глубокими морщинами, похожими на порезы, рассеянные по всему лицу.

- Спасибо, что нашли мальчика, - сказала она. - Я молилась, и вы его отыскали. Благодарю.

- Не за что, - промолвил я с чувством, что где-то уже видел это морщинистое лицо и слышал этот старческий голос. Только не мог вспомнить, где именно. Но разве это было важно?

Бабуля взяла мальчика за руку, и они пошли дальше по улице, словно ничего и не произошло.

Я вспомнил про Клыка и поспешил к месту, где видел его в последний раз. Я забежал в двор, куда он зашёл, но здесь Артура уже не было. «Всё, он ушёл, - подумал я. - Ну зачем был тот мальчик? Это просто случайность, да? Слишком много случайностей! Зачем я его спас? Ведь я решил стать злом, да? Я решил отказаться от красоты. И правильно... Если я совершаю что-то хорошее, то только теряю всё и остаюсь в дураках, как сейчас. Стою один, не зная, куда идти и что делать».

Но вдруг я услышал крик. «Эй ты, сука! - рявкнул кто-то издалека. - Ты что тут трёшься? Челюсти хочешь лишиться?»

Я узнал этот голос. Кричал Клык. Неужели такая удача бывает? Неужели мне может так повести?

Он был где-то близко. Кажется, Артур находился прямо за домом, около которого я стоял. Я оббежал эту серую, обычную, квадратную панельку, зашёл во двор и увидел Клыка...

Артур дрался с Игорем у гаражей. Преимущество было у Игоря. Дровосецкий-младший повалил орущего Клыка на землю и дал ему по лицу, пытаясь успокоить разъярённого поэта.

Но мне было плевать... Я не хотел стоять и смотреть на их разборку. Было бы неплохо убить их обоих. Да, прямо сейчас... Разрушить весь мир, выпустить сразу две пули в одного и второго! Как хорошо! Ты никого не пожалеешь! Ты пустишь по пуле каждому в лоб! У них появится по прыщу! Смотри, сколько у меня прыщей! Много, да? Вся рожа залеплена! Один большой, сочный, красный каждому из вас точно не помешает ведь так?

Я достал пистолет и уверенно пошёл на них. Стоило мне только приблизиться к этим придуркам, как они перестали драться, вскочили на ноги и подняли руки вверх.

- Ты что, Фёдор, долбанулся? - спросил Артур. - Отпусти пистолет!

Игорь не произносил ни слова. Просто стоял и холодно смотрел на меня, словно выжидая момент, когда можно будет сбежать.

«Давай же, скажи что-нибудь, сука, я хочу узнать, какой голос каждый день слушает Полина!». И чудо случилось. Он открыл рот. У него был идеальный, чистый, взрослый мужской голос. Как у ведущего на радио. Я и не сомневался, что у него приятный, красивый голос. Я один говорю, как пискля, да ещё и заикаюсь порой. А он... У него ведь есть всё. Ему принадлежит весь мир. Он - идеал во плоти. Идеальный я. Может, его и не существует вовсе? Может, я его просто выдумал? Ведь не может в реальности существовать такого человека...

- А я тебя знаю... - сказал Игорь. - Ты учился в одном классе с моей девушкой... С Полиной. Есть фотографии, где вы танцуете вместе на последнем звонке.

Зачем ты это сказал? Зачем напомнил мне о ней? Она - это прошлое. Впрочем, как и я сам.

- Заткнись, - процедил я, и он послушался.

Я держал на мушке Клыка. Надо было взять себя в руки и выстрелить. Просто нажать на курок. Продырявить ему башку. Убить его и себя. Произвести разрушение. Но разве я могу? Алиса ведь так расстроится! Она любит его! Она может быть с ним счастлива! Он не бросит её! Ты же слышал разговор! Он любит её так, как может любить! Он не бросит её! Он сделает её счастливой! Может, он не разрушает красоту, а только помогает ей жить! Есть ведь люди гораздо хуже него! Нет! Успокойся, Фёдор! Ты - зло! Нет... Нет... Я не хочу! Будь сильным! Сделай это! Я не могу, нет! Алиса будет плакать... Её слёзки - они такие чистые, как капли росы, но страдание... Страдание может испортить её.

Вдруг я почувствовал удар в бок. Игорь напал на меня. Я затащил со своей расправой. Увлёкся, начал прокручивать в голове какие-то мысли! Чёрт! Идиот! Идиот! Мастерским приёмом Игорь заломил мне руку и отобрал пистолет. Теперь я был на прицеле.

- Это же ты тот парень? - спросил он меня. - Ты не только учился вместе с Полиной... Ты ведь ещё предал моего отца, да? Это ты? Ничего себе, как совпало! Один не даёт мне

встречаться со своей девочкой, другой сливает губернатору все данные о конфликтах в штабе отца. Вот это компания собралась!

- Она не твоя девочка! - яростно крикнул Клык. - Вы уже давно не...

- Ещё как моя! - ответил Игорь, взяв на мушку Артура. - У нас просто свободные отношения! Мы живём в разных городах и можем там делать всё, что захотим. Мы обо всём договорились ещё давно. Но ты... Гад. Ты всё разрушаешь. Она влюбилась... Она не пускает меня, потому что ты ревнуешь, потому что она боится тебя потерять. А я не могу без неё!

- У тебя же есть девушка в Питере, - спокойно сказал Клык. - Ну так и будь с не, не лезь к Алисе.

- Да, есть, - согласился Игорь. - Я с ней просто потому что привык. Мы же с ней тоже отсюда, из маленького сибирского города, где все друг друга знают. Вроде как родственные души в большом, чужом Петербурге. Жаль, что в ней нет того, что присутствует в Алисе. Алиса наполнена загадочной, чарующей, сложной пустотой. А Полина - это ребёнок. Тебе встречались девочки-дети? Всем встречались. Они такие весёлые, милые, замечательные, но тебе всегда хочется чего-то большего. Тебе хочется повзрослеть.

- Что ты городишь? - спросил Клык.

- Что хочу! - рявкнул Игорь. - Ты сам прибежал сюда драться со мной! Я знал, что мы увидимся, Артур! Когда я впервые посмотрел на твою фотографию, где ты был вместе с голой Алисой, то очень захотел разбить тебе лицо. Но тут вижу, что кто-то въехал тебе по роже. Кто же?

- Он, - ответил Клык и показал на меня.

- Молодец, - похвалил меня Игорь.- Хороший удар. Жаль, ты всё равно плохо дерёшься. Видно, тебя постоянно избивают.

- Завали хлебало, - выплеснул я.

- Сами вы завалите! - воскликнул он. - Оба. Я хочу, чтобы вы ушли отсюда! На счёт три! Давайте! Раз...Два...

- Я никуда не пойду, - уверенно, по-мужски произнёс Клык. - Я пришёл к Алисе, ясно? А ты забудь, где она живёт. Ты с ней больше не заговоришь.

- Что? - заорал Игорь. - Хочешь, чтобы я в тебя выстрелил, а? Не бойся, мне ничего не будет! Мой отец не из бедных, он меня отмажет. У него есть связи с людьми из администрации. Я убью тебя, и мы спишем всё на твоего друга-предателя. Это ведь его пистолет, а? Так что давай, звони!

- Кому звонить? - не понял Клык.

- Алисе! - сказал Игорь. - Я не хочу, чтобы ты её трахал! Она - моя собственность... Не зря же я прилетел в этот город! Звони ей, скажи, что вы расстаетесь.

- Да иди ты, - ответил Артур и плюнул в сторону Игоря.

- Что? - рявкнул Игорь. - Ты хочешь проблем?

- Успокойся, чувак, - осторожно промолвил Клык. - Я никуда отсюда не уйду.

- Почему? - спросил Игорь. - Разве Алиса для тебя важна?

- Я люблю её, - признался Клык. - Я никого не любил так, как её. Поэтому я не уйду.

- Ты что бесстрашный? - ухмыльнулся Игорь. - Хочешь проблем? Тебе собственная жизнь не дорога?

- Успокойся, - отрезал Клык.

Но Игорь продолжал кричать, просить Артура позвонить Алисе и бросить её.

Он был чёкнутым, этот Игорь. Он только казался холодным, умным и расчётливым парнем. На самом деле, в нём пряталось что-то дьявольское, зловещее, страшное. Он держал палец на курке. Его рука дрожала, глаза бегали. Он был взбешён. Казалось, что ещё секунда, и он действительно выстрелит, убьёт Клыка из-за дурацкой ревности к Алисе... Хотя разве я не пытался ли совершить то же самое пару минут назад?

Вдруг, сам того не осознавая, я сделал несколько шагов вправо и заслонил собою Клыка. Не знаю, чем я руководствовался. Может, мне просто захотелось умереть, может, я решил погеройствовать, а может, мне вдруг показалось, что если Алиса любит кого-то, если она счастлива, то было бы несправедливо, если бы она лишилась этого счастья... Ради её счастья я должен был сделать всё! Только бы она улыбалась, только бы её глаза светились, только бы она не ехала в автобусе одна, как тогда...

- Ха-ха-ха! - засмеялся Игорь. - Кто у нас тут? Супермен? Думаешь, мне не хочется тебя грохнуть? Ты же слил моего отца, забыл! Где флешка, которую ты должен был мне передать? Даша ведь кинула твои контакты, твою страницу! Я запомнил твою рожу! Представь, сколько мой отец потерял из-за тебя! А ты продал его за мелкие деньги! Сколько тебе заплатили, а?

- Остановись, - услышал я из-за спины сдавленный, испуганный голос Клыка.

- Сколько теперь платят таким, как ты, сука? - напирал Игорь. - Интересно, ты не меня ли пришёл убить? Может, этот пистолет тебе дал Нилрак, может быть, он заплатил тебе за мою смерть? Только вы не дождётесь! Такие, как ты, исчезнут! Вас истребят! Вы - слабые, жалкие уроды, и мне ничего не стоит взять и...

«Бах!»

Пистолет выстрелил. Видимо, Игорь увлёкся, напряг руку и случайно нажал на курок. По моему лицу потекла кровь.

Кап-кап... Кап-кап...

Игорь был шокирован. Он не ожидал, что пистолет так легко сможет выстрелить.

- Прости, - прошептал он. - Оно само... Я не хотел.

Он испугался, бросил пистолет на землю и, широко открыв рот и выпучив глаза от страха, побежал прочь.

Нет, он не убил меня. Игорь не целился, он не готов был стрелять, рука его тряслась, и поэтому пуля почти пролетела мимо меня, прошла по касательной, оставив большую, длинную царапину во весь мой лоб, из которой текла кровь.

Я обернулся. Позади меня, обхватив голову руками, лежал Клык. Он дрожал от страха. Боялся подняться и посмотреть, что произошло.

- Эй, - сказал я ему. - Вставай. Тебя там, наверное, Алиса ждёт. Вы выпьете кофе, посмотрите фильм. Впереди хороший вечер. Не унывай, дебил!

- Зачем ты закрыл меня? - спросил он. - Мы же с тобой не ладим. Вчера я прилюдно унизил тебя.

- Минут десять назад я хотел тебя убить, так что не считай меня своим защитником, - усмехнулся я. - Всё это из-за Алисы. Она должна быть счастлива. Только не бей её. Её нельзя бить. Она же девочка. Свет в темноте.

- Я знаю, - сказал он. - Я ненавижу себя за то, что тогда посмел...

- Правильно, - сказал я. - Только не увлекайся с ненавистью к себе.

Я поднял пистолет с земли, положил его в портфель и пошёл отсюда, оставив Артура с Алисой. По лицу растекалась кровь. Зато я увидел, где живёт принцесса из сказки. Это была обычная пятиэтажная хрущевка, никакой не замок. Но разве хрущёвки не могут быть замками, если мы сами того захотим? Нет, могут. Ещё как могут.

Мне хотелось посмотреть на воду. Я тысячу лет не видел воды. Такой тихой, безмятежной, мягкой, спокойной, скрывающей пустоту... Так что я отправился пешком до речного вокзала. Шёл и наблюдал, как люди корчатся, видя мою окровавленную, обросшую синяками морду.

Ярко светило солнце. Было тепло. Я расстегнул заляпанную кровью куртку и стал вдыхать свежий мартовский воздух, который казался забытым напоминанием о том, что будущее существует, что оно никуда не ушло. Но есть ли мне место в этом будущем? Могу ли я остаться в нём? Думать, мечтать? Разве мне нужна тошнота? Нет. Впереди был мост. Значит, я уже совсем рядом с речным вокзалом. Помню, как мы с бабушкой или братом ходили на этот мост, смотрели вниз, бросали камни в воду. Теперь бабушка умерла, брат

давно уехал, а камней здесь уже нет, всё растащили. Я остался один. Без камней, без бабушки и без брата.

Я подошёл ближе к мосту. На нём сидела девочка. Я её сразу узнал. Это была Алина. Да, мне снова повезло. Судьба снова привела меня к обречённому человеку... Кажется, я понял, как таксист находил своих героев. Точно так же. Будешь ходить по городу - обязательно наткнёшься на кого-нибудь, на какую-нибудь грустную историю опечаленного русского человека.

Она сидела на мосту, смотрела на воду и плакала. Я знал, что её тревожит, и хотел ей помочь. Но чем я мог помочь? Только сказать пару слов, попытаться её поддержать.

- Не плачь, - промолвил я. - Всё будет хорошо. Он ведь любит тебя.

- Ты? Что с твоим лицом? Что ты здесь делаешь? - высыпала она на меня град вопросов. - Откуда ты знаешь что-то про меня?

- Я знаю, - промолвил я. - О твоей ситуации же все в вузе говорят. Только не злись на меня, пожалуйста. Просто я... Мне тебя жалко. Ты не должна страдать.

- Не надо меня жалеть! - закричала она. - Ты мне никто!

- Какая разница, кто-то я или никто? - усмехнулся я. - Я понимаю, что ты злишься на Витю, но он просто не в силах этого принять. Может, ему нужно время. Может, он боится ответственности... Может, он слишком слаб. Может, он не хочет становится взрослым.

- Он хочет убить ребёнка! - воскликнула Алина. - Но я не отдам его... Я не допущу... Но... Знаешь, каково ребёнку расти без отца? Мой отец... Он умер в Чечне, и я жила всю жизнь прожила с мамой... Я всегда спрашивала: «Где папа? Где папа?». Мама говорила, что папа улетел на небо, а я не понимала, как это - улететь на небо. Думала, что мой папа - как Карлсон, что живёт на крыше, спит на облаках, но однажды прилетит ко мне, поговорит со мной. Почему-то я была уверена, что это случится в Новый год. Это же время чудес! Всё может случиться, всё волшебство... И вот... В новогоднюю ночь я сидела перед окном и ждала не Деда Мороза, а папу. Я вертела в руках заколку, которую он подарил мне ещё в детстве... Теперь я её потеряла и никак не могу найти. Жаль. Тогда я смотрела на звёзды, думая, что где-то там летает мой папа. Но папа так и не пришёл. Я не хочу, чтобы мой ребёнок тоже ждал папу... Я не могу... Одна я не справлюсь, понимаю, но и убить его я не в силах. Разве что - вместе с собой. Это не так сложно, как говорят, правда? Просто взять и прыгнуть в воду. Раствориться в ней.

- Зачем? - спросил я. - Ведь в тебе нет пустоты. Зато у тебя есть надежда. Такая же надежда, как тогда, когда ты вертела в руках заколку. Ты потеряла свою заколку в туалете на концерте Клыка. Случайно уронила её на пол. А я подобрал. Вот.

Я открыл портфель, достал заколку с цветочками и маленькой белой надписью: «дочке от папы» и протянул ей. Алина взяла её и расплакалась.

- Спасибо, - сказала она. - Почему ты раньше не отдал мне её?

- Мы же не виделись... - оправдывался я. - И я просто забыл. В последнее время было столько всего.

- И не говори, - согласилась она.

- Расскажи эту историю о папе ему, - промолвил я. - И покажи заколку. Его мнение рано или поздно изменится. Я в этом уверен. Он же любит тебя.

- Откуда ты знаешь? - спросила она.

- Сам слышал. Он просто испуган. И не хочет взрослеть.

- Я тоже испугана, - призналась Алина. - Я до сих пор сижу и жду папу. Думаю, вдруг он появится, вдруг волшебство всё-таки существует.

Алина повернула голову в другую сторону, и вдруг её глаза наполнились счастьем. Я посмотрел туда же, куда и она, и увидел Витю. Он стоял, в потрёпанной одежде, взъерошенный, заплаканный, раскаявшийся. В его руках был букет ромашек.

Алина слезла с перил моста и, широко улыбнувшись, побежала к нему. Словно к ней, наконец, пришло счастье. Словно отец, которого она ждала так долго, вернулся с той далёкой чеченской войны.

- Всё-таки существует, - произнёс я, когда Алина уже убежала. - Всё-таки существует.

Я не стал мешать им мириться и продолжил идти к речному вокзалу. На пути мне уже не встречалось людей. Одни деревья и холодные, железные, безликие автомобили. Я немного изменил маршрут и решил пойти на набережную, к реке. Скоро должен был быть закат. Я хотел полюбоваться закатом. Вдруг... Вдруг я увижу те самые цвета, о которых мечтаю?

Я шёл по дороге один. Меня немного подташнивало. «Наверное, это от потери крови, - подумал я, - ведь она до сих пор течёт со лба, не останавливается». Я подобрал с земли небольшой кусок грязного весеннего снега и поднёс его к ране, надавил на неё. Было больно. Но какое это имеет значение? Снег мигом растаял и стал пустотой. Наплевав на рану и на кровь, которая капала на мою куртку, я продолжил идти дальше. До набережной оставалось ещё пару остановок.

Сзади мне посигналили. Это был таксист. Когда я вспомнил про него, мне стало стыдно. Я же не убил Артура, я сдался, оказался слабым, простил его... Теперь таксисту нечем будет заканчивать свой роман. Я разрушил его красоту.

- Садись в машину, Фёдор, - сказал мне таксист с обидой в голосе. - Я довезу тебя. Куда тебе нужно?

- До набережной, - ответил я.

- Хочешь посмотреть на воду? - поинтересовался.

- Да, - кивнул я.

- Её там ещё нет, - уведомил меня таксист. - Лдины ещё не плывут, но лёд тонкий.

- Жаль, - промолвил я. - Посмотрю на лёд. И на закат. Он у нас, в Сибири, красивый.

- Да, - согласился таксист. - Единственная причина жить здесь - смотреть на закаты.

- Я не убил его. Не смог, - поведал я таксисту.

- Знаю, - ответил он. - Жаль, роман дописать не получится. Но зато Алиса счастлива. Порой счастье одной девочки ценнее всего на свете. Из-за неё же ты не стал взрослым. Это такая ошибка... Ты взял и подумал о ней. Повторил мой путь. Вы все повторяете, да... И кончаете одинаково. Не можете покориться злу. Наверное, поэтому добро всё ещё существует.

- Я пытался, но... - протянул я. - Оказалось, что я не в силах разрушить красоту.

- Ты знаешь, что с тобой будет? - спросил он.

- Знаю, - ответил я.

- А со мной?

- Тоже знаю.

- Тогда отдай пистолет, - попросил он меня, и я достал из портфеля оружие и протянул ему.

Я знал, что он сделает. Всё к этому шло. Ничего не могло произойти иначе. Он знал, что финал будет таким. Знал, что в конце умрёт только он один.

Скоро мы приехали. Путь был коротким - надо было проехать всего пара остановок. Мы сделали это минут за пять. Остановились. Время прощаться.

- Прости, что у меня нет пули для тебя, - с досадой сказал таксист. - Надо было припасти три.

- Ничего, - ответил я. - Как-нибудь справлюсь.

- Тогда прощай, - промолвил он и протянул мне руку. - Счастливого пути.

- И тебе, - сказал я, и мы распрощались крепким рукопожатием. - Спасибо за всё.

Я вышел из машины и пошагал к набережной. Через минуту прозвучал выстрел.

Таксист умер. Тошнота съела его. Он не покорился пустоте, нет... Всё гораздо страшнее.

На набережной было пусто, ни души. Зачем людям сюда приходиться? Здесь дует холодный ветер, воды пока нет, лдины не плывут вдаль, словно маленькие кораблики с алыми парусами, сахарную вату и попкорн пока ещё не продают. Зато скоро здесь будет так весело! Дети будут бегать, кричать и смеяться! Они будут улыбаться солнцу и небу, и всё будет таким большим, таким светлым и прекрасным. Сюда придёт любовь, поцелуи в темной ночи, шёпот, осторожный и неспешный.

Я уселся на лавочку и просто смотрел вдаль. Постепенно небо окрашивалось в нежные, тёплые, бело-розовые цвета. Это был красивый закат. Как в сказке. Кто нарисовал его? Может быть, сам Бог? Может, он тоже влюбился в Алису? Как Игорь, как Клык, как я... Несчастный любовник. Какая комедия... Старик достал кисточки и раскрасил целое небо в цвет её волос, а она и этого не заметила. Правильно, малышка. Цветочек... Лепестки маргаритки. Ты и не должна замечать. Это и делает тебя прекрасной.

Я посмотрел на лёд, и увидел фигуристку в красном платье. Она танцевала, кружилась, словно рисуя что-то на льду... Её движения были такими точными и грациозными, как у порхающего в небе аиста, несущего детей в плетёных корзинках. На ветру плавно, точно волны, развевались её волосы, черные, как та кофточка на Алисе... И то, и другое было таким замечательным, таким глубоким, что мне хотелось расплакаться. Но я держался. Я же вроде как мужчина. А мужчины не должны плакать.

Бело-розовый закат ложился на лёд, и мне казалось, что фигуристка танцует в небесах. Что она - это ангел, а я - счастливчик, которому открылась невообразимая, божественная красота. Танцуй, я прошу! Я не расскажу Богу, что ты спустилась на землю и танцевала перед людьми!

Она порхала на льду, как воробушек, она вертелась, улыбалась, раскидывала ручки, как крылья, и это было так чудесно, так легко, что я не мог передать свой восторг простыми словами.

Вдруг фигуристка остановилась и позвала меня к себе. Да, я обещал ей вальс... И сейчас она просила меня с ней станцевать. Я не мог отказаться, встал с лавочки, отряхнулся, вытер со лба кровь и пошёл к ней. Перелез через ограждения и ступил на лёд, который так глупо, наивно, смешно хрустел у меня под ногами и трескался.

Вскоре я достиг фигуристки и притронулся к её холодным, гладким, белым ладоням. Они были такими же, как у Полины... Хорошее воспоминание... Раз-два-три! Раз-два-три! Я осторожно взял фигуристку за талию, и она полетела, и я кружился вместе с ней и смотрел в её счастливые зелёные глазки, в которых отражалось уходящее за горизонт солнце. Из её глаз текли слёзы... Это были звёзды, среди которых я летал, как потерянный космонавт.

Лёд хрустел всё сильнее. Он завидовал нам. Хотел сорвать наш танец. Но у тебя не получится, лёд! Мы слишком лёгкие! Нас не существует! Мы - души! Мы - только дети, которые весят так мало, которые могут ходить по воде. Мы кружились, я чувствовал её запах. От неё пахло вишней и виноградным соком. Ни от кого не может так пахнуть. Только от красоты.

Танец заканчивался, время уходило, но каждая секунда давала мне радость и счастье, которого я не испытывал уже очень давно.

Я поставил фигуристку на лёд, поднял её руку кверху и улыбнулся ей, а она улыбнулась в ответ. Спасибо. Ты такая красивая. Этого мало, конечно, но разве я могу сказать тебе что-

то ещё? Вальс закончился. И тогда лёд надломился, и я провалился вниз - в воду... Упал с небес на землю.

Я почувствовал ледяную водную ткань. Она дотронулась до меня, накинула на шею удавку, вонзила в кожу несколько иголок, начала распиливать меня на части. Я погружался всё ниже и ниже, а свет убегал всё дальше и дальше. Синяя, ледяная вода просто закрывала его. Наверное, я мог выплыть и побороться за свою жизнь. Но зачем? К чему это? Я закрыл глаза и решил смириться. Отдаться в лапы этой чарующей, таинственной, близкой, мягкой и спокойной пустоты.